КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

1901 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

19-го февраля 1901 года исполнилось 40 лѣтъ съ того великаго дня, когда крѣпостная масса русскаго народа получила личную свободу и тѣмъ признана была имѣющей права человѣческой личности. 5 марта положеніе о крестьянахъ было обнародовано и вскорѣ стало извѣстнымъ во всей Россіи, а также и на нашемъ югѣ. Нашъ журналъ, посвященный изученію и освѣщенію моментовъ прошлаго въ Малороссіи, не можетъ пройти молчаніемъ этого 40-лѣтняго юбилея крестьянской реформы и потому считаетъ обязательнымъ для себя помѣстить въ настоящей книжкѣ рядъ статей и матеріаловъ, посвященныхъ исторіи крестьянской реформы въ Малороссіи.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Изданіе ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ.

КОБЗАРЬ Т. ШЕВЧЕНКА.

Музыка Владислава ЗАРЕМБЫ,

для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано.

1. Витре буйный, витре буйный (сопр.)	40
2. Ой умеръ старый батько (м. сопр.)	30
3. Мынають дни, мынають ночи (баритонъ-басъ)	60
4. До сестры (сопр.)	30
5. Не журюся я (барит.)	60
6. Не тополю высокую (бар.)	—
7. Черезъ гору пиду	30
8. Зоря съ мисяцемъ надъ долыною постричалася	60
9. Ой одна я, одна, якъ былынонька въ поли (сопр.)	45
10. За думою дума роемъ вылитае	60
11. Чого мени тяжко (бар.)	45
12. Тече вода въ сыне море	45
13. Закувала зозуленька (бар.)	30
14. На улыци не весело, въ хати батько лае	30
15. На що мени чорни бровы	50
16. У перетыку ходыла по горихы	30
17. Калына. Баллада. Чого ты ходышъ на могылу	60
18. Якъ бы мени черевыкы	30
19. На городи коло броду	30
20. Трала-ла, трала-ла, на базари була	30

21. Утоптала стежечку черезъ яръ 30
22. Думы мои, думы! Вы мои едыни! 45
23. Ой люли, люли моя дытыно 30
24. Надъ Днипровою сагою 45
25. И тутъ и всюды скризь погано 45
26. Якъ бы мени, мамо, намысто 60
27. Не женыся на багатій, бо выжене съ хаты 45
28. Сонце заходыть, горы чорніють 45
29. И багата я, и вродлыва я 45
30. Заповитъ. Якъ умру, то поховайте 30

Этого же автора для фортепіано въ 2 руки.

Adieu à l'Ukraine. Pièce de salon. Pożegnanie Ukrainy 50
Au Cimetière. Elégie 60
Chant d'Oukraine. Doumka 50
Chant Ukrainienne populaire «Зибралыся вси бурлакы» 60
Де гримъ за горамы. Украинская пѣсня 50
Doumka-Schoumka 50
Гей же вы, хлопци, славни молодци. Запор. пѣсня 60
Langueur après l'Ukraine. Pièce de Salon 60
Реве та стогне Днипръ шырокый. Украинская пѣсня, слова Тараса Шевченка, музыка Д. Крыжановскаго 50
Стоить гора высокая 60
Въ кинци гребли шумлять вербы 60

МОЯ МЫЛОВАНКА.

Мазурка для пѣнія.

Слова М. Старыцькаго.

Цѣна 50 коп.

Адресъ: **Книгопродавцу Леону Идзиковскому въ Кіевѣ.**

Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи.

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Усилившійся въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія интересъ къ вопросамъ земледѣлія и земледѣльческаго класса, къ его судьбамъ въ прошломъ, къ его состоянію въ настоящемъ и къ его будущему, къ существовавшимъ и существующимъ теперь поземельнымъ отношеніямъ въ его средѣ, съ одной стороны,—развивающееся сознаніе,—особенно окрѣпшее въ послѣдніе тридцать лѣтъ,—что „исторію сверху“ можно создать лишь изученіемъ детальнымъ и серьезнымъ „исторіи снизу“, т. е. исторіи каждой соціальной группы въ каждой отдѣльной странѣ, изученіемъ ихъ съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, экономическихъ условій ихъ существованія и развитія, съ другой, породили въ З. Европѣ цѣлую литературу историко-экономическихъ изслѣдованій вообще, крестьянскаго земледѣльческаго класса въ частности. Изъ той зависимой, второстепенной роли, какую играли эти вопросы въ прежнихъ работахъ, изслѣдованіяхъ и общеисторическихъ построеніяхъ прежняго времени, гдѣ они, въ лучшемъ случаѣ, служили простой иллюстраціей для обрисовки общаго фона, на которомъ историки расписывали свои арабески,

они превращены теперь въ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ для изслѣдованія, безъ выясненія которыхъ представляется немыслимымъ выясненіе и пониманіе процесса жизни исторической, ея развитія. Естественнымъ, отсюда, явилось и привлеченіе къ изученію цѣлой серіи данныхъ и документовъ, на которые прежніе историки обращали мало вниманія, которые покрывались многолѣтнею пылью въ глубинѣ архивовъ, никѣмъ не тронутые, считавшіеся чуть не хламомъ... Архивная работа начала заполонять историческую литературу, и мало по малу стали разъясняться нѣкоторыя черты, часто совершенно новыя и неожиданныя, процесса развитія экономической жизни прошлаго различныхъ европейскихъ странъ, въ частности развитія поземельныхъ отношеній и судебъ земледѣльческаго класса. Въ Англіи со времени появленія трудовъ Роджерса, въ Франціи въ послѣдніе десять лѣтъ, въ Германіи, благодаря иниціативѣ Шмоллера, Кнаппа и Гильдебранда изученіе развитія земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ получило сильный толчекъ, и въ рукахъ интересующагося судьбами крестьянства очутилась теперь значительная масса вполнѣ почти установленныхъ, критически провѣренныхъ и точныхъ данныхъ и выводовъ относительнаго развитія и судебъ крестьянскаго класса въ различныхъ странахъ западной Европы, данныхъ и выводовъ, основанныхъ не на однихъ только нерѣдко сомнительныхъ или неполныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ отдѣльныхъ лицъ...

Движеніе, зародившееся въ исторической литературѣ, коснулось не однихъ только крупныхъ и выдающихся націй. Изученіе прошлаго и нынѣшняго состоянія крестьянскаго класса проникло и въ сферу самыхъ мелкихъ, незамѣтныхъ странъ, не игравшихъ,—какъ это принято выражаться относительно „малыхъ сихъ“ такъ называемой „исторіи“,—выдающейся роли, и создало уже рядъ трудовъ, впервые попытавшихся снять завѣсу, покрывавшую прошлое массы трудового населенія и въ такихъ уголкахъ, какъ Буковина, Галичина, Седмиградія, мелкія нѣмецкія княжества и т. д.

Когда, какъ это было, напр., въ Буковинѣ, подъ напоромъ вспыхнувшей въ Австріи революціи 1848 г. былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, тяготѣвшей надъ большей частью населенія крестьянскаго какъ въ Австріи вообще, такъ и въ Буковинѣ, „историческая наука“ оказалась безсильной выяснить прошлое этого населенія. Оно, это прошлое, было очень мало, даже совершенно неизвѣстнымъ. Въ 1848 году была издана въ Буковинѣ лишь одна брошюра, явившаяся какъ памфлетъ, а не какъ серьозное изслѣдованіе, памфлетъ, вышедшій изъ подъ пера одного изъ ярыхъ защитниковъ стараго, теперь подорваннаго революціей режима. Я разумѣю „Denkschrift über den Ursprung und die Entwickelung des Unterthanswesens in der Bukowina“, неизвѣстнаго автора. Здѣсь впервые сообщены были нѣкоторые самые общіе факты изъ прошлаго крестьянскаго населенія Буковины, но непровѣренные и нерѣдко (особенно по вопросу о поземельныхъ владѣніяхъ крестьянъ) не точные и невѣрные. Съ другой стороны, положеніе крестьянъ въ прежнее время, особенно до австрійскаго господства, изображены въ черезчуръ розовомъ цвѣтѣ, и всѣ бѣдствія, испытанныя крестьянами въ теченіе почти 70 лѣтъ, предшествующихъ 1848 году, представлены, какъ результатъ исключительно одного только „бюрократическаго генія“ австрійскихъ чиновниковъ. Тенденція автора обезпечить землей помѣстное сословіе и создать свободу для крестьянскаго населенія путемъ освобожденія его отъ тяготы владѣнія землей сказывается въ памфлетѣ вполнѣ прозрачно, и исторія поземельныхъ и личныхъ отношеній пригоняется и поддѣлывается для этой цѣли. Авторъ рисуетъ намъ блестящую картину того, какъ царило въ XVIII в., наканунѣ присоединенія Буковины къ Австріи, право вольнаго перехода среди крестьянъ, и какъ рядомъ съ этимъ всѣ поземельныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ исчерпывались временнымъ, арендным держаніемъ крестьянами владѣльческихъ земель.

Для Буковины и отношеній буковинскихъ крестьянъ къ владѣльцамъ не было въ то время сдѣлано даже и того, что имѣлось уже для Галичины въ видѣ чисто юридическихъ трак-

татовъ, заключавшихъ въ себѣ простое описаніе юридическихъ нормъ этихъ отношеній, трактатовъ въ родѣ книги Słotwinski, systematische Darstellung der Unterthansgesetze in Galizien (3 т. 1827), или L. Klunker'a (die gesetzliche Unterthansverfassung in Galizien 3 т., Lemberg 1845—46), или Drdacki, die Fronpatente Galiziens (1838).

Да кромѣ того, послѣ напечатанія упомянутаго Denkschrift не появлялось ни одного труда, посвященнаго крестьянамъ, хотя въ теченіе времени съ 1848 г. по 1870 г. начата и почти завершена была крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Лишь въ семидесятыхъ годахъ возникаетъ слабое движеніе въ исторической литературѣ, затрогивающее вопросъ о судьбахъ крестьянскаго класса въ Буковинѣ. Вновь издается извѣстный трактатъ Димитрія Кантеміра, описаніе Молдавіи, этотъ главный источникъ для ознакомленія съ положеніемъ крестьянъ въ Буковинѣ XVIII в. (1842), появившійся еще въ началѣ XVIII в. и перепечатанный Büsching'омъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1771 г. Затѣмъ Wickenhanser въ своихъ двухъ работахъ: Moldawa (2 т.) и Molda (5 т.) опубликовываетъ цѣлый рядъ актовъ, начиная съ конца 14 вѣка, актовъ, пролившихъ новый свѣтъ на процессъ измѣненій, происходившихъ въ поземельныхъ и личныхъ отношенія крестьянъ къ господарямъ молдавскимъ, владѣльцамъ и церкви. Наконецъ, Ficker впервые освѣщаетъ исторію цыганъ въ Буковинѣ, значительная часть которыхъ была еще съ XIV в. превращена въ абсолютно безправныхъ рабовъ [1]), и кромѣ того впервые знакомитъ съ нѣкоторыми изъ любопытныхъ отчетовъ о состояніи Буковины, положенія крестьянъ въ ней, отчетовъ, представленныхъ центральному вѣнскому правительству коммиссарами, посылаемыми въ Буковину въ 1775 и послѣд. года, во время присоединенія ея къ Австріи [2]). Если мы присоединимъ

---

[1]) Ficker, Zigeuner in Bukowina, въ вѣнскомъ statistischen Monatschrift 1879 г., т. V. n⁰ 5, стр. 249—265.

[2]) Ficker, Hundert Jahre, 1775—1785, въ томъ же Monatschrift 1875, стр. 403—429.

сюда небольшой очеркъ Буковины, написанный Bidermann'омъ: die Bukowina unter oesterreieichischen Verwaltung (1875), представляющій скорѣе газетную замѣтку, чѣмъ изслѣдованіе, то этимъ и исчерпаемъ то, что сдѣлано было тогда.

Крупные шаги впередъ въ дѣлѣ изученія какъ исторіи Буковины вообще, такъ и крестьянскаго сословія въ частности относятся почти исключительно къ послѣднимъ годамъ, съ 1893 по настоящее время, и благодаря этому выдающіяся моменты развитія крестьянскихъ отношеній выступили теперь довольно ясно и опредѣленно. Разработка вопроса о крестьянахъ въ Румыніи вообще, въ трудахъ Xenopol'я (histoire des roumains), Kogolniceanu (объ освобожденіи цыганъ), Blaramberg'a (essai comparé sur les institutions et les lois de la Roumanie, Bukarest 1855), Geblesco (la proprieté rurale, 1896) и т. п., въ особенности же рядъ документовъ, изданныхъ въ Румыніи въ послѣдніе годы (въ родѣ напечатанныхъ въ Magazin istoric pentru Dacia, Hurmuzachi, documente privitoare la istoria Romanitôr, Codrescu, uricariul cuprendetor de chrisoave, anaforale de alte acte ale Moldovei и т. п.) дали богатую почву для изслѣдованій, и уже съ 1893 года появились такіе труды, какъ рядъ очерковъ по исторіи Буковины, написанные авторомъ блестящей работы о политическихъ движеніяхъ въ Седмиградіи при Іосифѣ II и Леопольдѣ II, Zieglauer'омъ, подъ заглавіемъ: geschichtliche Bilder aus der Bukowina zur Zeit der oesterreichischen Occupation, далеко превзошедшихъ по полнотѣ и обилію сообщеннаго имъ неизданнаго матеріала для исторіи положенія крестьянъ въ Буковинѣ упомянутую работу Ficker'a [1]). Затѣмъ Kaindl, профессоръ Черновицкаго университета, пополнилъ данныя Циглауера, новыми данными относительно роли Іосифа II въ дѣлѣ крестьянской реформы въ Буковинѣ [2]), а еще раньше

---

[1]) Съ 1893 по 1898 Zieglauer выпустилъ 5 т. (изданы въ Черновцѣ).

[2]) Kaindl, Kaiser Ioseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina, Czenowitz, 1896.

I. Polek издалъ мемуаръ одного изъ коммиссаровъ австрійскихъ, посланныхъ въ Буковину для производства измѣреній и межеванія въ 1783 г., Іоганна Будинскаго [1]). Благодаря какъ всѣмъ этимъ работамъ и изслѣдованіямъ, такъ и документамъ (частью издаваемыхъ въ выходившемъ въ то время въ Черновцахъ журналѣ: Jahrbuch des Bukowiner Landesmuseum), Kaindl'ю удалось написать первую полную исторію Буковины (3 тома Czernowitz 1895—98), въ которой судьбы крестьянскаго населенія были изложены впервые болѣе обстоятельнымъ образомъ, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ. То была первая, сколько нибудь серіозная попытка освѣтить положеніе крестьянъ въ Буковинѣ. Но авторъ не остановился на ней, и въ 1899 году, послѣ ряда розысканій въ архивахъ, составилъ первую полную и обстоятельную исторію какъ крестьянства въ Буковинѣ, такъ и его освобожденія, напечатанную въ Archiv für oesterreichiche Geschichte 1899, томъ 86 [2]). Кайндль ведетъ исторію крестьянъ съ первыхъ моментовъ, о которыхъ сохранились свѣдѣнія, съ 1342 г., и заканчиваетъ 1870 г., когда закончена была почти всецѣло выкупная операція. Онъ разсказываетъ намъ, какъ сформировалось крупное землевладѣніе церковное и свѣтское въ Буковинѣ, составлявшей тогда часть Молдавіи, затѣмъ какъ отразился этотъ процессъ и на крестьянахъ, превратившихся постепенно въ зависимыхъ подданныхъ, и на обращенныхъ въ рабовъ военноплѣнныхъ татаръ и цыганъ, наконецъ переходитъ къ изложенію послѣдствій подчиненія или, вѣрнѣе, захвата Буковины Австріей, послѣдствій для крестьянскаго класса во всей его совокупности. Анализъ, самый детальный, какъ проектовъ реформъ, такъ и реформы поземельныхъ крестьянскихъ отношеній, въ томъ видѣ, въ какомъ проводило ихъ австрійское правительство, то приспособляясь къ существующимъ порядкамъ, то остав-

---

[1]) J. Polek, die Bukowina zu Anfang des Jahres 1783. Nach einer Denkschrift des Mappierungsdirector Ioh. Budinszky. Czernowitz, 1894.

[2]) Статья эта вышла и отдѣльной книгой въ Вѣнѣ 1899 г.

ляя безъ измѣненія старые порядки, которые оно застало въ Буковинѣ уже выработанными и такъ сказать узаконенными хрисовулами Гики, то, наконецъ, создавая новые порядки, сообразно съ общей аграрной политикой того времени въ Австріи, представляютъ совершенно новую и неизвѣстную до сихъ поръ страницу въ исторіи крестьянской реформы, какъ ее проводилъ въ Австріи вообще и въ Буковинѣ въ частности Іосифъ II. Всѣ стороны процесса описаны Кайндлемъ. Онъ слѣдитъ за измѣненіями и въ сферѣ государственной барщины и государственныхъ платежей, и въ сферѣ поземельныхъ порядковъ, въ отношеніи какъ крупной собственности, такъ и крестьянскихъ владѣній, и въ области личныхъ отношеній, насколько они касаются рабовъ, съ одной стороны, подданныхъ—крестьянъ, съ другой. Съ такой же подробностью изложена имъ впервые и исторія мѣропріятій, предпринятыхъ въ сферѣ личныхъ и поземельныхъ отношеній въ Буковинѣ въ правленіе Франца II и Фердинанда до 1835 г., приведшихъ къ тому тяжелому и невыносимому положенію, въ какомъ очутились буковинскіе крестьяне въ послѣдніе годы, предшествующіе революціи 1848 года. Наконецъ, хотя къ сожалѣнію, въ болѣе сжатомъ видѣ, разсказываетъ онъ намъ исторію крестьянскихъ волненій въ Буковинѣ въ 1848, излагаетъ идеалы и требованія крестьянъ, и затѣмъ и примѣненіе къ нимъ крестьянской реформы и выкупной операціи (уже, главнымъ образомъ, съ 1857 года). Въ своей работѣ Кайндль является лишь простымъ разскащикомъ. Онъ не пытается ни объяснить причины тѣхъ или иныхъ явленій и образованій въ крестьянской средѣ, ни выяснить экономическія условія, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ развивалось крестьянство въ Буковинѣ. Съ другой стороны, онъ далеко не использовалъ того громаднаго матеріала, который сосредоточенъ въ Вѣнѣ и касается процесса реформъ, какія пыталось провести въ Буковинѣ въ теченіе XIX в, до 1835 г., имперское австрійское правительство. Кромѣ того не всѣ выводы его обоснованы, не всѣ данныя критически провѣрены. Если изложенную имъ исторію личныхъ отношеній

крестьянъ къ владѣльцамъ можно признать вполнѣ почти обстоятельной и точной, то нельзя сказать того же объ его исторіи поземельныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Несмотря на отрицательное отношеніе его къ даннымъ, сообщеннымъ въ упомянутой брошюрѣ 1848 (Denkschrift), онъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ принимаетъ его точку зрѣнія на поземельныя права крестьянства при молдавскомъ владычествѣ, считаетъ владѣніе крестьянъ лишь арендным, временнымъ владѣніемъ (Pachtsystem) и оставляетъ почти безъ вниманія и безъ объясненія рядъ фактовъ относительно порядковъ крестьянскихъ земельныхъ держаній въ Буковинѣ, далеко не совпадавшихъ, даже болѣе того: противорѣчившихъ системѣ временныхъ держаній въ смыслѣ арендныхъ держаній.

То, что не было выполнено или если и выполнено, то не вполнѣ точно Кайндлемъ, было въ значительной мѣрѣ пополнено извѣстнымъ изслѣдователемъ австрійской крестьянской реформы, какъ она была проведена въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, Карломъ Грюнбергомъ.[1]) Онъ долгое время работалъ надъ изученіемъ данныхъ о крестьянахъ и крестьянской реформѣ, находящихся въ вѣнскомъ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, данныхъ, касающихся всѣхъ сторонъ крестьянской жизни и отношеній,[2]) извлекъ изъ нихъ все, касающееся между прочимъ и Буковины, пополнивъ этими данными все то, что было извѣстно и изслѣдовано раньше, и въ 1900 г. составилъ очеркъ исторіи крестьянскихъ несвободныхъ отношеній и ихъ измѣненій въ Буковинѣ (die bäuerliche. Unterthansverhätnisse und ihre Beseitigung in der Bukowina[3]). Въ противоположность своему

---

[1]) Я разумѣю его изслѣдованіе: die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich--bäuerlichen Verhältnisse in Böhmen, Mähren und Schlesien—2 т. Leipzig, 1894.

[2]) Это—серія K и A, обнимающіе всякаго рода Unterthansacten: актовъ крѣпостного состоянія, рабства, земельныхъ надѣловъ, наслѣдственной аренды, реформъ и т. д.

[3]) Въ Jahrbuch für Geseszgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. Издав. G. Schmoller'омъ. 1900, 4 Heft стр. 231—310.

предшественнику, онъ не только разсказываетъ о процессѣ измѣненій въ положеніи крестьянъ въ Буковинѣ, но пытается, съ большей или меньшей полнотой и сообразно съ суммой данныхъ, которыми онъ располагаетъ, выяснить экономическія условія развитія такихъ явленій, какъ напр., усиленіе стремленія со стороны владѣльцевъ увеличить размѣръ барщинныхъ услугъ въ XVIII в. и затѣмъ XIX в., стремленія, отсутствовавшаго въ XVII в. и направленнаго тогда скорѣе къ увеличенію размѣра платежей деньгами и натурой со стороны крестьянъ. Самое изложеніе хода какъ реформы, такъ и измѣненій въ положеніи крестьянъ является у Грюнберга гораздо болѣе систематическимъ и яснымъ, чѣмъ у Кайндля, и онъ не впадаетъ въ тѣ ошибки, которыя допустилъ послѣдній. Опираясь на данныя, сообщенныя коммиссарами, посланными австрійскимъ правительствомъ въ Буковину для разслѣдованія вопроса о земельныхъ владѣніяхъ въ 1819, 1820 и посл. годовъ, данныя, которыя Кайндлю были извѣстны лишь отчасти, Грюнбергъ путемъ сопоставленія ихъ съ законодательными актами, изданными еще XVII в. молдавскими господарями (напр. хрисовуломъ Василія Лупула), выяснилъ, даже болѣе открылъ такую сторону порядковъ землевладѣнія въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, какая не была извѣстна и выяснена раньше. Между тѣмъ благодаря ей и ея выясненію совершенно инымъ свѣтомъ освѣтились мѣропріятія австрійскаго правительства до 1835 года

Указанныя двѣ работы: изслѣдованіе Кайндля и трудъ Грюнберга, даютъ полную возможность съ достаточной полнотой обрисовать ходъ и развитіе крестьянской реформы въ Буковинѣ. Руководясь какъ ими, такъ и другими указанными выше изслѣдованіями и изданіями, мы и попытаемся изложить исторію крестьянской реформы въ Буковинѣ до 1870 г. Затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи реформы за тоже время въ Галичинѣ и, наконецъ, попытаемся, насколько позволяютъ имѣющіяся у насъ скудныя данныя, обрисовать послѣдствія, какія создала австрійская крестьянская реформа для сельскаго населенія обѣихъ областей.

Въ моментъ выхода настоящей статьи въ свѣтъ исполнится 40 лѣтъ съ того великаго дня, когда въ 1861 г. 19 февраля крѣпостное право было отмѣнено въ Россіи вообще, въ Малороссіи въ частности. Въ память этого дня нѣкоторымъ явленіямъ и событіямъ того времени отводятся спеціальныя статьи въ настоящемъ № Кіевской Старины. Намъ казалось, поэтому, умѣстнымъ и небезполезнымъ дать читателямъ и обзоръ хода реформы въ сосѣднихъ и родственныхъ областяхъ, гдѣ въ истекшемъ году исполнилось тридцать лѣтъ съ того времени, какъ закончена была выкупная операція.

II.

Крестьяне въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ.

Въ моментъ занятія Буковины австрійскими войсками и присоединенія ея къ Австріи (1774—75 г. г.) крестьянское рабочее населеніе области распредѣлялось по тремъ значительно различавшимся другъ отъ друга группамъ. Въ одну, наименѣе многочисленную и представлявшую собою, подобно свободнымъ крестьянамъ Даніи, жалкіе обломки недавняго сравнительно прошлаго, входили либо каларапіи, либо мелкіе свободные крестьяне собственники, такъ называемые резеши (resesch=heres), нѣчто среднее между крестьянами и низшими дворянами, [1]) либо

---

[1]) См. D. Kantemir, Beschreibung der Moldau, стр. 261. «In der dritten (Klasse) sind die Ritter, *Calaraschi,* welche für die Nutzung der Landgüter, die ihnen von den Fürsten geschenket worden, beständig auf ihre eigene Kosten mit ihnen zu Felde ziehen müssen. Die letzten sind die *Reseschi,* die wir besser freye Landleute, als Edelleute nennen können. Sie kommen fast mit der Russen Odnodworzi überein, haben auch keine Bauerhöfe, sondern mehrere derselben bewohnen ein Dorf, und bauen ihre Ländereyen entweder selbst oder durch ihre gedungene Knechte».

свободные пастухи, занятые овцеводствомъ, сохранившіе свою личную свободу въ горныхъ долинахъ, защищаемыхъ природой, скалами и лѣсами. Они и къ концу XVIII в. удержались въ Буковинѣ, но лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, образуя въ нихъ, по словамъ Кантеміра, нѣчто въ родѣ „республикъ". [1]) То были: во первыхъ, такъ наз. Долгополье (Kympullung) въ Сучавскомъ округѣ. Въ началѣ XVIII в. въ немъ насчитывалось всего 15 деревень, управлявшихся по собственнымъ законамъ и согласно собственнымъ выработаннымъ ими обычаямъ. „Они, писалъ Кантеміръ, незнакомы съ искусствомъ обработки земли: ихъ главное занятіе—овцеводство. Они платятъ только ежегодную дань князю, но не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе онъ могъ бы требовать, а въ тѣхъ, какіе установлены ими самими". Они связаны съ княземъ договорами, которые возобновляются ихъ уполномоченными всякій разъ, какъ только новый князь вступаетъ въ управленіе областью, а въ случаѣ, когда князь проявляетъ желаніе увеличить дань или обложить ихъ новыми налогами, они прекращаютъ переговоры, удаляются въ неприступныя мѣстности въ горахъ и нерѣдко ищутъ защиты и покровительства у сосѣднихъ странъ, у польскихъ королей и т. п. Совершенно почти въ томъ же положеніи находились и обитатели Уранціи, на самой границѣ Валахіи (12 деревень съ 2000 дворовъ), и жители Кигича, лежавшаго въ лѣсу на границѣ съ буджакскими татарами, между Прутомъ и Бессарабіей. Эти послѣдніе, въ количествѣ 8 тыс. душъ, состояли исключительно изъ однихъ каларашей и платили князю самый ничтожный налогъ.

Но такого рода свободныхъ лицъ насчитывалось крайне мало въ XVIII в. Они не составляли и 1% всего крестьянскаго населенія, жившаго преимущественно въ болѣе низкихъ, менѣе защищенныхъ или равнинныхъ мѣстностяхъ. Вся остальная масса крестьянъ находилась въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, являлась для нихъ либо рабочею силою, либо источникомъ постояннаго дохода. Юридическое положеніе этой подавляющей

---

[1]) Ib., 278—281.

своею численностью массы далеко не было одинаковымъ. Она разбивалась на двѣ рѣзко различныя группы: во-первыхъ, на группу рабовъ въ полномъ смыслѣ этого слова, *робі* (*robi*), во-вторыхъ, на подданныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ (glebae adscripti) и носившихъ названіе vecini.

Первая изъ нихъ, рабы, была относительно незначительной. Изъ общаго числа жителей, которые насчитывали въ 1774 году австрійскіе уполномоченные, именно: 75 т. душъ, всего около 3—3¼% составляли рабы, и еще въ 1784 г. насчитывалось до 567 семей рабовъ, изъ которыхъ 144 семьи (422 души) находились во власти свѣтскихъ владѣльцевъ, остальные—въ рукахъ церкви и монастырей.[1]) Послѣдніе въ XVIII в. являлись главными и наиболѣе крупными владѣльцами рабовъ: Стѣны монастырей были наполнены рабами. Монастырь Молдавица еще въ 1775 г. насчитывалъ до 80 семей рабовъ (294 души).[2]) Монастырь Солька въ 1771 г.—25 семей.[3]) М—рю Гумара принадлежало до 95 семей или дворовъ въ 1785 г.[4]) Монастырь Путна, одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Буковинѣ, уже въ XVI в. (въ 1581) владѣлъ 53 семьями, 11 холостыми, 7 взрослыми „дѣвками", въ общей сложности 124 душами, не считая дѣтей. Къ XVIII в. калугеры м—ря имѣли уже въ своемъ распоряженіи около 109 семей, 6 вдовъ, 4 холостыхъ раба, а всего около 313 душъ.[5]) Если у свѣтскихъ владѣльцевъ количество рабовъ было гораздо меньшимъ, если изъ списка, напр., 17 владѣльцевъ, перечислен-

---

[1]) См. донесеніе австрійскаго коммиссара графа Enzenberg'a изъ Черновицъ 25 мая 1784 г., цит. у Grünberg'a стр. 237, прим. 3. Ср. составленную Грюнбергомъ таблицу распредѣленія рабовъ по мѣстностяхъ, стр. 237—238 прим, 4.—Ficker въ своей статьѣ о цыганахъ въ Буковинѣ, основываясь на болѣе раннихъ данныхъ коммисара Spleny, опредѣляетъ число рабовъ въ 534 семьи, что, очевидно, ниже дѣйствительности. Ficker, Statist Monatschrift, V, кн. 5, стр. 250.

[2]) Wickenhauser, Moldawa, I, n° 195.

[3]) Ib., II, n° 157.

[4]) Ib., Molda, I, 164.

[5]) Ib., Molda, III, n° 38, и II, 151

ныхъ въ докладѣ окружнаго буковинскаго правленія отъ 1787 г., лишь у одного насчитывалось до 60 душъ рабовъ, у 3—отъ 31 до 36 душъ, у 3—отъ 22—26, у 2—отъ 12 до 19 и у 8—отъ 2 до 9, [1]) то за то, если вѣрить Кантеміру, не было въ Буковинѣ ни одного „барона", свѣтскаго владѣльца, у котораго не было бы въ дворѣ нѣсколькихъ семей рабовъ. [2]) Держаніе рабовъ было общимъ и повсемѣстнымъ обычаемъ въ области, и, можно думать, что число ихъ не только не уменьшалось, а, напротивъ, росло къ XVIII в. По крайней мѣрѣ и въ XVIII в. не было рѣдкостью закабаленіе въ рабы тѣхъ или другихъ лицъ [3]), либо по доброй волѣ, либо въ силу брака съ рабыней, либо, нерѣдко, и путемъ насилія, либо, наконецъ, систематически путемъ размноженія, съ помощью насильственныхъ браковъ рабовъ съ рабынями [4]).

---

[1]) Grünberg, стр. 238, прим.

[2]) Kantemir, 272.

[3]) См. напр. актъ 1760 г. 12 іюля (Wickenhauser, Moldawa, II, n° 106). «Я, Ѳедоръ Церке, даю сіе мое писъмо въ руки отца игумена... и братіи святого м—ря въ Солькѣ и заявляю, что, будучи чужеземцемъ—цыганомъ изъ Венгріи и не имѣя надъ собой господина, по доброй своей волѣ отдаю себя святому м—рю въ качествѣ раба монастырскаго, подобно всѣмъ другимъ цыганамъ. А также прошу м—рь дать мнѣ одну изъ монастырскихъ цыганскихъ дѣвокъ въ жены». Женитьба на цыганкѣ рабынѣ была крупнымъ источникомъ умноженія рабовъ въ Буковинѣ. Въ актѣ 1759 г., 2 іюня, мы читаемъ въ жалобѣ м—ря въ Солькѣ, что чужеземцы изъ Венгріи являются въ Буковину и забираютъ въ жены монастырскихъ цыганокъ. Между тѣмъ по отношенію къ послѣднимъ существуетъ историческій обычай, что молдаванинъ, взявшій себѣ въ жены цыганку, самъ становится цыганомъ, а равно молдаванка, вышедшая замужъ за немолдованина, остается цыганкой, т. е. рабой». Wickenhauser, Moldawa, II, n° 99.

[4]) Въ виду этого между м—рями и владѣльцами происходитъ постоянный обмѣнъ «дѣвками»—рабынями. «Дѣвку» за «дѣвку», таковъ былъ обычай. Такъ, въ 1710 одинъ цыганъ, рабъ м—ря Молдавица, взялъ въ жены цыганскую дѣвку, рабыню великаго канцлера Строича. Соглашаясь на этотъ бракъ, калугеры выдаютъ канцлеру обязательство

Институтъ рабства, вполнѣ сохранившійся въ Буковинѣ еще и въ XVIII в., установился въ области съ давнихъ временъ, и его существованіе, отвѣчавшее экономическимъ условіямъ жизни, очевидно, мало измѣнившимся въ теченіе почти столѣтій, указываетъ довольно ясно на характеръ отношеній и сельско-хозяйственныхъ порядковъ, царившихъ и въ XIV, XV, XVI и XVIII вв. Какъ и въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ мѣстностяхъ, во Флоренціи, Руссильонѣ, Каталоніи,[1]) и здѣсь онъ былъ обусловленъ, какъ отсутствіемъ въ первое время даровой рабочей силы, такъ и, въ частности въ Буковинѣ, сохраненіемъ почти полнымъ первобытнаго сельскаго хозяйства, лишь слабо развивавшагося въ Буковинѣ къ XVIII в. Та роль, которую играли рабы въ Буковинѣ, тѣ занятія, которыя они несли, были, въ существѣ, совершенно почти сходными съ существовавшими до XVII в. во Флоренціи, въ Венеціи, въ Румыніи, Каталоніи и т. д. Какъ и тамъ, и въ Буковинѣ они играли прежде всего роль домашнихъ слугъ, состояли въ качествѣ поваровъ и кухарокъ, нянекъ, кормилицъ, кучеровъ, кузнецовъ, пастуховъ, рабочихъ и т. д. [2]) Только въ

отдать послѣднему взамѣнъ свою дѣвку». Ib., I, n° 150 и др. Въ числѣ рабынь м—ра Солька, женъ рабовъ, исчисляются рабыни м—рей Гумора, Путна, Молдавица, епископства Радоцъ и т. д. Ib., II, 157. См. Kaindl, Unterthanswesen, 569 и сл.

[1]) См. мои статьи о рабствѣ и русскихъ рабахъ во Флоренціи XIV и XV вв., Кіевъ 1886, и о русскихъ рабахъ и рабствѣ въ Руссильонѣ въ XIV и XV вв. Кіевъ 1886 (въ Унив. Извѣстіяхъ) и отдѣльнымъ изданіемъ.

[2]) Изъ отчета одного миссіонера, посѣтившаго Буковину видно, что Cingani sive Cingari sunt magnatum coqui; cingarae puerorum educatrices, et nutrices et multa alia similia officia et servitutis ministeria obeunt cingani et cinganae. Omnia monasteria calugherorum habent proprios cinganos, quorum mulieres, anus vetulae, juvenes sponsae et puellae libere per Monasterium ambulant, panem pinsunt, coquinam colunt, domos scopis purgant". Цит. Grünberg'омъ изъ Magazin istoric pentru Dacia, V, 56. Буквально тоже повторяется и въ докладѣ окружного управленія 1787 года: ihre Arbeiten... von undencklichen Zeiten her von der Willkühr der Besitzer abhegangen. Sie

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ попадалось золото, рабовъ употребляли для промывки золота, для работъ по его добыванію [1]), и лишь въ XVIII в. уже, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, для обработки владѣльческихъ земель.

Когда возникъ въ Буковинѣ институтъ рабства, мы не знаемъ, но, несомнѣнно, что уже въ XIV *в.* онъ существовалъ, какъ обычное явленіе, и его источникомъ служили въ началѣ военноплѣнные татары, а затѣмъ съ XIV в. почти исключительно одни цыгане. Въ 1370 г. мы находимъ одно изъ первыхъ указаній относительно цыганъ рабовъ въ дарственной записи Валашскаго господаря, Владислава Лачко, м—рю св. Антонія. [2]) Документы, относящіеся къ Буковинѣ и Молдавіи, документы, начинающіеся съ 1402 г. и идущіе затѣмъ непрерывно почти, указываютъ на распространенность и здѣсь института рабства Въ 1402 г. м—рю Молдавица пожаловано въ даръ 4 семьи татаръ. [3]) Въ 1428 такой же даръ принесенъ м—рю Бистрица (12 хижъ татаръ, [4]) а въ 1432 4 двора пожалованы одному изъ бояръ. [5]) Рядомъ идутъ и пожалованія цыганъ, усиливаясь все

---

werden demnach verschiedentlich, als Bediente, Köche, Kutschers, Haiduken, Schmiede, Hirten, Wirtschaftsknechte, ihre Weiber und Töchter als Dienstmenscher, Ammen, Kindeswärterinnen, Wäscherinnen etc. verwendet. И онъ прибавляетъ новую, еще болѣе характерную черту, указывающую на возникновеніе новыхъ условій сельско-хозяйственной жизни въ Буковинѣ; „doch werden einige, die von ihren Herrn mit Felder versehen sind, nur bey den Feldbau, jedoch mit dem Unterschiede verwendet, dass ihre Robot auch hier auf keine gewisse Zahl der Tage beschränket wird. Alle in Bukowina befindliche Robi entrichen ihre Arbeit ihren Besitzern in natura, und ebenso sind die ehemaligen klösterlichen Robi gehalten worden, *wodurch die Klöster ihre Wirtschaften grosstenteils bestritten haben*". Ib.

[1]) Kantemir, 82—85.

[2]) Ficker, въ Monatschrift, стр. 249.

[3]) Wickenhauser, Moldawa, I, n° 1.

[4]) Kaindl, Unterthanswesen, 567.

[5]) Winkenhauser, Molda, III, n° 4.

болѣе и въ XV, и въ XVI, и въ посл. вѣка. Такъ, въ 1428 г. монастырь Бистрица получилъ 12 татарскихъ семей и кромѣ того 31 семью (czelid) цыганъ, въ качествѣ robi,[1]) и этотъ даръ былъ подтверждаемъ и въ 1454, и въ 1458, и въ 1522 гг., какъ подтверждались много разъ и всѣ другія подобныя же пожалованія, которыя въ смутныя времена (въ XVI в. въ особенности) могли легко быть утеряны вмѣстѣ съ цѣннымъ объектомъ въ видѣ раба и его потомства. Рядомъ съ пожалованіями шли и покупки рабовъ, какъ вещи, которая „весьма пригодна для многочисленныхъ домашнихъ работъ“.[2]) Покупали рабовъ господари для раздачи ихъ вѣрнымъ своимъ слугамъ. Покупали рабовъ и эти слуги другъ у друга, покупали ихъ и въ Валахіи, и въ Бессарабіи.[3]) Въ XVI в. за цыгана съ женою его Параской съ 5 сыновьями и дочерью господарь Петръ уплатилъ 40 венгерскихъ гульденовъ и одну лошадь.[4]) Въ XVII в. господарь Стефанъ Томша заплатилъ за 10 цыганскихъ семей 400 венгерскихъ гульденовъ, или по 40 гульденовъ за семью, а въ концѣ того же столѣтія за одного цыгана было уплачено тысячу аспернов или около 175 марокъ.[5])

Въ моментъ, когда robi появляются въ Буковинѣ и вплоть до возворенія австрійскаго владычества юридическое положеніе ихъ остается неизмѣннымъ. Это—лица, вполнѣ порабощенныя, обязанныя вѣчно и постоянно со своими женами и потомствомъ служить господамъ.[6]) Они—движимость и какъ таковая со всѣми движимостями можетъ быть продаваема, отдаваема въ даръ и

---

[1]) Ib., Moldawa, I, n° 8.

[2]) Ib., Moldawa, II, n° 7.

[3]) Ib., II. n° 7, I, n° 38; Molda, III, n° 26.

[4]) Ib., I, n° 43.

[5]) Ib., II, n° 7 и I, n° 136. 1 аспер=0,179 марки.

[6]) Законъ 1749 г. Константина Маврокордато гласитъ: Les Cziganes sont completement asservis et doivent avec femmes et enfants servir d'une manière permanente leurs maîtres. Цит. у Blaramberg, essai comparé sur les institutions de la Roumanie, 592.

залогъ, по завѣщанію и т. д.[1]) Отсюда безконечный рядъ актовъ XV и слѣд. вѣковъ вплоть до XVIII в., которые опубликованы Wickenhauser'омъ и въ которыхъ то и дѣло рѣчь идетъ то объ обмѣнѣ „дѣвки“ на „дѣвку“, цѣлой семьи на другую семью, того или другого члена семьи на соотвѣтственнаго раба или рабыню и т. д., то о такихъ же покупкахъ и продажахъ въ раздробь и оптомъ, то объ отдачѣ на время въ пользованіе раба, какъ кузнеца или въ какомъ либо иномъ званіи и т. д. Отсюда, дошедшая до детальности обработка правилъ обычнаго права,— этотъ результатъ безконечныхъ процессовъ въ судахъ изъ за владѣнія рабами, процессовъ и между свѣтскими владѣльцами съ монастырями и между монастырями и свѣтскими владѣльцами между собою. Не только бракъ признается съ рабыней цыганкой обычнымъ правомъ основаніемъ вполнѣ безспорнымъ для превращенія женившагося, хотя бы онъ былъ другого состоянія, а не рабскаго, въ раба, но и пребываніе вольныхъ пастуховъ, пробывшихъ на земляхъ монастыря въ теченіе зимы и вступившихъ въ связь съ монастырской „дѣвкой“ или „дѣвками“, влечетъ за собой неизбѣжное рабство для свободнаго пастуха.[2])

Какъ и вездѣ, rob, понятно, не имѣлъ никакихъ правъ, какъ гражданинъ, и не несъ его обязанностей. Онъ былъ освобожденъ отъ несенія государственныхъ повинностей, отъ государственной барщины, отъ военной службы. Все это обусловлено было во всѣхъ актахъ пожалованія рабами, которыхъ щедрою рукою раздавали господари. Не имѣлъ, естественно, rob права искать защиты у суда или у государственной полиціи противъ насилій своего владѣльца,[3]) которому принадлежало полное и вполнѣ

---

[1]) «Sie kommen ebenso wie andere bewegliche Güter durch Erbschaft, Kauf, Heyratsgut und dergleichen von einem Besitzer auf den andern». Докладъ окружн. управленія 1787. Цит. у Grünberg'a, 235, прим. 2.

[2]) Winkenhauser, Moldawa II, n° 137 (дѣло м—ря Solka изъ за 2 пастуховъ, перезимовавшихъ на земляхъ м—ря).

[3]) Omnes nobiles, говоритъ извѣстный миссіонеръ (1688 г.), habent cinganos, et illis utantur et abutantur sicut mancipiis, et ad

неограниченное право распоряженія и личностью, и имуществомъ rob'a и право суда надъ ними. О какой либо постоянной связи раба съ землей, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ и его семья стали получать земельные надѣлы въ XVIII в., о какомъ либо правѣ на землю его не могло быть и рѣчи: ни обычное право, ни законы не признавали его. Даже болѣе, освобожденіе раба не могло юридически имѣть значенія: какъ вольноотпущенникъ, онъ оказывался безъ господина, не былъ подчиненъ никакому владѣльцу (Herr) и, слѣдовательно, въ силу обычая и закона, или долженъ добровольно отдаться въ рабство, или сдѣлаться вновь рабомъ насильно, такъ какъ любой изъ бояръ могъ завладѣть имъ. [1]) Не могло спасти его и бѣгство, ибо обычай, законъ и взаимные договоры между владѣльцами дѣлали поимку и водвореніе его на его мѣстожительство обязательнымъ для каждаго подъ угрозой наказанія. [2])

Иного рода былъ процессъ возникновенія и развитія той другой и самой многочисленной группы крестьянъ, которая носила названіе vecini (сусида, селянинъ) и достигла полнаго своего развитія лишь въ XVIII в. Трудно выяснить во всей полнотѣ процессъ созданія зависимыхъ крестьянъ—подданыхъ въ Буковинѣ. Слишкомъ мало на этотъ счетъ опубликовано данныхъ, еще меньше сдѣлано въ этомъ отношеніи и румынскими, и нѣмецкими изслѣдователями. Единственно, что возможно дать поэтому, это—общія лишь черты процесса этого развитія.

Исходнымъ пунктомъ былъ XIV в., время завоеванія Буковины Людовикомъ I венгерскимъ (1342) и затѣмъ образованія самостоятельной области изъ Молдавіи и Буковины при господарѣ или воеводѣ Богданѣ (1348—9). Новообразованное государство, обнимавшее земли, бывшія до того ареной столкно-

---

instar manicipiorum eos *opprimere ut vult* possunt. Ни одинъ изъ нихъ, добавляетъ онъ, не свободенъ (nullus liber est). Цит. у Grünberg'a 236, прим. 2, 234 прим. 2.,

[1]) Grünberg, 237.

[2]) Wickenhauser, Moldawa, II, 28.

веній, борьбы и переселенія татарскихъ и иныхъ ордъ, представляло въ большей части своей пустопорожнія пространства съ малымъ относительно числомъ населенія, занятаго преимущественно скотоводствомъ, лѣсными промыслами, пчеловодствомъ и менѣе всего и въ рѣдкихъ случаяхъ въ болѣе низменныхъ мѣстахъ земледѣліемъ. Еще и долгое время позже, почти до XVIII в., область, не смотря на увеличивавшееся населеніе, подверглась въ этомъ отношеніи весьма незначительнымъ измѣненіямъ, и слѣды такого порядка вещей бросались въ глаза австрійскимъ коммиссарамъ, ознакомлявшимся съ Буковиной еще и въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. Повидимому здѣсь въ XIV и посл. вѣка царили тѣже хозяйственные порядки, которые еще въ XV в. имѣли мѣсто на югѣ Россіи, въ Кіевской области, о чемъ говорятъ намъ ревизіи XV в.

Сгруппированное въ деревняхъ населеніе, также какъ и вся территорія Буковины, съ образованіемъ господарства, подпали подъ власть господаря, которая выражалась лишь въ провозглашеніи земли собственностью господаря, какъ верховнаго собственника, а затѣмъ въ тѣхъ, во первыхъ, даняхъ, точнѣе *десятинахъ*, со всѣхъ продуктовъ, которыми было обложено населеніе, во вторыхъ, въ тѣхъ повинностяхъ, которыя оно обязано было отбывать натурой, въ формѣ работъ для устройства мостовъ, дорогъ, постройки крѣпостей и т. п., доставленія подводъ для надобностей господаря, отбыванія воинской повинности и т. п. Но ни личная свобода крестьянскаго населенія, ни права его на владѣніе землями фактически не были совершенно затронуты. Населеніе сохраняло, повидимому, до XVI в. какъ право свободнаго перехода, такъ и земельныя права, права, носившія здѣсь, какъ увидимъ, особый характеръ [1]). Тотъ фактъ, что лишь въ началѣ XVII в., въ 1644 году, впервые законодатель-

---

[1]) См. Xenopol, histoire des Roumains de la Dacie Trajane, Paris 1896, I, 235, 438 Ср. ib., I, 220 и сл., 426 и сл., II, 207, гдѣ изложено положеніе крестьянъ съ перваго столѣтія послѣ образованія Молдавіи.

ство вмѣшивается въ отношенія крестьянъ и открыто воспрещаетъ имъ переходить съ мѣста на мѣсто, лишаетъ ихъ свободы перехода, ясно указываетъ на существованіе раньше, еще и въ XVI в. полной свободы крестьянъ, удержавшихъ ее въ XVIII в. только въ весьма немногихъ, какъ мы видѣли, мѣстностяхъ Буковины.

Но уже, начиная съ конца XIV в., создаются новыя условія для крестьянскаго населенія, постепенно приводящія къ коренному измѣненію его положенія. Начинаются тогда уже все болѣе и болѣе усиливающіяся съ теченіемъ времени пожалованія какъ частнымъ лицамъ за услуги разнаго рода, такъ и церкви и монастырямъ. Но это—не пожалованіе земель, а исключительно однихъ деревень [1]) или, точнѣе, тѣхъ правъ, которыми владѣлъ фактически господарь, т. е. права взимать десятину и требовать отбыванія натуральныхъ повинностей, того, что получило названіе барщины, но безъ права суда, безъ правъ административно-полицейскихъ надъ крестьянами. Пожалованія церкви и монастырямъ обнаруживаютъ этотъ фактъ съ полной ясностью. Такъ въ 1408 г. отдается на вѣчность монастырю Молдавица деревня Вама на Молдавѣ *со всѣми ея доходами* [2]). Въ 1488 г. доходы съ воска съ 6 работниками, добывавшими воскъ, затѣмъ мукомольная мельница съ доходами пожалованы м—рю Путна [3]). Въ 1457 г. м—рю Молдавица передается право взымать со всѣхъ домовъ въ Сучавѣ всѣ господарскіе налоги, и большіе и малые, которые прежде шли господарю, и имъ предписывалось теперь не нести ни барщины

---

[1]) «Les plus anciens documents des pays roumains qui contiennent presque exclusivement des donations de terres, indiquent presque tous que la terre donnée n'était pas une lande deserte, mais un village habité» Xenopol, I, 236. Ср. Kaindl, Unterthanswesen, 555 и сл.

[2]) Wickenhauser, I, 56 Ср. акты пожалованій м—рю Солька, ib., II, 72, 81, 88 и др.

[3]) Kaindl, Unterthanswesen, 557.

въ господарскихъ мельницахъ, ни другихъ видовъ натуральныхъ повинностей [1]). И тоже и относительно бояръ.

Въ силу всѣхъ такого рода пожалованій деревень и доходовъ съ нихъ около половины территоріи очутилось въ рукахъ духовенства и монастырей, значительная часть въ рукахъ господарскихъ слугъ, бояръ или „бароновъ“ какъ ихъ титуловалъ Кантеміръ, а во власти господаря осталась къ XVIII в. лишь незначительная сравнительно территорія трехъ городовъ: Сучавы, Серета и Черновца, да кромѣ того область тѣхъ трехъ республикъ, о которыхъ мы говорили выше, хотя эти послѣднія тоже въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ были затронуты пожалованіями (какъ въ привед. случаѣ деревни Wama, входившей въ составъ Долгополья) [2]).

Почти до конца XVI в. пожалованія эти, какъ ни были они обширны уже въ то время, мало измѣняли существовавшія отношенія. Мѣсто господаря, взымавшаго подати, занимало частное лицо или монастырь, но юридическое положеніе крестьянина не измѣнялось. Онъ только уплачивалъ тѣже десятины и несъ тѣже натуральныя повинности новому лицу вмѣсто стараго. Онъ, правда, изъ доменнаго, господарскаго крестьянина превращался въ монастырскаго или боярскаго, но и только. Онъ не терялъ ни права перехода, ни права искать въ судѣ, не рвалъ окончательно связи съ господаремъ во всемъ касавшемъ администраціи, полиціи, отбыванія воинской службы. Да кромѣ того, за господаремъ оставалось значительное число и совершенно свободныхъ крестьянъ, полноправныхъ, связанныхъ договорами съ господаремъ, договорами, регулировавшими ихъ платежи и повинности. Борьба съ Турками повела къ гибели массы свободныхъ [3]). Затѣмъ подчиненіе Турціи создало обязанность уплаты имъ ежегодной дани, падавшей всею своею тяжестью на населеніе. А между тѣмъ въ теченіе всего XVI в.,

---

[1]) Ib., Moldawa, I, n° 24.

[2]) Kaindl, Unterthanswesen, 558. Grünberg, 233.

[3]) Xenopol, II, въ разныхъ мѣстахъ.

не переставая, свирѣпствовала внутренняя борьба изъ за господарскаго престола, борьба партій, доводившая крестьянство до полнаго разоренія, и это тѣмъ болѣе, что при дворѣ тратились громадныя суммы враждующими и соперничающими партіями. Добывать ихъ было возможно только съ однихъ крестьянъ, и въ результатѣ получалось все болѣе и болѣе усиливавшееся стремленіе добиться отъ господаря полной независимости подвластныхъ крестьянъ отъ несенія господарскихъ повинностей, включая даже и повинность военную [1]), а съ другой стороны либо насильственный захватъ свободныхъ вполнѣ крестьянъ, либо хотя и свободный, вслѣдствіе согласія самихъ крестьянъ отдаться подъ покровительство того или иного боярина или монастыря, но фактически вынужденный полнымъ отсутствіемъ безопасности личной въ странѣ, и превращеніе ихъ въ частныхъ, зависимыхъ крестьянъ.

Правда, благодаря полному почти отсутствію на земляхъ владѣльческихъ сколько нибудь обширнаго хозяйства, измѣненій, сколько-нибудь замѣтныхъ, въ размѣрахъ натуральныхъ повинностей не было. Барщинныя услуги не требовались въ такой мѣрѣ, какъ позже, въ XVIII в. Но за то, какъ слѣдствіе указанныхъ выше обстоятельства, создалось усиливавшееся стремленіе облагать крестьянъ возможно большими платежами. Крестьянинъ представлялся въ глазахъ и бояръ, и монастырей, какъ источникъ прямого дохода, и, естественно, что, съ одной стороны, ему открывали возможность, какъ увидимъ, откупаться отъ несенія барщины, въ видахъ увеличенія его платежей, а, съ другой, стали употреблять всѣ усилія, чтобы удержать платежную силу на мѣстѣ. И это послѣднее тѣмъ болѣе, что разореніе области, усиленныя взиманія доводили крестьянъ до полнаго разоренія и заставляли ихъ либо спасаться бѣгствомъ, либо переходить съ мѣста на мѣсто, отыскивать лучшія условія

[1]) Эта тенденція замѣтна уже съ конца XV в. См. Wickenhauser, Moldawa, I, n° 25, гдѣ дано освобожденіе отъ платежей крестьянамъ деревни, подаренной м—рю, и др.

или въ области, или внѣ ея. Обязанность уплачивать дань туркамъ, смотрѣвшимъ на Молдавію какъ на свой хлѣбный магазинъ, съ одной стороны, развитіе роскоши среди бояръ, сказавшееся уже въ концѣ XVI и особенно въ XVII в., съ другой, побуждали господарей усиленно добывать хлѣбъ отъ подвластныхъ ему крестьянъ путемъ увеличенія ихъ натуральныхъ повинностей, а бояръ—добиваться бо́льшихъ полученій съ нихъ деньгами и хлѣбомъ, и заставляли и тѣхъ, и другихъ смотрѣть на вольный переходъ, какъ на подрывъ ихъ средствъ. Фактически уже въ концѣ XVI в. вольный переходъ все болѣе и болѣе затруднялся, и крестьянъ задерживали на мѣстахъ силою. Въ 1601 году была сдѣлана даже попытка узаконить запрещеніе вольнаго перехода. Но эта мѣра, какъ и злоупотребленія и насилія бояръ, монастырей и господарей, вызвали въ 1604 году крупное возстаніе среди крестьянъ, за которымъ послѣдовала крестьянская война, тянувшаяся съ 1623 по 1628 г. Крестьянское возстаніе было подавлено, и въ 1644 г. вольный переходъ былъ окончательно отмѣненъ Василіемъ Лупуломъ. „Если крестьянинъ сбѣжитъ отъ своего господина, гласилъ законъ, никто не долженъ принимать и держать его у себя, подъ угрозою штрафа суду въ размѣрѣ 12 гульденовъ и господину въ размѣрѣ 24 гульденовъ“ [1]).

То, что уже зарождалось раньше въ Буковинѣ, теперь было распространено на большую часть крестьянъ: они окончательно были превращены въ подданныхъ какъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и монастырей, державшихъ въ XVII в. въ своихъ рукахъ большую часть территоріи. Цѣль, къ которой они стремились, была достигнута: они могли облагать крестьянъ на полной своей волѣ и удерживать ихъ подъ вѣчной своей властью. Далѣе этого они пока не пошли. Ихъ отношенія къ крестьянамъ, ихъ подданнымъ, построены были теперь исключительно на почвѣ ихъ частно-правныхъ интересовъ, не выходили изъ

---

[1]) См. Xenopol, I, 439 и др.

сферы частно-правныхъ отношеній. Правда, кромѣ всякого рода взысканій деньгами и натурой владѣльцы пріобрѣли нѣкоторыя права баналитета и монополіи въ видѣ монополіи мельницъ и т. п., предпочтительной продажи вина и водки и т. п. Но они не превратились въ феодальныхъ владѣльцевъ, не пріобрѣли верховныхъ правъ собственности. Они не сдѣлались ни судьями надъ подданными, ни административно-полицейскими чиновниками. Всѣ эти функціи удержали въ своихъ рукахъ господари. [1]) Благодаря этому крестьяне сохранили возможность обращаться къ суду, подавать жалобы господарю или его представителямъ и путемъ судебныхъ процессовъ создать нѣкоторые обычаи, до нѣкоторой степени препятствованіе превращенію ихъ вполнѣ и цѣликомъ въ существовавшій въ Буковинѣ совершенно безправный классъ рабовъ, цыганъ.

Юридически крестьяне считались подданными, но они не были лишены личныхъ правъ, права свободно заключать браки, свободно же распоряжаться движимостью. Движимое имущество они могли свободно пріобрѣтать, отчуждать, передавать по наслѣдству и т. д. Обычай не признавалъ за владѣльцемъ права силою отымать у крестьянина его скотъ, его товары [2]). Правда, они превращены были въ лицъ, крѣпкихъ землѣ, glebae adscripti, лишены были права свободнаго перехода, но въ силу обычаевъ и законовъ они не могли быть оторваны отъ земли. Ихъ нельзя было продавать, дарить, уступать, отдавать въ залогъ отдѣльно отъ земли. Въ противоположность рабамъ (robi), они не должны были служить предметомъ продажи и купли сами по себѣ.

---

[1]) «Il n'y a jamais eu en Roumanie cette confusion de la souveraineté et de la proprieté qui est un des caractères, propre du régime féodal». Geblesco, la proprieté rurale en Roumanie, Paris 1896, 234. Тоже говорятъ и Xenopol и Blaramberg.

[2]) «Mit Gewalt darf der Herr ihnen ihr Geld oder ihr Vieh nicht wegnehmen. Wenn der Bauer sich auch einem noch so grossen Schatz erwirbt, so hat doch sein Herr keinen Theil daran: hat er es ihm mit Gewalt entrissen, so wird er in dem Gerichte verurtheilt, dem Klager es wieder zu geben». Kantemir, 276.

Даже болѣе того. Обычай и законъ воспрещали перепродажу ихъ съ землей за предѣлы ихъ деревни. Ихъ нельзя было переводить изъ одной деревни въ другую [1]). Съ другой стороны, такъ какъ владѣлецъ не имѣлъ права суда надъ крестьянами, то убійство, напр., крестьянина считалось обыкновеннымъ убійствомъ, виновникъ смерти подвергался суду и суровому наказанію, а семья и потомки убитаго уже въ силу факта убійства становились свободными [2]).

Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ исчерпывались, главнымъ образомъ, платежами и повинностями всякаго рода, которые они были обязаны нести въ пользу владѣльцевъ. То были: либо десятина со всѣхъ продуктовъ и разные другіе мелкіе платежи, либо барщинная работа въ пользу владѣльца. Почти до половины XVIII в. наиболѣе тяжелыми были лишь первыя изъ нихъ. Спросъ на трудъ крестьянина въ видѣ даровой барщины былъ относительно малъ и ничтоженъ вслѣдствіе

---

[1]) «Verkaufen kann wohl ein Baron einen Unterthan, aber nicht ausser dem Dorfe, wo er geboren ist. Verkauft er aber das ganze Gut nebst den Bauern, so wird solcher Verkauf für recht und gültig erkannt». Kantemir, 276. И тоже читаемъ мы и въ законѣ 1749 г.: Vecini не суть рабы и ими нельзя владѣть на такомъ основаніи, какъ рабами. Ни одинъ изъ нихъ не обязанъ такимъ повиновеніемъ, какимъ обязанъ рабъ... Вся его зависимость сводится къ тому, что онъ не имѣетъ права покинуть свою деревню, и буде онъ учинилъ бы это, то подлежитъ возвращенію вновь на мѣсто. Продавать или уступать крестьянъ въ раздробь, переводить ихъ изъ деревни въ деревню, превращать ихъ въ предметъ обмѣна отдѣльно отъ земли или отымать дѣтей у ихъ родителей, все это такого рода права, какими никогда не обладалъ въ Молдавіи никакой собственникъ». У Blaramberg, 592—3.

[2]) «Den Gesetzen nach ist es verboten, ihn (Bauer) ums Leben zu bringen, und wenn er ihn auf irgend eine Art tödtet, wird nicht nur der Herr zum Tode verurtheilt, sondern er mus noch der Frau und den Kindern die Freiheit geben. Denn kein Privatmann hat das Recht über Leben und Tod irgend eines Moldauers; es kommt *allein* dem Fürsten zu». Ib., 276

мало-развитой сельско-хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ. Всѣ ихъ стремленія были направлены лишь на увеличеніе и умноженіе платежей и на превращеніе возможно большаго числа платежей натурой въ платежи деньгами. До XVII в., даже до половины его платежи сравнительно не были значительными. Такъ, крестьяне области Черемошъ, напр., уплачивали кромѣ обычной десятины по 2 парала (3 крейцера) за каждый клафтеръ [1]) луговой земли; а за дома по 9, 6 и 3 куропатки, смотря по состоянію владѣльцевъ домовъ; сверхъ того обязаны были возить соль и вино и помогать при жатвѣ 9 дней ежегодно. [2]) Но,—особенно во второй половинѣ XVII в.—возникаетъ уже рядъ процессовъ между владѣльцами и крестьянами, процессовъ изъ за требованій объ увеличеніи платежей. Почти всѣ они оканчиваются къ выгодѣ владѣльцевъ, и въ 1693 г. господарь Константинъ Дука издаетъ законъ, обезпечивающій за владѣльцами право взымать съ крестьянъ платежи въ увеличенныхъ сравнительно съ прежнимъ размѣрахъ. [3]) Чиншъ съ домовъ превращенъ въ денежную плату въ размѣрѣ 2 флориновъ для болѣе зажиточныхъ, 1 флорина 30 крейцеровъ для средне-зажиточныхъ и 1 флорина для бѣднѣйшихъ. Десятина установлена со всѣхъ добываемыхъ крестьяниномъ продуктовъ, какъ установлена и обязанность ихъ помогать по первому требованію владѣльцевъ во время охоты (крестьяне обязаны являться на охоту съ оружіемъ) и при ловлѣ рыбы. Что касается барщины, то крестьянамъ представлялась либо нести ее натурой, либо откупаться отъ нея деньгами. Въ однихъ мѣстахъ вмѣсто барщины они платили по одному гульдену, въ другихъ—уже по 2 гульдена, въ видѣ возмѣщенія барщины. [4])

---

[1]) 1 клафтеръ составлялъ $^1/_{2880}$ фальтше. Фальтше=1,8 моргена (около $^1/_2$ десятины).

[2]) Wickenhauser, Moldawa, I, n° 190.

[3]) Ib., Molda, V, n° 9.

[4]) Ib., Moldawa, I, n° 205. Въ актѣ сказано, что крестьянамъ указывается ежегодно, сколько они, смотря по состоянію, должны платить владѣльцу либо трудомъ, либо деньгами.

Барщина, это наслѣдіе старинной обязанности выполнять натуральныя повинности всякаго рода въ пользу господаря, была, по теоріи, неопредѣленною и зависѣвшею въ своихъ размѣрахъ отъ воли и усмотрѣнія владѣльца. Никакихъ инвентарей, точно опредѣлявшихъ размѣры повинностей, не существовало въ Буковинѣ. Отношенія опредѣлялись либо (въ большинствѣ случаевъ) „добровольнымъ“ соглашеніемъ, либо на основаніи судебнаго рѣшенія, отчасти обычая, которые, какъ увидимъ, устанавливали барщину въ размѣрѣ 12 дней въ году для большей части деревень, распредѣляя ихъ въ соотвѣтствующихъ количествахъ на лѣто, осень и весну. Но съ XVIII в., особенно съ половины столѣтія, тѣже стремленія, какія существовали въ XVII в. по отношенію къ крестьянскимъ платежамъ, переносятся и на ихъ повинности, на крестьянскую даровую барщину. Уже при Константинѣ Маврокордато, а особенно при Александрѣ Гикѣ все чаще и чаще раздаются жалобы со стороны крестьянъ на насилія владѣльцевъ, на стремленіе съ ихъ стороны увеличивать размѣръ барщины. „Дѣлаемъ вѣдомымъ всѣмъ, гласилъ законъ 1766 г., изданный Гикой, что къ намъ доходятъ въ неслыханномъ количествѣ жалобы селянъ на то, что ихъ вопреки порядку и справедливости страшно отягощаютъ барщинными работами“.[1]) И не только является тенденція примѣнить къ жизни старую теорію о безграничности барщины, о чемъ сообщаетъ намъ Кантемиръ,[2]) но возникаетъ рядъ попытокъ обойти установленные обычаемъ или судебными рѣшеніями и „добровольными“ соглашеніями размѣры барщинъ, путемъ измѣненія основаній разсчета. Для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, для увеличенія необходимыхъ для того даровыхъ рукъ владѣльцы все

---

[1]) Законъ этотъ помѣщенъ у Codrescu въ его Uricariul, II, 217 и слѣд.

[2]) Alle (Bauern), von welcher Art sie auch seyn mögen, werden zu den Arbeiten ihrer Herren schärfer angehalten; es ist ihnen kein gewisses Maas der Arbeit vorgeschrieben, sondern es stehet in dem Belieben ihres Herrn, wie viele Tag lang er sie will arbeiten lassen». Kantemir, 275—276.

чаще и чаще пытаются замѣнить барщину, выражавшую въ данномъ количествѣ времени, т. е. днѣ работы, барщиной, исчисляемой на основаніи даннаго количества земли, которое подлежитъ обработкѣ въ теченіе дня, которое должно быть обработано въ данный срокъ, т. е. въ одинъ день. Этимъ сразу число дней на дѣлѣ должно было увеличиться сравнительно съ нормой, и, какъ увидимъ, господари узаконяютъ такой порядокъ, постепенно увеличиваютъ число дней барщины, сначала вдвое, а затѣмъ и втрое.

Вслѣдствіе всего этого положеніе крестьянъ все болѣе и болѣе ухудшается въ Буковинѣ въ теченіе XVIII в. Уже Кантемиръ отзывается о положеніи крестьянъ въ Буковинѣ, какъ о самомъ плачевномъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ.[1]) Да это и понятно. Обычай, договоры, законы не въ силахъ были гарантировать крестьянъ, разъ въ рукахъ бояръ и монастырей сосредоточивалась громадная часть территоріи, разъ они являлись господами положенія, составляли ту силу, предъ которой не смѣли устоять господари, зависимые вполнѣ отъ нихъ, избираемые ими. Ни установившіяся юридическія нормы отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, устанавливавшія нѣкоторую грань между ними и рабами, ни законы, издаваемые господарями, не въ состояніи были охранить ихъ въ сколько нибудь значительной мѣрѣ отъ произвола владѣльцевъ, особенно съ того момента, когда стали выступать все яснѣе и яснѣе интересы послѣднихъ, когда началось среди нихъ движеніе въ сторону расширенія сельскохозяйственной дѣятельности. И бояре, и монастыри дѣйствовали въ одномъ направленіи и дѣлали все возможное, чтобы сгладить различія, существовавшія между подданными и рабами. Въ XVIII в. нарушенія правъ крестьянъ, создавшіяся въ предшествующее время, стали усиливаться. Отсюда и тѣ безконечныя жалобы, съ которыми крестьяне обращаются уже въ первой по-

---

[1]) «Ich würde gewiss die moldawischen Bauern für die elendesten aller Landleute unter der Sonne halten, wenn nicht die Fruchtbarkeit des Boden etc». Ib. 276.

ловинѣ XVIII в. къ господарямъ. „Жалобы крестьянъ, сидящихъ на земляхъ монастырей и бояръ, гласитъ одинъ актъ XVIII в.[1]), на закрѣпощеніе, которому подвергаютъ ихъ господа, увеличиваются и учащаются; причиной ихъ недовольства и жалобъ является, по ихъ словамъ, то обстоятельство, что ихъ господа не дѣлаютъ никакого различія между подданствомъ и рабствомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. И они ссылаются въ подтвержденіе своихъ заявленій на такіе случаи, какъ, напр., продажи помѣщиками крестьянъ—подданныхъ, какъ рабовъ, продажи отдѣльныхъ членовъ семьи, чѣмъ они приравниваются къ цыганамъ, записи ихъ въ такомъ же видѣ въ духовныхъ и дарственныхъ актахъ, продажи ихъ дѣтей, перемѣщенія изъ одной деревни въ другую и т. д.“ Не мало было жалобъ и на развивавшуюся съ конца XVII в. практику отдачи подъ залогъ то отдѣльныхъ семей, то цѣлыхъ деревень. А эта послѣдняя въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ произволъ владѣльцевъ, ухудшала положеніе крестьянъ. Она, по словамъ одного изъ австрійскихъ коммиссаровъ, была широко распространенной въ Буковинѣ, какъ и въ Галичинѣ. „Здѣсь въ Буковинѣ, писалъ онъ въ 1783 г.,[2]) царитъ ростовщическій обычай, въ силу котораго землевладѣльцы взамѣнъ за ссужаемыя имъ деньги отдаютъ въ залогъ то отдѣльныхъ ихъ подданныхъ, то ихъ поля и луга, то цѣлыя деревни. Вслѣдствіе этого бѣдные крестьяне не только все болѣе и болѣе отягощаются, но вынуждены платить больше, чѣмъ въ состояніи они вынести, становятся должниками и разоряются въ конецъ“. А ко всему этому присоединялись еще и платежи и повинности въ пользу государства, платежи и повинности, столь же, если еще не болѣе неопредѣленные и произвольные, не урегулированные законами, которые взымались съ крестьянъ въ пользу госу-

---

[1]) Act pentru desrobire vecinilor in Moldava, y Blaramberg, 592 и слѣд.

[2]) Bericht австр. коммиссара Enzenberg'a, цит. у Grünberg'a, стр. 249, пр. 3.

дарства, т. е. господарей. [1]) Взыманіе ихъ, вдобавокъ, возлагалось на чиновниковъ, которые въ той же мѣрѣ, какъ и бояре, и духовные владѣльцы, видѣли въ крестьянахъ источникъ не однихъ государственныхъ доходовъ, но прежде всего личнаго благоденствія. [2])

Понятно само собой, къ какимъ результатамъ могли привести и проводили всѣ указанныя условія, въ которыхъ жили крестьяне Буковины. Уже Кантеміръ указывалъ въ общихъ чертахъ на эти результаты въ своемъ описаніи Молдавіи. Только, писалъ онъ, одно плодородіе почвы, богатыя жатвы спасаютъ до нѣкоторой степени отъ полной бѣдности крестьянъ Буковины, положеніе которыхъ онъ самъ же называлъ самымъ бѣдственнымъ въ мірѣ. „Крестьяне въ Буковинѣ, говоритъ онъ, [3]) крайне лѣнивы къ работѣ; они обрабатываютъ очень слабо землю и сѣютъ мало. Не заботятся они о томъ, чтобы съ съ помощью труда пріобрѣсть все возможное для себя, и довольствуются скопленіемъ въ своихъ амбарахъ лишь самаго необходимаго для ихъ пропитанія въ теченіе года или, какъ они выражаются, до новаго хлѣба. И достаточно одного неурожая или нашествія врага, какъ имъ приходится испытывать голодовку". Кантеміръ описывалъ въ такихъ чертахъ положеніе крестьянъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Но оно не измѣнилось къ лучшему и во второй половинѣ того же вѣка. Ревностный патріотъ новаго австрійскаго отечества и столь же ревностный агентъ Австріи въ моментъ присоединенія къ ней Буковины, молдавскій бояринъ Василій Бальшъ, [4]) почти въ тѣхъ же чертахъ обрисовываетъ положеніе крестьянской массы. „Преобладающимъ

---

[1]) «Er (der Bauer) bezahlt soviel Auflagen, als der Fürst ausschreiben lässt, wobei ihm weder Art, noch bestimmte Zeit vorgeschrieben wird». Kantemir, 276.

[2]) См. у Zieglauer'a, Bilder, I, 25–36.

[3]) Ib., 277.

[4]) Balsch, Beschreibung der Bukowina und deren inneren Verhältnisse, изд. Zieglauer'омъ въ его Bilder, II, 48–65.

занятіемъ, разъясняетъ онъ въ своемъ донесеніи австрійскому правительству, служитъ въ Буковинѣ скотоводство, поддерживающее здѣсь кочевой образъ жизни. Значительная часть области все еще покрыта лѣсами, не тронутыми топоромъ. Земледѣліе, напротивъ, находится въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ какъ каждый почти крестьянинъ засѣваетъ лишь такое количество земли, жатва съ которой едва въ состояніи покрыть его нужды въ теченіе года. Онъ ограничиваетъ свои посѣвы одной лишь кукурузой, льномъ и коноплей. Плодовая культура и виноградничество находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Главное богатство крестьянина—его скотъ, который перегоняется съ мѣста на мѣсто". Отсюда и крайне враждебная характеристика, какую онъ даетъ крестьянамъ. Онъ усиливаетъ и сгущаетъ тѣ краски, которыми обрисовалъ буковинскаго крестьянина Кантеміръ. „Крестьяне Буковины, по его словамъ, совершенно лишены привычекъ къ порядку, хозяйственности, чистоплотности, ремесленному труду. Всѣ они сплошь народъ лѣнивый, лживый и крайне грубый по отношенію къ своимъ господамъ, и эти послѣдніе не могутъ добиться отъ нихъ исполненія самыхъ ничтожныхъ услугъ или работъ иначе какъ при помощи ругани и побоевъ. Только и помышляютъ они о томъ, какъ бы покинуть своего господина, разъ доходы ихъ уменьшаются благодаря увеличенію налоговъ и платежей, и то и дѣло убѣгаютъ въ мѣстности, кажущіяся имъ болѣе привольными и выгодными. Да и что значитъ бѣгство для нихъ? Вѣдь не составляетъ же крупной потери покинуть жалкую, изъ жердей и соломы устроенную мазку, дворъ, большею частью пустой, безъ сада, безъ огорода и т. п."

Характеристика написана владѣльцемъ, очевидно враждебнымъ къ крестьянамъ, смотрящимъ на нихъ свысока, но, нужно замѣтить, ее далеко нельзя назвать фальшивой. Факты, безспорно вѣрны, ихъ освѣщеніе лишь невѣрно; а, главное, объясненія происхожденія ихъ не даетъ намъ Balsch, преслѣдовавшій въ своихъ донесеніяхъ одну цѣль—обезпеченіе правъ и вольностей боярства. Но то, о чемъ не говоритъ Бальшъ, вскры-

ваетъ его современникъ, Стурдза. „Да, писалъ этотъ послѣдній въ своемъ мемуарѣ,[1]) положеніе крестьянина въ Молдавіи—самое ужасное, самое жалкое. Онъ, этотъ крестьянинъ, существуетъ лишь для удовлетворенія капризовъ владѣльца; онъ доведенъ почти до скотскаго состоянія, предоставленъ вполнѣ жадности и страсти къ наживѣ всѣхъ и вся, начиная съ высшихъ и и кончая самымъ малымъ, какимъ нибудь ничтожнымъ сборщикомъ податей. Его эксплуатируютъ и арендаторъ, и собственникъ. И что же удивительнаго послѣ всего этого, если его же, этого бѣдняка, обвиняютъ въ томъ, что онъ лѣнивъ и безпеченъ".

Усиливавшееся съ конца XVII в. стремленіе и владѣльцевъ, и монастырей увеличить обложеніе крестьянъ, при полномъ почти отсутствіи сколько нибудь выработанныхъ формулъ отношеній между крестьянами и владѣльцами, отсутствіи инвентарей, которые опредѣляли бы размѣры крестьянами платежей и повинностей, уже тогда, въ девяностыхъ годахъ XVII в., породили цѣлый рядъ столкновеній и споровъ между владѣльцами и ихъ крестьянами. И споры эти усилились благодаря спеціальной причинѣ. Потребность увеличить количество платежныхъ единицъ при существованіи массы пустопорожнихъ земель приводила къ ряду попытокъ вызвать новыхъ колонистовъ изъ сосѣднихъ областей. Поселенцамъ обѣщали разнаго рода льготы, ихъ осаживали на слободахъ (slobodzii) съ правомъ не нести повинностей и платежей въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Колонисты въ такихъ случаяхъ считались какъ бы особымъ классомъ, и акты того времени различали царанъ (ceran) отъ поданныхъ (vecini).[2]) Но такое отношеніе сохранилось къ новопоселенцамъ въ каждомъ почти данномъ случаѣ лишь до истеченія льготныхъ лѣтъ. Разъ срокъ свободы истекалъ, и съ царанами переставали церемониться. Ихъ подвергали тому же режиму, какой былъ устанавливаемъ

---

[1]) Michail Sturza, memorial despre abusul cu scutelnici di despre starea teranilor din Moldava, напеч. въ сборникѣ Hurmuzaki, suppl. I, V, 30—33.

[2]) Wickenhauser, Moldawa, I, n° 137.

для старыхъ крестьянъ—подданныхъ, и различіе между ними и крестьянами—подданными исчезало, его пытались всяческими способами уничтожить. Достаточно было, напр., колонистамъ царанамъ сослаться на ихъ льготы, на пріобрѣтенное ими право не нести повинностей, какъ ихъ либо силою принуждали къ тому, либо просто изгоняли изъ бывшей слободы.[1]) Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ дѣйствій было, съ одной стороны, ослабленіе прилива новыхъ поселенцевъ, особенно изъ Валахіи, съ другой, либо повальное бѣгство крестьянъ, выселеніе ихъ нерѣдко толпами въ сотни или тысячи человѣкъ въ сосѣднія области, въ Россію и Польшу, либо превращеніе части бѣглецовъ въ бродячій элементъ, находившій убѣжище въ горахъ и лѣсахъ Буковины. Въ теченіе времени съ начала XVIII в. до сороковыхъ годовъ движеніе въ этомъ смыслѣ стало пріобрѣтать внушительные размѣры, и тѣмъ самымъ поставило и владѣльцевъ, и господарей въ тяжелое положеніе. Доходы и тѣхъ, и другихъ сильно упали, а между для господарей было дѣломъ неотложнымъ еще уплачивать и ежегодную дань Турціи, которая требовала неукоснительнаго взноса ежегодно причитавшихся ей съ Молдавіи платежей. Необходимо было найти выходъ изъ такого положенія, и его попытались найти въ реформѣ существующихъ отношеній. Уже въ 1742 г. въ рѣшеніи спора между монастыремъ Молдавица и слобожанами, рѣшеніи, изданномъ господаремъ Константиномъ Маврокордато, можно подмѣтить слабое стремленіе до нѣкоторой степени ограничить произволъ владѣльцевъ. Требованіе м—ря заставить слобожанъ уплачивать десятину и нести барщину было удовлетворено, но, во первыхъ, дано разрѣшеніе лишь на барщину въ размѣрѣ 12 дней въ году, а, во вторыхъ, поставлено въ обязанность игумену и калугерамъ „не обременять чрезмѣрными требованіями и взысканіями крестьянъ“ [2]) Само собою разумѣется, что серьознаго значенія такого рода просьбы господаря имѣть не могли, и при-

[1]) Ib., I, 152 отъ 1714 г.
[2]) Ib., Moldawa, I, n° 187.

шлось прибѣгнуть къ болѣе общей мѣрѣ, въ видѣ спеціальнаго закона, регулирующаго отношенія крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ и вслѣдъ за тѣмъ и къ государству, съ цѣлью обезпечить приливъ колонистовъ и остановить эмиграцію крестьянъ. Такой мѣрой общаго характера былъ законъ, изданный тѣмъ же Константиномъ Маврокордато 6 апрѣля 1749 года. Онъ заключалъ въ себѣ двоякаго рода постановленія: одни, касавшіяся спеціально отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, другія, въ силу которыхъ создавались новые порядки въ дѣлѣ обложенія крестьянъ государственными налогами. Но, за малыми исключеніями, первыя изъ нихъ являлись не болѣе, какъ попыткой распространить существовавшіе обычаи, опредѣлявшіе нормы платежей и повинностей нѣкоторыхъ крестьянъ, на всю массу. Новымъ была отмѣна названія vecini въ примѣненіи его къ крестьянамъ—подданнымъ, но de facto отмѣна имѣла лишь словесное значеніе. Все, чего требовалъ новый законъ, заключалось главнымъ образомъ въ стремленіи положить предѣлъ тѣмъ попыткамъ владѣльцевъ превращать подданныхъ крестьянъ въ простыхъ рабовъ, которыя, какъ мы видѣли, стали проявляться въ XVIII в. и вызывали усиленныя жалобы со стороны крестьянъ. Отвѣтомъ на эти послѣднія и явилось заявленіе закона, въ силу котораго крестьяне объявлены были свободными людьми, т. е. людьми, съ которыми нельзя обращаться, какъ съ рабами. Въ дѣйствительности то было не болѣе, какъ узаконеніемъ существовавшаго раньше обычая, по которому за крестьянами признавались, какъ мы видѣли, права на бракъ, на движимое имущество и т. п. Свобода перехода, существовавшая до XVII в., возстановлена не была. Переходъ дозволенъ былъ лишь при одномъ условіи, которое дѣлало безцѣльнымъ и безполезнымъ статью закона о правѣ перехода крестьянъ. Крестьянину дозволялось уходить въ другое мѣсто лишь исключительно въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ даетъ свое согласіе на переходъ и когда къ переходу будутъ представлены достаточныя основанія. И законодатель прибавлялъ, что, въ случаѣ самовольнаго пере-

---

[1]) Законъ этотъ изданъ въ Magazin istoric pentru Dacia, II, 294.

хода, крестьянинъ обязательно долженъ быть силой возвращенъ на мѣсто его жительства. [1]) Не было крестьянамъ дано даже того права, какое октроировано было крестьянамъ Валахіи три года раньше (закономъ 1746 г.): право откупаться отъ барщины. Правда, законъ, сохраняя всецѣло десятину, установлялъ норму барщины въ 24 и 12 дней въ году, но это было выражено не какъ императивъ, а какъ простая просьба, рекомендація. Понятно отсюда, что серьезныхъ измѣненій онъ не создавалъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ владѣльцамъ, и все оставалось по старому; все сводилось de facto къ урегулированію отношеній лишь въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить ихъ, эти отношенія, волѣ и капризу бояръ и монастырей. И это въ такой степени, что и послѣ изданія закона продажа крестьянъ съ землею, не совмѣстимая съ принципомъ вольнаго перехода, продолжала существовать въ Буковинѣ. [2]) Продажи совершались на основаніи оффиціальныхъ актовъ съ характернымъ добавленіемъ: „въ случаѣ если проданный подданный окажется принадлежащимъ третьему лицу и будетъ имъ отнятъ, то я, продавецъ, обязуюсь замѣнить его другимъ“.

Повидимому, гораздо серьознѣе была реформа налоговъ, взимаемыхъ въ пользу государства, но на дѣлѣ и въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ не измѣнилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Правда, взамѣнъ всѣхъ старыхъ налоговъ, законъ 1749 года вводилъ особый, въ видѣ поголовной подати

---

[1]) Ст. 10 закона: «teranul poateasi lasa satul pentru o pricina bine cuventata si cu voe stapânului, altmintrelea stapânul l'introarce la urma sua.» Ср. отзывъ N. Soutzou: «ce même prince abolit le servage et supprima la dénomination de vecini; mais de fait le paysan n'en demeura pas moins attaché a la glèbe». Notices statistiques sur la Moldavie.

[2]) Такъ, три года спустя послѣ закона 1749 г., въ 1752 г. одинъ изъ крупныхъ владѣльцевъ, Стефанъ Тевтуль, продалъ другому боярину, Поттлогу, подданнаго, жившаго въ русскомъ Долгопольѣ, Григорія Букача, со всѣми его разробками за 25 гульденовъ. Wickenhauser, Moldawa V, 2, n⁰ 49.

со всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но уже въ скоромъ времени тотъ же самый господарь, который издалъ этотъ законъ, вынужденъ былъ рядомъ съ поголовной податью возстановлять постепенно и старые налоги, воскрешать старый порядокъ вещей. И это въ значительной мѣрѣ и потому, что попытка ограничить число крестьянъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ и освобожденныхъ отъ государственныхъ налоговъ, оказалась неудачной. Для нѣкоторыхъ крестьянъ, именно тѣхъ, которые были подданными высшаго класса бояръ и нѣкоторыхъ монастырей, законъ призналъ фактъ ихъ свободы отъ государственныхъ налоговъ, придавъ имъ спеціальное названіе: крестьяне—скутельники и крестьяне—послушники, [1]) а затѣмъ всѣхъ остальныхъ объявилъ податными, обязанными нести повинности и платить налоги въ пользу государства. Но дѣло въ томъ, что число скутельниковъ и послушниковъ начало все болѣе и болѣе возрастать на счетъ числа податныхъ и пришлось позже прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, чтобы спасти государственные доходы.

Законъ 1749 года оказался, такимъ образомъ, палліативомъ, не принесшимъ никакихъ существенныхъ выгодъ крестьянамъ и до нѣкоторой степени полезнымъ лишь для однихъ владѣльцевъ, произволъ которыхъ на дѣлѣ не былъ серьозно ограниченъ. Поэтому, и послѣ 1749 г. вплоть до 1766 г. эмиграція и бѣгство крестьянъ продолжались въ прежнемъ видѣ, и господари по прежнему получали массами жалобы отъ крестьянъ. Умноженіе и увеличеніе платежей съ крестьянъ продолжалось подъ благовидной формой „добровольныхъ соглашеній“. [2])

---

[1]) Подъ первыми разумѣлись крестьяне нѣкоторыхъ лишь бояръ и монастырей, подъ вторыми—домашняя прислуга, дворовые люди. См. Zieglauer, Bilder, I, 74—78.

[2]) Такъ, уже въ 1762 г. монастырь Путна съ 19 гуцуловъ, поселившихся на монастырскихъ земляхъ, кромѣ обычныхъ платежей взималъ еще, по договору, за 8 горныхъ пастбищъ по 19 овецъ ежегодно и обложилъ ихъ обязанностью давать м—рю постоянную охрану отъ нападенія разбойниковъ. Ib., Molda, V, 2, n° 217.

Въ 1766 г., поэтому, была сдѣлана новая попытка регулировать отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ. 1 января 1766 г. новымъ господаремъ Григоріемъ Александромъ Гикой была издана для этой цѣли „золотая грамота", или хрисовулъ, [1]) легшій позже въ основаніе мѣропріятій по части крестьянскаго вопроса въ Буковинѣ при австрійскомъ владычествѣ. То не былъ законъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Законодатель не рѣшался создавать свои порядки, силою власти вводить ихъ въ жизнь. Не измѣнялъ онъ всего уже существующаго и выработаннаго раньше. [2]) Цѣль законодателя не шла дальше установленія нормы отношеній, которыми могли бы пользоваться въ случаѣ желанія, при заключеніи договоровъ, владѣльцы. Безусловно обязательнаго значенія законъ, такимъ образомъ, не имѣлъ до присоединенія Буковины къ Австріи. И его значеніе было такъ ничтожно въ Буковинѣ, что его почти ни разу не приводили въ исполненіе, [3]) а на крестьянъ его дѣйствіе было таково, что не смотря на вызовы колонистовъ—вызовъ, напр., 1768 г. остался безъ отвѣта и безъ результата. [4]) Съ другой стороны, не удовлетворилъ онъ и владѣльцевъ, недовольныхъ установленными въ законѣ нормами, особенно установленіемъ 12 дневной барщины въ теченіе года. Владѣльцы стали настойчиво требовать увеличенія нормы до 36 дней въ году, и имъ въ Молдавіи, уже послѣ отдѣленія Буковины, удалось добиться изданія новаго закона 1777 г., по которому уже на *всѣхъ* кресть-

---

[1]) Актъ этотъ изданъ въ Uricariul, II, 217—222; у M. Drdacki die Fronpatente Galiziens, 207—208 и цѣликомъ (въ переводѣ австрійскомъ 1776) у Kaindl'я, Unterthanswesen, 596 и сл.

[2]) Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ селахъ на границахъ Венгріи, въ русскомъ Долгополѣ, сохранены были совершенно иные порядки, чѣмъ тѣ, которые установлены грамотой. Поддавные этихъ селъ имѣли права собственности на разробки, платили очень мало и не несли барщины. Отчеты австр. коммиссаровъ, цит. у Грюнберга, 264, прим. 2.

[3]) Grünberg, 265, прим. 2.

[4]) Ib.

янъ, во всѣхъ имѣніяхъ боярскихъ и монастырскихъ возлагалась обязанность сверхъ 12 дней въ году работать на мельницахъ и рыболовняхъ, помогать при починкахъ водочныхъ заводовъ и кабаковъ и т. п. Кромѣ того къ обязательной барщинѣ присоединена обязанность помогать трудомъ при дворѣ для домашнихъ нуждъ владѣльца и доставлять ежегодно же по двѣ подводы дровъ (съ каждаго хозяйства). [1]) Законъ этотъ, обязательный для Молдавіи, какъ увидимъ, не остался безъ вліянія и на Буковину.

Вся суть закона 1766 года Гики заключалась лишь въ созданіи какъ бы проекта тѣхъ инвентарей или урбаріевъ, которые, какъ мы знаемъ, не существовали въ Буковинѣ. Онъ касался одновременно и денежныхъ платежей, и барщинныхъ повинностей крестьянъ. Что касается послѣднихъ, то онъ объявлялъ подлежащимъ барщинѣ каждаго самостоятельнаго хозяина, все равно былъ ли онъ надѣленъ землею или нѣтъ. Свободными отъ барщины признавались лишь холостые сыновья, живущіе при отцѣ, а также больные и увѣчные. Число дней барщины для всѣхъ подданныхъ установлено одно и тоже въ размѣрѣ 12 дней въ году: 4 весною, 4—лѣтомъ и 4—осенью. Лишь для подданныхъ пограничныхъ селъ барщина уменьшена до половины (6 дней). За то всѣ, владѣющіе скотомъ, обязаны были являться съ потребнымъ количествомъ для работы и скота, и людей. Нести барщину обязанъ былъ каждый хозяинъ лично. Лишь въ случаѣ болѣзни могъ онъ поставить вмѣсто себя другое годное вполнѣ лицо или уплатить за каждый день по 20 бани ($^1/_6$ гульдена). Но самопроизвольно замѣнить барщину уплатой денегъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшалось крестьянину: разрѣшеніе замѣны такого рода принадлежало исключительно одному владѣльцу, его личной иниціативѣ. Сверхъ того, этому послѣднему же предоставлялось по его личному усмотрѣнію распоряжаться барщинными работами, какъ ему угодно: все равно для обработки ли земли или для какихъ либо иныхъ его нуждъ. Получалъ онъ также право,— фактически приводившее къ неизбѣжному увеличенію числа дней

[1]) Законъ напечанъ въ Uricariul, I, 133—136.

барщины,—устанавливать у себя норму рабочаго барщиннаго дня, т. е. то количество работы, которая должна быть произведена въ теченіе сутокъ, считая отъ восхода и до захода солнца съ перерывомъ небольшимъ для ѣды (около 2 часовъ въ день). Такъ, въ теченіе дня установлено было обработать $^1/_4$ погона ($12^1/_2$ аръ) подъ кукурузу; во время косовицы скосить въ теченіе дня $^1/_2$ фальтше ($71^1/_2$ аръ) и сложить сѣно въ копицы и т. д. [1])

Единственнымъ ограниченіемъ произвола владѣльца являлось только требованіе исключать изъ счета 12 дней барщины время для прибытія на мѣсто работы лишь тѣхъ крестьянъ, жилье которыхъ отстояло отъ мѣста барщинной работы болѣе, чѣмъ въ 6 часовомъ разстояніи. Что касается денежныхъ платежей или платежей натурой, то эти послѣдніе состояли главнымъ образомъ изъ десятины, которая взималась со всѣхъ и всякаго рода продуктовъ, добытыхъ крестьяниномъ. Освобождались отъ десятины лишь огородныя растенія, но и то только въ той части ихъ, которая шла на прокормъ семьи: съ огородины, шедшей на продажу, обязательно было отдавать владѣльцу десятину. Никто изъ крестьянъ не освобождался отъ десятины. Да кромѣ того, не разрѣшалось забирать продуктовъ съ поля до появленія владѣльца или его уполномоченнаго, которые тутъ же на мѣстѣ отдѣляли десятую долю продукта: владѣльцу рекомендовалось только производить взыманіе въ „подходящее“ для крестьянина время.

И. Лучицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Размѣръ земли, которую обязательно было вырать въ теченіе дня, опредѣленъ не былъ: указана ширина поля безъ опредѣленія ея длины.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.[1]

(1861—1863 гг.).

I.

Въ началѣ марта 1861 г. неожиданно появились (въ Петербургѣ) въ продажѣ *Положенія 19 февраля 1861 г.* Всѣ бросились читать этотъ—давно уже тогда ожидаемый актъ.—Когда я прочелъ „Общее положеніе", въ которомъ излагались общія начала уничтоженія крѣпостнаго права, а затѣмъ и другія „Положенія", меня обуяла великая охота самому попасть въ число тѣхъ, которые призывались для „приведенія въ дѣйствіе" великаго закона. Казалось, что всѣ молодыя силы отдалъ бы этому дѣлу,—такъ оно было свѣтло и радостно... Но, увы, главными исполнителями по приведенію въ дѣйствіе закона 19 февраля 1861 г. являлись мировые посредники, которые выбирались изъ мѣстныхъ дворянъ, съ извѣстнымъ образовательнымъ и земельнымъ цензомъ; я же, хотя и имѣлъ этотъ цензъ по черниговской губерніи, но не жилъ на мѣстѣ, недавно лишь окончилъ одинъ изъ столичныхъ университетовъ, далекій отъ родины. Разсчитывать попасть

---

[1]) Печатаемъ только *отрывки*, потому что—*пока*—многое нужно опустить.

въ число избранныхъ я не могъ... Но кромѣ посредниковъ, въ имѣвшихъ образоваться крестьянскихъ учрежденіяхъ оказалась должность, на которую я имѣлъ уже болѣе доступное для меня право. Въ „Положеніяхъ“ говорилось, что въ „Съѣздѣ“ мировыхъ посредниковъ, участвуетъ, кромѣ уѣзднаго предводителя дворянства, еще и „членъ отъ правительства“; функціи этой должности въ законѣ не опредѣлялись, но затѣмъ практика выработала изъ этой должности нѣкоторое подобіе теперешнему товарищу прокурора, участвующему въ „Съѣздахъ“ мировыхъ судей. Намѣтивъ себѣ эту должность, я сталъ думать о способахъ къ ея полученію. И тутъ не было у меня почти никакихъ шансовъ. Повидимому, назначеніе на эту должность зависѣло отъ мѣстнаго губернатора. Въ Черниговъ, въ мартѣ 1861 г., былъ назначенъ новый губернаторъ, какъ и во многія другія губерніи, причемъ имѣлось въ виду для новаго вина приготовить и новые мѣха. Черниговскимъ губернаторомъ былъ назначенъ, на мѣсто уволеннаго Шабельскаго, князь Голицынъ, о которомъ мнѣ было извѣстно только то, что онъ былъ членомъ „редакціонной коммиссіи“, слѣдовательно человѣкомъ расположеннымъ къ крестьянскому дѣлу. Помню, что при разговорахъ о моихъ планахъ съ Н. М. Жемчужниковымъ (теперь—Буда-Жемчужниковъ), послѣдній обѣщалъ мнѣ помощь въ достиженіи намѣченной мною цѣли чрезъ гр. А. К. Толстого, который, какъ богатый черниговскій помѣщикъ и какъ старый знакомый Голицыныхъ, могъ указать новому губернатору на меня. О желаніи моемъ—втиснуться въ крестьянское дѣло, на родинѣ,—зналъ близкій мой пріятель и товарищъ по университету И. А. Новиковъ. Объ этомъ желаніи онъ какъ то сообщилъ хорошему своему знакомому Шумахеру, бывшему тогда директоромъ одного изъ департаментовъ м—ва вн. дѣлъ, а сей послѣдній неожиданно предложилъ Новикову—попросить Н. А. Милютина (тогда товарищъ министра вн. дѣлъ) попредстательствовать за меня у черниговскаго губернатора Разумѣется, предложеніе было принято, послѣ чего Милютинъ позвалъ меня къ себѣ въ м—во.—Явившись въ швейцарскую, я попросилъ сказать обо мнѣ М—ну, который и незамедлилъ

выйти ко мнѣ въ швейцарскую же. Тутъ, отведя ко окну, спросилъ онъ меня—почему именно желается мнѣ получить намѣченную должность. Я отвѣчалъ, что хочу служить крестьянскому дѣлу. Затѣмъ послѣдовалъ, сколько помню, такой разговоръ.

— Вы братъ того Л., который служитъ у Муравьева?

— Родной братъ, отвѣчалъ я.

Вопросъ этотъ предложенъ былъ, повидимому, по сомнѣнію въ искренности желанія служить въ крестьянскихъ учрежденіяхъ Л—аго, брата того Л—аго, который, по службѣ своей у Муравьева, предполагался несочувствующимъ освобожденію крестьянъ...

— Знаете вы—кто теперь въ Черниговѣ губернаторомъ?

— Князь Голицынъ.

— Знаете ли вы его книжку „Печатная Правда“?

— Читалъ.

— Какого вы мнѣнія объ этой книжкѣ?

Книжка Голицына, о которой спрашивалъ Милютинъ, была очень неудачная популяризація вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, хотя писалась несомнѣнно съ добрыми желаніями. Очень рѣзкую статью объ этой книжкѣ напечаталъ, помнится, извѣстный въ то время цензоръ Крузе, которую закончилъ тѣмъ, что князь Г. „удостоилъ“ крестьянъ разсказомъ о томъ, въ чемъ суть ихъ освобожденія, но это молъ дѣло такое нелегкое, что за него не всякому можно браться...

Отзывъ мой М—ну о книжкѣ Голицына, разумѣется, былъ отрицательный.

Сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ по крестьянскому вопросу, видимо, съ цѣлію удостовѣриться въ сочувствіи тому дѣлу, на службу которому я просился, М—нъ сказалъ, чтобы я прислалъ ему по городской почтѣ записку—кто я и чего желаю, и тутъ же пообѣщалъ написать обо мнѣ Голицыну.

Вслѣдъ затѣмъ обстоятельства такъ сложились, что я, въ концѣ апрѣля, поѣхалъ изъ Петербурга, съ умершимъ уже моимъ спутникомъ Г. Н. Честаховскимъ, провожать тѣло Т. Г. Шевченка въ Кіевъ. Послѣ похоронъ тѣла поэта, около Канева, Г. Н.

Ч—ій остался „прибирать“ могилу, а я поспѣшилъ въ родное село, къ матери, которая, по слухамъ, сильно тревожилась въ своемъ одиночествѣ происходившимъ вокругъ волненіемъ, какъ „пановъ“, такъ и „мужиковъ“. Пріѣхавъ домой, я нашелъ крестьянъ своего села (нѣсколькихъ владѣній) по виду спокойными. Покой этотъ, какъ выяснилось позже, былъ только наружный. Дѣло въ томъ, что крестьяне здѣсь, въ Малороссіи (да и въ другихъ мѣстахъ—тоже) очень долгое время никакъ не могли понять той „воли,“ которую получили... „Воля“ была объявлена, а „панщина“ продолжалась; говорилось, что крестьянская земля остается при крестьянахъ, а помѣщики говорятъ о какихъ то „отрѣзкахъ“; дворовые остаются въ панскихъ дворахъ и должны будто бы продолжать прежнюю службу панамъ—еще два года... Все это не вязалось въ умѣ крестьянъ съ тою „волею“, какая прочтена была имъ въ церквахъ. Естественно возникъ рядъ недоумѣній, за разрѣшеніемъ которыхъ крестьянамъ положительно не къ кому было обратиться: помѣщикамъ и священникамъ—они не вѣрили, а тѣ немногіе грамотные, которые тогда встрѣчались въ крестьянской средѣ, главнымъ образомъ отставные солдаты, давали комментаріи относительно „воли“—сбивчивые и неодинаковые... Изъ всѣхъ своихъ недоразумѣній крестьяне сдѣлали выводъ, что объявленная имъ воля—не та, которая дана царемъ, а извращенная панами, что настоящая воля сама объявится позже, когда крестьяне получатъ возможность прочитать настоящую волю... Поэтому крестьяне уже и къ первымъ распоряженіямъ администраціи по исполненію закона 19 февраля (образованіе сельскихъ обществъ, выборъ сельскихъ старостъ...) стали относиться совершенно пассивно, будучи убѣждены, что еще не насталъ тотъ „слушный часъ“, въ который они узнаютъ настоящую волю... Въ ожиданіи послѣдняго крестьяне не вѣрили разъясненіямъ мировыхъ посредниковъ и ни на какія почти предложенія помѣщиковъ, часто очень выгодныя для крестьянъ, не соглашались, ссылаясь на *слушный часъ*. Наступитъ „слушный часъ“, говорили межъ собой крестьяне, и лишь тогда они узнаютъ настоящую волю и будутъ знать, что имъ дѣлать, на что соглашаться,

а на что—нѣтъ... Хорошо помню свои разговоры съ крестьянами по поводу „введенія уставныхъ грамотъ“: нѣкоторые помѣщики предлагали крестьянамъ на выборъ—получить въ даръ четверть надѣла или взять, за установленную плату, полный надѣлъ. Крестьяне не знали что̀ дѣлать. Приходилось и мнѣ говорить съ ними по этому же вопросу. Крестьяне поровили отдалить отвѣтъ на предложеніе и, не смотря на указаніе, что написаніе уставныхъ грамотъ не можетъ быть отдалено, всякій разъ кончали тѣмъ, что просили подождать *слушнаго часа*. Извѣстно, что тѣ крестьяне, которые въ моментъ освобожденія вовсе не имѣли земли, [1]) могли по положенію 19 февраля получить четверть нормальнаго надѣла, но могли также и отказаться отъ него. Ожиданіе *слушнаго часа* повело къ тому, что безземельные крестьяне, не взявъ четвертнаго надѣла своевременно, затѣмъ вовсе потеряли на него право и остались безъ клочка пахатной земли тамъ, гдѣ весь ихъ бытъ основанъ на хлѣбопашествѣ...

Въ іюнѣ (1861 г.) получилъ я письмо отъ В. Н. Забѣлы (поэта), въ которомъ онъ „спѣшилъ извѣстить“ меня, что „его сіятельство господинъ начальникъ губерніи“ поручилъ ему передать мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ въ Черниговъ для полученія желаемаго мѣста. Дѣло въ томъ, что В. Н. Забѣла очень любилъ знакомиться со всякимъ „начальствомъ“. Будучи содержателемъ почтовой станціи въ г. Борзнѣ, черезъ которую проходилъ „московскій“ почтовый трактъ, Забѣла нерѣдко встрѣчалъ на этой станціи то или другое „начальство“ и тогда спѣшилъ ему представиться и по возможности познакомиться. Такимъ образомъ З—ла разъ встрѣтилъ на борзенской станціи князя Паскевича, представился ему, поднесъ своей наливки и за эту любезность былъ приглашенъ въ Гомель. Конечно, приглашеніе это было принято, и затѣмъ Забѣла очень любилъ повторять разсказъ о

---

[1]) Т. е. тѣ крестьяне, у которыхъ полевыя земли цѣликомъ были отобраны помѣщиками, при чемъ отобранныя земли обрабатывались безземельными крестьянами изъ части урожая.

своемъ визитѣ кн. Паскевичу, въ Гомель... Не знаю, гдѣ Забѣла встрѣтилъ Голицына, но приглашеніе послѣдняго, о моемъ пріѣздѣ въ Черниговъ, я, съ удивленіемъ, получилъ чрезъ Забѣлу. Приглашеніе губернатора показывало, что Милютинъ обѣщаніе свое исполнилъ.—Я поспѣшилъ въ Черниговъ и, облекшись во фракъ, явился въ губернаторскій домъ. Разговоръ съ губернаторомъ былъ коротокъ.

— Желаете служить по крестьянскимъ учрежденіямъ?

— Очень желаю, ваше с—ство.

— Я получилъ письмо отъ Н. А. Милютина и желаемое вами мѣсто согласенъ вамъ предоставить. „Свои люди—сочтемся!“ закончилъ губернаторъ, разумѣя „своимъ“ человѣкомъ Милютина.

Но когда Голицынъ спросилъ мои документы, то оказалось, что таковыхъ у меня не было, такъ какъ въ это время я служилъ въ археографической комиссіи; слѣдовательно, нужно было списаться съ начальствомъ послѣдней, чтобы оно сказало о неимѣніи препятствій на перемѣщеніе въ крестьянскія учрежденія. Губернаторъ обѣщалъ списаться, а пока получится отвѣтъ, я былъ свободенъ и уѣхалъ домой.—Передъ отъѣздомъ, я зашелъ къ близкому пріятелю одного изъ моихъ братьевъ, бывшему тогда предсѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда, Р. Д. Т—нѣ. Прежде онъ занималъ должность секретаря дворянскаго собранія, т. е. секретаря губернскаго предводителя или правой руки послѣдняго, пользовался большою извѣстностью въ губерніи, какъ за безкорыстіе, такъ и за участливое отношеніе къ ходатайствамъ всякаго состоянія просителей. Изъ нѣсколькихъ фразъ Р. Д. Т—ны, можно было видѣть, что это не только честный и добрый чиновникъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ довольно образованный и развитой. Сочувственно относясь къ крестьянской реформѣ, Тризна замѣтилъ мнѣ, что о новомъ губернаторѣ дать окончательное заключеніе—что онъ за человѣкъ—нельзя еще, но что выбранный имъ секретарь крестьянскаго присутствія, В. Д. Заика, несомнѣнно выходитъ изъ ряда обыденныхъ чиновниковъ по своимъ способ-

ностямъ, при чемъ, какъ человѣкъ молодой, онъ, Заика, кромѣ того, горячо относится къ крестьянскому дѣлу и несомнѣнно можетъ имѣть самое желательное вліяніе на ходъ этого дѣла въ сферѣ своей дѣятельности. [1])

II.

На желаемую должность я былъ опредѣленъ въ концѣ августа, а съ сентября началась и моя служба.

Я уже сказалъ, что въ „Положеніяхъ“ обязанности этой должности не были обозначены. Не могъ обязанностей этихъ предуказать и губернаторъ, по совершенной новизнѣ дѣла. Извѣстно было лишь, что министръ вн. дѣлъ,—въ циркулярѣ губернаторамъ о томъ, что̀ за люди должны быть опредѣляемы на эту должность,—писалъ, что отъ нихъ требуется прежде всего полное сочувствіе крестьянскому дѣлу... Циркуляръ этотъ исходилъ отъ только что назначеннаго тогда министромъ Валуева...

Членовъ отъ правительства мировыхъ съѣздовъ въ черниговской губ. полагалось четыре; между ними должны были быть распредѣлены пятнадцать уѣздовъ губерніи. На эту должность были назначены, кромѣ меня, П. Г. Борсукъ, А. В. Марковичъ и—не помню имени—Лузановъ. Борсукъ († 1893 г.), студентъ кіевскаго университета, получилъ это мѣсто по рекомендаціи Г. П. Галагана, у котораго онъ былъ передъ тѣмъ домашнимъ секретаремъ. Это былъ молодой человѣкъ, молчаливый, скромный, но въ тоже время съ характеромъ, и вполнѣ преданный идеѣ освобожденія крестьянъ. Кромѣ того, Б—къ хорошо былъ подготовленъ къ дѣлу потому, что съ крестьянскимъ положеніемъ знакомился еще до его напечатанія, при посредствѣ Галагана,

---

[1]) В. Д. Заика умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимая мѣсто директора одного изъ д—товъ м—ва вн. дѣлъ.

по порученію котораго разбиралъ документы на „собственныя земли“ галагановскихъ крестьянъ.[1]) Какъ у члена съѣздовъ, у Б—ка была еще отличительная черта, кромѣ предварительнаго знакомства съ „Положеніями 19 февраля“, заключавшаяся въ близкомъ знакомствѣ съ условіями крестьянской жизни. Родившись подъ Нѣжиномъ, онъ въ Нѣжинѣ окончилъ и образованіе (въ кіевскій университетъ Б—къ поступилъ послѣ окончанія нѣжинскаго лицея); такимъ образомъ, отъ рожденія и до окончанія лицея, Б—къ жилъ *дома*, въ той средѣ мелкопомѣстныхъ *панковъ*, которая тѣсно связана была съ крестьянствомъ и ежедневно наблюдала экономическія и всяческія другія условія жизни послѣдняго.—Своимъ знаніемъ дѣла и своею скромною настойчивостью, Б—къ имѣлъ большое вліяніе въ съѣздахъ, направляя на правый путь тѣ дѣла, которыя, по неопытности или по другимъ причинамъ, посредники рѣшали съ отступленіями отъ закона.

Другой членъ съѣздовъ былъ А. В. Марковичъ, извѣстный знатокъ малорусской народности и мужъ писательницы, извѣстной подъ именемъ Марка Вовчка.[2]) Дѣятельность М—ча въ съѣздахъ едва-ли была особенно полезна, такъ какъ онъ не способенъ былъ къ хладнокровному обсужденію дѣла... Третій членъ

---

[1]) Къ характеристикѣ Б—ка можно еще добавить, что это былъ очень талантливый актеръ, удивившій черниговцевъ 12-го февраля 1862 г., когда онъ сыгралъ роль выборнаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» (См. Основа, 1862 г., № 3, стр. 71—75). Заглавную роль при этомъ играла О. Н. Ш., которая при своей миловидности, еще и пѣла очень хорошо. Спектакль этотъ прошелъ до того удачно, что, по общему настоятельному желанію, онъ былъ чрезъ нѣсколько дней повторенъ. П. Г. Б—къ опять исполнялъ роль выборнаго, удивляя пріятелей своею рѣшимостью—выйти на театральные подмостки. Но когда, весною того-же года, Б—къ повѣнчался съ «Наталкой-Полтавкой», пріятелямъ его стало ясно—что̀ влекло актера на черниговскую сцену...

[2]) О Марковичѣ см. Кіевск. Стар. 1892 г., сентябрь.

съѣздовъ—изъ учителей гимназіи,—былъ человѣкъ, сколько помню, довольно равнодушный къ новому его дѣлу.

Прежде чѣмъ началась наша членская дѣятельность, т. е. прежде чѣмъ открылись засѣданія съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, мы присматривались и прислушивались къ тому, о чемъ говорилось въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, куда губернаторъ насъ постоянно приглашалъ.

Здѣсь я нахожу не лишнимъ сказать о начальной дѣятельности черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, заимствуя для сего свѣдѣнія изъ *журналовъ* присутствія, которые, по распоряженію губернатора, печатались: въ полномъ видѣ—для всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, и въ сокращеніи—для всеобщаго свѣдѣнія, въ губернскихъ вѣдомостяхъ. [1])

Новый губернаторъ (Голицынъ) вступилъ въ должность 14 марта и на первомъ представленіи ему губернскихъ чиновниковъ, въ своей рѣчи къ нимъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее. „Во главѣ предстоящихъ намъ занятій стоитъ приведеніе въ исполненіе великаго двухъ-сословнаго преобразованія. Первый шагъ этого дѣла былъ совершенъ еще до моего пріѣзда. Всемилостивѣйшій манифестъ обнародованъ 9-го марта и въ настоящую минуту нѣтъ мѣста въ черниговской губерніи, въ которомъ онъ не былъ бы извѣстенъ. Высочайше утвержденныя положенія о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, ожидаются мною съ-часу на-часъ; немедленно по полученіи, онѣ будутъ разосланы по всей губерніи.—Засимъ намъ будетъ предстоять святое дѣло введенія въ дѣйствіе этихъ положеній. На мнѣ и товарищахъ моихъ по губернскому присутствію лежитъ значительная часть этого труда... Помѣстное дворянство наше, безъ сомнѣнія, значительно облегчитъ намъ

---

[1]) Журналы губ. присутствія заключаютъ въ себѣ полную исторію—какъ вводилась въ черниговской губерніи реформа 19 февраля 1861 г., разумѣется съ опущеніемъ нѣкоторыхъ *закулисныхъ* добавленій. Жаль только, что полные экземпляры этихъ журналовъ найти теперь почти невозможно.

это дѣло. Оно выступило бодро и честно на встрѣчу преобразованія; оно и теперь, всѣми мѣрами будетъ способствовать ускоренію развязки, равно необходимой для охраненія всѣхъ вообще интересовъ..." [1]) Черезъ два дня послѣ этого, 16 марта открыто было губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ составѣ: губернатора, губернскаго предводителя, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и членовъ присутствія, А. И. Лизогуба и И. Г. Есимонтовскаго.— Второе засѣданіе, происходящее 20 марта, было прервано „по случаю внезапнаго прибытія фельдъегерей, привезшихъ назначенные для помѣщичьихъ имѣній экземпляры Высочайше утвержденныхъ *Положеній* о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, почему предсѣдатель закрылъ засѣданіе, такъ какъ ему необходимо было распорядиться немедленною разсылкою сихъ *Положеній* по уѣздамъ". Слѣдующія засѣданія происходили 27 и 31 марта, 11, 12, 13, 17 апрѣля, 11, 13, 17, 18, 22, 24, 30 мая и т. д. Какъ видно, засѣданія происходили очень часто, при чемъ уже съ апрѣля мѣсяца, присутствіе функціонировало въ составѣ четырехъ своихъ членовъ, А. И. Лизогуба И. Г. Есимонтовскаго, Г. Ц. Галагана и П. А. Васильчикова. Предметами главныхъ занятій присутствія—за это время—было составленіе формъ для уставныхъ грамотъ и распоряженія объ открытіи сельскихъ обществъ. Относительно послѣднихъ, губернаторъ, въ одномъ изъ засѣданій присутствія, заявилъ, что скорѣйшее открытіе сихъ обществъ неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи умовъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, отдѣльные факты, указывавшіе на такое „возбужденіе умовъ" едва ли записаны... Открытіе сельскихъ обществъ произведено было, подъ наблюденіемъ предводителей дворянства, исправниками и становыми приставами. Засимъ, въ майскихъ засѣданіяхъ присутствія обсуждался въ высшей степени важный вопросъ для черниговской губерніи—опредѣленіе тѣхъ мѣстностей, гдѣ могло быть введено „великороссійское по-

[1]) Черниг. губ. вѣд. 1861 г., № 12.

ложеніе", выгодное для помѣщиковъ и невыгодное для крестьянъ. Три уѣзда — суражскій, новозыбковскій и стародубскій — уже въ началѣ мая заявили въ губернскомъ присутствіи ходатайство „о повсемѣстномъ введеніи въ этихъ уѣздахъ великороссійскаго положенія". По закону (ст. 3 мѣстн. малорос. положенія) великорос. положеніе разрѣшалось вводить въ шести уѣздахъ черниговской губерніи: въ трехъ названныхъ и еще—мглинскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ, но при этомъ требовалось *„обоюдное соглашеніе* между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованное мировымъ посредникомъ". А помѣщики названныхъ уѣздовъ желали сдѣлать это положеніе *повсемѣстно* (въ уѣздахъ) *обязательнымъ для крестьянъ*. Къ нимъ присоединились и помѣщики сѣверной части сосницкаго уѣзда. Дѣло это велъ въ губерніи *членъ отъ правительства* И. Г. Есимовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи разскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великорос. положенія, при чемъ вѣроятно, окажется, что *повсемѣстному* (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва ли было мѣсто...

Въ маѣ мѣсяцѣ выбирались и назначались мировые посредники. Въ засѣданіи присутствія 6 іюня, губернаторъ по этому поводу заявилъ: „по совѣщанію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, я предположилъ учредить въ губерніи 57 мировыхъ участковъ. Приглашеніе лицъ къ занятію во всѣхъ этихъ участкахъ должностей мировыхъ посредниковъ мною сдѣлано. 52 посредника, изъявившихъ мнѣ свое согласіе, введены уже мною въ отправленіе этихъ должностей. Отъ остальныхъ ожидаю я отзывовъ". Въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовало открытіе волостей, и дѣятельность губернскаго присутствія вступила за симъ въ опредѣленную закономъ колею—„введенія въ дѣйствіе положеній 19 февраля", т. е. руководительства при составленіи уставныхъ грамотъ, выкупныхъ, договоровъ и др. актовъ, которыми неопредѣленныя условія крѣпостнаго состоянія уничтожались и замѣнялись различными юридическими формами, точно въ законѣ опредѣленными, уже *свободнаго* состоянія крестьянъ...

Засимъ продолжаемъ наши личныя воспоминанія.

III.

„Приглашеніе лицъ къ занятію должностей мировыхъ посредниковъ"—было важнѣйшею изъ функцій, возложенныхъ закономъ на губернаторовъ при „введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г." Мировые посредники являлись главными дѣятелями великой реформы, главными ея исполнителями. Какъ же произведено было это «приглашеніе» въ черниговской губерніи?—Хотя послѣдняя и не была чужою кн. Голицыну, такъ какъ онъ имѣлъ въ ней богатыя имѣнія (въ новозыбковскомъ уѣздѣ), будучи однимъ изъ наслѣдниковъ Румянцева-Задунайскаго, [1]) но такъ какъ Голицынъ почти постоянно жилъ за границей, то, разумѣется персоналъ черниговскаго дворянства, даже сѣверныхъ уѣздовъ, ему былъ почти совсѣмъ не знакомъ. Приходилось, значитъ, при выборѣ посредниковъ руководствоваться чужими мнѣніями.

Но что же за человѣкъ былъ самъ губернаторъ, на обязанности котораго лежалъ выборъ почти 60-ти *лучшихъ людей* въ губерніи?—Кн. С. П. Голицына я близко зналъ, впослѣдствіи, какъ губернатора и какъ частнаго человѣка, и, не обинуясь скажу, что это былъ безусловно честный и добрый человѣкъ, а къ тому же безсребренникъ. Жена его, при такой же добротѣ, какою отличался и мужъ, имѣла еще и недюжинный умъ. Голицынъ учился въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (его товарищемъ былъ Лермонтовъ) и затѣмъ служилъ въ преображенскомъ полку. Онъ рано женился на фрейлинѣ, гр. Л. П. Апраксиной, которая, при своей красотѣ, блистала, говорятъ, при дворѣ. Женившись, Г—нъ скоро оставилъ военную службу и былъ назначенъ однимъ изъ *атташе* при русскомъ посольствѣ въ Штутгардтѣ, гдѣ княгиня Г—на снискала сердечную пріязнь королевы Ольги Николаевны, дружескимъ благорасположеніемъ ко-

---

[1]) Мать кн. С. П. Голицына, В. С. Кагульская унаслѣдовала имѣнія гр. С. П. Румянцева.

торой пользовалась и потомъ. Въ Штутгардтѣ Г—нъ прожилъ до 1859 г., когда былъ назначенъ членомъ *редакціонной коммиссіи*, какъ говорятъ, по указанію самого Государя. Вотъ въ это то время Г—нъ, желая познакомить русское крестьянство съ предстоящей реформой его состоянія, и напечаталъ свою неудачную „Печатную Правду". У Г—на вообще была литературная жилка. Живя безъ дѣла въ Штутгардтѣ, онъ перевелъ на французскій языкъ и напечаталъ книжку Щебальскаго о царевнѣ Софьѣ, а затѣмъ, будучи губернаторомъ, любилъ передѣлывать французскіе водевили на русскій ладъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ печаталъ. Строгій отзывъ Крузе о „Печатной Правдѣ" заставилъ Г—на куда то далеко запрятать эту книжку, и затѣмъ авторъ никогда о ней уже и не упоминалъ.

Когда въ нач. 1861 г. смѣнено было нѣсколько старыхъ губернаторовъ и замѣнено новыми, въ виду предстоящей имъ дѣятельности въ крестьянской реформѣ, смѣненъ былъ и черниговскій губернаторъ, бывшій передъ тѣмъ харьковскимъ губ. предводителемъ дворянства, К. П. Шабельскій, а вмѣсто его назначенъ кн. Голицынъ.

Губернскій персоналъ чиновниковъ, близко стоявшихъ къ губернатору, былъ въ это время слѣдующій.

Вицегубернаторское мѣсто занималъ Ш., который будучи близкимъ родичемъ очень вліятельнаго тогда въ Петербургѣ С—на, держалъ себя довольно высокомѣрно, почему Г—нъ, съ первыхъ же дней, сталъ его сторониться. [1])

---

[1]) Ш. скоро почувствовалъ свою ошибку въ отношеніяхъ къ Г—ну, но уже не могъ съ нимъ сойтись. Непріязненныя свои отношенія къ Г—ну Ш. выражалъ довольно странно. Княгиня Голицына впослѣдствіи разсказывала мнѣ, напр., такую выходку Ш. Когда въ нач. 1862 г. ставили въ Черниговѣ любители *Наталку-Полтавку*, то въ этой постановѣ принималъ большое участіе Г. П. Галаганъ, помогая юнымъ актерамъ своимъ знаніемъ народнаго быта, за что былъ обвиняемъ уже и тогда въ пристрастіи къ родинѣ... Въ вечеръ представленія *Наталки*, когда Голицынъ былъ тоже въ театрѣ, Ш. пріѣхалъ къ княгинѣ Голицыной (почти никуда не выѣзжавшей)

Губернскимъ предводителемъ былъ Н. П. Бороздна, занимавшій это мѣсто лѣтъ пятнадцать уже до того, человѣкъ очень искусный въ дворянскихъ дѣлахъ, но довольно равнодушный ко всякому дѣлу, даже и крестьянскому, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ думалъ только о губернаторствѣ, которое ему было настоятельно обѣщано. А затѣмъ, въ губернской администраціи былъ еще близкій къ губернатору человѣкъ—правитель его канцеляріи. Эту должность занималъ тогда Х., разславленный „Искрой" на всю Россію подъ именемъ *Хапугина*... Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ типичномъ представителѣ дореформеннаго чиновничества. Х., послѣ прохожденія курса въ уѣздномъ училищѣ, поступилъ въ губернаторскую канцелярію, разумѣется, писцомъ; а затѣмъ, во время губернаторства П. И. Гессе, сдѣлался помощникомъ тогдашняго правителя канцеляріи Оболонскаго.[1])

Это было время очень памятное для черниговскихъ старообрядческихъ слободъ, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ, по представленію мѣстной администраціи, для раскольничьихъ слободъ черниговской губерніи, съ цѣлью противодѣйствія расколу, было учреждено нѣсколько новыхъ полицейскихъ должностей, подъ именемъ *помощниковъ становыхъ приставовъ*, на обязанность которыхъ возлагалось наблюденіе за нераспространеніемъ раскола и за непоявленіемъ раскольничьихъ поповъ... Назначеніе на эти должности, до Голицына, говорили, приносило тогда губернской канцеляріи особый и солидный доходъ... Х. получилъ мѣсто правителя канцеляріи послѣ ухода Гессе, при губернаторѣ Анненскомъ, а можетъ быть и Шабельскомъ. Чѣмъ выслужилъ эту должность сей Х., я никакъ не могъ понять, когда уже близко

и, какъ бы изъ участія, произнесъ такую фразу: „вотъ вы, княгиня, сидите здѣсь спокойно и не подозрѣваете, что въ этотъ моментъ черниговцы быть можетъ ставятъ Галагана на гетманство..." Разумѣется, разсчетъ былъ тотъ, чтобы напугать жену губернатора..

[1]) Позже—товарища прокурора казанской судебн. палаты, человѣка тоже очень замѣтнаго...

зналъ этого чиновника. Необразованный, неумный, малограмотный, грубый Х. не могъ быть, повидимому, желаннымъ правителемъ для двухъ послѣднихъ предшественниковъ кн. Голицына, потому что и Анненскій, и Шабельскій были, какъ всѣ говорили, людьми безупречными... Одною чертою своего характера выдѣлялся Х.—своимъ низкопоклонствомъ и грубою лестью... Быть можетъ, что предшественники Голицына ловились на удочку этой грубой лести... Какъ бы то не было, но Х. сдѣланъ былъ правителемъ губернаторской канцеляріи и вмѣстѣ съ этимъ получилъ большее вліяніе на выборъ полицейскихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и чиновниковъ на доходныя мѣста въ раскольничьихъ слободахъ. Такого правителя канцеляріи засталъ Голицынъ, при чемъ ему хорошо было извѣстно и прозвище его *Хапугинымъ*.

Ни Бороздна, ни Ш., ни Х.—никакой помощи Голицыну въ знакомствѣ съ контингентомъ мировыхъ посредниковъ оказать не могли. Кромѣ того, Голицынъ не нашелъ въ своей канцеляріи ни одного чиновника, котораго могъ бы приблизить къ себѣ: все это были люди безъ образованія и съ сомнительной репутаціей или же бездарные.—Но былъ въ Черниговѣ въ это время управляющій палатою государственныхъ имуществъ П. Л. Левдикъ (изъ стародубскихъ козаковъ), человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, умный и съ безупречною репутаціей. Вотъ этотъ то Левдикъ и указалъ Голицыну на молоденькаго чиновника своей палаты В. Д. Заику, способностей котораго нельзя было не замѣтить его умному начальнику. Голицыну не изъ кого было выбирать секретаря крестьянскаго присутствія и онъ пригласилъ на это мѣсто Заику. Послѣдній, кромѣ замѣчательныхъ своихъ редакторскихъ способностей, былъ еще, кромѣ того, постоянно привѣтливый и сообщительный человѣкъ, очень располагавшій къ себѣ людей, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Голицынъ скоро оцѣнилъ Заику, которому и сдалъ на руки канцелярскую часть крестьянскаго присутствія. Большая часть серьезныхъ „циркуляровъ“ и другихъ „бумагъ“ писались Заикою, (впрочемъ Голицынъ и самъ могъ ихъ писать и нерѣдко писалъ), и нѣтъ сомнѣнія, что будущій

историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи отмѣтитъ выдающуюся дѣятельность перваго секретаря губернскаго присутствія.—Будучи студентомъ кіевскаго университета, Заика, кромѣ того, зналъ тѣхъ своихъ товарищей по ученію, изъ черниговскаго дворянства, которые могли стать въ ряды желанныхъ мировыхъ посредниковъ. Указаніями Заики, по сей части, Голицынъ тоже воспользовался, и не ошибся. Кромѣ Заики, Голицынъ надежныхъ совѣтниковъ пріобрѣлъ себѣ, но гораздо позже, въ нѣкоторыхъ членахъ-дворянахъ губернскаго присутствія, которыхъ числомъ было четыре: два—по назначенію отъ правительства, а два—по выбору дворянства. Въ черниговскомъ присутствіи первыми были: Г. Ц. Галаганъ и И. Г. Есимонтовскій, а вторыми—А. И. Лизогубъ и П. А. Васильчиковъ. Вотъ при такихъ условіяхъ Голицынъ и намѣтилъ тѣхъ людей, которыхъ онъ затѣмъ пригласилъ на мѣста посредниковъ. Разумѣется, не обошлось тутъ и безъ предстательства, за родичей и близкихъ людей, отъ разныхъ мѣстныхъ тузовъ. Голицынъ сдѣлалъ нѣсколько уступокъ этимъ ходатайствамъ, при чемъ впослѣдствіи оказалось, что назначенные по этимъ протекціямъ посредники оказались не изъ лучшихъ... Выборъ остальныхъ, въ общемъ, былъ болѣе или менѣе удаченъ, какъ увидимъ ниже.

А теперь скажемъ о членахъ крестьянскаго присутствія, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ губерніи.

А. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе [1]).

11. Кровосмѣшеніе и дѣтоубійство.

Полтавскій козакъ Данило Клитненко женатъ былъ на вдовѣ, имѣвшей сына. Своихъ дѣтей у него не было, и онъ вырастилъ „пасерба“ (пасынка), какъ родного, женилъ его и надѣялся въ старости имѣть въ немъ опору и утѣшеніе. Но въ началѣ 1698 г. этотъ „пасербъ“ неожиданно умеръ, скоро послѣ того умерла и жена Данила, и остался онъ лишь съ неродною невѣсткою-вдовою Параскою Жаданивною. Данило былъ далеко не старымъ человѣкомъ, а его невѣстка совсѣмъ была молодою, и не диво, что, живя вдвоемъ въ одномъ домѣ, впали они въ превеликій грѣхъ, прижили дитя и, боясь позора и кары, погубили его. Можетъ быть, преступленіе это осталось бы нераскрытымъ, но вслѣдъ за тѣмъ сами преступники стали испытывать такое мучительное душевное состояніе, что Данило отправился къ своему духовнику, полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, повинился ему во всемъ и сталъ умолять наложить на него и на невѣстку самую тяжкую „покуту“ (епитимію), но снять съ ихъ совѣсти непосильную тяготу и вернуть имъ утраченный душевный покой. Старый протопопъ пришелъ въ ужасъ, выслушавъ Данилову исповѣдь, и сказалъ: „Безъ мѣры великъ твой грѣхъ, человѣче, и нѣтъ вамъ иного способа для его искупленія, какъ съ раскаяніемъ и покорностью волѣ Божіей

[1]) См. Кіев. Ст. № 2.

перенести ту кару, какую наложитъ земное правосудіе",—и съ этими словами отправилъ Данила въ полковый судъ.

Вѣсть о неслыханномъ преступленіи Данила Клитненка и его невѣстки взволновала всю Полтаву, и много „значного козацтва" и „славетного" мѣщанства собралось въ ратушу, чтобы послушать, какъ будутъ судить великихъ грѣшниковъ. Съ видомъ глубокаго сокрушенія Данило и Параска предстали предъ судомъ и не таясь и не оправдываясь „сами на себе тотъ ганебный учинокъ вызнали".

— Грихъ насъ, панове, спиткавъ,—винился Данило,—бо ще одъ святъ прошлыхъ воскресенскихъ знесшися я зъ Параскою, невисткою моею, мешкалы-сьмо по смерти жоны моеи въ еднимъ дому, и грихъ полнячы, прыжылысьмо дытя, дивчыну, и на морози держачы оное заморозылы и въ хыжи у землю закопалы, уходячы публикы свитовои и карности. Любо жъ (хотя) я еи, Параску, одъ того и одводывъ, лечъ (но) не мигъ еи въ тимъ погамоваты (удержать), бо вона мени сказала: „волымо вже за грихъ терпиты у Бога кару, нижъ встыдъ межъ людьмы миты"; и такъ по еи воли и я дався и билпъ одъ тои згубы не одводывъ, але и самъ на тое радывъ.

Параска ничего не сказала, потому что за горькимъ плачемъ не могла проговорить и слова.

Ни допроса свидѣтелей, которыхъ, впрочемъ, и не могло быть, ни извлеченія трупа погубленнаго ребенка, ни другихъ какихъ-либо слѣдственныхъ мѣръ судъ не призналъ нужнымъ производить: зачѣмъ все это, когда преступники сами во всемъ винились? Оставалось произнести декретъ.

Судъ, „познавши такый ганебный учынокъ Данылова и Паращынъ", призналъ, что они повинны въ двухъ тяжкихъ преступленіяхъ: „прогнивалы Господа Бога" тѣмъ, что, „въ сродстви будучы, допустылыся такого спросного (гнуснаго) гриха, а що гирше—поневажъ еще и плоду набувшы, оный згубылы"; и „вглянувшы въ право посполитое, (судьи) вынайшлы въ Статутѣ князства Литовского" (роздѣлъ 11, артык. 60) такое постановленіе: „кды бы (если бы) которая бѣлая-голова, не живучи въ станѣ малженскомъ, але вшетечне ся и нерядне справуючи и такъ плоду набувши, а потомъ для встыду албо боязни караня тотъ плодъ сама албо черезъ кого иного стра-

тыла и о смерть приправовала, таковые—яко тотъ, хто ся того чинити и плодъ такый губити подвязалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами маютъ горломъ карани быти". Въ виду этого судъ постановилъ: „тому жъ декретови и тыи двое збытечныкы и явногришныкы Даныло и Параска, невистка ёго, зосталы подлеглыми".

Осужденныхъ отвели на мѣсто казни, и тамъ они „подлугъ права, за свою такую ганебную вину, зосталы стяти", т. е. имъ отрубили головы.

---

12. Расторженіе брака, какъ мѣра уголовнаго наказанія

Близка была отъ опасности впасть въ ту же „ганебную вину" душегубства и полтавская мѣщанка Настя Цымбалистая. Была она женщина далеко немолодая, имѣла мужа и почти взрослую дочь. Мужъ занимался прасольствомъ, ѣздилъ то въ Сѣчь, то за Днѣпръ, то въ Слободскую Украину и по цѣлымъ годамъ не бывалъ дома; а легкомысленная жена, получая отъ него деньги на уплату долговъ, прогуливала ихъ „зъ мылосныкомъ" (любовникомъ) Грыгоромъ „винникомъ" (винокуромъ) да справляла ему дорогіе жупаны. Это былъ захожій мастеровой человѣкъ, служившій на одномъ изъ винокуренныхъ заводовъ, какихъ въ то время было много въ Полтавѣ, и судя по имени (Грыгоръ=польск. Grzegorz) долженъ быть признанъ если не полякомъ, то выходцемъ изъ Бѣлоруссіи или правобережной Украины.

Что ни дѣлалъ несчастный Мартынъ, чтобы отвадить этого Грыгора отъ своей жены, ничто не помогало; пока онъ дома, Настя будто ведетъ себя „статечне", какъ подобаетъ „мужней жонѣ", а чуть мужъ со двора, она принимается за старое. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока осенью 1690 года Настя „несподивано набула плодъ" и, боясь мужа и „свитовои публіки", задумала отдѣлаться отъ него путемъ преступленія или сдать его на попеченіе виновника его дней, какъ поется въ пѣснѣ:

Ой на тоби, коваче, дытыну,
Бо, далеби, въ кропыву укыну:
Я не хочу дытя годуваты,
То не будуть люды мене знаты.

Къ чести Грыгора, слѣдуетъ сказать, что онъ не отвѣтилъ, какъ герой той же пѣсни:

Не моя прычына—не моя дытына:
Сама есы, дурна дивко, ты у всёму выннa.

Опасаясь, какъ бы Мартыныха и впрямь не сгубила ребенка, онъ пріискалъ ему кормилицу и нанялъ для нея помѣщеніе вдали отъ сосѣдей, въ предмѣстьи Полтавы, Павленкахъ. Но отъ любознательныхъ кумушекъ не скроешься и подъ землею: онѣ не спускали глазъ съ Мартыныхи съ первыхъ дней ея интереснаго положенія и прекрасно знали, гдѣ находится ея ребенокъ и что съ нимъ дѣлается.

Но вотъ спустя три мѣсяца кормилица была разсчитана, а ребенокъ куда-то исчезъ. Сосѣдки и кумушки пришли въ волненіе: куда Мартыныха дѣвала ребенка? Ужъ не „згладыла“ ли его со свѣта? Поволновались день-другой и рѣшили, что нужно оповѣстить урядъ. И вотъ въ февралѣ 1691 г. ближайшая сосѣдка Меланка Коваиьковна, обиженная тѣмъ, что Мартыныха не пригласила ее „бабовать“, отправилась въ полковый судъ и заявила слѣдующее:

— Панове! Мартыныха Цымбалыстая, боязны Божои забувшы и каранія права посполытого, безъ бытности мужа свого Мартына, который у Сичи черезъ рокивъ два зостававъ, сплодыла дытя зъ Грыгоромъ выннымъ и породыла ёго сеи прошлои осены, передъ святымъ Дымытріемъ. Видаю я о тыхъ нецнотлывыхъ поступкахъ еи добре, бо тоди Настя, дочка Мартынышына, прызвала мене до матери своеи, ажъ дытыну уже уродыла Мартыныха. Тамъ тоди стоявъ Яцько Лысый, выннымъ, и баба тіеи дытыны, Хымка Семеныха. Яцько Лысый, выннымъ, и Олена Хведорыха, взявшы тую дытыну, пишлы до манастыра, абы тамъ еи охрещено—для того, щобъ въ поголосци людскій

тое Мартынышыне проступство не могло чынытыся. И я зъ нымы туды жъ ходыла. Охрещено тамъ тую дытыну рукамы отця Исыхія, намисныка, и дано ій имя Настя. Зъ манастыра тоди, не несучы вже тіи дытыны до Мартыныхы въ домъ, але прынесено еи до Сухыныхы старои въ хату. Тая жъ Олена Хведорыха, що була кумою, нанялася тую дытыну годоваты на чверть року за пять золотыхъ. А теперъ не видаю, де тая дытына дилася. Поты моеи повисты."

Судъ велѣлъ эту „повисть" записать, а бывшую „мамку" и куму Олену Хведориху „припровадити" на урядъ. Въ тотъ же день она была допрошена и показала такъ:

— Правда то есть, панове: хрыстыла я тую дытыну въ манастыри изъ Яцькомъ выннымъ; тамъ тоди була и Мелашка Кованькивна. По крещени зась, для пидпоры свого убозства, взяла я тую дытыну годоваты на чверть року за пять золотыхъ. Перше зоставала я съ тіею дытыною въ Сухыныхы чотыри недили, и Сухыныси, що мя передержала зъ дытыною чотыри недили, дала Мартыныха два золотыхъ. А одъ Сухыныхы пишовшы, промешкала я на Павленкахъ у Ивана Чыгыря висимъ недиль. Бильшъ безъ нагороды годоваты я не хотила. Ажъ прыйхавъ туда, на Павленки, Яцько Лысый, виннык, кумъ Мартынышынъ, съ которымъ я тую жъ дытыну хрыстыла у манастыри. Прыйихавшы зъ якымсь чоловикомъ, повидавъ Яцько, що се прыятель Мартынышынъ, въ Решетыливци жыветъ, и того чоловика жинка, взявшы дытыну Мартынышыну одъ мене, повезлы невидаю куды. Поты моеи повисты".

Судъ и эту „мову Оленыну" записать велѣлъ.

Затѣмъ былъ призванъ кумъ Мартыныхи, Яцько Лысый, винникъ, сослуживецъ и большой пріятель Грыгора, чѣмъ и объясняется его заботливое участіе въ судьбѣ ребенка и въ сохраненіи тайны его рожденія. Яцька спросили: „Черезъ якый способъ дытыну тую, взявшы зъ Оленою Хведорыхою, пишлы вы до манастыра хрестыты, а не до парохіяльного презвытера?

— Я, панове, не знаю, чія то дытына,—отвѣчалъ Яцько. Мене на улыци попрошено, Олена Хведорыха просыла, и пишлы-сьмо, тую дытыну перехрестылы въ монастыри.

— А що то за чоловикъ, що съ тобою прыйихавшы на Павленкы, до хаты Ивановои Чегырёвои, взялы зъ рукъ Олены, кумы и мамкы Мартынышынои, дытыну Мартынышыну? спросили судьи.

— Не знаю, не знаю,—„одпирався“ Яцько,—що то за чоловикъ зъ жоною своею, на Павленкы прыйихавшы зо мною, взялы у Олены тую дытыну.

Въ виду столь явнаго запирательства, судъ велѣлъ дать Яцька „пидъ кіевое каранья“. У него тотчасъ развязался языкъ, и онъ сталъ молить:

— Не кажитъ мене, панове быты: я вамъ скажу самую правду. Такъ було, якъ Мелашка Кованькивна и Олена Хведорыха повидаютъ: не на улыци мене прошено тую дытыну Мартынышыну хрестыты, але зъ господы еи, Мартыныхы, взявшы, у хрещеня святое у манастыри увелы-сьмо; и того чоловика, що съ своею жинкою и зо мною прыйихавшы на Павленкы, у Олены тую дытыну узялы, зовутъ ёго Юхымомъ, а господыню ёго Орышкою, жывутъ воны на сели Кгуджулахъ. Той Юхымъ Грыгорови тому, зъ которымъ Мартыныха сплодыла дытыну, братъ удругыхъ (т. е. двоюродный.) Бо почувшы Мартыныха, що мужъ еи скоро къ домови будетъ, просыла мене, абы я Грыгоровій невистци тую дытыну отдавъ; я на прозьбу еи чынывъ тое, отдавъ дытыну на село Кгуджулы до рукъ Орышкы, невисткы Грыгоровои.

Въ это время „миськи слугы“ привели въ судъ Настю Мартыныху Цымбалистую. „Не показуючы ей доводовъ тыхъ, що въ семъ свидомью вышей доложено“, судьи спросили Настю: „Чи правда есть тому, що ты, грихъ беззаконый поповнывшы, сплодыла соби дытя зъ Грыгоромъ выныкомъ?“

— Не знаю я того, панове,—отвѣчала крайне смущенная Настя.—Такъ то на мене люды говорятъ, але я не чуюся въ тимъ.

Тутъ судьи позвали Олену Хведорыху и велѣли ей уличать Настю. И „стала ій Олена, кума и мамка, все въ очи выговоруваты, повидаючы: „Чого таишся, Насте? Сплодыла-сь тое

дытя зъ Грыгоромъ, выннымъ, которое теперъ, за провьбою твоею, одъ мене взявшы, на Кгуджулы отдано."

Настя, слушая это, горѣла отъ стыда „и зъ велыкого встыду мало вже що и одповидала". Её велѣно взять „до вязеня".

Наконецъ „зыскань" былъ и Грыгоръ, винокуръ. Онъ упорно „прився (отрицалъ) всихъ своихъ нецнотлывыхъ поступкивъ". Его не стали уличять, а просто велѣли дать „до вязеня".

На другой день была допрошена Химка Семеныха, „що тій порожоній Мартынышыній дытыни бабою була". Она показала:

— Зазвала мене, панове, Настя, Мартынышына дочка, въ хату, говорячы: „ходы, прави, маты моя недужа". Я зась прыйду, ажъ тилко тіеи дытыны порожденя стало. Тоди мусила-мъ очыстыты по звычаю нашому".

Въ этотъ же день были „прыпроваженi" изъ с. Гуджуловъ, что близъ Полтавы, Юхымъ съ его женою Орышкою и съ ребенкомъ Насти Мартыныхи. Юхымъ „повѣдалъ" такъ:

— Я не видавъ, що то за дытына, бо Яцько Лысый говорывъ мени такъ: „сестра, прави, моя вмерла и дытына тая осталась; давъ я бувъ еи годоваты мамци, такъ вона не схотила годоваты въ чужій хати". А я певне не видавъ, чія то дытына."

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе, рѣшеніе же дѣла отложено до возвращенія въ Полтаву „акторской стороны", то есть мужа преступной Насти, которая до того времени, вмѣстѣ съ Грыгоромъ, должна была оставаться въ заключеніи.

Лишь черезъ двѣ недѣли послѣ того вернулся домой—не на радость, конечно—Мартынъ Цымбалистый, и на другой же день судъ занялся окончаніемъ дѣла о его женѣ. На судѣ Мартынъ такъ жаловался на Грыгора винокура:

— Панове! Сей зрайца Грыгоръ вже одъ давного часу мешканя мое псуетъ и не даетъ мени съ жоною мешкаты, худобы моеи зъ моею Настею не мало поліотровалы (разграбили). Напомынавъ я незбожныка кильокротне, щобъ мени встыду на домивку не наволикавъ, але винъ, на тое не дбаючы, до

сыхъ часъ зъ жоною моею мешкаючы, дытя (якъ теперъ я вывидавъ слушнымы доводамы) сплодылы, убогый домъ мій прывелы до нечесты. Я, убогый чоловикъ, черезъ ей власне у велыкыхъ довгахъ ставъ: що прышлю зъ Сичи и зъ иншыхъ сторинъ людямъ виддаты, то вона зъ мылоснымъ своимъ, зъ сымъ Грыгоромъ, прогуляетъ, ще до того и жупаны ёму справляла. Воля мылостей вашыхъ, тилко жъ одъ сёго часу не хочу ей миты за жону. Прошу зъ онои справедлывосты.

Судьи спросили Настю: „Чы зъ давныхъ вже часивъ зъ тымъ выннымъ Грыгоромъ мешкаешъ?“

— Я того ничого не знаю,—продолжала играть роль угнетенной невинности Настя,—и не моя то дытына, що годовала мамка.

За то Грыгоръ пересталъ запираться.

— Що жъ, панове,—винился онъ,—мешкавъ я много зъ Мартыныхою, пополнылы-сьмо беззаконый грихъ, въ которомъ гриху сплодылы-сьмо дытя, якее мылостямъ вашымъ показувано. Правда, скоро воно уродылося, повидала мени Мартыныха: „Де хочъ, прави, ёго подинь: хочъ убый, хочъ дай мамци годоваты“. Тоди я, боячыся велыкого караня на себе, заказавъ ій, абы тои дытыны не вбываючы, мамци дала годоваты, и на тимъ сталося съ порады моеи“.

Послѣ этого откровеннаго признанія Настя убѣдилась, что дальнѣйшимъ запирательствомъ она лишь напрасно вредитъ себѣ, и „вырекла тое:“

— Такъ есть, панове, гришыла я много зъ тымъ выннымъ и уродыла тое дытя. Не могу ся вже проступку, встыду одъ людей, а надто гриха свого затаиты, тилько прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя.“

Судъ справился съ „правомъ посполитымъ“ и въ книгѣ „Порядокъ“, на листѣ 132, нашолъ „декретъ:“ „Чужоложникъ на горлѣ маетъ буты каранъ, а чужоложниця абы была у пренкгера (позорнаго столба) быта и одъ права малженского оддалена“. Но тутъ за Грыгора стали ходатайствовать „люды зацныи“ изъ числа присутствовавшей въ судѣ публики, можетъ

быть хозяева тѣхъ винокуренъ, которыя имъ были устроены. Судьи согласились смягчить ему кару и постановили такой приговоръ: „Чужоложныка Грыгора любо (хотя), за прозьбою людей зацныхъ, караньемъ на горли даровалы сьмо, однакъ прыказуемъ урядовне, абы винъ одъ сёго часу куда хотя зъ миста (изъ города) пишовъ и не тилько въ самимъ городи Полтави, але и въ селахъ полтавскихъ не мивъ свого жытла. А Настю Мартыныху, чужоложныцю, не въ пренкгера, тилко на рынку, предъ народомъ посполитымъ, публице, кіямы пробывшы добре, даемо на волю Мартынови: колы не хоче, респектуючы на диты, зъ нею сложеныи, прыняты онои Насти за жону, тоди, якъ доложено у „Порядку“ на лысти вышей написаномъ, одъ права малженского и мы оддаляемъ. А колы въ наступуючіи часы винъ моглъ бы прыняты оную Настю за жону, то о тимъ впередъ въ суду духовного, потимъ намъ, врядови, повыненъ оповистытыся“.

Въ этомъ декретѣ достойна вниманія весьма любопытная подробность. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда одинъ изъ супруговъ подвергался осужденію за чужеложство, Магдебургское право безусловно предписывало расторженіе брака; между тѣмъ козацкій судъ, руководясь тѣмъ же параграфомъ Магдебургскаго права, постановляетъ декретъ о расторженіи брака лишь условно, въ зависимости отъ желанія или нежеланія стороны невиновной. Это общая черта козацкой юстиціи—свободное отношеніе къ буквѣ закона и примѣненіе его лишь постольку, поскольку его предписанія не противорѣчили мѣстнымъ юридическимъ воззрѣніямъ и обычаямъ, отъ которыхъ дѣйствовавшее право терпѣло на каждомъ шагу болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія. Такъ и въ данномъ декретѣ предписаніе Магдебургскаго права потерпѣло видоизмѣненіе потому, что оно противорѣчило основному положенію мѣстнаго обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавалась воля и согласіе самихъ супруговъ. Безъ нея даже юридическія и кононическія причины были безсильны сами по себѣ уничтожить брачный союзъ.

Разведенные такимъ способомъ супруги могли впослѣдствіи возстановить свой брачный союзъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ воли и желанія невиновной стороны; но въ такомъ случаѣ они обязывались предварительно заявить о томъ духовной власти и тому свѣтскому суду, по приговору котораго ихъ бракъ подвергся расторженію. Это опять черта мѣстнаго обычнаго права, не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ кодексовъ права Магдебургскаго. Повидимому, въ этомъ предписаніи рѣчь идетъ не объ испрошеніи у духовнаго и свѣтскаго уряда дозволенія на возстановленіе расторженнаго брака, а лишь о такомъ формальномъ заявленіи, какое въ любой гражданской сдѣлкѣ договаривающіяся стороны обязывались сдѣлать передъ урядомъ, если хотѣли вновь возстановить законную силу добровольно уничтоженнаго ими соглашенія.

---

13. Супружеское право помилованія осужденнаго.

Если бъ Мартынъ Цымбалистый захотѣлъ простить свою преступную жену, онъ не только имѣлъ право возстановить ея супружескія права, которыхъ она лишилась по судебному декрету, но могъ бы освободить ее и отъ той кары, къ какой она была приговорена.

Разъ судъ, подчиняясь воззрѣніямъ обычнаго права и опасаясь нарушить интересы и права невиновнаго супруга, нашелъ возможнымъ отступить отъ положительнаго требованія дѣйствующаго закона, то почему не итти и дальше въ этомъ направленіи? Если одна изъ мѣръ наказанія невѣрной жены—лишеніе ея супружескихъ правъ—ставится въ зависимость отъ согласія на то невиновнаго мужа, то почему и другія мѣры наказанія за то же преступленіе не подчинить тому же условію? Въ тѣ времена даже на убійство и другія уголовныя преступленія смотрѣли прежде всего какъ на дѣянія, нарушающія частные интересы, и если, напримѣръ, убійца или воръ примирялись съ потерпѣвшими и получали отъ нихъ прощеніе, то судъ, по большей части, освобождалъ ихъ отъ всякаго наказанія, взыскивая

съ нихъ лишь свой судейскій доходъ, или „вину". Почему же и на чужеложство и вообще супружескую невѣрность не смотрѣть съ частно-уголовной точки зрѣнія, какъ на преступное дѣяніе, болѣе всего наносящее ущербъ чести, интересамъ и вообще праву невиновнаго супруга? А если такъ, то какъ долженъ былъ поступить судъ въ такомъ случаѣ, когда невиновный супругъ заявлялъ на судѣ, что онъ прощаетъ виновнаго, хотя бы преступленіе его было доказано и онъ уже подвергся осужденію?

Такой именно случай произошелъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ въ маѣ 1688 года.

Судились нѣкіе Педоръ Панченко и Гапка Панасыха, изъ с. Шостаковъ, пойманные на чужеложствѣ. Они „доброволне обое злость свою на себе вызнавалы" и такъ винились:

— А що жъ, панове, нашъ то грихъ. Южъ то міеть буты рикъ, якъ пьяныхъ насъ дьяволъ звивь и нополнялы-сьмо вшетеченство, любо то въ Педора жона есть, а въ мене мужъ. Вольно вамъ, панове, зъ намы що хотиты чыныты: самую правду вамъ повидаемо".

Въ виду сознанія подсудимыхъ, слѣдствіе признано было излишнимъ, и судъ произнесъ декретъ: „Поневажъ тіи проступци обое зоставалы въ стану малженскимъ, поскромляючы такіи роспусты и вшетеченство, наказуемъ декретомъ нашымъ, ведле „Порядку", въ части 4-й, на лысти 131, абы чужоложныкъ Педоръ Панченко мечемъ бувъ каранъ, а чужоложныця Гапка Панасыха у пронкга абы быта була и одъ права малженского оддалена".

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: изъ среды присутствовавшей въ судѣ публики выступилъ Панасъ, мужъ осужденной Гапки, „и не допускаючы жоны своеи подъ карность, прынявъ собы жону за жону", а слѣдуя его примѣру, „туть же и Зинька, Педорова жона, прынялася за мужа, пробачывшы ёму той злый учынокъ вшетеченства". Что оставалось дѣлать суду при этой умилительной сценѣ? Не вырывать же было осужденныхъ изъ объятій невиновныхъ супруговъ, любовью и всепрощеніемъ покрывшихъ ихъ проступки. И судъ немедленно постановилъ другой декретъ: „и мы,

на жаданя ихъ (невиновныхъ супруговъ) изволывшы, карностю ганебною оныхъ проступцивъ даруемъ, еднакъ вину панскую и врядовую за проступство ихъ маютъ платыты".

---

14. Разводъ мужа съ женой-воровкой.

Если Магдебургское право карало замужнюю женщину, обличенную въ прелюбодѣяніи, расторженіемъ брачнаго ея союза съ невиновнымъ мужемъ, то въ этомъ законоположеніи не трудно усмотрѣть извѣстное логическое соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, ибо чужеложство и по каноническимъ правиламъ признается достаточнымъ основаніемъ для законнаго развода. Но что сказали бы присяжные юристы, если бы кто-либо потребовалъ развода единственно на томъ основаніи, что его жена опозорила себя совершеніемъ какого-нибудь уголовнаго и при томъ легко наказуемаго проступка, напримѣръ кражей? Конечно, ученый юристъ призналъ бы такое требованіе абсурднымъ, такъ какъ данный проступокъ не имѣетъ никакого отношенія къ сферѣ супружескихъ обязанностей провинившагося лица. Но это теоретическое соображеніе могло казаться мало убѣдительнымъ или даже вовсе непонятнымъ судьямъ изъ народа, простецамъ, незнакомымъ ни съ какими юридическими доктринами, а судившимъ преимущественно по внутреннему убѣжденію о справедливости, и въ своихъ опредѣленіяхъ болѣе руководившимся правовыми воззрѣніями и понятіями своей среды, нежели положительными велѣніями писаннаго закона; а таковъ именно и былъ характеръ и составъ малороссійскихъ судовъ XVII ст. Не входя въ тонкости юридическаго анализа при рѣшеніи вопроса, почему именно прелюбодѣяніе служитъ препятствіемъ къ продолженію брачнаго союза, козацкіе юристы могли усматривать это препятствіе въ томъ позорѣ, какимъ клеймилось прелюбодѣяніе въ тогдашнемъ обществѣ, при чемъ позоръ этотъ пятналъ не однихъ виновныхъ, но и членовъ ихъ семьи, ихъ рода и даже ближайшихъ ихъ потомковъ. Понятно, что съ

опозоренною такимъ образомъ женою тяжело было продолжать брачный союзъ невиновному мужу. Но не меньшимъ позоромъ карало тогдашнее общественное мнѣніе и лицъ, уличенныхъ въ кражѣ; отсюда народное правосудіе естественно могло прійти къ выводу, что не одно чужеложство, но и воровство, а можетъ быть и вообще всякое позорящее преступленіе могло служить для невиновнаго супруга законнымъ поводомъ требовать расторженія брака съ лицомъ, опозорившимъ себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія.[1]) Вѣроятно, этимъ лишь можно объяснить, почему въ практикѣ козацкихъ судовъ были возможны дѣла и рѣшенія въ родѣ слѣдующаго.

Въ 1665 году въ Бориспольскомъ сотенномъ и вмѣстѣ ратушномъ судѣ разсмотрѣно было дѣло по обвиненію мѣстной обывательницы, жены козака Лукьяна Лихолапа, въ кражѣ „куры“ у нѣкоей Носачихи. Обвиняемая хотя запиралась, но не могла оправдаться въ приписываемомъ ей проступкѣ, и судъ готовъ уже былъ признать ее виновной. Но потерпѣвшая Носачиха заявила суду, что она „не настоюетъ“ на осужденіи Лихолапихи. Судьи, согласно обычаю, спросили мнѣніе „мыра“, т. е. присутствовавшихъ на судѣ козаковъ и мѣщанъ, но „мырь весь едностайне крыкнувъ:“

— Колы той на настоѣтъ, кому шкода, а намъ на що?

Суду послѣ этого ничего не оставалось, какъ составить декретъ, по которому Лихолапиху „даровано жадною карностю“, т. е. она освобождена была отъ всякаго наказанія. Тѣмъ не менѣе судьи обратились къ присутствовавшему здѣсь же ея мужу Лукьяну съ вопросомъ: „Чы прыймешъ еѣ собѣ за жону, якъ булы-сте впередъ?“

Лукьянъ такъ „отповедилъ:“

— Пане вряде! Я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, колы вона съ тыхъ злыхъ речий (обвиненія) выводу собѣ не дастъ

---

[1]) Ниже, въ очеркѣ № 18, мы встрѣтимъ случай, что судъ угрожалъ зятю расторженіемъ его брака единственно за непочтительное обращеніе его съ тестемъ.

(т. е. не оправдается); а ежели бъ дала выводъ, що вона не есть тому причынцею, можна бъ тому ричъ. А теперъ еѣ цураюся и не хочу за жону мѣти, болше неславы не хочу на собѣ носыты; а дѣти моѣ при мнѣ нехай зостаютъ.

Судьи, „выслухавшы мовы Лукьяновои: „ижъ я цураюся еѣ“, казали оное дѣло признати и писару записати,“ т. е. узаконили заявленіе Лукьяна о расторженіи его брачнаго союза съ женою-воровкою на выраженныхъ имъ условіяхъ. Сверхъ того Лукьянъ просилъ дать ему „писание, щобъ онъ напотомъ не мѣлъ жаднои домовки“ (попрека) по поводу того, что его жена прокралась. Судъ удовлетворилъ и эту просьбу и выдалъ ему письменное удостовѣреніе такого содержанія: „якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливымъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушона, якъ зацнымъ предъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесетъ“.

Эготъ декретъ былъ скрѣпленъ подписями не только членовъ суда: войта, бурмистровъ и нарочито „зосланныхъ на тую справу отъ пана полковника“ лицъ, но и нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ на судѣ „на той справѣ зацными и вѣры годными людьми“.

---

15. Двумужница.

До сихъ поръ мы видѣли, что козацкіе суды, отчасти основываясь на своеобразномъ пониманіи извѣстнаго параграфа Магдебургскаго права, свободно расторгали браки по причинамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ каноническими предписаніями. Уже по одному этому можно судить, что принципъ неразрывности брачнаго союза въ убѣжденіяхъ людей той эпохи далеко не имѣлъ того абсолютнаго характера, какой ему придается церковными канонами; оттого и тогдашнія духовныя власти не протестовали противъ вторженія свѣтскаго суда въ такую область, которая во всѣхъ христіанскихъ обществахъ относилась всецѣло къ духовной юрисдикціи. Но жизнь народная шла дальше въ

этомъ направленіи, освящая обычаемъ еще болѣе рѣзкія отклоненія отъ церковныхъ правилъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ Малороссіи, какъ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ, брачныя отношенія все еще регулировались не столько каноническими предписаніями, сколько народными обычаями и преданіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшихъ эпохъ.

Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей церковнаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многовѣковыя усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII ст. въ правобережной Малороссіи и въ Бѣлоруссіи существовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земяне, продолжаетъ руководиться старинными воззрѣніями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачущихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при свидѣтеляхъ, и оформленъ законнымъ документомъ, а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ въ формѣ „весилья“, которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ сверхъ того освящаемъ и церковнымъ обрядомъ, и никто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права.

Точно такъ же и разводы сплошь и рядомъ совершались безъ участія духовной власти; для этого требовалось лишь, чтобы супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдали другъ другу такъ называемые тогда „роспустные листы“ и затѣмъ лично заявили ихъ передъ судомъ—духовнымъ или свѣтскимъ, послѣ чего обѣ стороны могли вступить въ бракъ съ другими лицами. Несогласная жизнь супруговъ считалась достаточнымъ поводомъ для расторженія брака по взаимному соглашенію; въ тѣхъ же случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ обвинялся въ прелюбодѣяніи и виновность его была доказана, судъ (не только духовный, но и свѣтскій) постановлялъ декретъ о расторженіи брака по требованію стороны невиновной. [1])

Все это можетъ быть подтверждено многочисленными и неопровержимыми свидѣтельствами въ видѣ предбрачныхъ контрактовъ, разводныхъ листовъ и другихъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края отъ XVI по XVIII ст. Въ лѣвобережной Малороссіи такія книги почти всѣ погибли или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не разысканы; тѣмъ не менѣе имѣются пока многочисленныя указанія, что и здѣсь брачный союзъ регулировался тѣми же воззрѣніями обычнаго народнаго права и при его заключеніи и расторженіи практиковались тѣ же порядки и формы, что и въ правобережной Малороссіи. Такія указанія встрѣчаются и въ тѣхъ судебныхъ актахъ, которые послужили матеріаломъ для нашихъ очерковъ. Вотъ наиболѣе опредѣлительное изъ нихъ.

Въ 1683 году въ Кишиньскомъ сотенномъ судѣ возникло дѣло по жалобѣ мѣстной козачки вдовы Ганны Петращихи на свою „пасербицю“ (падчерицу) Гальку „о заданью соби отъ неи непочтывыхъ дѣлъ и нецнотливого имени“, т. е. о безчестьи.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ—см. изслѣдованія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова изъ области семейнаго права по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ, а равно и наши статьи объ этомъ предметѣ въ «Русской Старинѣ» 1880 г., № 10, и въ «Кіевской Старинѣ» 1900 г. № 1.

Разслѣдованіемъ подтвердилось, что въ какой-то „бесиди," „при учтивыхъ жонахъ, Галька мачуху свою тыми словами публиковала: „тебе, мовытъ, отець мій въ Зинькови у стовпа (позорнаго) взявъ, ты-сь, мовытъ, курва". По обычному порядку дѣло поступило для рѣшенія въ полтавскій полковый судъ, который предложилъ жалобницѣ предварительно доставить отъ Зиньковскаго сотеннаго уряда свидѣтельство „о житю еи въ Зинькови и о поступкахъ еи жъ билоголовскыхъ, коли оную небожчыкъ Петрашко соби за малжонку бравъ". Въ назначенный срокъ обѣ стороны предстали предъ судомъ, причемъ Ганна Петращиха вручила предсѣдателю суда, полковнику Павлу Герцыку слѣдующій „лыстъ" отъ Зиньковскаго уряда:

„Мосци пане полковныку полтавскій, велце намъ мылостывій пане и добродію! Въ заводи (тяжбѣ) Петращыхы, Кишиньскои жытелкы, зъ еи пасербыцею Галкою, которая публикуетъ еи, Петращыху, ніякымысь нестатечнымы ричамы, якобы вона овде (когда-то) въ насъ, въ Зинькови, мила за проступокъ якыйсь въ стовпа сыдиты и якобы съ того вязеня небожчыкъ Петрашко оную взявъ въ станъ малженскій, такъ до вашмосци пана пышемъ, що Галка Петрашкивна мачуси своій Петращыси жаднымъ (никакимъ) доводомъ слушнымъ реченого сромотного заданя довесты не можетъ, бо то не тилко намъ, урядови, свидомо о еи Петращышныхъ статечныхъ поступкахъ, але и иншіи старынныи люде, видаючи о еи зъ першымъ мужемъ статечномъ мешканю, такого еи екцессу не прывнаютъ, яко жъ и панъ Мыкыта Безпалый, атаманъ нашъ городовый, старостою пидъ часъ ихъ акту весильного будучи, мовытъ, що тіеи публики на Петращыху не було. О тимъ вашмости, добродіеви нашому, выписавшы, остаемъ на завше покорныи слугы: Ѳома Григоріевычъ, сотныкъ Зиньковскій, Мыкыта Безпалый, атаманъ городовый, Иванъ Матвіевычъ, войтъ зъ майстратомъ".

Этимъ документомъ окончательно опровергались клеветническія сплетни, выдуманныя Галькою относительно мачехи. Но для большаго посрамленія строптивой и дерзкой „пасербицы", судъ призналъ „за ричъ слушную" собрать такія же справки о

ней самой, объ ея „житю и билоголовскихъ поступкахъ“. Съ такимъ запросомъ полковникъ обратился къ полтавскому протопопу Лукѣ Симеоновичу, который не замедлилъ прислать слѣдующій отвѣтъ:

„Мосципане полковныку, добродѣю мой! Совѣсти, на исповѣди открываемой священикови, не достоитъ откривати; а що ся дѣетъ всѣмъ явного о чиихъ нецнотахъ, тое оповѣдѣти не возбранно. Галка Петрашкивна, мѣючи живого мужа, зъ другимъ нецнотливымъ понялася и безъ благословенія моего и безъ вѣдомости парахіялного своего священика взяла шлюбъ. Дармо ся доброю менуетъ и нецноты свои привернением славы покрыты усылуетъ, выводячись зъ якыхсь обмовокъ. Правда то, що корову въ нея отъ парахіялного презвитера взято, проте и еще не вольна есть жити зъ сымъ мужемъ, але розлученію подлежитъ, кгды жъ (такъ какъ), мѣючи живого мужа, зъ симъ прелюбы творытъ, а не по закону Божію живетъ. А еще и не бравши зъ симъ вторимъ мужемъ шлюбу, пріобрѣла дѣтище, за що и я взялемъ корову. Неналежная рѣч, абы она зъ симъ прелюбодѣемъ жила: конечне ихъ розлучити треба; тилко одъ того ся завше криетъ, до сего часу не трафилося ей зыскати. Тое милости твоей ознаймивши, зостаю милости твоей всѣхъ добръ желатель и богомолець Лука Симеоновычъ, протопопа полтавский“.

Итакъ, мы узнаемъ, что Галька Петрашковна, не обращаясь къ духовному суду, развелась съ первымъ мужемъ и вступила въ новый бракъ съ другимъ лицомъ, при чемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ бракъ вѣнчаннымъ, или дѣло обошлось однимъ „весильемъ“. Съ точки зрѣнія обычнаго права, Галька не совершила нарушенія закона, а потому и сама она искренно считала себя „доброю“, т. е. честною „мужнею жоною“, и общество признавало законность ея второго брака. Будь иначе, ея открытое сожительство съ мужемъ явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ явнымъ любодѣяніемъ; а въ тѣ времена въ Малороссіи не только явные, но и тайные прелюбодѣи подвергались немилосердному преслѣдованію: всякій, кто хотѣлъ (а въ охотникахъ не было

недостатка), имѣлъ право подстеречь ихъ „на злом учынку“, подвергнуть позорному клейменію (урѣзать полы и связанными представить на урядъ), а судъ всегда подвергалъ ихъ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ и позорнымъ наказаніямъ, а нерѣдко приговаривалъ и къ смертной казни. Но оказываетъя, что приходскіе священники и протопопы, стоя на почвѣ каноническихъ предписаній, нерѣдко заявляли свой протестъ противъ народныхъ обычаевъ въ области брачнаго права. Справедливость требуетъ замѣтить, что такіе протесты не всегда исходили изъ чистыхъ побужденій, т. е. изъ пастырской заботливости о народной нравственности и исполненіи церковныхъ законовъ. Еще въ XVI ст. южнорусскіе архіереи многократно громили подвластныхъ имъ протопоповъ и священниковъ за узурпацію единственно принадлежащаго епископу права совершать разводы, разрѣшать недозволенные канонами браки, судить прелюбодѣевъ и другихъ нарушителей церковныхъ законовъ и т. п.; а эта узурпація обусловливалась не столько іерейскимъ властолюбіемъ, сколько корыстью: вѣдь тогдашній судъ какъ свѣтскій, такъ и духовный, доставлялъ судьямъ значительный доходъ въ видѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, или „винъ“. Эта приманка могла сама по себѣ служить поводомъ духовенству для вмѣшательства въ область народныхъ обычаевъ, касающихся брачнаго права. Такъ было и въ данномъ случаѣ: за самовольный разводъ и вторичный бракъ приходскій священникъ отбираетъ у Гальки корову; въ то же время полтавскій протопопъ привлекаетъ Гальку къ своему суду за то, что она немного поторопилась стать матерью, и въ качествѣ судебной „вины“ тоже беретъ у нея корову. Простодушная Галька и ея мужъ навѣрное полагаютъ, что двумя коровами они въ достаточной мѣрѣ расквитались за неумышленное нарушеніе невѣдомыхъ имъ каноновъ, и надѣются, что теперь уже оставятъ ихъ въ покоѣ,—не тутъ то было: протопопъ попрежнему считаетъ Гальку двумужницей и требуетъ, чтобы она насильственно была разлучена отъ совмѣстной жизни съ „прелюбодѣемъ“, т. е. вторымъ мужемъ.

Впрочемъ, полковый судъ не выразилъ, что онъ придаетъ какое-либо значеніе этому требованію. Протопопское письмо ему понадобилось только лишь для посрамленія дерзкой падчерицы, которая, сама имѣя не совсѣмъ безупречное прошлое, осмѣлилась безчестить мачеху, ложно обвинивъ ее „въ непочтивыхъ рѣчахъ“. Въ своемъ декретѣ судъ призналъ Ганну Петращиху „за невинную и доброе имя и почтивие, статечные поступки маючую“, въ удостовѣреніе чего и въ огражденіе на будущее время ея неопороченной чести велѣлъ выдать ей посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета; а Галька была признана виновной въ клеветѣ, и ей велѣно было публично признать, что она ложно „задавала мачусѣ своей ганьбы и непочтивости“, и „ревоковать“, т. е. взять назадъ свои „кламливыи речи“. И когда Галька исполнила все это, Ганна Петращиха, согласно обычаю, „Галку, яко клеветницу свою власную, по щокахъ килька разовъ вдарила“. Откуда явился въ Малороссіи этотъ жестокій обычай—не умѣемъ сказать: ни въ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ о немъ нѣтъ и помину; но обычай этотъ неизмѣнно практиковался лишь въ дѣлахъ объ оклеветаніи женщинъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда невинно оклеветаннымъ оказывался мужчина, дѣло оканчивалось одной „ревокаціей“, безъ пощечинъ.

---

16. Вотчимъ и падчерица.

Передъ нами только что прошли мачеха съ падчерицей. Взаимныя отношенія между ними, какъ и слѣдовало ожидать, крайне враждебны. Конечно, степень обостренности этихъ отношеній—явленіе случайное; но, вообще говоря, мирныя, а тѣмъ болѣе любовныя отношенія мачехи къ нероднымъ дѣтямъ—феноменъ столь же рѣдкій, какъ и смоквы, выросшія на ивѣ, или изюмъ на липѣ, о которыхъ иносказательно говоритъ Даніилъ Заточникъ. Отчего мачеха не можетъ стать (иногда при всемъ желаніи) доброю матерью для пріемныхъ дѣтей—это вопросъ изъ области біологіи или психологіи, но никакъ не исторіи. Наша

наука можетъ лишь констатировать, что несимпатичный типъ мачехи въ своихъ существенныхъ чертахъ остается неизмѣннымъ во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ. Вліяніе расы, религіи, даже культуры не имѣетъ здѣсь почти никакого значенія, ибо опытъ свидѣтельствуетъ, что и образованныя женщины часто бываютъ безсильны до конца побороть въ себѣ низменное чувство инстинктивной непріязни къ пасынкамъ и падчерицамъ.

Къ чести представителей „грубаго пола“ надо отнести, что они мало или вовсе не подтвержены этой странной идіосинкразіи. Въ то время, какъ въ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, „злая мачеха“ только и дѣлаетъ, что злобно преслѣдуетъ и даже изводитъ со свѣта несчастную падчерицу, вотчимъ неизмѣнно рисуется, какъ добродушный и справедливый человѣкъ, съ одинаковою заботливостью относящійся къ роднымъ и нероднымъ дѣтямъ. И въ современномъ быту, не только среди культурныхъ классовъ, но и среди простонародья, какъ часто можно встрѣтить вотчимовъ, питающихъ настоящую отцовскую привязанность къ пріемнымъ дѣтямъ и пользующихся съ ихъ стороны тою же любовью! Это—важное преимущество мужчины, свидѣтельствующее о превосходствѣ его ума, чувства справедливости и человѣчности.

Такимъ прекраснымъ вотчимомъ былъ и Решетиловскій козакъ Пасько Палёнка. По смерти жены осталась на его попеченіи „пасербица“ (падчерица) Ивга; [1]) онъ ее выростилъ, какъ родную дочь, и выдалъ замужъ за какого-то Грыцька Семченка. Зять оказался пьяницей, „ледащомъ“, часто колотилъ жену, поэтому она скоро бросила его и стала жить у вотчима. Какъ ни старался Грыцько вернуть Ивгу, однако не могъ этого добиться, потому что старый Палёнка не позволялъ взять ее силой и какъ родную дочь защищалъ отъ насилій пьяницы мужа. Это приводило въ бѣшенство Грыцька, и онъ при содѣйствіи своего зятя, такого же пьяницы, Паська Гончаренка, сталъ распускать слухи,

---

[1]) Т. е. Евгенія. Въ подлинномъ актѣ это имя, согласно тогдашнему произношенію, пишется *Ювга*.

будто бы Палёнка потому удерживаетъ у себя его жену, что живетъ съ нею „вшетечно“. Не удовольствуясь этимъ, пріятели искали случая причинить Палёнкѣ еще бо́льшія непріятности. Однажды они застали его въ корчмѣ въ состояніи полнаго опьянѣнія. Гончаренко привязался къ нему и въ присутствіи нарочно приглашенныхъ пріятелей и родственниковъ сталъ попрекать его, будто онъ состоитъ въ преступной связи съ падчерицей. Пьяный Палёнка бормоталъ что-то невнятное. Тогда Гончаренко крикнулъ присутствующимъ:

— Будьте, панове, свидкамы: Паліонка самъ вызнаетъ на себе, що чужоложытъ зъ Ювгою, и просытъ мене, абы-мъ я того не розголошавъ. Ахъ ты жъ, нецното!“ и съ этими словами Гончаренко нанесъ пьяному старику нѣсколько пощечинъ.

Палёнка, конечно, пожаловался за эти побои и безчестье. Гончаренко оправдывался, что онъ „поличковалъ“ (билъ по щекамъ) Палёнку, какъ явнаго прелюбодѣя, открыто признавшагося въ гнусномъ преступленіи, и ссылался на свидѣтелей, которые утверждали, будто слышали изъ устъ самого Палёнки это признаніе; но решетиловскій сотенный судъ не принялъ во вниманіе этихъ оправданій и приговорилъ Гончаренка къ тюремному заключенію и крупному денежному штрафу. Тогда Гончаренко и его пріятели употребили другое средство: по ихъ наущенію, пьяный Грыцько подкараулилъ какъ-то свою жену, силою увелъ въ домъ своего родственника, подвергъ ее жестокимъ истязаніямъ, пекъ раскаленнымъ желѣзомъ и даже угрожалъ убить ее, требуя, чтобы она, для „вызволенья“ изъ тюрьмы его зятя, въ присутствіи все тѣхъ же припасенныхъ впередъ свидѣтелей, призналась, будто „чужоложила“ съ отчимомъ. Опасаясь за свою жизнь, истерзанная Ивга была вынуждена сдѣлать на себя этотъ поклепъ. Послѣ этого ее сейчасъ же повлекли къ сотнику, передъ которымъ она, уличаемая мужемъ и его свидѣтелями, должна была повторить тотъ же поклепъ. Въ виду такого якобы добровольнаго сознанія, сотникъ приказалъ арестовать Ивгу и ея вотчима и отправить ихъ, какъ тяжкихъ преступниковъ, въ полковый судъ.

Въ началѣ августа 1694 года происходилъ разборъ этого дѣла. Пасько Палёнка горько жаловался, что Гончаренко и его свидѣтели ложно „наводятъ на него“ тяжкое преступленіе, и просилъ у судей «въ такій невинности своій святои справедливости». Первой была допрошена Ивга; она «плачливе» такъ говорила.

— Мылостывыи мои панове! Пасько Гончаренко отчыма мого побывъ, за якее безчестя отчымъ мій до суду тамошнёго решетыливскою ёго, Гончаренка, бувъ позвавъ и копъ симъ грошей на оного наложывъ, которого Гончаренка тамошній урядъ и до вязеня давъ. А въ тій ихъ контроверсіи мужъ мій Грыцько, прыйшовшы на господу отчыма мого, бывъ мене тыранско, выговоруючы тое: «ты, прави, жывешъ, нецното, зъ отчымомъ своимъ, пополняючы зъ нымъ чужолозство»; а потимъ, узявшы мене за шыю намиткою, повивъ до дядька свого Киндрата, де и тамъ бывъ мене нагайкою, а потимъ, росклавшы вогонь и роспалывшы желизо, пикъ мене, одъ чого и теперъ, якъ бачыте, на тили моимъ шванкы (поврежденія), и мордовавъ, такъ выговоруючы: «Твій, нецното, отчымъ для того тебе до себе взявъ, щобъ зъ тобою такый грихъ пополнявъ, якъ Пасько Гончаренко, зять мій, на отчыма твого свидчыть и бывъ ёго по щокахъ за тое, а отчымъ твій ще ёго, Паська, и просывъ, мовячы: „будь ласкавъ, що було, то було, а нехай тилко тое Господь Богъ видаетъ, а ты того не розшыряй, змылуйся“! А колы зять мій тое не хотивъ утаиты, винъ зятя мого теперъ и самого у биду управывъ. А теперъ, щобъ ёго зъ тіеи биды якъ вызволыты, говоры на отчыма свого, будто винъ съ тобою вшетечне жыветъ“. Прото я, терпячы такую биду отъ мужа мого, що и сокырою ще хотивъ мени шыю утяты, колы бъ того не казала, мусила-мъ тое говорыты, будто отъ Святои недили [1]) жыву зъ отчымомъ моимъ вшетечне. Тое я и говорыла, и такъ воны, по моимъ невыннимъ ся прызнатю, принеслы тое и до суду и сюда въ полтавскее вяземя управылы мене зъ отчымомъ моимъ. А уховай Боже, панове, нехай мене Господь Богъ скараетъ на души и

---

[1]) Такъ называется недѣля Пятидесятницы, или Троицкая.

на тили,—не чынила я зъ отчымомъ моимъ того богомерзкого гриха и не видаю. И за тее мужъ мій мене мордовавъ и зъ направы власного зятя Гончаренка пикъ вогнемъ: „бо твій, прави, отчымъ зятя мого, що ёго ударывъ по щокахъ, зъ остатнои сорочкы вывертытъ, колы ты на ёго не скажешъ, щобъ винъ зъ тобою мешкавъ, якъ изъ своею жоною". Але нехай на мене явныи доводы въ тимъ злимъ учынку, въ якимъ зъ давныхъ моихъ литъ не чуюся, покажетъ, и вси, хто тамъ на той часъ бувъ пры моимъ мордерстви (мученіи), якый доводъ слушный дадутъ".

Свидѣтели Гончаренка единогласно показали:

— Мылостывыи панове райци! Любо (хотя) пры тому мордерстви ей не булы-сьмо, а однакъ, поневажъ Гончаренко, прыятель нашъ же, завидъ маючы зъ Палёнкою, посылавъ насъ пытаты Ювгы, чы вона зъ нымъ мила сполкованія (связь); аже вона и передъ намы—правди, вже бытая—прызналась, шо тое було межъ нымы; та и давно тая поголоска похóдыла, що воны жывутъ зъ собою."

Спрошенъ былъ въ качествѣ свидѣтеля и „господарь (мужъ) Ювжынъ", давшій такое показаніе:

— На тестя мого, панове, за тое жалую и въ подойзреню жону мою маю, що вона, зо мною не жывучы, мешкала зъ нымъ, отчымомъ своимъ, вкупи, въ едній господи. Та и зять мій Гончаренко на ёго тое вызнаетъ и людей пидводытъ, що зъ устъ ей чувъ, якъ вона и передъ судомъ прызналася въ Решетыловци, що зъ отчымомъ своимъ жыла власне, якъ бы зъ своимъ мужомъ".

Наконецъ очередь дошла до Паська Гончаренка, игравшаго въ этомъ процессѣ двойную роль—обвиняемаго и вмѣстѣ обвинителя. Съ видимымъ одушевленіемъ и злобой онъ сказалъ:

— Панове уряде! Черезъ цилый рикъ уже тое слынуло, що якобы Палiонка, взявшы до себе Ювгу, жону шурына мого, изъ нею чужеложывъ; тилько жъ не смилы-сьмо въ тимъ за ёго взятысь. А теперъ, колы люде, пры нашимъ заводу, сталы шемраты о тимъ, та и сама Ювга передъ урядомъ прызналась, на

що есть у мене свидкы, якіи зъ усть еи тое чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немае, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тое довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною призналъся бувъ до того, що мивъ зъ пасербыцею своею злее сполкованя, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынку никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, сватъ мій, хоче теперъ мене въ биду прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленый, що якъ люде свидоми, та и мы зъ усть ёго чулы, якъ винъ самъ на еи и на себе прызнавъ той учынокъ,—того жъ и теперъ не запыраемось и такъ повидаемо, що винъ власный тому естъ дійця. Поты моеи повисты".

Судъ призналъ, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Палёнку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіе бъ милы буты при застатю, зъ кымъ бы воны милы тое прысягою довесты", а мнимое сознаніе Ивги не имѣетъ значенія, „поневажъ за срокгостю мордерства, поносячогося отъ мужа еи, мусила Ювга зезнаваты на себе такую невинность". Поэтому, „маючы тыхъ всихъ за неправдывіи свидкы, що воны, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невынность злослыве зложылы и зъ своими прыятелями на оного у суду того доводылы", судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку" полскомъ, на лысту 17 описаного", постановилъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Палёнка и его падчерица, „въ той своей невинности прысягою одвелыся", послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „мененыи свидкы, поневажъ дознани суть свидкамы неправдывымы, маютъ вси быти карани, чымъ милы блыжнимъ своимъ ушкодыты," т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угрожало, по ихъ оговору, Палёнкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винѣ подлеглыми зо-

ставши и карность належную понесши, яко правние виклады (судебные расходы) сторони поводовой, такъ и безчестя нагородити повинни, при заплаченю вины панскои и врядовои."

---

17. Тесть и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Теля пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ" Леськом Матіенкомъ, по прозвищу Виноградным (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Ѳедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый сватъ мій Лесько сына мого ридного а зятя свого зъ неужытого серця, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть прыправывъ: въ суботу у вечиръ вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилю, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывши. Прошу мылостей вашыхъ скутечнои справедлывосты, нехай той трупъ сына мого ведле звычаю хрыстіянского похованъ будеть, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ ризнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довгивъ платыты, которыхъ довгивъ всихъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ".

Судьи спросили Леська Виноградного: „Для якои бы то прычыны Хведора, сына Панасового а зятя свого, такъ ганебне вдарывши, о смерть прыправывъ?"

Лесько съ поникшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлую, за дявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя свого засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вына: вильно вамъ, панове, во мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее серце забойство справыло, чого не можу оджаловаты."

що есть у мене свидкы, якіи зъ усть еи тое чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немае, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тое довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною прызнався бувъ до того, що мивъ зъ пасербыцею своею злее сполкованя, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынку никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, сватъ мій, хоче теперъ мене въ биду прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленый, що якъ люде свидоми, та и мы зъ усть ёго чулы, якъ винъ самъ на еи и на себе прызнавъ той учынокъ,— того жъ и теперъ не запыраемось и такъ повидаемо, що винъ власный тому естъ дійця. Поты моеи повисты".

Судъ призналъ, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Палёнку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіе бъ милы буты при застатю, зъ кымъ бы воны милы тое прысягою довесты", а мнимое сознаніе Ивги не имѣетъ значенія, „поневажъ за срокгостю мордерства, поносячогося отъ мужа еи, мусила Ювга зезнаваты на себе такую невинность". Поэтому, „маючы тыхъ всихъ за неправдывіи свидкы, що воны, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невынность злослыве зложылы и зъ своими прыятелями на оного у суду того доводылы", судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку" полскомъ, на лысту 17 описаного", постановилъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Палёнка и его падчерица, „въ той своей невинности прысягою одвелыся", послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „мененыи свидкы, поневажъ дознани суть свидкамы неправдывымы, маютъ вси быти карани, чымъ милы блыжнимъ своимъ ушкодыты," т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угрожало, по ихъ оговору, Палёнкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винѣ подлеглыми зо-

ставши и карность належную понесши, яко правние виклады (судебные расходы) сторони поводовой, такъ и безчестя нагородити новинни, при заплаченю вины панскои и врядовои."

---

17. Тесть и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Теся пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ" Лескомъ Матіенкомъ, по прозвищу Виноградным (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Ѳедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый сватъ мій Лесько сына мого ридного а зятя свого зъ неужытого серця, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть прыправывъ: въ суботу у вечиръ вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилю, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывши. Прошу мылостей вашыхъ скутечнои справедлывости, нехай той трупъ сына мого ведле звычаю хрыстіянского похованъ будетъ, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ ризнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довгивъ платыты, которыхъ довгивъ всихъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ".

Судьи спросили Леська Виноградного: „Для якои бы то прычыны Хведора, сына Панасового а зятя свого, такъ ганебне вдарывши, о смерть прыправывъ?"

Лесько съ поникшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлую, за дявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя свого засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вына: вильно вамъ, панове, во мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее серце забойство справыло, чого не можу оджаловаты."

Судьи осмотрѣли трупъ убитаго, видѣли рану на головѣ и стали „радитись“, какой карѣ подвергнуть убійцу. Посмотрѣли въ Статутѣ—тамъ (разд. 12, арт. 1 и 2) сказано: если шляхтичъ убьетъ человѣка „простого стану“, то платитъ лишь головщину; если же и убійца окажется „человѣкомъ простого стану,“ то подлежитъ смертной казни и уплатѣ головщины изъ его имущества. Посмотрѣли еще „въ Саксонъ правъ Майдебурскихъ“—тамъ категорически сказано (въ 38 артык.): „мужебойца маетъ быти стятъ“. Примѣнительно къ этимъ статьямъ закона, судьи постановили приговоръ: „Поневажъ то Лесько давъ мисце неужытому серцю своему и прыятеля (родственника) свого о смерть прыправывъ, маетъ буты, ведле права, горломъ каранъ, а головщына зъ маетности его рухомои ведле стану ёго заплачена буты маетъ“. Но тутъ „наступылы прозьбы людскіи“ о помилованіи невольнаго убійцы, и судъ немедленно измѣнилъ декретъ: „даровавшы ёго смертельною карностью, наказуемъ, абы Лесько той трупъ зятный ведле звычаивъ хрыстіянскыхъ поховавъ, зъ нанятымы сорокоустамы, во всемъ слушне, якъ того звычай вказуетъ, прызаплаченю поголовщыны, тутъ же и вины панскои и врядовои.“

Лесько съ одинаковымъ равнодушіемъ выслушалъ тотъ и другой декретъ; онъ долго стоялъ въ раздумьи, чѣмъ-то озабоченный, наконецъ сказалъ:

— А що жъ, панове, не мію чымъ того платыты, ажъ хиба грунтыкы кому спродамъ, котріе маю: хуторець подъ городомъ изъ виноградомъ и особлыве лисокъ за Ворскломъ, надъ Коломакомъ.

Затѣмъ онъ обратился къ предсѣдателю суда, полковнику Ѳедору Жученку:

— Добродію мій, зарятуй мя гришмы, а я тоби за тыи гроши вичысте (навѣки) пущаю той мій хуторець зъ виноградомъ.

Полковникъ согласился на эту сдѣлку, и здѣсь же, въ судебномъ присутствіи, былъ составленъ формальный „реестръ“ съ точнымъ обозначеніемъ, что именно будетъ имъ уплачено за Леська въ качествѣ цѣны за „хуторець виноградный“: отцу протопопу за похоронъ и за сорокоустъ полковникъ „поступилъ

коня добраго", цѣною въ сорокъ золотыхъ „и на заплаченя долговъ небожчиковскихъ далъ готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чеховъ," что же касалось уплаты „головщины" и „вины врядовои", то полковникъ заявилъ, что онъ „въ томъ датку за Леська не заступуетъ". Головщина за человѣка „простого стану", по Статуту, равнялась 25-ти копамъ литовскимъ; во что цѣнилась „вина врядовая"— неизвѣстно; но очевидно, обѣ эти уплаты превышали стоимость принадлежавшаго обвиняемому „лѣска надъ Коломакомъ", почему полковникъ и отказался отъ его пріобрѣтенія.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(*Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ*).

Въ столицахъ манифестъ 19 февраля 1861 г. былъ объявленъ 5; въ Черниговѣ—9 марта [1]).

16 марта состоялось первое засѣданіе Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Губернскому Присутствію принадлежалъ высшій надзоръ и руководство всѣми крестьянскими учрежденіями въ губерніи.

Предсѣдателемъ Присутствія былъ губернаторъ, а членами—губернскій предводитель дворянства, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, приглашенныхъ, по сношенію съ начальникомъ губерніи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго соизволенія, и два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства [2]). Для обсужденія частныхъ мѣстныхъ вопросовъ Губернскому Присутствію предоставлялось право приглашать, для совѣщаній и нужныхъ объясненій, опытныхъ

---

[1]) *Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ, 5 изд. стр. 74.

[2]) Положеніе о губ. и уѣзд. по крестьянск. дѣламъ учрежденіяхъ. Ст. 123.

помѣщиковъ [1]). Для дѣлопроизводства при Губернскомъ Присутствіи полагался секретарь.

Дѣла, подлежавшія вѣдѣнію Губернскаго Присутствія, распадались на три категоріи: 1) жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ; 2) добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, если эти соглашенія влекли за собой уменьшеніе крестьянскаго надѣла; 3) распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣднія были перечислены довольно подробно и заключали въ себѣ: установленіе всѣхъ подробностей, относящихся до приведенія въ исполненіе Положенія; составленіе смѣтъ на содержаніе Губернскаго Присутствія и землемѣровъ; утвержденіе проэктовъ раздѣленія уѣздовъ на волости; разграниченіе мѣстностей въ отношеніи размѣровъ крестьянскаго надѣла; возвышеніе или пониженіе повинностей крестьянъ противъ установленныхъ размѣровъ; разсмотрѣніе и утвержденіе тѣхъ уставныхъ грамотъ, которые подлежали, на основаніи Положенія, окончательному утвержденію Присутствія; составленіе урочнаго положенія и установленіе сроковъ начала лѣтнихъ и зимнихъ работъ; опредѣленіе размѣровъ пособія, которое владѣльцы обязаны были выдавать дворовымъ людямъ, неспособнымъ къ работѣ, въ случаѣ увольненія ихъ до истеченія срока обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; опредѣленіе въ степныхъ мѣстностяхъ размѣровъ солончаковъ, входящихъ въ крестьянскіе надѣлы; опредѣленіе условій пользованія рыбными ловлями крестьянъ; разрѣшеніе представленій мировыхъ посредниковъ о причисленіи къ господскимъ землямъ лѣсныхъ покосовъ при разверстаніи угодій; разрѣшеніе окончательнаго присоединенія отведенной въ пользованіе крестьянъ земли къ угодьямъ, остающимся навсегда въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика; разсмотрѣніе представленій мировыхъ посредниковъ объ увольненіи дворовыхъ людей изъ обязательственныхъ къ помѣщику отношеній, въ случаѣ злоупотребленія помѣщиковъ своею властью; утвержденіе мір-

[1]) Тамъ же, ст. 124.

скихъ приговоровъ объ удаленіи крестьянъ изъ общества; дѣла мировыхъ съѣздовъ, по которымъ не состоялось, при рѣшеніи ихъ, большинства; дѣла объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ и объ обмѣнѣ угодій, если въ мировомъ съѣздѣ не состоялось по этому поводу единогласнаго рѣшенія; наконецъ, разныя другія дѣла, которыя могли возникнуть при приведеніи Положенія въ исполненіе и которыя были поименованы въ правилахъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости [1]).

Компетенція Губернскаго Присутствія была, такимъ образомъ, очень широка.

На основаніи журналовъ за 1861 годъ мы постараемся охарактеризовать дѣятельность Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія въ первое время послѣ объявленія манифеста 19 февраля 1861 г. [2])

I.

Мы уже говорили, что Черниговское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе открыло свои засѣданія 16 марта 1861 г. Съ той поры по 30 декабря того же года оно имѣло 77 засѣданій, чуть ли не по два въ недѣлю. Одно это уже показываетъ, какую лихорадочную дѣятельность проявило Присутствіе на первыхъ порахъ, не говоря уже о массѣ дѣлъ, разрѣшенныхъ имъ за это время, массѣ вопросовъ, поднятыхъ и разъясненныхъ.

Предсѣдателемъ Присутствія былъ начальникъ губерніи князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ, на долго оставившій по себѣ

---

[1]) Тамъ же. Ст. 126—129.

[2]) Полные экземпляры журналовъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія достать теперь очень трудно, несмотря на то, что они разсылались всѣмъ предводителямъ дворянства, въ мировые съѣзды и мировымъ посредникамъ. Ихъ не хранили. Мы пользовались однимъ изъ такихъ полныхъ экземпляровъ, сохраненнымъ для потомства А. М. Лазаревскимъ въ своей библіотекѣ.

добрую память среди черниговцевъ. Членами по должности—губернскій предводитель дворянства Николай Петровичъ Бороздна, а въ его отсутствіе черниговскій уѣздный предводитель дворянства Иванъ Николаевичъ Дурново, теперешній (1901 г.) предсѣдатель комитета министровъ; управляющій палатой государственныхъ имуществъ—Павелъ Логгиновичъ Левдикъ, а въ его отсутствіе совѣтникъ хозяйственнаго отдѣленія Яковъ Павловичъ Филоновичъ; губернскій прокуроръ—Александръ Семеновичъ Соколовъ. Членами, съ высочайшаго соизволенія, были назначены Григорій Павловичъ Галаганъ [1]) и Иванъ Григорьевичъ Есимонтовскій; а по выбору предводителей дворянства—Петръ Алексѣевичъ Васильчиковъ [2]) и Андрей Ивановичъ Лизогубъ. Секретаремъ Присутствія былъ чиновникъ особыхъ порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ Владиміръ Денисьевичъ Заика, умершій впослѣдствіи директоромъ департамента общихъ дѣлъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ засѣданіяхъ Присутствія изрѣдка принималъ участіе вице-губернаторъ Платонъ Александровичъ Шатохинъ, а также приглашались нѣсколько разъ помѣщики разныхъ уѣздовъ. Такъ напр., въ засѣданіи 11 мая принимали участіе помѣщики: городницкаго уѣзда В. Д. Дунинъ-Борковскій и нѣжинскаго Н. Н. Волжинъ, очевидно, съ совѣщательнымъ только голосомъ, такъ какъ въ засѣданіи 13 мая они также присутствовали, но не подписали читаннаго тогда журнала предшествовавшаго засѣданія. Въ засѣданіи 17 мая принимали участіе Н. Н. Волжинъ и отъ новгородсѣверскаго уѣзда кн. А. В. Голицынъ; въ засѣданіи 22 мая—

---

[1]) Въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи Присутствія 31 марта.

[2]) Въ засѣданіи Присутствія 31 марта предсѣдателемъ доложена была телеграмма министра внутр. дѣлъ Ланского такого содержанія: «Вмѣсто Подвысоцкаго считать членомъ Васильчикова. Подробности почтою». Объясненія этой телеграммы нѣтъ въ журналахъ Присутствія. П. А. Васильчиковъ въ первый разъ прибылъ въ засѣданіе Присутствія 17 мая.

черниговскій уѣздный предводитель дворянства И. Н. Дурново и суражскій кн. А. Г. Баратовъ, а также мировой посредникъ бобровицкаго участка черниговскаго уѣзда Н. И. Савинъ и т. д. Словомъ изъ 77 засѣданій въ 38, т. е. въ половинѣ, принимали участіе приглашенные для совѣщанія помѣщики отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ засѣданіе 19 іюля 1861 года былъ приглашенъ высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Вопросъ шелъ тогда о содѣйствіи духовенства въ дѣлѣ разъясненія истиннаго смысла Положенія крестьянамъ, а также объ установленіи перечня праздниковъ, въ которые крестьяне не могли быть принуждаемы къ работамъ.

Всѣ постоянные члены Присутствія несли свои обязанности, повидимому, очень добросовѣстно. На сколько можно судить по подписямъ подъ журналами, члены исправно посѣщали засѣданія, принимали въ нихъ дѣятельное участіе, беря на себя разработку того или другаго вопроса. Наиболѣе активную роль въ дѣлѣ разработки отдѣльныхъ, возникавшихъ въ дѣятельности Губернскаго Присутствія, вопросовъ играли П. А. Васильчиковъ и Г. П. Галаганъ, представлявшіе такіе обстоятельные и мотивированные доклады, что Присутствіе обыкновенно соглашалось съ ними единогласно. Многіе изъ вопросовъ были разработаны А. И. Лизогубомъ, И. Г. Есимонтовскимъ, наконецъ, самимъ предсѣдателемъ Присутствія кн. С. П. Голицынымъ, считавшимъ крестьянское дѣло „святымъ“ и отдававшимъ ему, вообще много силъ. Губернскій прокуроръ А. С. Соколовъ давалъ обыкновенно заключенія по вопросамъ объ удаленіи отдѣльныхъ крестьянъ изъ общества, о проступкахъ крестьянъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія и т. п.

II.

Въ первомъ засѣданіи Присутствія былъ поднятъ вопросъ объ образованіи мировыхъ учрежденій, а также сельскихъ и волостныхъ обществъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ въ пер-

вую очередь. Такъ гласилъ и высочайшій указъ правительствующему сенату 19 февраля 1861 года. Въ то же время начальникъ губерніи обязанъ былъ приступить къ избранію мировыхъ посредниковъ и объ избранныхъ имъ лицахъ донести правительствующему сенату [1]).

На мировые участки распредѣлялись всѣ имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами. Волости не должны были дробиться между мировыми участками. Число участковъ и селеній, входившія въ ихъ составъ, опредѣлялись уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и представлялись затѣмъ на утвержденіе начальника губерніи [2]).

Въ каждомъ участкѣ полагался одинъ мировой посредникъ [3]).

Въ мировые посредники назначались потомственные дворяне, владѣвшіе не менѣе 500 десятинъ земли, или имѣвшіе не менѣе 150 десятинъ, но зато окончившіе курсъ наукъ въ учебномъ заведеніи, дающемъ право на чинъ XII класса, или располагавшіе правомъ голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ былъ такой. Уѣздный предводитель дворянства составлялъ первоначально списки дворянъ, которые могли быть назначены въ посредники; списки эти провѣрялись уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и въ такомъ видѣ представлялись начальнику губерніи, который изъ нихъ дѣлалъ уже выборъ кандидатовъ въ мировые посредники. Кандидаты представлялись правительствующему сенату и утверждались въ должности его указами [4]).

Губернское Присутствіе предложило уѣзднымъ предводителямъ дворянства немедленно же приступить къ распредѣленію уѣздовъ на мировые участки, а также къ составленію списковъ

---

[1]) Жур. Присут. 16 марта 1861 г.

[2]) Положеніе о губерн. и уѣздн. по крестьян. дѣламъ учрежд. ст. 2—4.

[3]) Тамъ же ст. 5.

[4]) Тамъ же ст. 6—20.

лицъ, имѣющихъ право на назначеніе мировыми посредниками. Уѣзднымъ предводителямъ дворянства предлагалось кромѣ того образовать особыя уѣздныя коммиссіи для составленія проэктовъ распредѣленія селеній на волости.

Крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, если ихъ было болѣе 20 ревизскихъ душъ, а если меньше, то нѣсколькихъ владѣльцевъ, живущихъ въ одномъ селѣ или не на далекомъ одинъ отъ другого разстояніи, должны были составить изъ себя сельское общество. Смежныя сельскія общества одного уѣзда соединялись въ волости. Наименьшее число жителей въ волости полагалось 300, наибольшее около 2000 душъ. Разстояніе отдаленнѣйшихъ селеній отъ центра волостного управленія должно быть не болѣе 12 верстъ. При образованіи волостей сельскія общества не раздроблялись. Общимъ правиломъ ставилось, чтобы волость совпадала съ приходомъ, а гдѣ приходы маленькіе, ихъ соединяли по нѣсколько во одну волость [1]).

Въ первую же очередь было поставлено составленіе смѣты расходовъ по содержанію Губернскаго Присутствія и по найму частныхъ землемѣровъ, а также опредѣленіе размѣра денежнаго пособія, которое владѣльцы обязаны были выдавать неспособнымъ къ работѣ дворовымъ людямъ, если они увольняли ихъ до истеченія двухлѣтняго срока обязательныхъ отношеній. Разработку перваго вопроса принялъ на себя А. И. Лизогубъ, доказавшій вмѣстѣ съ Н. П. Бороздной, что настоятельной потребности въ частныхъ землемѣрахъ пока нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и надобности составлять смѣту расходовъ по ихъ содержанію [2]). Разработка второго вопроса была поручена И. Г. Есимонтовскому, на основаніи заключеній котораго, было признано справедливымъ давать вознагражденіе неспособнымъ къ работѣ дворовымъ людямъ, увольняемымъ до срока. Размѣръ этого вознагражденія опредѣлили такъ. Помѣщикъ обязанъ

---

[1]) Общее положеніе ст. 40—45.

[2]) Журналы 16, 20 и 27 марта.

былъ давать увольняемому крестьянину стоимость продовольствія и одежды за все, оставшееся до истеченія двухлѣтняго срока, время [1]).

III.

Въ засѣданіяхъ 27 и 31 марта наиболѣе безотлагательными обязанностями Губернскаго Присутствія были признаны: составленія образца уставной грамоты, составленіе урочнаго положенія, оцѣнка рабочихъ дней, оцѣнка усадьбъ въ разныхъ мѣстностяхъ; установленіе харчевого и кормового вознагражденія крестьянамъ при посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути. Послѣднее было опредѣлено по одной копѣйкѣ серебромъ на каждую версту и подводу [2]).

Надѣленіе крестьянъ землею, а также повинности, которыя слѣдовали съ крестьянъ за это въ пользу помѣщика, опредѣлялись добровольнымъ между крдстьянами и помѣщикомъ соглашеніемъ. Для опредѣленія постоянныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами были введены уставныя грамоты. Онѣ составлялись самимъ помѣщикомъ по опредѣленному образцу, измѣненія въ которомъ предоставлялось дѣлать Губернскимъ Притутствіямъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Сдѣлать такія измѣнепія взялись А. И. Лизогубъ и Г. П. Галаганъ и въ слѣдующее уже засѣданіе 11—12 апрѣля представили выработанные ими образцы уставныхъ грамотъ какъ для мѣстностей, въ которыхъ вводилось малороссійское положеніе, такъ и для тѣхъ мѣстностей, на которые распространялось положеніе великороссійское.

Къ вопросу о выработкѣ формы уставныхъ грамотъ Присутствіе отнеслось въ высшей степени осторожно и возвращалось къ нему нѣсколько разъ, въ цѣломъ рядѣ засѣданій.

---

[1]) Журналы 16, 20 и 27 марта.

[2]) Журн. 31 марта.

Въ засѣданіи 11—12 апрѣля проэктъ формы былъ только прочитанъ, 13 апрѣля Присутствіе сдѣлало въ немъ нѣсколько дополненій и поправокъ, существеннѣйшею изъ которыхъ было обозначеніе общаго количества земли подъ рубрикой разныхъ угодій, въ виду того, что, при отсутствіи межевыхъ данныхъ, трудно опредѣлить количество пахатной земли отдѣльно отъ луговой и сѣнокосной. Были разсмотрѣны также проэкты подворной описи и разныхъ приложеній къ уставной грамотѣ. Все это постановлено было отпечатать и, въ корректурномъ видѣ, разослать членамъ, снова затѣмъ пересмотрѣть тщательно и тогда уже утвердить окончательно. Проэкты уставныхъ грамотъ разсматривались, такимъ образомъ, снова въ засѣданіи 11 мая и, наконецъ, утверждены окончательно 13 мая, причемъ раньше печатанія поручено было предсѣдателю еще разъ просмотрѣть и свѣрить ихъ. На каждой грамотѣ постановлено былъ напечатанъ губернскій гербъ. Бланки уставныхъ грамотъ продавались въ уѣздныхъ казначействахъ. Помѣщикъ Кочубей сдѣлалъ уступку на 800 стопахъ бумаги для напечатанія ихъ, по 25 коп. на стопѣ, „во вниманіе къ предмету, на который предназначается эта бумага". Такъ доложилъ объ этомъ князь Голицынъ Присутствію.

Для составленія уставныхъ грамотъ Г. П. Галаганъ написалъ особую инструкцію. Она разсматривалась въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, прежде чѣмъ была утверждена. Въ то же время по распоряженію предсѣдателя Присутствія, были собраны всѣ узаконенія и распоряженія, которыя могли бы служить къ руководству мировымъ посредникамъ. Повѣрялъ и окончательно редактировалъ ихъ А. С. Соколовъ [1]).

Дѣятельность Присутствія носила, такимъ образомъ, энергичный характеръ. Важность дѣла, атмосфера времени, которая окружала первыхъ дѣятелей, давала имъ бодрость, силу, энергію...

---

[1]) Журн. Присут. 11 мая.

Кромѣ уставныхъ грамотъ, регулировавшихъ земельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, Губернское Присутствіе, какъ было замѣчено выше, поставило на первую очередь и составленіе *урочнаго положенія*. Оно должно было регулировать издѣльную повинность (барщину).

Урочное положеніе опредѣляло количество работы, которую втеченіе дня должны были, въ счетъ повинности, исполнять работникъ или работница [1]). Подъ урочныя могли быть, понятное дѣло, подведены только такія работы, которыя можно было учесть относительно времени и труда (молотьба, косьба, вывозка навоза и т. п.). Учетъ ихъ предполагалъ знакомство съ мѣстными условіями, такъ какъ величина и характеръ подобныхъ работъ естественно разнились по мѣстностямъ. Понятно, почему Губернское Присутствіе не сейчасъ же рѣшило этотъ вопросъ, а запросило сначала у уѣздныхъ предводителей дворянства необходимыя свѣдѣнія [2]). Въ связи съ урочнымъ положеніемъ стояла и оцѣнка рабочихъ дней. Присутствіе постановлено включить эту оцѣнку въ урочное положеніе.

Зя справками къ уѣзднымъ предводителямъ рѣшено обратиться и по вопросу объ оцѣнкѣ въ торговыхъ мѣстечкахъ и селахъ усадебъ по 102—240 рублей за десятину.

IV.

Приведеніе въ исполненіе Положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. вызывало на практикѣ много, конечно, вопросовъ, разрѣшить которыя мѣстныя власти были не въ состояніи. Они обращались къ Губернскому Присутствію за разъясненіями, иногда же съ различнаго рода ходатайствами.

6 апрѣля 1861 г. нѣжинскій уѣздный предводитель дворянства обратился въ Присутствіе съ представленіемъ, въ кото-

---

[1]) Малорос. Полож. ст. 212. Великор. Полож. ст. 214.

[2]) Журналы 27 и 31 марта.

ромъ изложилъ ходатайство нѣжинскаго уѣзднаго дворянскаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ, въ томъ числѣ объ отмѣнѣ и измѣненіи нѣкоторыхъ статей Положеній, а также о введеніи круговой поруки для крестьянъ. Первое ходатайство Присутствіе безусловно отклонило. Въ его компетенцію не входили подобнаго рода ходатайства. Что касается введенія круговой поруки, то Губернское Присутствіе такъ мотивировало свой отказъ поддержать нѣжинское дворянское собраніе. Круговая порука примѣняется при общинномъ пользованіи землею, между тѣмъ какъ въ Малороссіи способъ пользованія подворный. „Губернское Присутствіе никакъ не можетъ дозволить себѣ подобнаго домогательства, ведущаго къ измѣненію цѣлой системы поземельнаго устройства крестьянъ, принятой закономъ въ основаніе столько же по мѣстнымъ условіямъ поземельнаго надѣла крестьянъ, сколько по тому, что всякая другая система отвѣтственности за повинность не могла бы быть введена во всей Малороссіи иначе, какъ мѣрами насильственными“ [1]).

Тотъ же нѣжинскій предводитель дворянства спрашивалъ разъясненія по цѣлому ряду статей Положеній. Соображенія по поводу ихъ высказалъ Г. П. Галаганъ, и Присутствіе съ нимъ согласилось.

Для характеристики дѣятельности Губернскаго Присутствія по толкованію Положеній, мы остановимся подробнѣе на вопросахъ нѣжинскаго уѣзднаго предводителя дворянства; приведемъ нѣкоторыя изъ соображеній и Г. П. Галагана.

Нѣжинскій предводитель спрашивалъ: какъ понимать 6-й пунктъ манифеста 19 февраля, въ которомъ сказано, что до утвержденія уставныхъ грамотъ крестьяне и дворовые люди должны находиться въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять свои обязанности? Что значитъ выраженіе „прежнія ихъ обязанности“? Разумѣется ли здѣсь всякая работа въ пользу помѣщика или работа только по хозяйству? По 10 ревизіи большая часть дворовыхъ людей въ нѣжинскомъ

---

[1]) Журналы 11 и 12 апрѣля.

уѣздѣ записана въ крестьяне, а между тѣмъ они живутъ во дворахъ владѣльцевъ и пользуются содержаніемъ отъ нихъ. Должны ли они, при такихъ условіяхъ, исполнять всякую работу или же работать мущины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю; несовершеннолѣтнія же и вовсе освобождаться отъ работы?

На этотъ вопросъ Губернское Присутствіе, со словъ Г. П. Галагана, отвѣтило такъ. Въ 6 пунктѣ манифеста подъ прежними обязанностями крестьянъ, въ строгомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, разумѣется отбываніе повинностей работою или деньгами въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Такою повинностью крестьяне отличаются отъ дворовыхъ, находящихся въ личномъ услуженіи у помѣщиковъ. Что касается крестьянъ, занимающихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ хозяйственныя должности, то на это есть прямыя указанія въ 231 ст. малоросс. положенія. Если бы они не захотѣли дольше нести свои обязанности, то увольняться отъ крестьянской обязанности вообще не могутъ до утвержденія уставныхъ грамотъ. Въ такомъ случаѣ все должно быть предоставлено добровольному соглашенію, которое, конечно, вполнѣ возможно тамъ, гдѣ крестьяне будутъ видѣть, что „ихъ существованіе обезпечено справедливымъ съ ними обращеніемъ и хорошимъ содержаніемъ". Что касается несовершеннолѣтнихъ, то они зависятъ только отъ власти ихъ родителей: законъ не наложилъ на нихъ какихъ-нибудь обязанностей, даровавъ имъ полную свободу. Насильственное удержаніе круглыхъ сиротъ на прежнихъ мѣстахъ никакими узаконеніями не допускается.

Второй вопросъ предводителя касался 20 статьи малороссійскаго положенія: должны ли быть включены въ надѣлъ болота, которыя косятся только въ сухое время? Если должны, то въ какой пропорціи относительно сѣнокосовъ? Если помѣщикъ позволитъ косить крестьянамъ болота, прилегающія къ его усадьбѣ, то должны ли они войти въ составъ крестьянскаго надѣла? Затѣмъ предводитель спрашивалъ разъясненія 23 ст.: должны ли болота и лѣсныя заросли войти въ составъ крестьянскихъ усадьбъ, въ случаѣ когда они прилегаютъ къ усадь-

бамъ и т. д. Такихъ вопросовъ предводитель дворянства задалъ Губернскому Присутствію 8. Всѣ они даютъ намъ понятіе о томъ, какъ много недоразумѣній вызывало Положеніе 19 февраля при его практическомъ примѣненіи.

Вопросы, съ которыми отдѣльныя лица и учрежденія обращались къ Присутствію, можно бы увеличить до значительной степени.

11 іюля, напримѣръ, мировой посредникъ черниговскаго участка возбудилъ слѣдующія семь вопросовъ, интересныхъ въ томъ отношеніи, что они вытекали прямо изъ практики мировыхъ посредниковъ.

1) Какія мѣры слѣдуетъ принимать ко взысканію оброка съ дворовыхъ людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ и уклоняющихся отъ платежа оброка, принятаго ими по добровольному соглашенію съ помѣщиками, и въ правѣ ли мировой посредникъ отдавать такихъ неплательщиковъ въ заработки?—Въ правѣ—отвѣтило на это Присутствіе, на основаніи 11 ст. Полож. объ устройствѣ дворовыхъ людей.

2) Можно ли обязать крестьянъ, вмѣсто отработки пропущенныхъ жнивныхъ и сѣнокосныхъ барщинныхъ дней, уплачивать помѣщику деньгами по цѣнѣ, за какую помѣщики нанимаютъ работниковъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Присутствіе указало на 91 ст. Полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., гдѣ перечислены всѣ мѣры, которыя посредникъ можетъ употреблять при взысканіи съ крестьянъ недоимокъ. Взысканіе платы за прогульныя дни можетъ имѣть мѣсто, до введенія уставныхъ грамотъ, только по взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами.

3) Какая повинность должна слѣдовать помѣщику, когда въ семействѣ, пользующемся усадебнымъ и полевымъ надѣломъ, нѣтъ ни мущинъ моложе 55 и старше 18 лѣтъ, ни женщинъ моложе 50 и старше 17 л.?—Основываясь на циркулярѣ М—ва Вн. Д., Присутствіе разъяснило, что основаніемъ барщины служитъ не извѣстнаго размѣра земельный участокъ, а лицо из-

вѣстнаго возраста; разъ въ семействѣ такихъ лицъ нѣтъ, съ него нельзя требовать и барщины.

4) Слѣдуетъ ли крестьянъ, не имѣющихъ ни усадебнаго, ни полеваго надѣла, обязать работами въ пользу помѣщика и какой мѣрѣ?—На этотъ вопросъ Присутствіе отвѣтило отрицательно: нельзя привлекать къ работѣ въ пользу помѣщика тѣхъ крестьянъ, которые ничѣмъ отъ него не пользуются.

Пятый вопросъ касался праздничныхъ дней, количество которыхъ и было установлено въ засѣданіи Присутствія 19 іюля.

Шестой вопросъ затрогивалъ натуральную повинность: слѣдуетъ ли подъ словомъ *натуральныя повинности*, отъ которыхъ на основаніи пун. 1, ст. 124 Общ. Полож. освобождаются должностныя лица, разумѣть и издѣльную повинность въ пользу помѣщика? Вопросъ этотъ, какъ заявилъ предсѣдатель, возбуждался во многихъ мѣстахъ, какъ онъ могъ въ этомъ убѣдиться изъ разъѣздовъ по губерніи. Присутствіе рѣшило его такимъ образомъ. Подъ *натуральными* повинностями разумѣются повинности казенныя: подводная, постойная и др.; повинности же въ пользу помѣщика называются *издѣльными*. Отъ первыхъ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія освобождаются на время ихъ службы, отъ вторыхъ нѣтъ; но за это имъ назначено особое жалованье.

Свой отвѣтъ на шестой вопросъ Присутствіе рѣшило разослать циркулярно всѣмъ посредникамъ.

На седьмой вопросъ, могутъ ли быть въ настоящее время опредѣлены урочныя работы, хотя бы на одну только обработку и уборку полей и сѣнокосовъ,—Присутствіе отвѣтило отрицательно: урочное положеніе не можетъ быть введено раньше окончательнаго утвержденія уставныхъ грамотъ [1])...

---

[1]) Журналъ 19 іюля.

V.

Если Положеніе 19 февраля вызывало столько вопросовъ и недоумѣній у лицъ, призванныхъ къ исполненію его, лицъ интеллигентныхъ, то что же говорить про крестьянъ? Для нихъ оно было малопонятной, а то и совсѣмъ непонятной книгой. Объ истинномъ смыслѣ Положенія крестьяне и знали часто только по наслышкѣ: „Не легко было даже грамотнымъ людямъ усвоить себѣ содержаніе этого довольно большого тома, состоящаго изъ 15 отдѣльныхъ законоположеній, написанныхъ нашимъ обычнымъ „казеннымъ“ языкомъ, не отличающимся ни большою точностью, ни полною вразумительностью“— говоритъ Г. А. Джаншіевъ [1]). Въ черниговской губерніи, какъ и вообще въ Малороссіи языкъ Положенія былъ еще менѣе понятенъ. Народъ, говорившій на своемъ родномъ, малорусскомъ языкѣ, не въ силахъ ужъ совсѣмъ былъ разобраться въ „казенномъ“ текстѣ Положенія. Существовала попытка издать Положеніе 19 февраля 1861 года на малорусскомъ языкѣ, въ переводѣ, кажется, Кулиша; начали было уже и печатать его, но затѣмъ почему то пріостановились [2]). Вопросъ о переводѣ малороссійскаго положенія на мѣстное нарѣчіе поднимался и въ Черниговскомъ Губернскомъ Присутствіи, но послѣднему это „не представилось удобнымъ“ [3]) а между тѣмъ, думается намъ, если бы политика здѣсь уступила мѣсто практическому здравому смыслу, Положеніе 19 февраля было бы сдѣлано гораздо доступнѣй для пониманія грамотныхъ крестьянъ, быть можетъ нѣкоторыя случаи недоразумѣній съ крестьянами, совсѣмъ не имѣли бы мѣста или получили болѣе мягкій характеръ, чѣмъ это было впослѣдствіи.

---

[1]) Г. А. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ 5-е изд. стр. 76.

[2]) Корректурные листы Положенія на малорусскомъ языкѣ мы видѣли въ б—кѣ А. М. Лазаревскаго

[3]) Журн. Присут. 11 и 12 апрѣля.

Къ сожалѣнію, о крестьянскихъ волненіяхъ, о недоразумѣніяхъ съ мировыми посредниками, о мѣрахъ, которыя принимались для подавленія возстаній или устраненія недоразумѣній мы мало узнаемъ изъ журналовъ Губернскаго Присутствія, а если и узнаемъ, то только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ началѣ апрѣля 1861 г.—не прошло еще, значитъ, и мѣсяца со дня объявленія манифеста 19 февраля въ Черниговѣ—помѣщикъ Кобеляцкій представилъ съѣзду дворянъ черниговскаго уѣзда особую записку о тревожномъ и затруднительномъ положеніи помѣщиковъ. Съѣздъ нашелъ эту записку „совершенно соотвѣтственною съ обстоятельствами нынѣшняго времени и нуждами помѣщиковъ“ [1]) и рѣшилъ представить ее въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, „какъ выраженіе нуждъ и ходатайства дворянства всего уѣзда“ [2]). Текстъ записки, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ. Она содержала въ себѣ 9 пунктовъ „по весьма важнымъ и обширнымъ вопросамъ“ [3]).

Составленіе отвѣтовъ на записку Кобеляцкаго приняли на себя предсѣдатель Присутствія кн. С. П. Голицынъ и А. И. Лизогубъ.

Въ журналѣ 30 мая 1861 г. помѣщена выписка, заключающая въ себѣ краткое содержаніе этихъ отвѣтовъ. Въ цѣломъ она довольно отчетливо рисуетъ намъ настроеніе дворянства того времени, вытекавшее изъ опасенія съ одной стороны крестьянскихъ волненій, съ другой—хозяйственныхъ затрудненій, которыя должны были наступить съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Губернское Присутствіе, оказалось, само уже предусмотрѣно многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждены были въ запискѣ, и приняло соотвѣтствующія распоряженія. „Исправникамъ было поручено, передавъ часть своихъ затятій непремѣннымъ членамъ земскихъ судовъ, за-

---

[1]) Журн. 11 мая.
[2]) Журн. 30 мая.
[3]) Журн. 11 мая.

няться, при содѣйствіи становыхъ приставовъ, посѣщеніемъ помѣщичьихъ селеній, для разъясненія крестьянамъ точнаго смысла Положеній и внушенія имъ должнаго повиновенія владѣльцамъ и исправнаго выполненія прежнихъ работъ, съ тѣми только облегченіями, которыя указаны правилами о приведеніи въ дѣйствіе Положеній". Сдѣлано было также распоряженіе о немедленномъ открытіи сельскихъ обществъ [1]), разъяснено значеніе названія хозяйство и др. вопросы.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля губернаторъ объѣхалъ семь уѣздовъ: сосницкій, новгородъ-сѣверскій, стародубскій, мглинской, суражскій, новозыбковскій и городницкій и вынесъ изъ поѣздки самое благопріятное впечатлѣніе. Всѣ распоряженія Губернскаго Присутствія приводятся въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ; „открытіе волостныхъ учрежденій имѣетъ весьма хорошее вліяніе на крестьянъ. Они, видимо, сочувствуютъ этому третьему шагу на пути преобразованія; для нихъ становится ясно, что дѣло идетъ впередъ". Мировые посредники, видимо, пріобрѣтаютъ довѣріе крестьянъ. Въ должностныя лица по крестьянскому самоуправленію выбраны лица толковыя, смѣтливыя, состоятельныя. Они охотно берутся за исполненіе своихъ обязанностей. „Мнѣ кажется, говорилъ кн. С. П. Голицынъ въ засѣданіи Присутствія 19 іюля 1861 г.,—что крестьяне вообще, убѣждаясь мало-по-малу въ дѣйствительности пріобрѣтаемыхъ ими правъ, становятся нынѣ осмотрительнѣе и ведутъ себя, какъ люди, у которыхъ уже есть что хранить, а не такъ, какъ вели себя вначалѣ, когда продолжали думать, что терять имъ нечего".

Предстояла трудная работа—составленіе и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ. Для болѣе успѣшнаго и спокой-

---

[1]) Въ Журналѣ 13 апрѣля, содержащемъ въ себѣ постановленіе о скорѣйшемъ открытіи сельскихъ обществъ, указано, между прочимъ, что «скорѣйшее открытіе сихъ обществъ неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи умовъ крестьянъ».

наго совершенія этого дѣла князь С. П. Голицынъ считалъ необходимымъ немедленно же приступить къ откровенному и точному разъясненію крестьянамъ важности для нихъ уставной грамоты. „Необходимо всячески стараться пріохотить крестьянъ къ составленію этого акта—добавлялъ кн. Голицынъ. Это разъясненіе—дѣло не вполнѣ легкое, потому что во многихъ мѣстахъ крестьяне, къ сожалѣнію, держатся двухъ мнѣній, а именно: 1) что они обязаны работать, по прежнему, два года; по истеченіи же этихъ двухъ лѣтъ имѣютъ получить земли въ безвозмездное пользованіе, и 2) что всякая бумага, которую они подпишутъ теперь же, будетъ ничѣмъ другимъ, какъ актомъ новаго добровольнаго закрѣпощенія. Нѣтъ сомнѣнія, что, для довершенія прочнаго устройства крестьянскаго быта, необходимо прежде всего ясно доказать нелѣпость этихъ двухъ ложныхъ понятій“ [1])...

Недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами происходили по разнымъ случаямъ. Иногда, дѣйствительно, крестьяне добивались невозможнаго, но иногда и помѣщики позволяли себѣ несправедливые поступки относительно крестьянъ и самое небольшое проявленіе съ ихъ стороны протеста раздували до понятія крестьянскаго бунта. Столкновеній между помѣщиками и крестьянами, само собой разумѣется, болѣе всего было при составленіи уставныхъ грамотъ, гдѣ затрогивались существеннѣйшіе матеріальные интересы обѣихъ сторонъ.

Въ маѣ и іюнѣ происходили крестьянскія волненія въ д. Селищѣ суражскаго уѣзда, и мировой посредникъ ляличскаго участка Н. Г. Есимонтовскій просилъ у Присутствія разрѣшенія созвать въ д. Селищѣ мировой съѣздъ „какъ для водворенія порядка и повиновенія между крестьянами, такъ и для удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ относительно надѣла землею“ [2]).

---

[1]) Журн. 19 іюля.

[2]) Журн. 19 іюля.

Въ имѣніи помѣщика Подольскаго при деревняхъ Антоновичахъ и Тарасевичевыхъ Величкахъ черниговскаго уѣзда встрѣтилось затрудненіе въ видѣ существованія тамъ людей, по X ревизіи записанныхъ въ разрядъ дворовыхъ, а на самомъ дѣлѣ пользовавшихся поземельнымъ надѣломъ. Мировой посредникъ жукотскаго участка спросилъ Губернское Присутствіе, какъ отбывать имъ барщину? Присутствіе признало ихъ крестьянами; слѣдовательно, и барщина должна была отбываться въ размѣрѣ, установленныхъ для крестьянъ [1]). Тѣмъ не менѣе г. Подольскій очевидно, недовольный дѣйствіями мирового посредника, обратился съ письмомъ къ предводителю дворянства, а послѣдній передалъ это письмо въ Губерн. Присутствіе. Къ сожалѣнію, ни этого письма, ни заключенія по нему А. И. Лизогуба въ журналахъ Присутствія нѣтъ. Мы знаемъ только, что на соображенія А. И. Лизогуба были нѣкоторыя возраженія, и затѣмъ Присутствіе постановило: „независимо отъ административныхъ мѣръ, которыя предсѣдатель приметъ по поводу сего, по званію начальника губерніи, спросить у мирового посредника жукотскаго участка, какого рода волненія между крестьянами деревень Антоновичей и Тарасевичевыхъ Величекъ, принадлежащихъ г. Подольскому, могли произойти вслѣдствіе объявленія имъ постановленія черниговскаго Губернскаго Присутствія, какой характеръ имѣли эти волненія". Г. Подольскій изображалъ дѣло такимъ образомъ, что постановленіе Присутствія вовсе не относилось къ условіямъ жизни крестьянъ въ его имѣніи [2]). Мировой посредникъ будто бы представилъ эти условія не такими, какими они существовали на самомъ дѣлѣ, и вызвалъ, такимъ образомъ, смуту.

Оказалось наоборотъ. Помѣщикъ Подольскій все выставилъ въ ложномъ свѣтѣ, и Губернское Присутствіе опредѣлило: „считать дѣло по письму г. П. неподлежащимъ дальнѣйшему движенію".

Въ своемъ объясненіи мировой посредникъ писалъ, что люди г. Подольскаго, записанные по сказкамъ X ревизіи дворовыми,

---

[1]) Журн. 30 мая.

[2]) Журн. 9 іюня.

но живущіе домохозяевами и пользующіеся полевымъ надѣломъ наравнѣ съ крестьянами, 29 мая явились къ нему со старостою, прося разъяснить имъ, какую они должны отбывать барщину? По этому поводу посредникъ обращался къ Губернскому Присутствію и получилъ оттуда извѣстное уже намъ разъясненіе. Онъ сообщилъ копію отношенія Присутствія г. Подольскому; крестьянамъ же не сообщалъ ее, а просто велѣлъ старостамъ д. Антоновичъ наряжать такихъ людей на барщину, подобно крестьянамъ. „Волненій между крестьянами деревень Антоновичей и Тарасевичевыхъ Величекъ—прибавляетъ мировой посредникъ, никакихъ не происходило и не происходитъ, и въ настоящее время они отбываютъ барщину подобно крестьянамъ. Что же касается до того, что г. Подольскій упомянулъ въ письмѣ своемъ о волненіи, то, какъ онъ самъ говоритъ, онъ этимъ хотѣлъ выразить недоразумѣніе, происшедшее между крестьянами относительно отбыванія барщины, т. е. должны ли они отбывать барщину какъ дворовые или какъ крестьяне, такъ какъ г. Подольскій полагалъ, что они должны отбывать ее какъ дворовые“ [1]).

Недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами происходили и въ конотопскомъ уѣздѣ. Помѣщики, судя по отзыву мирового посредника конотопскаго участка Л. А. Астафьева, требовали отъ крестьянъ ежедневной работы; а когда крестьяне отказывались исполнять ее, ссылаясь на Положеніе, то землевладѣльцы грозили имъ, что когда настанетъ жатва, они отдадутъ снимать хлѣбъ на своихъ поляхъ съ копны постороннимъ людямъ, а имъ зажинать не позволятъ или допустятъ заработывать съ копны только въ теченіи трехъ дней въ недѣлю [2]). Въ м. Олишевкѣ козелецкаго уѣзда были случаи уклоненія отъ отбыванія женской работы. Сходясь постоянно на работахъ съ крестьянками с. Смолянки, хотя одного владѣнія, но разныхъ мировыхъ участковъ, крестьянки м. Олишевки слышали отъ нихъ, будто мировой посредникъ говорилъ, что сколько бы

---

[1]) Журн. 9 іюля.

[2]) Журн. № 26, 22 іюля.

семействъ ни жило въ одной избѣ вмѣстѣ, со всѣхъ ихъ слѣдуетъ только 2 дня барщины въ недѣлю. По справкамъ оказалось, что мировой посредникъ верхіевскаго участка поступаетъ такъ, какъ говорили крестьянки с. Смолянки, т. е. требуетъ двухдневной женской барщины съ двора или хозяйства. Это вполнѣ совпадало съ разъясненіями понятія двора или хозяйства, сдѣланными Губернскимъ Присутствіемъ [1]).

Временно-обязанные крестьяне села Зметнева сосницкаго уѣзда отказались отъ надѣла и не желали обсѣменять его, ссылаясь на то, что земли, которыми они надѣлены, неудобны и имъ съ нихъ крайне тягостно и убыточно уплачивать казенныя повинности и отбывать повинности въ пользу владѣльца. Земли оставались невспаханными и необсѣмененными. Губернское Присутствіе поручило мировому посреднику провѣрить уставную грамоту. Результаты этой провѣрки намъ неизвѣстны [2]).

Въ суражскомъ уѣздѣ происходили волненія среди крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ генералъ-маіора Искрицкаго Членъ Присутствія И. Г. Есимонтовскій взялся лично на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Объясненія его были не въ пользу крестьянъ. Изъ другихъ мѣстностей губерніи шли также свѣдѣнія о томъ, что „крестьяне оказываютъ явное противодѣйствіе введенію уставныхъ грамотъ, отказываются, безъ всякой законной причины, отъ подписи акта при повѣркѣ уставной грамоты; въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже самые призванные для того добросовѣстные не соглашаются свидѣтельствовать этотъ актъ". Губернское Присутствіе въ засѣданіи своемъ 16 ноября приняло цѣлый рядъ мѣръ противъ подобныхъ отказовъ. Мировой посредникъ, въ случаѣ отказа крестьянъ подписать уставную грамоту долженъ былъ составлять объ этомъ актъ и затѣмъ, пользуясь подписью добросовѣстныхъ, приступать къ введенію грамоты, не обращая внима-

---

[1]) Журн. № 29, 1 августа.

[2]) Журн. № 49, 9 октября 1861 г.

нія на сопротивленіе крестьянъ; если откажутся подписать уставную грамоту добросовѣстные, привлекать ихъ къ суду, какъ лицъ должностныхъ, уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ буйствъ, насилій мировой посредникъ долженъ былъ обращаться къ содѣйствію земской полиціи и дѣйствовать въ этомъ отношеніи на основаніи особыхъ циркуляровъ министерства [1]).

Дѣло генералъ-маіора Искрицкаго, вызвавшее всѣ эти постановленія, представилось совсѣмъ въ иномъ видѣ, когда за него взялся Г. П. Галаганъ. Дѣло это на столько характерно для тогдашнихъ отношеній, что мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

8 октября 1861 г. мировой посредникъ будянскаго участка суражскаго уѣзда получилъ отъ генералъ-маіора Искрицкаго уставныя грамоты. Для повѣрки ихъ было назначено 15 число, но повѣрка началась только 19 октября. Крестьяне отказались принять условія, изложенныя въ уставныхъ грамотахъ. Мировой посредникъ донесъ объ этомъ Губернскому Присутствію, которое, какъ было уже сказано выше, поручило члену своему И. Г. Есимонтовскому ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. 31 октября и 1 ноября происходила повѣрка и объясненіе уставныхъ грамотъ въ присутствіи г. Есимонтовскаго, исправника и становаго пристава.

Въ душатинское волостное правленіе созваны были уполномоченные отъ крестьянъ изъ деревень: Кашевки, Власовичъ, Василевки и Лубенекъ, при постороннихъ добросовѣстныхъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ м. Душатина, въ числѣ 4 человѣкъ. При повѣркѣ мірскихъ приговоровъ на избраніе уполномоченныхъ оказалось, что представленъ былъ только приговоръ по д. Василевкѣ; приговоры же по д. Кашевкѣ и Власовичамъ были украдены у сельскихъ старостъ. Земской полиціи было поручено произвести объ этомъ дознаніе; уполномоченные

[1]) Журн. № 63, 16 ноября.

же и безъ мірскихъ приговоровъ были признаны представителями соотвѣтствующихъ обществъ.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ крестьяне выразили свое несогласіе на оброкъ въ 8 рублей съ ревизской души, означенный въ уставныхъ грамотахъ, съ круговою отвѣтственностью всего общества, и выразили желаніе отбывать барщину, опредѣленную Положеніемъ, но приняли всѣ остальныя условія уставныхъ грамотъ. Составленный по этому поводу актъ уполномоченные, однако, отказались подписать. Уставныя грамоты были признаны провѣренными, но крестьяне все-таки просили позволенія поговорить кой-о-чемъ со своимъ помѣщикомъ. Результаты этихъ переговоровъ сказались на другой день. 1 ноября въ с. Иржачахъ, куда съѣхались всѣ лица, бывшія при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, мировому посреднику было подано прошеніе генералъ-маіора Искрицкаго и крестьянъ означенныхъ выше деревень. Крестьяне выражали желаніе, съ согласія помѣщика, перейти на оброкъ на условіяхъ, изложенныхъ въ уставныхъ грамотахъ, а также выкупить весь надѣлъ съ выдачей ссуды отъ правительства и съ отказомъ г. Искрицкаго отъ 20% всей суммы, слѣдовавшей ему по капитализаціи оброка.

Въ далисицкой волости крестьяне совсѣмъ не допустили до провѣрки уставныхъ грамотъ и оказали буйные поступки. Надъ ними было наряжено формальное слѣдствіе, результатовъ котораго нужно искать въ другомъ мѣстѣ, а не въ журналахъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Разсматривая уставныя грамоты по душатинской волости, Г. П. Галаганъ въ своемъ докладѣ Губернскому Присутствію находилъ не все въ нихъ „совершенно законнымъ и празильнымъ“. Изъ уставныхъ грамотъ не было видно, напр., существовала ли у крестьянъ душатинской волости круговая порука при отбываніи какихъ-нибудь повинностей? Изъ актовъ составленныхъ мировымъ посредникомъ было видно, напротивъ, что „для крестьянъ это было совершенно новое условіе, на которое они, можетъ быть, потому именно и не согласились, незави-

симо отъ общихъ заблужденій крестьянъ по этому предмету". Кромѣ упоминаній о круговой порукѣ въ уставной грамотѣ было „еще одно условіе, предрѣшающее дѣло и тѣмъ еще болѣе стѣснительное для крестьянъ: въ немъ было выражено, что въ случаѣ крестьяне измѣнятъ обыденное пользованіе землею на наслѣдственное, то каждый дворъ съ двумя ревизскими душами долженъ получить 9 десятинъ земли и платить 16 рублей; круговая отвѣтственность всѣхъ крестьянъ при этомъ не отмѣняется. По силѣ 115 ст. Великорос. Положенія, сохраненіе круговой поруки послѣ отмѣны общественнаго пользованія должно зависѣть отъ обоюднаго условія, а слѣдовательно, никакъ не можетъ войти въ составъ уставной грамоты, написанной помѣщикомъ безъ участія крестьянъ. Если взять во вниманіе выраженное крестьянами противодѣйствіе именно въ отношеніи поступленія на оброкъ съ круговою за него отвѣтственностію, то нельзя не придти къ предположенію, что самое неправильно введенное въ уставную грамоту стѣснительное условіе, упущенное изъ виду мировымъ посредникомъ, имѣло нѣкоторое вліяніе на дурное расположеніе крестьянъ къ новому для нихъ Положенію". Что касается заявленія крестьянъ относительно выкупа ими земель при ссудѣ правительства и скидкѣ съ выкупной суммы 20% со стороны помѣщика Искрицкаго, то заявленію этому, по мнѣнію Г. П. Галагана, нельзя было придавать значенія законнаго акта. Условія выкупа были слишкомъ тяжелы. Выкупная сумма составляла 60611 руб. 15 коп. Сверхъ этого до 1 января 1862 г. крестьяне обязывались продолжать издѣльную повинность; съ 1 января по 23 апрѣля они обязывались по расчету мѣсяцевъ и дней, уплатить оброкъ впередъ, а съ 23 апрѣля впредь до утвержденія ссуды Правительствомъ обязывались уплачивать оброкъ за 6 мѣсяцевъ впередъ, за круговою порукою всего общества. Заявленіе о выкупѣ надѣла было подписано г. Искрицкимъ и крестьянами, по нѣсколько только человѣкъ отъ каждаго сельскаго общества: изъ 214 крестьянъ д. Кашевки подписалось, напримѣръ, 14 душъ; столько же подписалось и изъ д. Власовки, гдѣ крестьянъ было 246 душъ

изъ 95 крестьянъ деревни Василевки на заявленіи подписалось 12 душъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ подписей стояло удостовѣреніе мирового посредника, что сдѣлка о выкупѣ дѣйствительно добровольна и что всѣ выставленные въ прошеніи (заявленіи) свѣдѣнія и расчеты согласны съ дѣйствительностью.

Разсмотрѣвъ докладъ Г. П. Галагана, Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ его соображеніями и утвердило всѣ его заключенія. Уставныя грамоты по имѣнію генералъ-маіора Искрицкаго были признаны дѣйствительными съ исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ условій, которыя могли быть допущены только при добровольномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ [1]). Относительно выкупа надѣловъ необходимо было составить, по взаимному соглашенію помѣщика и крестьянъ, особый законный актъ, на основаніи 74—92 ст. Положенія о выкупѣ [2]).

Этимъ дѣло, повидимому, не кончилось. 7 декабря предсѣдатель сообщилъ Присутствію распоряженія, сдѣланныя имъ по поводу введенія уставныхъ грамотъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ суражскаго уѣзда, въ которыхъ крестьяне оказывали упорное сопротивленіе. При обсужденіи мѣръ, которыя могли бы быть полезными въ этомъ случаѣ, Н. П. Бороздна, П. А. Васильчиковъ, Г. П. Галаганъ и И. Г. Есимонтовскій внесли особое письменное заявленіе, которое было затѣмъ представлено въ

---

[1]) А) „Общинное пользованіе землею и круговое за повинность ручательство можетъ быть упомянуто (въ уставной грамотѣ), какъ существующее въ имѣніи, только въ томъ случаѣ, если оно, по надѣлу и повинности дѣйствительно представляетъ общинное пользованіе“; б) безполезно вводить въ уставную грамоту какія-либо предрѣшающія дѣло условія, какъ напр., о раздѣленіи земли на каждый дворъ съ двумя ревизскими душами по 9 десят. разныхъ угодій земли; в) условіе сохраненія круговаго ручательства всего общества послѣ раздѣленія земли на наслѣдственные участки, какъ могущее состояться только лишь въ силу обоюднаго согласія или сдѣлки, не должно быть вносимо въ уставную грамоту, составленную безъ участія крестьянъ. (Журн. 29 ноября, стр. 11).

[2]) Журн. № 66, 29 ноября 1861 г.

министерство [1]). Къ сожалѣнію, сообщеніе предсѣдателя и заявленіе указанныхъ членовъ Присутствія намъ остались неизвѣстными.

Интересъ суражскаго дѣла заключается въ томъ, что оно характеризуетъ серьезное отношеніе Губернскаго Присутствія къ крестьянскому вопросу. На первыхъ порахъ легко было обвинить однихъ только крестьянъ въ самоуправствѣ, въ беззаконныхъ требованіяхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, крестьяне не такъ уже были виноваты, отстаивая свои матеріальные выгоды и интересы. Можетъ быть, со временемъ безпристрастная исторія приведетъ намъ не одинъ еще случай крестьянскихъ волненій, подобныхъ тѣмъ, какія происходили въ суражскомъ уѣздѣ въ имѣніи генералъ-майора Искрицкаго Мы увидимъ тогда, въ какое трудное положеніе были поставлены крестьяне въ 1861 году, не понимая истиннаго смысла Положенія, не имѣя людей, которые бы толково, не горячась, не начальствуя, разъяснили имъ его. Отстаивая свои интересы, путаясь на каждомъ шагу, не рѣшаясь предпринять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе изъ боязни потерять многое, крестьяне часто, можетъ быть, совершенно невольно доходили до грубыхъ поступковъ, до бунтовъ, для усмиренія которыхъ вызывались войска... Бунтами этими не занималось Губернское Присутствіе. Они, по существу, не были предметомъ его сужденій. Только изрѣдка, поэтому, упоминается о нихъ въ „журналахъ“. Мы знаемъ, напр., что были какія то волненія въ суражскомъ уѣздѣ въ имѣніи черниговскаго губернскаго предводителя дворянства Н. П. Бороздны [2]); былъ нарушенъ порядокъ въ имѣніяхъ помѣщика Стражкова и помѣщика Дунинъ-Борковскаго [3]) и т. п. Подробности этихъ волненій и нарушеній порядка намъ неизвѣстны. Въ имѣніи Н. П. Бороздны все кончилось благопо-

---

[1]) Журн. № 69, 7 декабря 1861 года.

[2]) Журн. № 39, 29 августа 1861 г.

[3]) Журн. № 63, 16 ноября.

лучно, добровольнымъ соглашеніемъ между помѣщикомъ и крестьянами [1])...

Волненія между крестьянами, вызванныя непониманіемъ истиннаго смысла Положенія 19 февраля 1861 г., были явленіемъ повсемѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи. Это вынудило министерство внутреннихъ дѣлъ издать 2 декабря циркулярное предписаніе для объявленія его во всеобщее свѣдѣніе. „Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ, говорилось въ этомъ предписаніи, свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его и, въ особенности, составленію уставныхъ грамотъ, во многихъ мѣстахъ, препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды. Они ожидаютъ, такъ называемой ими, *новой воли*, съ объявленіемъ которой, по истеченіи двухъ лѣтъ, они получать, будтобы, какія-то *новыя льготы*, въ Положеніяхъ 19 февраля не указанныя, и отъ пользованія которыми будто-бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его имп. величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла и напоминать о лежащихъ на ихъ обязанностяхъ. Государь императоръ, въ такихъ случаяхъ, соизволилъ говорить крестьянамъ, что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и Положенія 19 февраля“ [2]).

Двухлѣтній срокъ, установленный Положеніемъ для окончанія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику, на практикѣ вызывалъ вообще много недоразумѣній не у однихъ только крестьянъ. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, напр.,

---

[1]) Журн. № 39, 29 августа.

[2]) Журн. № 73, 15 декабря 1861 г.

черниговскаго уѣзда толковалъ его въ томъ смыслѣ, что онъ обязателенъ для крестьянъ: до истеченія его уставныя грамоты не могутъ быть введены. По этому поводу Губернское Присутствіе высказало такого рода сужденіе. „Ложное понятіе о значеніи этого срока могло возникнуть между крестьянами; по ихъ малограмотности, можно допустить, что они могли не понять, что этотъ срокъ поставленъ въ Положеніи какъ крайній предѣлъ для окончательнаго, посредствомъ уставныхъ грамотъ, опредѣленія отношеній между помѣщиками и крестьянами. Ошибочность въ этомъ случаѣ убѣжденія крестьянъ, породившая уже столько затрудненій, должна быть всѣми мѣрами исправлена и всѣ усилія должны клониться къ точному и вѣрному разъясненію вопроса. Противное не можетъ не быть признано вреднымъ, такъ какъ оно можетъ служить только къ большему еще укорененію въ умѣ крестьянъ ложнаго пониманія двухлѣтняго срока, даннаго на повсемѣстное введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ“ [1]).

Ник. Василенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Журн. № 69, декабря 7.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.[1]

(*Продолженіе*).

X.

Мынуло килька тамъ тыжднивъ, и зновъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ працюе, и зновъ ходе що-праздныка до божого храму, и зновъ, якъ побаче старця якого, то вже такъ не видпусте ёго одъ себе, а подасть ёму мылостыню та ще й скаже: „Прыймы, старче божый, подаяніе та помолысь за гришну душу Петра"... Тилько вже писля того подавсь Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ, дуже подавсь: и рукы у нёго кринко стали трусыться, такъ шо, якъ визьме винъ було карватку зъ водою, то и вода въ неи не держыться, та й поперекъ ставъ ёго шось дуже доймать... А тилько шобъ Максымъ Витрякъ показавъ кому свою журбу? Ажъ никому и ажъ николы! Та й чого ёму, якъ на чужу думку, журыться? У нёго, окримъ Петра, есть ще дочка Орыся, и яка дочка? Та есть ще найменьшый сынъ Павлусь,—такъ чого ёму?

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г № 2.

Вы подывиться, люде добри, яка выйде изъ тіеи Орыси Витрякивны краса? Ще вона, сказать, тилько дивчынка, але ось незабаромъ буде и дивкою. Хиба дивчатамъ довго росты? Воны, якъ те пшеныче тисто, шо не вспіешъ ёго и замисыты, якъ воно уже й зійшло. То хлопци... а дивчата, якъ верба. Такъ усяка дивка, такъ и Орыся Витрякивна.

Ще маненькою Орыся була така втишна, така уже втишна та гарна дытына була, шо онъ яка! Вона було и розскаже батькови про Ивашечка та про видьму; вона ёму и писню яку проспива, и въ голови ёму поська. И все було бильшъ коло батька, усе коло батька, якъ тамъ кажуть, трется та мнется. А батько уже, якъ тилько прысяде де, такъ заразъ же ухопе за рученята донечку свою та до себе на колина; посадовыть іи та такъ и держыть у себе и зъ колинъ не спуска. А вона ёму щебече, а вона ёму цвирынчыть та порощыть! „Щебечы, щебечы, моя галочко! Хай Богъ храныть, абы бъ не плакать“! скаже було Максымъ Мыкытовычъ, спускаючы зъ колинъ свою донечку та хрыстючы іи хрестомъ.

Отъ такъ було тишыться Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ своею Орысею, якъ вона була ще малою. А якъ уже стала вона велыкою, такъ винъ и очей зъ неи не зводе, безъ неи и не йисть, и не пье, безъ неи и не дыха. Черезъ шо жъ воно такъ? Одно черезъ те, шо вона була у нёго едыначка-дочка; а друге черезъ те, шо вона така жъ невымовна була красуня, якъ и іи маты Маруся, якъ ще молодою дивчыною гуляла, колы іи уперше уздрывъ Максымъ Витрякъ. И справди такы Орыся на все село славылась своею красою. Зросту вона була середнёго, станъ у неи бувъ тонкый та ривнесенькый, неначе та молода тополя, шо росте—гойдается у садку захыстному; походка у неи була спокійна та поважна, неначе у тій короливны; зъ лыця вона була округла и повновыда; ротокъ невелычкый и повсигда трошкы роскрытый, нисокъ коротенькый и неначе трошкы кырпатенькый; а зубонькы—ну чысто жъ такы неначе воны выточени: ривнесеньки-ривнесеньки та били-били,—

таки уже били, шо ажъ свитятся, якъ свитыться билый снигъ у морозный та ясный день на сонци; а шо вже очи, ти кари та весели очи, то воны у неи повсигда свитять такъ, якъ свитять у неби дви самыхъ блескучыхъ зирочкы, и чымъ бильше дывышся у ти очи, тымъ бильше хочется дывыться у ныхъ, тымъ радиснійшъ у тебе робыться на души и веселійшъ на серци. Оце якъ засміется було Орыся, та якъ роскрые свои коралови губонькы, то неначе одъ неи, якъ одъ ясного сонечка, свитъ скризь заблещыть та засяе. А въ очахъ у неи стилько смиху, стилько радощивъ, стилько щастя, шо, глядючы на неи, и самый сумный чоловикъ заразъ же росправыть на чоли своёму зморшкы та стане такый веселый, якъ на Велыкдень передъ розговиннямъ. Куды ни поверны Орысю, одна краса та й годи!

Ты подывысь ще на іи косы: якъ заплете оце вона ихъ у дрибушкы та якъ попуска унызъ, то воны у неи ажъ нижче колинъ простягнутся. А якъ уберется було Орыся на яке-небудь свято, якъ надягне на себе свое дивоче убрання, червону, ще одъ бабы, квитчасту, усю въ картахъ, плахточку, зелену зъ червонымы лапкамы та зъ гаруснымы гудзыкамы керсетку, якъ пидпережется каламайковымъ пояскомъ, за поясъ заткне мережану хусточку, на шыю начепыть разкивъ пъять, або й бильшъ доброго намыста, ще й килька тамъ золотыхъ дукативъ та срибныхъ хрестивъ, у косы вплете червону, блакитну, рожеву та жовтогарячу стёжку, голову уквитчае жывымы гвоздыкамы, зеленымъ барвинкомъ та дивочымъ винкомъ, а на нижкы набуе маненьки червоного сапьяну зъ пидковкамы чобиткы, якъ уберется та якъ одягнется оттакъ Орыся, то чысто-жъ тоби картына, отъ-та сама картына, шо маляри малюють по городахъ на дывовыжу панамъ. И якъ иде оце Орыся у такому убранни до церквы, то неначе вона и до земли не доторкается, и одъ красы та одъ радощивъ неначе горыть уся въ золоти... А ще краща бува Орыся тоди, якъ пе́редъ веде у танку! Э, тутъ вона уже не дивчына, а справжня короливна! Тутъ вона якъ протягне своимъ звинкымъ та высокымъ голос-

комъ писню, якъ пробижыть попереду всихъ, ведучы за собою увесь танокъ, якъ стукне нижка объ нижку чобиткамы, якъ обкрутне дивчатъ округъ своеи рукы, шобъ зробыты зъ ныхъ справжный танокъ, такъ хто тамъ буде на вулыци, чы старе, чы молоде, чы жинка, чы чоловикъ, то вже не вдержыться, шобъ не сказать: „Ну-й дивка жъ оця, Орыся! На все село дивка! Не дивка, а чысто тоби втиха! Шо вродлыва, шо спивлыва, шо брава, шо жвава, такъ уже й никуды бильшъ“!..

Такъ на таку дивку десь уже хлопци не зазыралы? Эге-жъ! Инчый дывытсян на неи, дывыться, та ажъ очи вытрищыть. А инчый погляне на неи, погляне, та скорійшъ и одвернется, ухопе себе за серце, зитхне тяжко-претяжко та й геть одійде отъ танка.

— Ну, й дочку жъ Богъ давъ Маруси Витрячыси!—промовыть оце, дывлячысь на Орысю, баба Одарочка Сыдорыха.

— Эге, у литку й качка прачка, а нехай вона побрыжка зимнёи поры! перехопе бабу Одарочку Сыдорыху баба Химка Дудукалка. Ще побачымъ, шо зъ неи дали выйде; тоди скаже „гоцъ“, якъ выскоче.

— А що дали? Замижъ пиде за кого любля,—не що!

— А хиба якъ замижъ пійде, то вже й щастя запобижыть? Може писля веселощивъ та играшокъ доведется ще й сплакнуть. Зъ горемъ натерпыться, такъ и не таку заведе.

А Орыся гуля соби, та й байдуже ій и до молодыхъ хлопцивъ, и до старыхъ бабивъ. У неи ще не те на думци: у неи на уми те, якъ бы матинци своій краще догодыть та якъ бы татка, свого любого татка, пры старосты заспокоиты. И ось вона то побижыть до колодязя та прынесе до-дому воды; то метнется на вгородъ та выкопа картопли, або бурякивъ на борщъ; то кынется на тикъ та нарве тамъ травыци коровкáмъ, шобъ воны побильше давалы молока. И за яке-бъ дило вона ни взялась, то такъ воно у неи и горыть, такъ и горыть. Батько та маты ще гаразд ій и не скажуть, а тилько такъ, навтякы, шо тамъ треба чы зробыть, чы ухопыть, якъ ось воно уже й йе. Вона и тре, и мне, и шые, и мые, и обидъ готуе, и въ поли працюе. Покы маты тамъ скуёвдыть одынъ снипъ, а

вона тры, а вона тры. Та все, куды бъ вона ни йшла, шобъ ни робыла, за шобъ ни бралась, та все зъ играшкамы, та все зъ спивамы та зъ радощамы. И така жъ тоби весела та втишна та славна дивчына, шо онъ яка! А якъ оце вже все переробе и ничёго бильшъ ій не зостается робыть, тоди вже вона у свій любый та гарный садокъ. Тамъ вона чысто якъ у божому раю. Тамъ вона такъ уже спива та выспивуе, такъ радіе та втишается, шо ажъ кожна квитка, коженъ кущыкъ ій сміются та усмихаются. А квитокъ у неи у тому садку, тамъ якихъ тилько и нема? Тамъ и холодна мнята, и зеленый любыстокъ, и душыстый кануперъ, и пахучы васылькы; тамъ и крокисъ и дзиндзивиръ, и майоркы, и чорнобрывци, и высока рожа, и макивъ цвитъ. И чого тамъ, чого тилько нема? И тамъ же надъ тымы квиткамы, по середыни садка, ростуть-гойдаются кучеряви вышенькы та темно-зелени черешни, а въ одному, тыхому та захыстному куточку, дрижать на вильнимъ повитри та шепочуть своимъ било-зеленымъ лыстямъ сриблясти тополи. Невелычкый той садокъ, а тилько винъ такъ рясно усаженъ квиткамы и такый винъ веселый та чаривный, шо такъ до себе и прытяга чоловика у литню палкý добу. И садокъ прытяга, и дивчына, шо спива у тому садку...

XI.

Обичъ зъ садкомъ Максыма Мыкытовыча Витряка стоявъ садокъ Грыгорія Якымовыча Крачка. Цей Крачокъ бувъ невелычкый соби панокъ и прожывавъ винъ на своёму грунти, коло Максыма Витряка, зъ давныхъ давенъ. Колысь-то, чы ёго дидъ, чы прадидъ, зайшовъ зъ-за Днипра на Слобожанщыну и якось-то опынывсь у Суныцивци. Тамъ винъ довго керувавъ музыкантамы—крепакамы пана Ивана Борысовыча Голованя, и въ якыйсь тамъ щаслывый часъ такъ догодывъ тому Голованю, шо вывъ подарувавъ ёму и грунтъ и двохъ, чы трёхъ крепа-

кивъ. Такъ отъ-то правнукъ того захожого Крачка, Грыгорій Якымовычъ Крачокъ, и прожывавъ обикъ зъ дворомъ Максыма Мыкытовыча Витряка. Винъ и родывсь, и зрисъ на своему грунти и черезъ те дуже любывъ свій ридный кутокъ. Тутъ же винъ, десь недалечко одъ Суныцивкы, и панночку соби якусь-то знайшовъ; тутъ же и одружывсь зъ тіею панночкою, Ганнусею; тутъ же Богъ дарувавъ ёму и сыночка, Ивасыка.

Тилько одного сынка пани Крачыха и породыла на свитъ; одынъ винъ и зостався на втиху батька та матери. Черезъ тежъ батько та маты такъ крипко и кохалы та пѐстылы свого сыночка, шо для ныхъ луччихъ и радощивъ не було, якъ бачыть здоровымъ та щаслывымъ свого Ивасыка. А воно жъ тоби те хлопья ще змалку шо вже було огненне, шо вже було прудке та жваве, такъ чысто жъ тоби одно лыхо зъ нымъ та й годи! Ничымъ ёго не зупынышъ, ничымъ не вдержышъ, хиба тилько казку розскажешъ, або писню яку проспиваешъ, або чымъ страшнымъ налякаешъ. Оце спыть було воно у ночи, у своій кимнатци, а потимъ прокынется о пивночи та й давай воюваты зъ бабою Одарочкою, шо спыть коло нёго. То баба и такъ и сякъ, ниякъ ёго не вгамуе, а дали й каже:

— Спы, спы, Ивасыку, а то онъ видьма йде та вхопе тебе та й понесе.

— А де-жъ вона, бабусю, та видьма йде?

— А ондечкы выскочыла зъ глухого киньця Крыженковыхъ воритъ... Онъ вона зигнулась, якъ собака, та верхы на кійку зъ дійныцею и крадется по-пидъ тынню...

— Ой, бабусю, я боюсь! Вона мене не визьме?

— Якъ не будешъ воюваты, то не визьме, а якъ будешъ, то ухопе, та й понесе.

— А яка вона, бабусю, та видьма?

— А яка? Била-била, якъ снигъ; спереду морда довгапредовга, а ззаду ще й хвистъ. Ось дывысь, ось дывысь, якъ крадется по-пидъ тынню!..

— Ой, ой, бабусю, я боюсь! Краще ты мене закрый зъ головою,—я вже не буду бильшъ.

Бабуся закрые хлопчыка, и воно угамуется, хочъ и довго, дуже довго писля того не спыть: воно хочъ и закрыте, а добре баче черезъ викно, якъ скризь по дорози мыготыть та перелывается свитъ одъ мисяця и якъ винъ падае яснымы та билымы пасмугамы на ворота, на хату и на повитку Крыженка: „ото-жъ, мабуть, одъ тіеи билои видьмы такый билый проминь!.. Ой, и страшно жъ, и не дай же, Боже, якъ страшно! А тутъ ще то баба Одарочка балакала, а то заснула та шо хропе, шо вже хропе! ій же й байдуже, а тутъ же жъ!..

А якъ устане Ивасыкъ зъ лижка ураньци, то и тутъ зъ нымъ лыхо: не хоче ни одягаться, ни обуваться: уже бабуся до нёго и такъ и сякъ, такъ ни: не хоче та й край.

— Спивай мени, бабусю, писню, тоди я буду одягаться.

— Та яку-жъ тоби спивать? Хиба про Хому та про Ярему? Якъ Хома та Ярема та ридніи браття симъ годъ збиралысь у Русалымъ, такъ Ярема хочъ заразъ, а Хома все збирается, такъ якъ оце ты у мене одягаешся.

— Э, ни, бабусю, я ціеи не хочу! Спивай мени про орла та про сокола, шо купалысь умисти на мори та балакалы про козака.

Отъ и почне бабуся спивать Ивасыку:

Та ой на мори на сынёму,
На камени на билому
Сокилъ зъ орломъ купается,
Сокилъ орла пытается:
„Чы бувъ, орле, за Дунаемъ,
Чы не знаешъ про Ногая,
Чы не чувъ ты про Мыхайла“?
— Не такъ я чувъ, якъ самъ знаю:
Ишлы ляхы на тры шляхы,
А татары на чотыри,
Запорожци поле вкрылы,
Чобиткамы зачорнылы,
Шабелькáмы заяснылы,

Шапочка́мы закрасылы.
Попереду гетьма́нъ йиде,
Въ правій ру́чци держыть ми́ча,
Въ ливій ру́чци горыть свича,
А шо зъ мича тече кривця,
А изъ кривци бижыть ричка,
Надъ ричкою воронъ кряче,
По сынови маты плаче.
„Не плачъ, маты, не вбывайся,
Ще жъ я не ввесь порубався:
Тилько рукы на тры штукы,
А ниженькы на чотыри.
Треба, маты, майстривъ ськаты—
Мени хату будуваты,
И безъ дверець, безъ виконець,
Шобъ витренько не віяло,
И сонечко не сяяло:
Мени въ двери не ходыты,
А въ виконце не глядиты,—
Мени, маты, въ земли приты".

Такъ отъ такечкы якъ почне ривнымъ та спокійнымъ голосомъ спивать бабуся Одарочка, то й сама забуде, шо ій треба одягать панычыка. Спива соби та выводе старечымъ голосомъ, а панычыкъ соби спива та выводе. А дали, якъ скиньчыть бабуся писню про орла та про сокола, тоди панычыкъ до неи съ проханнямъ, шобъ спивала другу яку. Та вчепыться рученятамы ій за шію и давай ій цилуваты и въ шію, и въ плечи, и въ очи, шобъ тилько заспивала про ту сердешну Галю, шо, по прыказу своеи свекрухы, ходыла въ недилю пшеныченькы жаты, жала пшеныченьку та й не росхылялась, на свою малу дытыну та й не задывлялась, якъ побигла жъ Галя дытыны дывыться, та й зустрила жъ Галя тры вовчыкы сирыхъ,

А одынъ же несе колыску новеньку,
А другый же несе пелюшку биленьку

А третій же несе дытыну маненьку,
Та й почалы жъ воны дытыну дилыты:
Которому ручка, которому нижка,
А матери очкы, шо не спала ночкы...

Спива бабуся про Галю, а сама плаче та й плаче, неначе вона и справди баче, якъ безщасну дытыну та пошматувалы сири вовкы въ поли. А за бабусею плаче панычыкъ....

— Панычу, панычыку, та годи тоби, годи! То воно въ писни такъ! Одягайся лучче! Ось тоби штанци, ось тоби сорочечка, та, шо маты прынесла своёму Ивасыку, якъ винъ ходывъ на ричку рыбкы ловыты.

— А якъ же жъ винъ ходывъ, басусю, якъ по ричци неможна ходыть?

— Ну, такъ плававъ човныкомъ, а маты ёго прыходыла до бережечка та казала ёму...

— А шо жъ вона казала ёму?

— Казала: „Ивашечку, мій батечку, прыплынь-прыплынь до бережка, я тоби штаньци й сорочечку прынесла"!..

— Ну, ось я, бабусю, и прыпливъ до бережка! Давай теперъ мени и штаньци и сорочечку!

Отъ така то була морока зъ тымъ Ивасыкомъ уже зъ малечку. А якъ ставъ же винъ учыться письма, такъ тутъ зъ нымъ ще й гирше лыхо: не хоче блазня вчыться само, а подай ёму товарыша, тоди такъ! Огъ и знайшлы ёму товарыша, Стецька Гырю. И почавъ винъ умисти зъ нымъ учыться: сюдытуды повернувсь, уже й вывчывъ те, шо ёму велено, уже й закрывъ книжку, уже й выскочывъ зъ Стецькомъ изъ хаты, ускочывъ у синныкъ, де наложене свиже та пахуче сино, та й давай борюкаться зъ Стецькомъ на сини. То потягне ёго за ногу, то перекыне унызъ головою, а въ гору поставе ногамы; то накыда на нёго сина, а самъ геть выскоче изъ синныка, мыттю выдереться на дерево въ садку та й регочется-регочется тамъ, сміючысь зъ Стецька, шо винъ такый кволый, та невковырный, ни якъ не выдряпается на дерево, шобъ ухопыты паныча за чобитъ та зтягты ёго на землю.

— Панычу, панычу, злазь унызъ та ходимъ до насъ!

— А шо тамъ у васъ?

— У насъ сёгодня буде борщъ зъ саломъ та каша-кутя зъ молокомъ.

— А не брешешъ ты?

— Чого? йиже-Богу! Злазь!

— А, якъ такъ, то я ось уже и внызу!

Отъ наши хлопчакы уже и въ хати у старого Ивана Гыри; отъ воны уже и за столомъ сыдять. Ну-й добрый же у того Гыри борщъ! А ще добрійша каша-кутя зъ холоднымъ молочкомъ!..

— Скажы мени, панычу, шо то таке балакають мижъ собою горобци, якъ позлитаются до купы? Ты теперъ уже пысьменный, такъ, мабуть багато де-чого знаешъ. Шо у васъ у кныжкахъ про це йе?

— Ни, дидусю, у насъ цёго у кныжкахъ нема.

— Эге, ще, значыть, не вспилы завесты у кныжкы. Це воны, анахтемськи горобци, такъ на Хрыста. Якъ мучылы жыды Хрыста, то оце бьють ёго, пречеснбго, бьють, а дали бачуть, шо винъ уже й не дыше, та й вкынуть у ясла: „Теперъ, кажуть, дійшовъ“. Ажъ воно хочъ и прыбылы ёго, та тилько не до киньця. Тутъ де не визьмутся горобци, понасидають на ясла та й цвириньчать: „жывъ—жывъ, жывъ—жывъ“! То жыды упьять за Хрыста та впьять давай мучыты ёго... Такъ про те воны, гаспидови горобци, и балакають промижъ собою. О, ба—о! Цёго у твоихъ кныжкахъ нема?

— Ни, дидусь, нема!

— Ну такъ ты упышы?

— Якъ вывчусь, дидусю, пысать, то впышу.

— Ну, а шо жъ у твоихъ кныжкахъ сказано про те, якъ выйшлы горы на земли?

— Ни, дидусь, и цёго не сказано; а якъ же воны выйшлы?

— А отъ якъ воны выйшлы: якъ Господь творывъ свитъ божый, то бисъ—хай Духъ Святъ пры насъ!—то бисъ, кажу,

шо ни сотворыть Богъ, чы тамъ вивцю, чы корову, чы коня, чы качку, ухопе те та заразъ же и зъисть. А якъ почавъ уже Господь творыть землю, то бисъ, якъ ій йисты не можна, давай дряпаты ій кыктямы. Та ото якъ надряпавъ, та давай выкыдаты ій изъ-пидъ кыктивъ: якъ выкыне шматокъ, то й гора, якъ выкыне другый, то й друга. О, ба—о!

— Невже жъ такы, дидусь, отъ такы высоки горы, якъ оце у насъ, шо про-мижъ Суныцивкою та Иванивкою, то вси воны булы у чорта пидъ кыктямы? Якый же то у нёго кыкоть завбильшкы?

— Эге, у нёго, панычу, такый кыкоть, шо пидъ нымъ и тры такыхъ горы сховается, якъ наша: винъ оце начепе на кыкоть землю та й держыть ій,—одъ того середъ дня и свита инколы не бува; люде кажуть, шо то сонце минытся, ажъ воно, якъ по справжнёму сказать, такъ то чортъ землю на кыкти держыть. Та вже, якъ Господь дѐржавою своею ёго опече и якъ винъ выпусте землю изъ кыктя, то тоди зновъ на земли и сонце засяе и свитъ заблыщыть... О—ба—о! И цёго у твоихъ кныжкакъ нема?

— Нема, дидусь, и цёго!

— А якъ нема, такъ ты заведы!

— Заведу, дидусь, якъ вывчусь пысать, заведу!

— Ну, а скажы мени ще одно: чого то зинське щеня та очей не мае?

— А я, дидусь, не бачывъ, чы воно мае, чы не мае.

— Очей воно справди не мае, и знаешъ черезъ шо?

— А черезъ шо?

— А отъ черезъ шо: якъ Богъ сотворывъ ёго, такъ воно хотило подывыться на Господа та й ослипло: Господь сяе такымъ блескучымъ свитомъ, шо проты нёго и соняшный свитъ не свитъ. Черезъ те Господа нихто не може й бачыть, а тилько може чуты Ёго велыку сылу... О, ба—о! Гляды жъ и це у кныжку заведы, якъ шо навчышся пысать.

Отъ такъ слуха Ивасыкъ, шо ёму розсказуе дидъ Иванъ Гыря, а тутъ же й бачe, якъ ёму Стецько кывае изъ синей

пальцемъ, шобъ скорійшъ выходывъ изъ хаты въ сины та отъ то шобъ дременуты имъ куды-небудь, чы на тикъ, чы на огородъ, чы ажъ на ту леваду, шо за капустамы, пидъ горою. Тамъ такъ зелено, тамъ такъ погоже та такъ весело! Тамъ, по тій левади, вьется неведычкый зъ чыстою, якъ слизочка, водою струмочокъ, шо взявся десь ажъ повыще Жабокрюкивкы, а уплыва у панськый ставокъ, супроты панського саду. По обохъ берегахъ того струмочка ростуть высоки, дупласти та розлоги вербы, шо своимы гилкамы позвысалы ажъ до самои воды; а на тыхъ вербахъ турчать горлыци, скрекочуь сорокы, выбывають носамы, неначе ковали зализнымы молоткамы, довбачйжóвны; а шо вже тыхъ шпакивъ, то воны, неначе та хмара, такъ и облипылы усю вербу,—и гилля не знать, а надъ усимъ тымъ пиднялось высоко-высоко ясне сонечко и облывае на около своимъ палкымъ та огненнымъ свитомъ и всю леваду, и всю гору, и все село.

Туды-то, на ту саму леваду, пидъ ти роскишни вербы, до того чыстого струмочка, и дременулы наши хлопчакы, Ивасыкъ та Стецько. А тамъ уже циле збиговыще такыхъ же хлопцивъ, якъ и воны, и дивчатокъ, трошкы поменьче за ныхъ годамы: тамъ Захарько Блукетъ, Серёга Зализный, Павлусь Сокырка, Яцько Кебета, Васыль Пампушка, Тышко Полушка, Настя Гыривна, Вивдя Сокырчына, Оныся Кульбакивна, Уляна Бережкивна и Орыся Витрякивна,—тамъ хто пасе телятъ, хто стереже качатъ, хто догляда гусятъ.

— Хлопци, дивчатка!

— А шо?

— Давайте граться!

— Давайте! А въ шо?

— Давайте у квакà?

— Давайте!

Ось и постановылысь хлопци та дивчатка кружкá и давай граты у квакá. Тутъ одынъ хлопець, якому выпала черьга, ставъ на ливу ногу, праву видкынувъ видъ себе назадъ и пиднявъ ии въ гору; дали зробывъ изъ двохъ першыхъ пальцивъ

ливои рукы невелычке кильце и почавъ помаленьку плюваты черезъ те кильце, а други сталы коло хлопця и пильно прыдывляются на те, якъ винъ плюе. И ото якъ упаде слына у кильце, не зачепыться за пальци, то отъ то чыстый хлопець, а якъ зачепыться, то тоди вси крычать: „Квакъ! Квакъ! йиже-Богу квакъ“!

Писля того роблять коло, у середыну кола заводять квака и почынають быты ёго долонямы, по чимъ хто влуче; бьють, а самы прудко видскакують видъ нёго, шобъ квакъ не видбывсь, та не передавъ свого стану другому: „Кваче, кваче, та не побьешъ! Кваче, кваче, та не побьешъ“!.. А винъ стоить та видмахуется та бига по колу та прыкладается, шобъ улучыты котрого зъ хлопцивъ, або зъ дивчатокъ. И якъ улуче котрого, то тоди вже квакъ не винъ, а той, кого винъ улучывъ. Новый квакъ тежъ становыться въ коло и тежъ плюе въ кильце.

— Годи вже въ квака! Давайте теперъ весилля справляты.

— Давайте! А хто-жъ буде молодымъ?

— Ивасыкъ!

— А хто-жъ буде молодою?

— Орыся!

— Давайте!

— Давайте!

— А хто-жъ буде старшымъ боярыномъ?

— Стецько Гыря!

— Ну, такъ давайте жъ!

— Давайте!

Отъ и почала дитвора справлять весилля, такъ саме, якъ роблять те старши: дивчатка плетуть изъ квитокъ винкы та крутять молодому та молодій изъ калачикивъ обидци, потимъ мисять изъ глею коровай, а изъ земли шышкы; а хлопьята выбырають бояръ-пойизжанъ, шобъ везты молодыхъ до шлюбу, та шукають троисти музыкы, шобъ граты на весилли, та крутять траву, шобъ перевьязувать, нею замистъ рушныкивъ, старостивъ черезъ плече. И писля всёго того, два хлопчакы, загнуздывшысь травою та видкынувшы на бикъ головы, одынъ

направо, а другый наливо, везуть молодыхъ виньчаться до ривчака; тутечкы одни везуть, а други бижать за нымы слидкомъ та спивають писни та плещутъ у долони.

Якъ же повинчають молодыхъ, тоди сперше всёго дають имъ напыться вына,—справди воды изъ лопушыного лыста, потимъ надивають на пальци молодымъ обидци, тоди вже садовлять ихъ рядкомъ та справляють весилля. Тутъ дивчатка спивають весильныхъ писень, а хлопьятка грають на музыкахъ. Одынъ хлопчыкъ бере у рукы два цурпалкы та й давай нымы грать: одынъ у нёго служе за скрыпку, а другый за смычка; другый хлопець надыма соби обыдви щокы, якъ тилько можна ихъ надуты, та самъ себе и бье кулакомъ то по одній, то по другій щоци,—то у нёго такъ бубонъ бубоныть; а третій стулывъ до купы дви долони та якъ свыстоне, якъ свыстоне у ныхъ, такъ яжъ усе птаство схоплюется зъ гылля та въ гору летыть. И тутъ же пидъ ти музыкы хто танцюе, хто перекыдается черезъ голову по трави, хто лазе рачкы та реве, якъ той ведмидь.

— Ой, дайте горилочкы горлянку промочыть!

— А онъ ный изъ ривчака,—тамъ горилкы, скилько хочъ!

— Ну, хлопци та дивчата, теперъ уже Ивасыкъ та Орыся—чоловикъ та жинка; теперъ воны уже не розійдутся никуды.

— Эге-жъ, такъ воно й було! А ну, Стець, побижымъ онъ туды, за той рижокъ горы, звидкиля выдніется дида Велычка баштанъ!..

Отъ наши хлопчакы уже й на баштани. Уже воны сыдять коло дида Велычка; уже й йидять кавуньци. Той дидъ, Олексій Велычко, такый древній-предревній дидъ, увесь билый-билый, якъ снигъ, а такый славный та добрый, якъ мала дытына; больше всёго на свити винъ любывъ малу дитвору. Своихъ дитей у нёго зроду не було, такъ винъ узявъ чужу дытыну та й тишывъ іи, покы выростывъ, а потимъ и въ люды пустывъ. А якъ старымъ уже ставъ, то оце понасадовыть було у литку коло себе цилу юрбу дитей та й годуе всихъ и кавунамы, и

дынямы, и огирочкамы. Та ще, якъ нагодуе, то велыть и додому брать кавунивъ, або дынь, скилько хто у рукы захопыть, а въ кишеню, або въ пазуху не беры,—то вже непотрибна ричъ. „Чоловику, каже, треба стилько, скилько можуть рукы захопыть, а шо бильше того, то вже жадоба и за те велыкый грихъ одъ Бога". А шобъ тебе, дытыно моя, не спокушала ни пазуха, ни кешеня, такъ ты роздягнысь та голенькій и набирай; а якъ свою здобычъ однесешъ, тоди вже йды та свою одежу беры.

— Чіи жъ вы, диткы, есть, шо до мене у гости прыйшлы?

— Та я, дидусь, Грыцька Крачка, а цей Иваня Гыри.

— А, такъ отъ вы чіи: ты Крачыня, а ты Гырыня! Ну, шо-жъ вы и грамоты учытесь?

— Учымось, дидусь!

— И хутко у городъ пойидете, до школы?

— Не знаемо, дидусь, якъ батько та маты.

— А въ городи колы булы?

— Ни, дидусь, зроду не булы.

— Эге, не булы! А мени то де тилько и не доводылось бувать?

— А дежъ вамъ, дидусь, доводылось бувать?

— Скризь: и въ Польши, и въ Басарабіи, и на Кавказахъ бувъ. И шо то за край славный, той Кавказъ! Горы тоби таки, шо макивкамы ажъ до неба досягають, ажъ у хмары упираются. Звиру якого тамъ, птаства-пернаства! Боже, Боже, и якого тамъ птаства тилько й нема? Якъ летыть оце зъ гиръ у степъ орляка, такъ крыламы махае, наче той витрякъ на витри. И сыльна жъ птыця яка! Оце якъ нагляне де у степу зайця, то такъ грудомахою и вдарыться на нёго. А той бидненькый перекынется до голичерва та такъ лапкамы майдалае-майдалае та крычыть-крычыть; чысто тоби мала дытына! Такъ тоди якъ гунышъ изъ ружжа на того орляку, то згукъ той такъ и покотыться скризь по горахъ, такъ и покотыться-покотыться: га—га—га—га!.. неначе гримъ загрюкотыть, та ажъ у воздухы пиднимется... А шо вже того гаду, Боже велыкый! Якъ набижышъ оце на га-

дюче кубло та якъ почнешъ кроиты батогомъ той гадъ, такъ усе наоколо ажъ свыстыть... Э, де тилько мене и не було? Бувъ я и въ Петербурзи, де цари жывуть...

— Онъ де, мабуть, дидусь, хороше,—де цари жывуть? Га? Чы правда тому, шо тамъ, де жывуть цари, тамъ увесь крышталевый городъ, крышталеви вулыци, крышталеви домы, крышталеви мистки и надъ усимъ тымъ велыка-велыка крышталева покрывля, а сонечко, кажуть, надъ тымъ городомъ, якъ жаръ, такъ и горыть, такъ и горыть,—чы правда тому дидусь?

— За те, люба дытыно моя, не скажу тобя; а тилько шо цари йиздять у золоти, пьють-йидять изъ золота, сыдять на золоти, одягаются у золото, то це шо правда, то правда. Давно, дуже давно, якъ ще я бувъ меньчый, нижъ оце вы, такъ бачывъ я, якъ царыця Катерына йихала у золотій карети у Крымъ,—карета вся зъ золота и царыця въ золоти... Дуже давно це було! Я ще скоро зазнаю, такъ скризь по шляхахъ, де бигла царыця, стоялы камьяни мыли, а впередъ царыци бижыть було машталиръ та на сурьми грае, та грае жъ ловко—охота й слухать... Ой, якъ же воно давно й було!..

— А хиба вы, дидусь, таки стари?

— Не такъ старый, якъ давній, дытыно моя! Такый давній, шо вже треба бъ и вмираты, такъ десь про мене на тимъ свити й забулы. Та такы й пора и вмирать, бо дуже кисткы болять.

— А не страшно жъ вамъ, дидусь, умирать?

— А чого жъ ёго страшно, дытыно моя? На той свитъ иты—до Бога иты... Та, мабуть, скоро такы й пиду. Ось полапайте мене за вуха, чы мнягки.

— Мнягки, дидусь, дуже мнягки!

— А багато ще твердого зосталось?

— Ни, дидусю, трошечкы.

— Ото жъ стилько мени й жыть, скилько у мене твердого: якъ вуха зовсимъ стануть мнягки, то тоди вже й смерть.

— А у мене, дидусь, чы багато твердого?

— А ну? Э, у тебе вушко тверде, якъ залчый кигтыкъ! Тоби, дытыно моя, довго жыть! А-ну, дай мени ще твою праву руку! А-ну, ходы, сыночку, блызче до мене, а ну! Я шось ставъ недобачать... Эге, и щаслывый же ты зародывсь! Побачышъ ты и багато крышталевыхъ городивъ и у золоти царивъ... Щаслывый ты, а тилько й горя багато на своимъ вику уздрышъ... Рука у тебе золота. Цю руку такъ, шо хочъ и старому, то можна поцилувать. Ты мале дытя, а малыхъ дитей и Господь любывъ, любывъ та и цилувавъ...

— Дидусь, дидусь! почекайте! Вы дывится, якъ высоко пиднявсь голубъ надъ садомъ Явдокыма Могыляка! Осё-сё, осё-сё! Летыть, летыть! Осё-се!.. Стець, Стецько, а побижимъ до Явдокыма у садокъ та подывымось, якого це винъ тамъ выпустывъ буркуна.

Отъ наши хлопци уже и въ садку у Явдокыма Могыляка. Той Явдокымъ Могылякъ бувъ одъ прыроды калика, у нёго зрослысь обыдви ногы пидъ колинамы, и винъ лазывъ по земли навколюшкахъ, пидпераючысь то одніею, то другою долонею, а изъ себе бувъ вѣлеть, справжній „богатырь“ Илья Муромець,— и „богатырь“, и красень. Голова у нёго здорова та кучерява, голосъ густый та гучный, грудына уся у шерсты, бровы чорни, густи та ривни якъ по струни, нисъ прямый та высокый, зубы чысто тоби слоновои кости, борода густа-прегуста, та ще й кучерява; а шо вже очи, такъ чысто Богъ давъ ихъ тому калици на вдывовыжу всимъ: блакитни, блакитни та ясни-ясни, неначе те блакитне та ясне небо, и стилько въ нихъ дѣбристы та ласкавосты дытячои, чыстои та неповыннои, шо такъ бы й дывывсь, такъ бы безперечъ и дывывсь у ныхъ. А одразу якъ заговоре Явдокымъ густымъ та сылнымъ голосомъ, та якъ зарегочется, то зробытся ажъ страшно, а потимъ якъ засміется та якъ роскотытся-роскотытся басомъ, то сміется у нёго и ротъ, сміются й зубы, сміются й блакитни очи, сміется и винъ самъ, увесь, чысто увесь... Явдокыму тому було уже, мабудь, годъ трыдцять пьять, а винъ бувъ такый же чыстый, и тиломъ, и серцемъ, и душею, якъ мала дытына. Бильше усёго винъ любывъ свій

маненькый вышневый садокъ,—и славно жъ у тому садку було!.. А ще бильшъ любывъ своихъ голубивъ. И якыхъ тилько у нёго не було голубивъ? И буркуцьки, и дыки, и турманы, и ряби, и сызи, и попелясти, и зузуляти, и червони зъ билымъ перомъ.

— Дывысь, дывысь, панычу, яки штаны на моёму рябому голубу! Ось дывысь! ось дывысь! Неначе той турокъ у штаняхъ! А слухай, якъ винъ буркотыть! Ось слухай! ось слухай! Ичъ якъ! Чувъ? То винъ сердится на свою голубку та заганя ii на гниздо. Хи, а литá якъ! Ты подывысь! Ось подывысь! Куды къ лыхiй годыни отъ тому буркуцькому голубу, шо отъ то шкытильгавый Пашка швець изъ города прывизъ! Та ще-жъ винъ у мене такый удашный, чы сказать, красывый, шо чысто тоби... Отъ хиба твiй буркуцькый трошкы зъ моимъ порiвняется... Э, а якый бувъ у мене позаторикъ рябый та чубатый голубъ, такъ такого десь и въ цилимъ свити не було,—такъ украла якась яретыча душа. Такъ я подававъ десять копiёкъ Ивану Воину,—той, кажуть, зыскуе ворюгъ, та й на сей день нема чуткы. Не мылуюсь и мене,—крадуть!.. Ну, а такъ шобъ самъ де залетивъ,—цёго нема: де бъ не бувъ, а до-дому прылетыть, де-бъ не бувъ, а до-дому, чуешъ, прылетыть.

— И якъ такъ, Явдокымъ, шо у тебе багато голубивъ и шо воны никуды не залитають видъ тебе?

— Эге, я шось таке знаю, шо воны не залитають видъ мене...

— А шо-жъ ты знаешъ?

— Цёго вже дурно, безъ могарычу, не скажу.

— А чимъ же тебе пидмогорычыть?

— Якъ прочытаешъ мени казку про того богатыря, шо за однымъ махомъ сто душъ побывахомъ, то тоди скажу.

— Та це, мабуть, про Полкана богатыря?

— Эге жъ!

— Прочытаю!

— Зъ тымъ, шо прочытаешъ?

— Зъ тымъ, шо прочытаю.

— Ну, такъ слухай же: оце тилько тоби та Стецькови и скажу, а вы вже, глядить, никому не кажить.

— Ни, зроду-вику никому!

— Такъ слухайте. Якъ настане оце недиля, такъ ты пиды до церквы, стань коло дзвиныци та й дывысь, якый прыйде до церквы самый найстарійшый дидъ та поставе свій цыпокъ коло дзвиныци. Такъ ты, якъ той дидъ увійде уже въ церкву, визьмы потыхеньку той цыпокъ та звидты мерщи до-дому та скорійшъ и всунь ёго у свій голубныкъ. Отъ тоди у тебе голубивъ-голубивъ буде и ни одынъ зъ ныхъ одъ тебе не втече!.. Го—го—го—го, ни одынъ, чуешъ, не втече!.. А прочытаешъ же про Полкана-богатыря?

— Прочытаю!

— А колы жъ ты?

— У недилю, писля того, якъ цыпокъ уткну у голубныкъ.

— Гляды жъ,—я буду ждать! Го—го—го—го!.. А кныжка у тебе зъ малюнкамы?

— Зъ малюнкамы.

— И тамъ есть Полканъ-богатырь?

— Есть и Полканъ-богатырь!

— Гляды жъ прынесы!

— Та якъ хочешъ, то я й сёгодня у вечери прынесу.

— Ни, сёгодня не прынось: сегодня у вечери наши хлопци поведуть на ничъ коней пасты, такъ мени треба коло хворои бабы сыдить.

— А де жъ воны поведуть?

— На толоку, пидъ Корніевськыій лисъ.

— Стецько, а ты сёгодня не поведешъ?

— Та й я поведу.

— Ну, такъ и я жъ зъ тобою! Слухай сюды, Стець: я теперъ сплю у санчатахъ, пидъ повиткою, шо прычилкомъ выходе у Гекивъ переулокъ, такъ ты пидйидь потыхеньку до повитки, крыкны мени пугачемъ, або совою, то я перескочу черезъ плитъ та тоди й гайда до лису,—нихто й не побаче, шо мене й дома нема. Добре, Стець?

— Добре, панычу! Пидйиду до повитки, крыкну совою, пидставлю тоби пидъ плитъ гнидого,—того, шо увесь-увесь гнидый, а права задня нога, поныжче колина, била, а ты тоди и улучай на нёго, а тамъ якъ улучышъ, такъ мы зъ тобою въ тры мыга уже й будемъ коло Корніевського лису. Та тилько гляды, то такый кинь, шо якъ не влучышъ на нёго, то винъ и ногою дрійнѐ...

— Такъ я й не влучывъ,—гляды!

XII.

Ну й темна жъ и ничъ выпала нашимъ хлопчакамъ! Така темна, така темна, шо й грывы конякы неможна побачыть, а хлопчакамъ же те й байдуже! Посидалы воны на коней, одынъ на вороного, а другый на гнидого, та такъ чешуть по дорози, пидъ Корніевськый лисъ, такъ уже чешуть, неначе ти козакы запорожци пидъ турка на выручку товарыства, а за хлопцямы слидмá бижыть ще й тры стрыгуны и одно маненьке лоша. Оце одынъ якъ прыпече, якъ прыпече свого коня та якъ ушкваре по дорози, а другый соби якъ улупе за першымъ, такъ ажъ на пивъ-аршына пидскакуе выще спины коня. Ото жъ у ихъ думка, хто кого выпереде и хто ранійшъ добижыть до таборыща, куды селянськи хлопчакы змовылысь збыраться зъ киньмы на ту ничъ.

Отъ Ивасыкъ та Стецько уже й коло Корніевкы. Тутъ, навкругы, скилько займае око, простяглось шыроке та темне поле, и по тому полю шо вже травы, шо вже усякои квиточкыны, шо вже пахощивъ, такъ безъ миры и безъ кинця! Здавалось, шо то не поле, а цилый квитяный садъ и надъ тымъ садомъ тилько шо спустылось циле море чыстои, ряснои та пахучои росы. Бильшъ усёго тамъ було темно-зеленои бабкы зъ блакитно-сынимъ цвитомъ та лапчастымъ лыстямъ, и та бабка застылала собою и всю землю, и всю траву, и тутъ же выпу-

скала изъ себе свои особши, якись то дуже солодки и дуже пьянки пахощи, и неначе залывала нымы увечь безмирный и неоглядный ланъ. А дали, заздалегидь, у кинци поля, чорніе высокый дубовый лисъ, шо простягся геть-геть по глыбокій та крутій балци и стоить нерухомо, неначе винъ або зачарованый, або заговореный якоюсь невыдымою и непереборымою сылою... А онъ-де-онъ, ажъ надъ самымъ шляхомъ, де впала суныцивська межа, высока могыла шелестыть, а при самому взлиску палае велыке огныще и коло того огныща вытыкается скилько хлопьячыхъ головъ. И надъ усимъ тымъ полемъ, и надъ тымъ огнищемъ, и надъ тымы хлопцямы простяглось темне-темне та глыбоке-глыбоке небо, а на неби де-не-де грають невелычкымъ свитомъ зори, неначе ти гискоркы...

Ось Ивасыкъ та Стецько уже й коло огныща; ось воны поскакувалы зъ коней, попуталы ихъ мерщи путамы, а самы уже й коло хлопцивъ. Хи, отъ де весело та радисно! Тамъ, коло того огныща, циле збигóвыще хлопцивъ, мало чы не зъ усёго села. Лежать воны жывотамы на земли округъ багаття, попидпиралысь долонямы у пидборидця та й ведуть усяки балачкы про страшне, про чудне, про кумедне та регочутся-регочутся та залываются такымъ веселымъ смихомъ, шо ажъ гискры пиднимаются въ гору изъ полумья та розсыпаются навкругы по зеленій трави та по рясныхъ квиткахъ. Одынъ розсказуе про те, якъ винъ колысь-то у ночи бигавъ за панськый млынъ до панського току, де рисъ солодкый стрючковатый горохъ, та въ тому гороси набачывъ зализну бабу зъ червонымы, якъ жаръ, очима и зъ гострымы, мовъ у собакы, зубамы, та якъ чкурнувъ видъ неи навтикачà, та таки лататы завдававъ, шо ажъ пьяткы улыпалы въ задъ... Другый розсказуе про те, якъ винъ полизъ у панськый ставокъ ракы печерувать, покынувшы свои штаны та сорочку на берези ставка, и якъ тамъ десь у прасунка узявся сторожъ садовый, Хвылька Бавукало, та вхопывъ ёго одежу и закынувъ геть на высоку тополю, и якъ ёму черезъ те прыйшлось бигты до-дому голому. И хочъ винъ пробигъ половыну села голый, такъ за тежъ скилько й ракивъ прынисъ

до-дому! Третій розсказуе про те, якъ винъ ходывъ на новый годъ посыпаты до самого пана Голованя та набравъ у рукавыцю, умисти зъ жытомъ, сухои квасоли та гороху, и якъ панъ выйшовъ до нёго у прыхожу, то винъ якъ почавъ штурляты на нёго зъ рукавыци горохомъ та квасолею та по лысыни та все по лысыни пана: „На щастя, на здоровья зароды, Боже, жыто-пшеныцю на всякій пашныци"! Та якъ учысте ёго, учысте, такъ у пана на голови ажъ кгули понабигалы, бильшъ нижъ самый горохъ, та червони, червони, неначе ти зязюлькы, шо ростуть по садкахъ. А панъ закрывъ обома рукамы лысыну та тилько одно знай крычыть: „Будя! будя! будя"!.. А четвертый розсказуе про те, якъ винъ йихавъ зъ своимъ дядькомъ повзъ оцёго самого лису Корніевського, у ночи, дуже пизнёи добы, и якъ воны тилько шо поривнялысь зъ высокымъ дубомъ, шо стоить пры самому шляху, колы тутъ имъ назустричъ якъ выскоче зъ лису жеребець, билый-билый увесь, неначе снигъ, та якъ зарже-зарже, а дали якъ кынется на дорогу, а зъ дороги на высоку могылу, шо стоить за кладовыщемъ, на шпылю, та зновъ якъ зарже-зарже: „Го! го! го! го!",—то такъ луна и покотылась-покотылась-покотылась скризь, и по лису и по балци, шо за лисомъ, и по яру, шо за кладовыщемъ... А у поли було такъ мисяшно, шо хочъ голкы збырай... Пьятый перебыва четвертого та каже, шо й ёго дидъ, сказать, батькивъ дядько, якъ йихавъ колысь ничью повзъ Корніевкы, такъ тутъ де не взялысь зъ лйсу голубы, такъ бы то пробилувàти зъ червонымъ пером, надлетилы надъ самый визъ та такъ и сидають, и сидають то на дугу, то на здуховыны, то на клубы коня, а дидъ дывыться на те та все хрыстыться, та все хрыстыться, та все шепоче молытвы, а описля того швыдко и вмеръ... Такъ де-котри бабы казалы, шо то не голубы, а Духъ Святъ... Шостый забига попередъ пьятого та каже, якъ коло Корніевкы, раннёи весны, оравъ Мыкытка Гекъ, а пидъ возомъ у нёго сыдивъ ёго маненькій Захарько, и якъ наскочыла звидкилясь чорна-пречорна хмара, а изъ тіеи хмары грюконувъ гримъ та прямо пидъ визъ, де сыдивъ хлопчыкъ. Тутъ якъ почало жъ воно

того хлопчыка пидкыдать у гору, якъ почало, такъ винъ увесь зробывсь сыній-пресыній, та тамъ же и Богови душеньку свою виддавъ. Самъ Мыкытка Гекъ казавъ, шо то нечыстый ховавсь одъ Бога та вскочывъ у дытыну, и якъ бы було швыдко прыбигты до воза та перехрестыты дытыну хрестомъ, то нечыстый не насмилывся бъ полизты пидъ визъ. А Маруся Гекова такъ та казала, шо за тыждень, якъ умерты Захарькови, прыходывъ до ихъ отой Семенъ Петровычъ, шо вештается скризь по свиту, якъ Марко проклятый по пеклу, и шо кажуть про нёго: „Семенъ Петровычъ усимъ людямъ родычъ“. Прыйшовъ, каже, та ставе ципокъ свій у кутку, мижъ рогачамы, а винъ визьме та й впаде: два разы становывъ,—та все пада. „Це, каже Семенъ Петровычъ, на вмыруще!.. А же жъ пипъ якъ прыходе сповидать, то заразъ ставе палыцю: якъ стоить, то буде жыть, а якъ упаде, то вмре“... А то ще й цыганка прыходыла до ихъ та казала...

— Хлопци, хлопци, що це наши кони такъ захроплы? Чы не вовкъ де проявывся? А-ну-мо за кіячча та до табуна! Хвыть! Хвыть! Хвыть! Тю—лю—лю—лю! Беры! беры ёго! беры! Покотъ! Рябко! Бровко!

— Хлопци, хлопци, а постривайте лышъ! Чы вы знаете, шо нашъ Покотъ ярчукъ? У нёго есть вовчый зубъ; винъ черезъ те и видьму, и вовка, и чорта чуе; ёго ни одынъ вовкъ не здоліе! Винъ у насъ такый, шо никому и въ гору не дасть глянуты,—не то що! Не бійтесь ажъ ничогисенько та лягайте соби та спить, винъ и за верству не пидпустыть вовкивъ до табуна...

— Отъ и полягалы хлопци спаты. Хто коло огныща, хто трошкы оподаль, на взлиску, а хто на толоци, у высокій та густій трави. Тамъ же, мижъ пахучымы квиткамы, на мягкій трави поляглы и наши хлопчакы, Ивасыкъ та Стецько, одынъ биля одного, укрывшысь зверху свыткамы та прытулывшысь щильно одынъ до одного спыною. Сплять воны соби та такъ солодко та здорово сплять, шо й не чують, якъ почавъ крапаты на ихъ дощъ, спершe потыхеньку, а потимъ, де дали, усе дужче

и дужче. Пада винъ на траву, на квиткы, на землю, на одежу хлопчакивъ, а воны пидъ той ривный та одномаитый шелестъ ще дужче, ще солодче сплять. Уже давно той дощъ и все огныще погасывъ,—тилько й курився сдынъ дымокъ, шо такъ нызько розлягався по земли; уже давно той дощъ и землю досыть намочывъ,—тилько й зосталось сухенькои земли, де спалы помижъ травою хлопчакы. Дощъ уже й не йде, а прямо такы сиче, и чують хлопчакы кризь сонъ, якъ винъ пробирается имъ пидъ свыткы, якъ пада на голову, а зъ головы тече за шыю, а воны все такы сплять соби та й сплять. Дытячый совъ—и, Боже мій, якый крипкый!.. Уже якъ почало зорять, тилько тоди наши хлопчакы, дуже змочени дощемъ, повскакувалы на ногы, мерщій посидалы на коней та швыденько до-дому на село. Ось Ивасыкъ уже й дома, ось винъ уже и пидъ повиткою, уже й спыть у санчатахъ, на сухому сини, неначе винъ никуды и не втикавъ зъ дому.

Одначе, те ночне полювання коло лису Корніевкы не пройшло дарма панычеви Ивасыку. Черезъ два чы черезъ тры дни писля того, якъ Ивасыкъ вернувсь до-дому зъ пидъ Корніевкы, пишовъ винъ якось зъ кубушечкою по холодну воду до Гекового колодязя та якъ нагнувсь надъ нымъ, то такъ и впавъ, такъ и злигъ тамъ, на зруби, та й лежавъ, ажъ покы не прыгнавъ до колодязя напуваты кони Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ та не вздривъ тамъ Ивасыка. Сперше Максымъ Мыкытовычъ подумавъ, шо хлопья заснуло коло воды, а дали якъ кынувсь до нёго, ажъ воно зовсимъ неначе не жыве: усе такъ и взялось паломъ та жаромъ, заплющыло очы и ничогисенько не говоре и пары не пуска зъ устъ. Узявъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ хлопчыка на рукы та скорійшъ до Крачка. „Отъ такъ и такъ, каже, найшовъ ваше хлопья коло колодязя та й не знаю, чы воно жыве, чы й нежыве. Такъ шо, глядить, колы бъ швыдко й не захолонуло“.

Батю мій, якъ стрипенется жъ, почувшы таки слова, пани Ганна Крачыха, а за нею и самъ панъ Крачокъ! Кынулысь воны до свого хлопьяты, а воно все такъ неначе полумьямъ

узялось и ни словечка не говоре, а тилько воде рученятамы то туды, то сюды, та все якъ зитхне-зитхне, та якъ зивьется то въ одну, то въ другу сторону, такъ ажъ страшно на нёго дывыться. „Ой лышенько! ой горечко мени! Шо жъ тутъ на божимъ свити казать и шо тутъ робыть? Куды ёго зъ такымъ лыхомъ кынуться“? крычала неначе несамовыта маты Ивасыка. Никуды бильшэ, янъ до хрещенои матинкы Ивасыка, Гали Ивановны Голованивны, шо запомогала людямъ у всякій биди. „Панночко, голубочко, риднесенька, запоможить моёму горю: мій Ивасыкъ пишовъ отъ такъ и сякъ до колодязя, и теперъ лежыть на лижку та умира“! заголосыла Крачыха, прыбигшы у горныци до Гали Голованивны. „Шо таке зъ нымъ зробылось? Шо таке“?—„Та отъ таке та онъ яке“...

Отъ и побигла добра панночка до своёго хрещеныка Ивасыка. А воно лежыть, зпустывшы зъ лижка рученята свои та, нычого не тямлючы, буровытся у своій же крови, шо такъ и тече, такъ и тече зъ носа у нёго, та така густа та ажъ неначе чорна вся: „Охъ, лышенько, це жъ у него гарячка“!..

Отъ и почала личыты панночка свого хрещеныка. Личе день, личе й другый, личе й третій, а ему все важче та важче робытся. Плаче надъ нымъ ридна маты, плаче и хрещена. „Зъ тимъ що помре Ивасыкъ“... Боже, Боже, яке жъ то горе велыке, яке лыхо страшне выпало ридній матери! Воно жъ, те хлопьятко, у неи одно, тилько одно, вона жъ имъ болила, вона жъ ёго годувала, вона жъ ёго пѣстыла, вона жъ ёго доглядала, та не доглядила, бачь, и теперъ шые ёму червону сорочечку та шукае маненьки черевычкы, шобъ спорудыды ёго на той свитъ. „Ой, Боже жъ мій, ой, сыночечокъ мій, любый мій, голубчыку, соколыку, лебедыку мій“!.. И не одна маты лье слёзы надъ Ивасыкомъ: онъ и батько ёго якъ розлягается надъ нымъ; онъ и у бабуси Одарочки не высыхають старечи очи одъ слизъ; онъ и Стецько Гыря якъ рыда надъ своимъ товарышомъ панычикомъ; онъ и Орыся, „молода“ Ивасыка, почувшы, шо вже ёму на цимъ свити не жывотить, прыбигла у кимнаты до Крачка, прыпала до нижокъ Ивасыка та плаче, та

вже плаче надъ нымъ, неначе винъ дорогше ій ридного батька, дорогше риднои матери, дорогше усёго-усёго на всимъ свити...

Отъ же жъ, мабуть, ци гарячи слёзы, слезы матери та батька, слёзы святи та чысти дытячи дійшлы до мылосердного Бога: тыжднивъ черезъ два, чы трохи бильше, писля того Ивасыкъ пиднявся зъ своёго лижка, а ще черезъ два тыждни зовсимъ пишовъ здоровенькый... И впьять побигь винъ по селу: побувавъ и у всихъ хлопцивъ товарышивъ, и у всихъ дидивъ, и у всихъ крывыхъ, и у всихъ слипыхъ, и у всихъ голубьятныкивъ, и у всихъ собачіивъ...

Одначе, недовго писля хворобы прыйшлось Ивасыку бигаты по селу. Ось прыйихавъ до пани Крачыхы ін ридный братъ, шо вчывсь десь у Петербурзи, у найвысчій школи; прыйихавъ винъ, подывывсь на Ивасыка та й ставъ уговорять свою сестру, шобъ вона виддала свого сына въ науку: „Отдай, каже, сестро, цёго хлопця у науку,—зъ нёго буде корысть“. И, батю мій, якъ почувъ же таки слова Ивасыкъ, то такъ увесь и охолонувъ. Ихъ лыхо! Де бъ винъ ц дивсь? А старый Крачокъ, шо дуже поважавъ брата своеи жинкы, дывлячысь на те, ще й бильше нагнавъ холоду Ивасеви: „ну, шо жъ, каже, якъ у науку, то и въ науку, наука, кажуть, не мука, а просвита людямъ“.

Такъ скоро-недовго писля Спаса и вырядылы Ивасыка у пауку. Плаче маты ёго, провожаючы свого сыночка; плаче ёго кревный товарышъ и друзяка, Стецько Гыря; плаче ёго вирна та щыра „молода“, Орыся Витрякивна; плаче бабуся Одарочка; плаче самъ Ивасыкъ, розстаючысь зъ усима товарышамы, зъ кудлатымы та лапатымы псамы своимы, зъ своимъ сирымъ котомъ-муркотомъ, зъ своимы буркуцькымы та чубатымы голубамы, зъ своимъ зеленымъ та прохолоднымъ садомъ. А ёго якъ посадылы у визокъ, та й повезлы, та й повезлы, та й повезлы...

XIII.

Багато-багато зъ тіеи поры утекло воды въ ричкахъ, якъ панычыка Ивасыка одвезлы изъ села Суныцивкы у далекій-далекій край та отдалы у науку. Уже давно винъ не панычыкъ, а панычъ. Уже давно винъ скинчывъ середню школу и перейшовъ до найвыщихъ наукъ, се-бъ то зробывсь студентомъ университета, та й и въ выщій школи ёму зосталось тилько одынъ рикъ учыться. Ось йиде винъ у свою Суныцивку, шобъ побачыть татка та матинку та набратысь на вильному жытти побильше мици та здоровья та шобъ добре скинчыты усю науку и тоди вже братысь за службу. Йиде винъ до-дому, дывытся шырокымы очыма на давно знаёми мисця, любуе и мылуе все свое ридне, дороге, украинське.

Украино. Украино! Люблю тебе, люблю серцемъ, люблю душею, всимы мыслямы тебе люблю! Та й якъ тебе, свята родыно, якъ тебе не любыть? Украино! скилько и веселыхъ и тяжкыхъ думъ встае въ моій голови пры одному цёму слови! Тилько одно слово, але—яке жъ выразне та глыбоке слово! Чы знайдется де-небудь у нашій безмирно-шырокій Руси такый, дуже славный своимы историчнымы дiямы и ще до того такый дуже чаривный своею прыроднёю красою край, якъ та тыха, далека та шырока Украина? Чоловиче подорожній, стань-зупынысь: тутъ земля священна!.. Такъ, тутъ земля священна! Трычи священна! Тутъ, шо ни крокъ, то нагадъ на славетне мынуле нашихъ славетнихъ предкивъ. Скилько труждалось тутъ прославленныхъ въ нашій исторіи лыцарив-героивъ? Скилько разъ, за часы вiйнъ, гучалы тутъ, скризь по-пидъ небомъ, то радосни писни та побидни громы, то жалибный плачъ та сумни стогны? А скилько разъ залывалась тутъ земля кровію хрестіянською, скилько разъ засивалась вона кистьмы людськымы, скилько разъ покрывалась вона зброямы воёвнымы? Вельмы зубожена и безталанна Украино! Шо въ тоби дiялось въ ти страшни, въ ти тяжки нескинчанни часы татарщыны, колы

густа мла всю огортала тебе, колы сама земля стогнала великымъ стогиномъ, колы бидни люды твои, попавшы въ тяжку турецьку неволю, зализнымы кайданамы брязчалы, свою гирку долю клялы-проклыналы, до Господа мыдосердного жалибно взывалы? Шо тоди дiялось промижъ сынивъ твоихъ, бездольня Украино?

Зажурылась Украина, шо ниде прожыты:
Вытоптала орда киньмы маненькiи диты;
Ой, маненькыхъ вытоптала, велыкыхъ забрала,
Назадъ рукы постягала, пидъ хана погнала.

А шо чинылось на лони твоимъ, Украино, въ ти бучни чáсы лядськихъ бенкетивъ, колы католыкы ногамы топталы твою ридну православну виру, колы людськи права сынивъ твоихъ ознайменовани булы яко нелюдськи, колы хрыстыянынъ зневаженный бувъ немовъ та безсловесна товаряка, колы чоловикови давано було прызвыще „быдло, пся кревъ, поганьство“, колы церквы твои споганени булы нечыстымы рукамы жыданевиры, колы школы твои зробылысь прытыномъ ненажерлыхъ iезуитивъ... Шо тоди дiялось на лони твоимъ, безталанна Украино?

Встае хмара зъ-за лыману,
А другая зъ поля,
Зажурылась Украина,—
Така iи доля!
Зажурылась, заплакала,
Якъ мала дытына,
Нихто iи не рятуе,
Козачество гыне...
Якъ та галичъ поле крые,
Ляхы, уніяты
Налитають—нема кому
Порадонькы даты...

Але ось за-для щастя и за для вичного жыття Украины въ iи лони зъявылась могутня, допрежъ того невидома сыла и

гучно пронеслась вона по всёму божому свиту. То було гризне, никимъ не перемо̀жне, никимъ необо̀рене и никимъ неодо̀ляне нызове козацтво. Тоди неначе спорушена найвыщою сылою, уся Украина, мовъ та сыленна хвыля у бурхлыву годыну на безкраёму морю, заколыхалась велыкою хвылею и, хлюпнувшы геть далеко черезъ свій берегъ, гризно, якъ та блескуча блыскавыця, свирконула страшнымъ мечемъ на вси на чотыри стороны свита и счинила велыку пожежу. Мицне тиломъ, тверде духомъ, нызове козацтво, якъ та летюча комета, бурхливо пронеслось по всій шырокій Украини, скризь покыдаючы за собою кривавый слидъ и скризь видмещаючы страшною помстою ворогамъ своеи дидивськои виры и супротывныкамъ своеи украинскои народности, якымы булы кровопійни бусурмены и ненавысни католи́кы... И розлылась та слава козацького руху далеко-далеко, запавшы глыбо́ко въ серця не тилько блызькыхъ, але й далече́зныхъ потомкивъ нызового лыца́рства... И до сіеи поры слипци-кобзари, слипци-бандурысты жывымы глаголамы выспивують-розносять по Украини ту славу велыкого козацького руху...

Але ча́сы козакивъ на Украини давно вже мынулысь, страсти вгомонылысь, кровъ перестала лыться, и на мисти велыкыхъ вчынкивъ сыніють тилько высоки могылы та вильно гуляе буйнесенькый, шо нышкомъ гомоныть зъ могыламы про давни гучни ча̀сы велыкого козацького руху... Мынулы ти часы козацьки; самы козакы давно вже зійшлы зъ историчного кону, старе племено́ зминылось молодымъ поколиннямъ, а прырода, якою була, такою й зоста̀лась: „Родъ прыходе, родъ переходе, а земля во викъ стоить“... Все те жъ саме блакитне-блакитне, неначе въ теплій Италіи, небо; все ти жъ ярко-зелени, свижи та роскишни шаты, все ти жъ чаривни темнолысти та прохолодни лиса; все ти жъ ричкы, шо тыхо несуть срибни воды свои та ледве-ледве котятся по безкрайныхъ вильныхъ степахъ. Чудовый край! Люблю тебе, люблю серцемъ, люблю душею, всимы мыслямы тебе люблю!..

Ось и той шляхъ, шо зъ гóрода иде въ ридне село; ось и той „постоялый двиръ“ Метелыкъ, шо, не доизжаючы за пьять верстовъ до села, стоить у праворучъ, пры самому шляху: ось и лисъ Корніевка, шо простягнувсь геть-геть по яру ажъ до Вильныхъ хуторивъ, ось и невелычке кладовыще зъ деревьяннымы, витромъ пидбытымы та повваленымы на землю хрестамы; осьдечкы, наостаньци, и саме село Суныцивка, куды давно вже спишыть-поспишае нашъ панычъ Ивась Краченко.

„А шо, якъ-то теперъ жывуть тамъ татко та матинка? Якъ-то тамъ уси тоьарыши та прыятели? Чы вже велыки зрослы? Якъ то тамъ диды? Чы й доси жывуть на божимъ свити? Якъ то тамъ мотается Максымъ Витрякъ? А яка то стала теперъ ёго дочка Орыся? А чы велыкый теперъ розрисся садокъ у Витряка? А чы густый ставъ садокъ у самого татуся“? Такъ то, йидучы до-дому, миркувавъ собы та згадувавъ панычъ Ивась Краченко, и ёго думкы та згадкы, неначе ти бжолы у вулику, роилысь у молодій голови.

Боже, Боже! скилько радощивъ, скилько слизъ, скилько молытовъ було, якъ побачыла свого сыночка Ивася стара Ганна Крачыха! Якъ кынулась вона до нёго, якъ обхопыла ёго рукамы та такъ и вцьялась у нёго! Цилуе ёго въ щокы, цилуе ёго и въ очи, цилуе и въ плечи, и въ шыю, и въ рукы... Не знае уже, куды ёго и посадовыты, чимъ ёго и нагодуваты, чимъ ёго и напоиты... А самъ старый Крачокъ, той, дывлячысь на свого бравого та хорошого сына, тилько плакавъ та шепотивъ якись слова, стоячы середъ кимнаты та зложывшы на грудяхъ обыдви рукы. Дывытся винъ на свого сына и самъ соби не вире, шо у нёго такый сынъ...

А панычъ Ивась Краченко молодець молодцемъ выйшовъ. Высокый, прямый, якъ струночка, зъ тонкимъ та гнучкимъ станомъ—винъ справди бувъ, якъ той высокый, тонкый та темнозеленый явиръ, шо вырисъ на зеленыхъ лугахъ та пры чыстій, якъ дытячи слезы, води. А шо найкраще всёго було у паныча—це очи; якись-то глыбоки, чаривни, блескучи, якъ самоцвиты, и невымовно таемни очи. Такъ якъ заговоре панычъ Ивась

зъ якымъ чоловикомъ, та якъ зблыжытся своимъ лыцемъ до лыця того чоловика, та якъ гляне ёму своимы очима у ёго очи, то того чоловика такъ и потягне до паныча; такъ бы винъ все дывывсь ёму въ вичи и все бъ слухавъ и слухавъ про те, шо винъ балака ёму. У тыхъ очахъ стилько свитылось розуму, стилько було вогню, укупи зъ якымсь веселымъ жартомъ, шо хочъ бы чоловикъ сперше и виры не нявъ тому, про шо ёму казалы, а якъ панычъ гляне на чоловика, якъ випьется у нёго своимы, повнымы мыслей та загадокъ очима, то той чоловикъ и слуха ёго, и вире ёму, и лыне за нымъ душею и серцемъ и всимы думкамы кудысь далеко-далеко, у той невыдымый таемный мыръ, куды инколы залитâ кожна жыва душа кожного жывого чоловика. „Винъ, той Ивась Краченко, казалы про паныча ёго товарышы, винъ, якъ захоче, то хочъ кого завгодно зачаруе своимы дывнымы очыма“... Тилько хто ёго зна чимъ бильше зачаровувавъ Ивась Краченко, чы своимы „очамы“, чы своимы „речамы“, бо винъ говорывъ зъ такою сылою, зъ такымъ вогнемъ та паломъ, и такъ якось ласкаво та тепло, шо такъ бы викъ слухавъ ёго и не наслухався...

Одначе, Ивась Краченко ще й самъ добре не знавъ тіеи сылы, якою щедро подарувала ёго прырода. Теперъ ёго тилько одно й цикавыло та турбовало: яко мога швыдче оббигать уси куточкы свого двору, свого току, свого садка, горóда и до вёсго пыльно додывыться и доглядиться. И панычъ, трошкы видпочывшы писля дорогы, побигъ скризь на оглядыны...

Бильшъ усёго тягъ ёго до себе маненькій садокъ, де рослы дрибнолысти вербы, сриблясти тополи, кучеряви вышенькы, темнозелени черешни. И ось винъ уже у своёму укоханному садочку. Тутъ винъ то вырве лысточокъ любыстку, то вытягне изъ земли кущъ холоднои руты-мняты, то одщипне гилочку божого дерева та все те жужмомъ прытуля до носа, та все те нюха та вдыхае въ себе. Ось пидійшовъ винъ до самого тыну, де колысь посадывъ молодого дубочка, та й ставъ розглядать, чы велыкый вырисъ, чы прямымъ пишовъ у гору ёго коханець.

Довго розглядавъ панычъ свого дубочка, а дали глянувъ черезъ плитъ у садокъ Максыма Витряка и несподивано уздривъ тамъ дивчыну. Уздривъ та й зразу остовпивъ: передъ нымъ стояла прямо такы невыразна вродыця, чудодывна дивчына-краля, отъ така саме, якъ отъ то спивають у писняхъ—„не наймычка, такъ дочка, чудодывна кралечка“... Вона прытулыла до лоба праву долоню и дывылась далеко-далеко вдалечинь, туды, де заходыло ажъ геть за церквою, за панськымъ садомъ, за глыбокымъ проваллямъ ясне сонечко, шо передъ самымъ захидомъ зробылось таке червоне-червоне, порозкыдало далеко одъ себе, скризь по небу, довги-предовги пàсмугы и озолотыло частыну неба чудовымъ, гарячымъ та блескучымъ проминомъ. Вродыця-дивчына, дуже задумавшысь, стояла нерухомо въ дывному виду блыску и дывылась на золоте сонечко, а панычъ Ивась, зачарованный дывовыжною красою дивчыны, дывывся на ïи чысте та спокійне лычко, шо червонило веселымъ сяйвомъ вечирнёго сонця и, здавалось, палало безкраймъ щастямъ молодои дивочои доли...

— Не вже це Орыся Витрякивна?... Орысю, та це ты?

— Охъ мени лыхо! Хто це тамъ пыта? Ивась... Панычу... та звидкиля жъ це вы взялысь?.. Та чы це вы, чы хто другый?..

— Я, Орысю, я! Яка жъ ты красу... яка жъ ты велыка стала!

— Та й вы жъ яки... Пишовъ геть, бисивъ Покотъ, изъ саду!.. Ну, це ще!.. Та й вы жъ яки сталы...

Прывитавшы такъ одынъ одного, Ивась та Орыся на цимъ и замовклы: панычъ Ивась стоить та дывыться на Орысю, а Орыся стоить та дывыться на Ивася, и чогось имъ обомъ нибы бъ то соромно стало. Орыся уся ажъ зашарилась, ажъ полумьямъ узялась, а панычъ, опустывшы долу очи, одно знай робе, шо туле до носа то любыстокъ, то руту—мнáту, то боже-дерево, та все нюха, та все такъ крипко нюха та вдыха въ себе пахощи. И николы жъ винъ такъ не соромывсь, а тутъ неначе вчынокъ якый вчынывъ и неначе ёго на самому

мисти того вчынка застукала цила громада людей и соромыть и докаря ёго.

Але ось на выручку Орыси та Ивася якъ разъ тутъ трапывсь Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ: винъ проходывъ чогось черезъ тикъ, уздривъ у садку паныча и кынувсь до нёго, неначе до ридного сына.

— Якъ? Шо? Колы? Чы на довго до насъ, Иване Рыгоровычу?

— Та ажъ на два зъ половыною мисяци, Максыме Мыкытовычу!

— Отъ десь уже вамъ татко—нехай здоровъ ходе!—раденькый, шо Богъ прывивъ за стилько рокивъ побачыты сыночка?

— Де вже не раденькый, Максыме Мыкытовычу! Якый же батько, або маты та не будуть ради своёму сынови? Отъ хочъ бы й вы, якъ котрый изъ вашыхъ сынивъ вертается додому зъ далекои стороны?

— Э, Иване Рыгоровычу, Иване Рыгоровычу, мои сыны!.. У мене теперъ тилько одынъ сынъ, Павлусь, и зоставсь та, якъ бачыте, дочка Орыся.

— Якъ такъ?

— Такъ, та й бильшъ ніякъ! Шкода̀ й казаты!.. Пожывете—почуете... Не вмивъ до пуття довесты... А теперъ хочъ бы вже цёго у люде вывесты. И якъ винъ рвется до того пысьменства! Такъ де жъ тутъ и навчыться, якъ у насъ и доси и школы нема?

— А хиба такы и доси нема?

— А нема!

— А рвется дуже?

— Ще й якъ рвется! Такъ рвется, шо, я жъ кажу, спыть и у-ви сни бачe те пысьменство. Винъ тамъ у когось навчывсь пысаты десять цыхвѐръ, такъ оце теперъ изъ рукъ и крейды не выпуска та все малюе ти цыхверы и на палышныкахъ, и на дверяхъ клуни, и на дубкахъ, шо лежать зрублени на току, и на тополяхъ, шо ростуть у садку,—де тилько можна, тамъ и

пыше... Та ось винъ якъ разъ зъ крейдою и йде... Павлусю! Павлусю! а ходы лышень сюды, сынку!

— Здоровъ тоби, Павлусю!

— Здорови вамъ!

— А шо чы пизнаешъ?

— Та неначе бъ то пизнаю, а про те Богъ васъ зна, хто вы таки.

— Та ты гарненько прыдывысь, то може...

— То жъ то бо й йе: якъ добре прыдывлюсь, то выходе, неначе нашъ панычъ Краченко, а якъ добре не прыдывлюсь, то неначе якыйсь чужый городянськый панычъ...

— Отакъ ты мене отестувавъ! Ну, одначе, якъ же ты тутъ прожываешъ?

— Зъ усячыною!

— А пысьменства хочешъ учыться? Га?

— А хочу!

— И дуже хочешъ?

— А дуже!

— Ну, такъ знаешъ шо? Я оце прыйихавъ до-дому ажъ на два зъ половыною мисяци, такъ думаю буты тоби за вчытеля.

— Шо це вы, Иване Рыгоровычу? скрыкнувъ одъ радощивъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ.

— А шо? Буду вчыть вашого Павлуся,—та й бильшъ ничого!

— Господы мылосердный, Господы праведный, та пошлы жъ ты цёму доброму чоловику за ёго добристь щастя, якого тилько винъ одъ Тебе бажа! Отъ колы для мене буде радисть, якъ мій Павлусь та навчытся грамоты! Отъ колы мени буде втиха! Павлусю! Орысю! Та дякуйте жъ панычеви! Та молится-жъ за нёго! Марусю! Марусю! А ходы лышень швыдче сюды!..

— Та шо це вы, Максыме Мыкытовычу? Богъ зъ вамы! Вы жъ бильшъ зробылы за-для мене, нижъ я для васъ, якъ

пидняли мене коло колодязя... Вы жысть мени дарувалы, а тутъ шо? Тутъ моя така послуга, шо вона мени ажъ ничогисенько не коштуе: то Павлусь до мене, колы ёму можна буде, забижыть, то я до нёго заверну, та такъ за циле лито, дасть Богъ, мы и навчымось и чытаты и пысаты...

Такъ и почавъ панычъ Иванъ Григоровычъ Краченко учыты пысьменства Павлуся Витряченка. И хваткый же бувъ Павлусь до того пысьменства! Винъ такъ за нёго репьяхомъ и взявсь... Ще не вспіе панычъ показаты Павлусеви буквыцю, ще не вспіе винъ, якъ слидъ, втлумачыты ёму, якъ ій треба протягты голосомъ, якъ Павлусь уже й зна, уже ій й голосомъ протяга, уже й слово зъ неи склада, и тутъ же самъ соби дывуется, шо зъ такыхъ коротенькыхъ буквець та выходе циле слово и въ тому слови циле знáчиння: У—мъ... Умъ"... Дывысь, та це жъ воно и есть, якъ отъ то кажуть: „Умный человикъ"... „У—съ... Усъ"... Бачъ, дви буквыци, а выходе циле слово „усъ", то „борода", а то „усъ"... „О—с—а... О—с—а". Дывысь же ты, дывысь! Тилько тры буквыци, а выходе справжне слово, та ще й яке кусюче слово! Бачъ, яке воно, то пысьменство! Бачъ!

Такъ пройшовъ тыждень; пройшовъ и другый, а на третій тыждень Павлусь Витряченко уже почавъ чытаты, хочъ и зъ прыпынкамы, яки завгодно слова, не тилько зъ двохъ, або зъ трёхъ буквыць, а и изъ пьятёхъ, або й биль̀шъ того. Дали панычъ почавъ даваты Павлусеви маненьки кныжечкы-читанкы до-дому, и якъ визьме Павлусь таку кныжечку, то такъ и увипьется у неи: чы йде по двору, чы йде куды у поле, то зразъ же вытягне ій изъ-за пазухы, або зъ кышени та й чита соби и чита. „Эге, цей уже у Максыма Витряка сынъ буде пысьменный! Цей такъ, шо буде пысьменный! Дывысь, якъ винъ чыта: неначе молоткомъ куе, або шаблею сиче! Та якъ голосно, та якъ выразно, не то шо нашъ заика паламарь, Нечипайло-Будякъ"! Такъ казалы про Павлуся уси люде на сели. И справди, Павлусь узявсь за пысьменство такъ щыро, шо усякому выдко було, шо зъ того выйде справжня для нёго корысть.

Одначе Павлусеви не доволи було одного письменства,— винъ узявсь ще за щотныцю. Тутъ Павлусь выявывъ таку кебету, шо прямо такы на вдывовыжу панычеви: винъ такъ легко розгадувавъ усяки завдання та чыслови загадкы, неначе роспускавъ клубкы нытокъ. А шо вже Павлусь цикавый бувъ на всяке пытання, чы про небо, чы про землю, чы про жыття якого звиря, або комахы якои, такъ тилько слухай ёго та поспивай ёму одвичать. Билшъ усёго любывъ Павлусь чытаты божественни книжкы и надъ усе ёго цикавылы религійни пытання. Це прямо такы для нёго булы справжни святощи, у якихъ винъ повсигда кохався и своимъ серцемъ, и своимы думкамы. Черезъ те винъ не знавъ, якъ други хлопци, ни играшкивъ, ни жартивъ, а ни звычайныхъ дытячихъ радощивъ, и зналы ёго на сели за „чудно̀го“ хлопця, такого, шо у нёго не вси-бъ то дома въ голови.

Зъ велыкою охотою ходывъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко до Витрякивъ. Тилько хто ёго зна, хто бильше прытягавъ до себе паныча, чы Павлусь Витряченко, чы, може, Орыся Витрякивна, и черезъ шо воно, и якъ воно сталось такъ, шо якъ тилько оце настане день, то паныча вже й тягне до Витрякивъ. Якъ нема дома ни Павлуся ни Орыси, то панычъ прыйде у свій садокъ, стане коло свого коханьця-дубка та тамъ и стоить и стоить та все дывыться черезъ плитъ у садокъ Максыма Витряка, а самъ, Богъ зна, де й литае своимы мыслонькамы, и куды бъ винъ ни залитивъ своимы мыслямы, а скризь зъ нымъ и за нымъ Орыся Витрякивна. А якъ же Павлусь та Орыся дома, то й панычъ коло ихъ. И якъ сяде винъ у старій хати учыты Павлуся, то такъ и лагодыться, шобъ тутъ же була и Орыся. Та й Орыся, неначе бъ то вона й не хоче того, шобъ зустричатысь зъ панычемъ, а все якось воно выходе такъ, шо якъ тилько панычъ рыпне дверыма у старій хати, то тутъ уже и Орыся: то ій треба взяты у старій хати, въ скрыни, клубокъ суровыхъ нытокъ, то ій треба тамъ достаты, у мысныку, маненьку макитерку, то треба зняты зъ жердкы батькивскій кожухъ та выкынуты ёго на сонце. Оце ускоче Орыся

у хату, достане те, шо ій тамъ треба, и тутъ же або сяде на лави, або стане коло дверей та буцимъ-то слуха, шо тамъ чыта Павлусь, а сама крадькома зыркне на панычa та скорійшъ и очици спусте у землю, та то румьяна, а то уся почервоніе, якъ калына... И чимъ частійшъ бачылысь Орыся та Ивась, тымъ усе дужче и дужче имъ хотилось бачытысь...

Д. Яворницкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

VI.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ служебная и учено-литературная дѣятельность Кулиша быстро приняли широкіе размѣры [2]). Пользуясь уваженіемъ и покровительствомъ помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, нашъ молодой ученый старался найти себѣ такое поприще дѣятельности, на которомъ ему можно было бы вполнѣ развернуть свои силы. Планы одинъ шире и смѣлѣе другого возникали въ его головѣ и быстро смѣняли другъ друга, и всѣ они, при всемъ своемъ разнообразіи, имѣли одну неизмѣнную черту—всѣ были такъ или иначе связаны съ дорогой Украйной. Къ Юзефовичу Кулишъ обращался часто и свободно и притомъ, въ виду его литературныхъ связей, также и по дѣламъ журнальнымъ. Однажды

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 2.

[2]) Однимъ изъ первыхъ произведеній Кулиша была повѣсть: «Михаилъ Чернышенко», о которой Шевыревъ далъ весьма лестный отзывъ въ «Москвитянинѣ», отмѣтивъ блестящее дарованіе Кулиша и его горячую любовь къ Украйнѣ.

Кулишъ писалъ ему: „вы велѣли мнѣ напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи войти въ переговоры съ какимъ-нибудь журналомъ, который бы доставилъ мнѣ постоянную плату отъ листа". Мы видимъ изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ, что Кулишъ уже довольно высоко цѣнитъ свой трудъ и готовъ „лучше жить однимъ жалованьемъ и совсѣмъ не браться за перо, нежели обогащать бездумныхъ столичныхъ писакъ, умѣющихъ разглагольствовать только въ программахъ да на журнальныхъ обложкахъ". Замыслы Кулиша уже поражаютъ обширностью и отвагой, но для исполненія ихъ онъ принужденъ искать простора, для чего и необходимо было содѣйствіе вліятельныхъ лицъ. Онъ писалъ Юзефовичу: „У меня родилась такая дерзкая мысль, что я ужъ не смѣлъ и говорить вамъ о ней прежде ея осуществленія— мысль выразить жизнь малороссійскаго народа въ эпопеѣ. Я избралъ для этого языкъ и форму народныхъ нашихъ думъ, которыя изучалъ долго и прилежно, и такъ какъ думы наши суть отрывки народной эпопеи, то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, приближась къ воспѣваемой въ нихъ эпохѣ" [1]).

Скоро Кулишу, при его необъятныхъ планахъ, тѣсно стало въ Кіевѣ, и онъ началъ просить Юзефовича помочь ему устроиться въ Петербургѣ, гдѣ можно было бы безпрепятственно посвятить себя изданію малороссійскихъ лѣтописей, исторіи малороссійскихъ фамилій и подобныхъ трудовъ, а досуги посвящать любимымъ занятіямъ живописью въ Академіи художествъ. Для многаго уже были заготовлены матеріалы, иное заранѣе рисовалось молодому автору въ весьма опредѣленныхъ и заманчивыхъ чертахъ; вездѣ его манила перспектива самостоятельнаго творчества и прокладыванія новыхъ путей. Каждый предпринимаемый трудъ представлялся Кулишу настоятельной и неотложной потребностью его родины, и онъ считалъ себя призваннымъ по мѣрѣ силъ способствовать разрѣшенію ея историческихъ за-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1899, II, стр. 191. Разумѣется «Черная Рада» (письмо отъ 14 августа 1843 г.)

дачъ [1]). . Свои завѣтныя мысли онъ сообщаетъ Юзефовичу, повидимому съ необходимыми уступками оффиціальнымъ взглядамъ, въ такомъ видѣ": Политическая жизнь Малороссіи давно кончилась; та жизнь, которая выражается въ языкѣ, костюмахъ, обычаяхъ и проч.—назову ее хоть поэтическою,—также съ каждымъ годомъ теряетъ свою выразительность. Малороссія скоро сольется въ одно тѣло съ Россіею. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, расцвѣтая около двухъ вѣковъ такою сильною, такою пышною народною жизнью, мало принесла въ него элементовъ новыхъ, выработанныхъ собственными силами во время отдѣльнаго своего существованія. Было время, когда мы, малороссіяне, въ соприкосновеніи съ русскими, могли бы, такъ сказать, напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатство колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи. Я увѣренъ, что послѣ вліянія, произведеннаго на русскихъ романами Вальтеръ Скотта, мы сдѣлались бы для нихъ предметомъ особеннаго изученія" [2]). Увлекаясь богатствомъ и глубокимъ поэтическимъ значеніемъ памятниковъ духовной жизни малороссійскаго народа, Кулишъ сильно сокрушался о томъ, что они почти не приведены въ извѣстность и потому не могутъ оказывать должнаго благотворнаго вліянія какъ на малорусскую, такъ и на великорусскую народность. Отсюда первой неотложной задачей онъ считаетъ изданіе малороссійскихъ лѣтописей (въ этомъ направленіи онъ старался дѣйствовать на Юзефовича и другихъ вліятельныхъ лицъ), пѣсенъ, свода малороссійскихъ узаконеній, собранія всевозможныхъ географическихъ данныхъ и „описанія старинныхъ церквей и зданій, утварей

---

[1]) Кулишъ въ это время говорилъ о себѣ: «Я теперь хожу, какъ пчела по сотамъ: гдѣ только встрѣчу сѣдую бороду, не отойду безъ того, чтобы не выжать изъ нея пахучаго цвѣта народной поэзіи или въ преданіи или въ пѣснѣ. Изученіе этихъ малороссійскихъ антиковъ такъ же меня совершенствуетъ, какъ живописца изученіе антиковъ скульптуры» («Кіевская Старина», 1899, II, 189—190).

[2]) Кіевская Старина, 1899, II, 199—200.

домашнихъ принадлежностей, хозяйства, торговли, ремеслъ“ [1]). Изъ этого видно, какая широкая программа создавалась въ головѣ Кулиша. Понятно, что при такихъ стремленіяхъ онъ всячески избѣгалъ пустыхъ знакомствъ и непроизводительной траты времени и старался вступать въ сношенія преимущественно съ людьми, извѣстными своими трудами въ области исторіи и словесности, что вскорѣ привело его къ перепискѣ съ Погодинымъ, Плетневымъ, Максимовичемъ и другими. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности и сношеній Кулиша становился все шире, но центръ постоянно оставался тотъ же. Весной 1843 года Кулишъ отъ чрезмѣрной работы сталъ чувствовать сильныя боли въ груди и даже боялся смерти; имъ ненадолго овладѣло отчаяніе, но когда опасность миновала, его мысли опять немедленно устремились къ привычнымъ предметамъ, и онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ. „Міръ, представлявшійся мнѣ дотолѣ мрачнымъ скопищемъ людскихъ недостатковъ,—говорилъ онъ—явился въ моей душѣ со всѣмъ тѣмъ, что только она находила въ немъ поэтическаго, и это явленіе неожиданно озарило для меня художественнымъ колоритомъ нѣсколько страницъ нашей исторіи“ [2]).

VII.

Въ такомъ настроеніи застало Кулиша сближеніе его съ семействомъ Бѣлозерскихъ, имѣвшее большое значеніе въ его жизни. Онъ прежде всего познакомился съ юнымъ украинскимъ патріотомъ, своимъ будущимъ другомъ и создателемъ малороссійскаго украинскаго журнала „Основа“, В. М. Бѣлозерскимъ. При началѣ ихъ знакомства послѣдній былъ еще студентомъ; онъ былъ нѣсколькими годами моложе Кулиша. Сообщаемъ о ихъ первыхъ встрѣчахъ со словъ самого покойнаго Василія Михайловича [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 200.

[2]) «Кіевская Старина», 1899, II, 188—189.

[3]) См. о немъ же нашъ некрологъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 28 февраля 1899 г. (№ 59).

„Въ 1843 году студентъ Кіевскаго университета Д. П. Пильчиковъ, желая познакомить меня съ Кулишемъ, какъ любителемъ и знатокомъ всего украинскаго, привелъ меня на ту квартиру, гдѣ былъ у него г. Чалый. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ; въ первой никого не было, во второй находился Кулишъ. Пильчиковъ вошелъ туда, пробылъ недолго и, возвратясь, сказалъ, что Кулишъ теперь занятъ и надо притти въ другой разъ. Послѣ этого прошло довольно много времени, пока я съ нимъ познакомился. Миновало лѣто, наступила осень, и Кулишъ былъ уже учителемъ въ Кіевскомъ училищѣ, живя на квартирѣ въ Старомъ Кіевѣ. Кажется, Пильчиковъ посовѣтовалъ мнѣ быть у него одному. Придя къ нему вечеромъ, я встрѣтилъ очень привѣтливый пріемъ и, пробывъ до поздней ночи, возвращался къ себѣ на Печерскъ темными улицами, по страшной грязи, восхищенный и восторженный, нисколько не жалѣя, что засидѣлся. Я съ нимъ говорилъ такъ, какъ будто былъ давно знакомъ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ... Мы съ нимъ условились видѣться какъ можно чаще.“

Съ первыхъ же свиданій Кулишъ совершенно околдовалъ своего новаго знакомаго задушевными бесѣдами о Малороссіи и знаніемъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ [1]). Вскорѣ онъ снабдилъ его лѣтописью Грабянки и другими столь же драгоцѣнными для обоихъ рукописями и книгами. Замѣтивъ въ юношѣ горячій энтузіазмъ ко всему, что касалось ихъ возлюбленной родины, Кулишъ вознамѣрился отклонить его отъ избранныхъ имъ юридическихъ наукъ на путь изученія исторіи и литературы, желая вовлечь его въ литературную дѣятельность. Вскорѣ молодые люди сблизились настолько, что Бѣлозерскій, уже заочно познакомившій Кулиша съ своимъ семействомъ, при наступленіи лѣт-

[1]) Въ свою очередь Бѣлозерскій также полюбился Кулишу, который писалъ о немъ П. Е. Чуйкевичу: «Вася былъ для меня избраннымъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства» («Кіевск Стар.», 1899, 14, стр. 357).

нихъ каникулъ, предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ въ свое имѣніе Мотроновку (борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Страсть ко всему малороссійскому была наслѣдственной въ семьѣ Бѣлозерскихъ. Ею въ высшей степени отличался отецъ семейства Михаилъ Васильевичъ, служившій по выборамъ въ Малороссіи комиссаромъ, повѣтовымъ судьей и маршаломъ дворянства. Обязанный говорить въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ административными лицами по-русски,—въ бесѣдахъ съ сосѣдями и крестьянами онъ постоянно пользовался малороссійскимъ нарѣчіемъ, любилъ пѣть народныя пѣсни и играть на гусляхъ [1]). Ко времени пріѣзда Кулиша въ Мотроновку его уже не было въ живыхъ, но пламенная любовь къ малороссійскимъ правамъ и обычаямъ отличала также сестру его, Елену Васильевну, и жену, Матрону Васильевну [2]), такъ что всѣ семейныя преданія согласно тянули въ одну сторону [3]).

Въ этой народолюбивой сферѣ Кулишъ, уже становившійся тогда извѣстнымъ своими горячими украинскими симпатіями, явился не какъ гость одного изъ членовъ семьи, а какъ общій желанный другъ и собесѣдникъ. Сближеніе, конечно, не замед-

---

[1]) По словамъ письма П. А. Кулиша къ львовскому профессору Огоновскому, желавшему получить отъ него біографическія свѣдѣнія о его женѣ, хотя Михаилъ Бѣлозерскій былъ хорошаго происхожденія и учился въ кіевской духовной академіи, но по рѣчи и привычкамъ былъ близокъ къ народу. Онъ былъ почитателемъ Вольтера, къ большому неудовольствію своего отца, который въ гнѣвѣ прокололъ глаза въ портретѣ при книгѣ сочиненій Вольтера, находившейся у его сына". Говорятъ, что онъ былъ такой мастеръ разсказывать, что для того, чтобы слушать его, бросали карты и танцы.

[2]) Послѣдняя, по словамъ Кулиша въ письмѣ къ Огоновскому, любила малороссійскую словесность, народные разсказы, пѣсни, обычаи и т. п., а изъ иностранныхъ авторовъ особенно восхищалась Вальтеръ Скоттомъ.

[3]) Воспитательница невѣсты Кулиша въ сельскомъ пансіонѣ также любила малороссійскія пѣсни Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и поэта Виктора Ник. Забѣлло.

лило послѣдовать, чему особенно способствовало то, что, играя на флейтѣ и скрипкѣ, онъ любилъ пѣть малороссійскія пѣсни: „Ой сивъ пугачъ тай на могыли“, „Ой горе, горе, якый я вдався“, „Ой ходывъ чумакъ симъ литъ на Донъ“ и множество другихъ пѣсенъ, веселыхъ и грустныхъ. При немъ всегда находился большой сборникъ пѣсенъ, которыя любила пѣть его мать. Время проходило оживленно и пріятно; всѣ наслаждались отъ души. Кулишъ очень понравился матери и сестрамъ Бѣлозерскаго и потомъ вскорѣ сошелся съ старшимъ братомъ Викторомъ и съ ихъ дядей Николаемъ Даниловичемъ, котораго всѣ они очень уважали. Съ ними обоими онъ велъ потомъ дружескую переписку, а съ Василіемъ Бѣлозерскимъ скоро сдѣлался почти неразлученъ. Вникая въ дальнѣйшія отношенія Кулиша къ семейству Бѣлозерскихъ, мы убѣждаемся, въ особенности на основаніи недавно [1]) изданной переписки его съ И. Ф. Хильчевскимъ, что въ сущности здѣсь мы имѣемъ дѣло гораздо больше съ отвлеченнымъ духовнымъ союзомъ, обусловленнымъ общностью національныхъ интересовъ и увлеченій, нежели съ горячими личными симпатіями, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть неустойчивыми или даже вовсе отсутствовать. Основой взаимнаго притяженія были постоянныя оживленныя бесѣды о равно всѣхъ интересовавшихъ предметахъ, на почвѣ которыхъ не разъ возникали даже широкіе политическіе планы и предположенія. У всѣхъ Бѣлозерскихъ съ Кулишемъ была общая жилка—всѣ въ большей или меньшей мѣрѣ имѣли непреодолимое влеченіе къ малорусской словесности, этнографіи и археологіи; подобно Кулишу, эта семья тяготѣла ко всему, въ чемъ сказывается пульсъ народной жизни, и дорожила живыми отголосками родной старины. Этимъ вполнѣ объясняется и легкая для нихъ въ годы молодости возможность увлеченія въ области политическихъ утопій, а также не всегда согласныхъ, при идейной солидарности, родственныхъ отношеній. По болѣзни Кулишъ легко поддавался хандрѣ при самомъ началѣ сближенія съ Василіемъ Бѣлозер-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 84—149.

скимъ, но его развлекали посѣщенія новаго друга. На пасхѣ 1844 г. онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „На меня напала давняя моя нелюдимость; не хочется нигдѣ быть; бываю счастливъ, если голова и душа сильно дѣйствуютъ, но едва дѣятельность меня оставляетъ, является скука самая мучительная. Утѣшаетъ меня только одна благочестивая бесѣда съ вашимъ дорогимъ Васею. Онъ часто меня оживляетъ. Очень часто теперь видимся, читаемъ вмѣстѣ Слово Божіе, трактуемъ, замышляемъ многое въ будущемъ; дай Богъ всему доброму исполниться". И тутъ же сообщается дальше объ отправкѣ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" статьи „Поѣздка въ Малороссію" и о полученіи отъ одного изъ знакомыхъ дневника его прадѣда, генеральнаго хорунжаго, въ которомъ „все записано кратко, но зато упоминается о всякой домашней мелочи", благодаря чему Кулишъ надѣялся „ознакомиться получше съ бытомъ малороссійскихъ пановъ во времена Петра Великаго". Въ то же время Кулишъ зачитывался Литовскимъ Статутомъ съ цѣлью опредѣлить состояніе малороссійскаго или, лучше сказать, древнерусскаго языка до того времени, когда онъ началъ ополячиваться". Погрузившись такимъ образомъ съ головой въ изученіе Украйны, Кулишъ искалъ полнаго кабинетнаго уединенія, освѣжаемаго бесѣдами по душѣ съ избранными людьми. „Люблю"—говорилъ онъ—„только такія собранія, гдѣ сойдутся три-четыре человѣка, связанныхъ или любовью родственной, или любовью къ наукѣ и добродѣтели".

Между тѣмъ кругъ друзей, малороссійскихъ патріотовъ, постепенно расширялся; вскорѣ Кулишъ подружился еще съ Г. Т. Низко и В. Н. Волкъ-Карачевскимъ. Молодой ученый жилъ тогда мечтами молодости и то составлялъ проекты поѣздокъ къ друзьямъ и путешествій,—причемъ всегда имѣлась въ виду возможность предаваться на свободѣ излюбленнымъ бесѣдамъ или наблюдать и изучать нравы,—то замышлялъ новый планъ жизни съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности. Благодаря его просьбамъ, Юзефовичъ назначилъ его (въ 1845 г. на мѣсто Костомарова) учителемъ гимназіи въ Ровно, преду-

предивъ о невыносимой тамошней скукѣ. „Правду вы говорили“—писалъ вскорѣ Кулишъ своему покровителю,—„что не пройдетъ и мѣсяца, какъ я возопію къ вамъ о переводѣ меня въ Кіевъ. Здѣсь мнѣ такая тоска, что я почти боленъ. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня въ Кіевъ. Я готовъ даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднѣе читать въ гимназіи, чѣмъ исторію. Кіевъ теперь еще привлекательнѣе для меня, потому что тамъ Костомаровъ, котораго общество для меня такъ много значитъ“ [1]). Вмѣсто Кіева, однако, судьба перенесла Кулиша въ Петербургъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Плетневу.

Знакомство съ Плетневымъ было въ высшей степени благодѣтельно для Кулиша. Работая надъ „Чорной Радой“, Кулишъ стремился знакомить съ своимъ трудомъ настоящихъ цѣнителей. Поэтому въ августѣ 1843 года, отправившись въ поѣздку по Кіевской губернія, онъ заѣхалъ къ извѣстному польскому писателю Грабовскому, представился ему и такъ полюбился, что тотъ удержалъ его на нѣсколько времени, предложилъ въ его услугамъ даже деньги для напечатанія „Чорной Рады“ и „Орыси“ [2]). Тутъ же онъ перевелъ одну часть „Дзядовъ“ подъ заглавіемъ „Любовь за гробомъ“ и подписалъ подъ переводомъ слова: „переводилъ я подъ вліяніемъ страданій, похожихъ на страданія Густава“ [3]). Значеніе этихъ словъ разъяснится намъ въ слѣдующей главѣ.

Въ Кулишѣ Грабовскій видѣлъ талантливаго и мыслящаго человѣка, подававшаго большія надежды. Изъ устъ его онъ охотно и даже съ увлеченіемъ, иногда долго засиживаясь съ ними по

---

[1]) «Кіевская Старина», 1899, II, 202.

[2]) Грабовскій даже говорилъ Кулишу, что онъ «первый постигъ элементы души запорожской и что со временемъ напишетъ что-нибудь равное «Веверлею» и «Пуританамъ».

[3]) Густавъ—дѣйствующее лицо въ этой части, выражающее любовь къ дѣвушкѣ—чистую и экзальтированную въ высшей степени.

ночамъ, слушалъ народныя малороссійскія легенды, разсказы про гайдамаковъ и многое другое изъ сокровищъ народной поэзіи, которыми овладѣлъ Кулишъ въ студенческіе годы [1]). Съ своей стороны Грабовскій замѣчательно умѣлъ дѣйствовать на подъемъ духа своего молодого друга и всячески старался помогать ему, разыскивая и доставляя ему разныя свѣдѣнія. Нѣкоторыя выдержки изъ его поэмъ онъ посылалъ для напечатанія Крашевскому въ его „Ateneum“, но Крашевскій не помѣстилъ ихъ, чтобы „nie narazić się naszej publiczności“ [2]). „Можетъ быть„,—писалъ Кулишъ Юзефовичу о „Чорной Радѣ“—„я бы и совсѣмъ не показалъ вамъ этого труда, предпринятаго не съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ, но Грабовскій, которому я читалъ, превозноситъ его такими похвалами, что я начинаю вѣровать въ его достоинства“ [3]). Вотъ эта вѣра и внушила Кулишу мысль послать первыя пять главъ „Чорной Рады“ Плетневу, какъ лицу, достойному почета и довѣрія, какъ бывшему другу Пушкина и человѣку, извѣстному своей теплой, сердеч-

---

[1]) Впослѣдствіи Грабовскій праходилъ въ большой восторгъ отъ сочиненій Кулиша. Однажды онъ ему писалъ: „Ja Pana kochałem zawsze jako człowieka; miałem Pana za jednego z najzdolniejszych i najrozumnieiszych ludzi, jakich spotkałem u mem życiu; ale wyznaje Pana że jako o pisarzu nie miałem wielkiego wyobrażenia. Dwa ostatnie tomy pańskiego zbioru wyprowodziły mnie z błędu“ („Правда“, 1868, стр. 284).

[2]) Объ этомъ см. также „Кіевскую Старину“, 1899, II, стр. 191—192.

[3]) Онъ же сблизилъ Кулиша съ библіоманомъ Свидзинскимъ, почему-то получившимъ прозваніе графа, хотя въ дѣйствительности не имѣлъ этого титула. Кулишъ, впрочемъ, не долюбливалъ или, по крайней мѣрѣ, не уважалъ этого человѣка, называя его «старымъ и причудливымъ холостякомъ» и сообщая о томъ, что онъ и Костомаровъ «допекали его, завзятаго аристократа, своими демократическими нападками на былое польское орудованье козаками». «Pan hrabia» — говорилъ онъ—краснѣлъ, пыхтѣлъ, называлъ козаковъ, нашихъ предковъ, наглыми хлопами, и продолжалъ снабжать насъ рукописями и старопечатными книгами съ довѣрчивостью непостижимой».

ной отзывчивостью. Избравъ Плетнева своимъ покровителемъ, Кулишъ разсчитывалъ на его благородство и доброту, и не ошибся. Между прочимъ Кулишъ имѣлъ въ виду здѣсь и завѣтную свою мечту о переходѣ на службу въ Петербургъ, куда онъ особенно стремился въ виду завязавшагося у него въ Мотроновкѣ неудачнаго (сначала) романа [1]), чтобы отвлечь свои мысли отъ предмета страсти. Кулишъ имѣлъ въ виду также убѣдить Плетнева присылкой сочиненій въ своемъ знаніи русскаго языка [2]), необходимаго для полученія каѳедры въ одномъ изъ петербургскихъ средне-учебныхъ заведеній, которую желалъ занять тогда Кулишъ [3]). Съ тѣхъ поръ у Кулиша завязалась

---

[1]) Впослѣдствіи Кулишъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: «Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе имѣетъ въ жизни моей Мотроновка».

[2]) Вскорѣ Плетневъ ближе узналъ Кулиша, приходилъ въ восторгъ отъ прекраснаго знанія Кулишемъ поэзіи Жуковскаго и Пушкина и даже такихъ поэтовъ, о которыхъ и въ кружкѣ Плетнева никто не зналъ. Плетневъ любилъ говорить о Кулишѣ: «вотъ какъ нужно изучать русскую словесность»! («Русск. Обозрѣніе», 1897, III, стр. 205.

[3]) Не имѣя университетскаго диплома, Кулишъ не могъ бы занять мѣсто учителя гимназіи, если бы лично знавшій его Юзефовичъ не рѣшился, въ виду замѣчательныхъ познаній и талантливости Кулиша, пренебречь формальностями. Теперь приблизительно то же предстояло сдѣлать Плетневу, который для этой цѣли и рѣшилъ опереться на литературные труды Кулиша. Мало того, по словамъ одного изъ ораторовъ на полугодовомъ поминаніи Кулиша, его шурина О. М. Бѣлозерскаго: „Плетневъ и Жуковскій устроили его отцу ради даровитаго сына сомнительное дворянство". „Не осудимъ",—говоритъ г. Бѣлозерскій—„а поблагодаримъ покровителей за это, памятуя слова практической мудрости Екатерины, сказавшей, что ложь дозволительна, если кому-либо приноситъ пользу, и никому не причиняетъ вреда". О покровительствѣ Плетнева Кулишу см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ", т. II, стр. 404, 528, 536, 622—623 и проч. Кулишъ же заочно познакомилъ Плетнева съ Костомаровымъ (тамъ же, 635). На предостереженія Грота, что Плетневъ слишкомъ скоро предался Кулишу (стр. 632), послѣдній отвѣтилъ:

переписка съ Плетневымъ, который, съ свойственной ему проницательностью, по первымъ литературнымъ трудамъ уже провидѣлъ въ Кулишѣ крупную литературную силу и, подобно тому, какъ раньше Юзефовичъ, подалъ ему руку для возвышенія по лѣстницѣ учено-литературнаго прогресса, предоставивъ ему одновременно два мѣста: учителя V петербургской гимназіи (Плетневъ исполнялъ тогда должность попечителя округа) и преподавателя русскаго языка студентамъ-инородцамъ въ университетѣ. Плетневъ полюбилъ Кулиша, какъ родного сына. Вспоминая о благодѣяніяхъ и задушевномъ обращеніи съ нимъ Плетнева, Кулишъ говорилъ: „Благодаря пристрастію дилетанта бюрократіи, нѣкогда дуэлиста-маіора“ (т. е. Юзефовича), „я посланъ былъ на мѣсто Костомарова въ Ровно изъ учителей трехкласснаго дворянскаго училища; подобное же пристрастіе одного изъ столичныхъ администраторовъ, Петра Александровича Плетнева, недѣли черезъ три перенесло меня въ столицу“ [1]). Впослѣдствіи Кулишъ не мало сожалѣлъ о томъ, что не вполнѣ умѣлъ цѣнить чудную личность Плетнева, потому что полной его любви и уваженію къ послѣднему отчасти мѣшало нѣкоторое недовольство его незнаніемъ Плетневымъ малороссійскаго языка и отсутствіе въ немъ горячаго увлеченія Малороссіей, котораго нельзя было и требовать отъ старика-великоросса, но которое въ глазахъ энтузіаста Украины являлось обязательнымъ въ человѣкѣ, идеальномъ въ другихъ отношеніяхъ. Въ свою очередь, и Плетневъ не могъ раздѣлять восторговъ Кулиша и не сочувствовалъ нѣкоторой исключительности его симпатій, хотя вообще высоко цѣнилъ его, отозвавшись о немъ такъ въ одномъ изъ писемъ къ Я. К. Гроту: „милый молодой человѣкъ, интересный и наружностью, и чистотой души и умомъ“ [2]). Черезъ Плетнева сблизился Кулишъ и

„Кулишъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ“ (635 стр.) и что онъ „высокій образецъ чувствованій и дѣлъ“ (стр. 753).

[1]) „Новь“, 1885, № 13, стр. 62.

[2]) «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 623.

со многими другими замѣчательными и достойными личностями: съ Ишимовой, извѣстной издательницей „Здѣздочки“, съ братьями Гротъ [1]) и Нордштремами.

VIII.

Исторію любви Кулиша къ его будущей женѣ В. М. Бѣлозерскій передавалъ намъ въ слѣдующемъ разсказѣ.

„Въ первое же лѣто (1843 г,) мы вмѣстѣ поѣхали изъ Кіева въ нашъ хуторъ Мотроновку. Здѣсь онъ познакомился съ моей матерью и сестрой Александрой; матери онъ очень полюбился; сестра была имъ очарована: онъ страстно въ нее влюбился. Они оба признались мнѣ въ своихъ чувствахъ, но сестра (ей было только 15 лѣтъ), воспитанная подъ внимательнымъ надзоромъ матери, какъ ея любимица, не помышлявшая даже о возможности чувствовать и мыслить безъ ея вѣдома, не говорила ей, однако жъ, о своихъ чувствахъ и старалась быть сдержанной съ Кулишомъ. Онъ, страстный и нетерпѣливый, хотѣлъ непремѣнно добиться ея признанія, но не могъ, и когда выѣз-

---

[1]) Яковомъ и Константиномъ Карловичами. О Я. К. Гротѣ Кулишъ отзывался такъ: «Онъ такъ-же молчаливъ, какъ и Петръ Александровичъ, но зато каждое его слово имѣетъ значеніе, и ни одно не сказано праздно. Этотъ человѣкъ не столько удивляетъ меня своими филологическими и другими способностями, сколько правильностью жизни и подчиненіемъ всего себя законамъ разума». Изъ сужденій Грота приводится между прочимъ слѣдующее: «Гротъ замѣтилъ, что идти въ монастырь непростительно, потому что назначеніе человѣка не въ томъ состоитъ, чтобы молиться только Богу; лучшая молитва, говоритъ онъ, заключается въ нашихъ дѣлахъ». Но религіозный Кулишъ замѣчаетъ: «Нѣтъ, господа, гордо вы мудрствуете, и душа моя невольно отъ васъ отстраняется». Впрочемъ позднѣе самъ Кулишъ высказывался, и весьма энергично, въ томъ же смыслѣ, какъ и Гротъ, противъ монастырей, сильно осуждая даже пушкинскаго Пимена. (См. его письмо къ Галагану въ «Кіевской Старинѣ», 1899, IX, 345—346).

жалъ отъ насъ, по порученію губернатора Фундуклея для путешествія по кіевской губерніи, просилъ ее принять его портретъ на память, но она отказалась, и онъ, выѣхавъ отъ насъ, за воротами изломалъ его и бросилъ въ канаву.

„Слѣдующій годъ мы провели въ Кіевѣ, и Кулишъ довольствовался краткими свѣдѣніями, которыя сообщались мнѣ сестрою въ письмахъ, и не разъ говорилъ о томъ, что старается ее забыть. Когда наступило время вакацій, онъ не поѣхалъ къ намъ, но прошло немного времени—и онъ неожиданно вдругъ явился. Помню, это поставило меня въ большое затрудненіе; я чувствовалъ, что должно произойти что-то рѣшительное. И дѣйствительно, произошло. Сестра, зная, что мать очень любитъ Кулиша, но несогласна на ея замужество съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бѣднымъ и безъ опредѣленнаго положенія, стала отъ него сторониться; это доводило его до крайняго нетерпѣнія, и наконецъ онъ рѣшился прямо объясниться съ матерью, попросивъ дать ему свиданіе наединѣ. Мать согласилась, по моему совѣту. Это свиданіе происходило въ нашемъ старомъ домѣ, которымъ впослѣдствіи владѣла сестра и который сгорѣлъ въ 1890 году. Свиданіе происходило въ такъ называемой столовой, дверь изъ которой вела въ дѣтскую, гдѣ мы съ сестрой помѣстились въ трепетномъ ожиданіи. Дверь была заперта, но мы все слышали. П. А. обратился къ матери съ упрекомъ за то, что она мѣшаетъ его сближенію съ А. М. „Нисколько“, отвѣчала мать: „она совершенно свободна, и сама не желаетъ сближенія“.—„Какъ не желаетъ?! она меня любитъ!“—„Позвольте мнѣ объ этомъ лучше знать“!—отвѣчала мать съ раздраженіемъ.—„Она это вамъ говорила?“ спросила съ насмѣшкой мать. Кулишъ былъ поставленъ въ затрудненіе, но отвѣчалъ, что хотя не говорила, но онъ въ томъ увѣренъ.—„Какая самоувѣренность“! насмѣшливо замѣтила мать, и зная, что мы находимся въ сосѣднихъ комнатахъ, громко позвала: „Саша! Саша“! Для сестры наступила рѣшительная минута; она вышла на зовъ матери.—„Саша, Пантелеймонъ Александровичъ говоритъ, что ты его любишь“.—„Да, я люблю Пантелеймона

Александровича", отвѣчала сестра твердымъ голосомъ. „Я этого не знала"! отвѣчала мать и сказала, обращаясь къ Кулишу, что она не выдастъ за него дочери, и тутъ же съ нимъ простилась. Что тогда произошло въ домѣ, трудно разсказать. Кулишъ вышелъ во флигель, въ которомъ мы съ нимъ жили. Мать и сестра молчали; я бросился за П. А. и увидалъ его на кровати съ головой, уткнутой въ подушку, и страшно, спазматически рыдающимъ. На другой день онъ уѣхалъ. Сестра, оставшись съ матерью наединѣ, сказала: „вамъ не угодно, чтобы я вышла за П. А.; я изъ вашей воли не выйду, но никто другой не будетъ моимъ мужемъ".—„И это говоритъ барышня! Стыдись, Саша"! отвѣтила мать. Но Саша, 16 лѣтняя дѣвушка, выросла выше своихъ лѣтъ; любовь ее преобразила. И цѣлую ночь мать прислушивалась у дверей къ громкимъ рыданіямъ дочери".

IX.

Такимъ образомъ сердечный романъ на время пріостановился. По переѣздѣ Кулиша въ Петербургъ, онъ первое время былъ всецѣло занятъ, кромѣ своихъ учено-литературныхъ дѣлъ, своими отношеніями къ Плетневу и лицамъ, его окружающимъ. Впослѣдствіи, въ одномъ письмѣ къ И. Ф. Хильчевскому, Кулишъ сказалъ: „Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьей Плетнева" [1]). Въ своихъ ожиданіяхъ отъ представителей столичной печати онъ очень скоро разочаровался. „Современная наша

---

[1]) „Кіевская Старина", 1898, I, стр. 121.—Плетневъ проповѣдывалъ ему одну идею, важную для всякаго талантливаго человѣка,— о необходимости искать такихъ людей, которые въ какомъ-нибудь отношеніи могутъ быть образцами и наставниками. Въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ" постоянно встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что Кулишъ часто проводилъ время и обѣдалъ у Плетнева.

литература", писалъ онъ Юзефовичу—„представляетъ печальное зрѣлище. Представителями ея, кромѣ немногихъ истинныхъ жрецовъ поэзіи, все народъ развратный,—другимъ словомъ я не могу опредѣлить этого коммерческаго духа, которымъ давно заражены старыя и молодыя сердца". Въ концѣ концовъ цвѣтомъ петербургской интеллигенціи Кулишъ доволенъ не больше, нежели кіевской. „Молчаливый зритель всѣхъ этихъ грустныхъ явленій"—продолжаетъ онъ,—„я здѣсь заключаюсь самъ въ себѣ глубже, нежели въ Кіевѣ, и благодарю Бога, что я не раньше попался въ этотъ хаосъ".

Повторяется все то-же, что было въ Кіевѣ: такой же дѣятельный трудъ, то же недовольство другими и желаніе трудиться иначе, по новому, разумному плану, и наконецъ снова громко и сильно проявляетъ себя потребность женской любви. Мало-по-малу начинаетъ на себя обращать вниманіе Кулиша единственная дочь Плетнева, Ольга Петровна. О первой встрѣчѣ съ Ольгой Петровной Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Пріѣзжаю къ Петру Александровичу на вечеръ и застаю двухъ дѣвушекъ, танцующихъ въ сарафанахъ. Одна изъ нихъ была О. П. Въ сарафанѣ она показалась мнѣ совершеннолѣтнею и чрезвычайно привлекательною. Вчера я случайно завелъ съ ней разговоръ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, хорошо образованномъ и свѣтскомъ. Ея отзывъ о немъ удивилъ меня своею солидностью и показалъ въ ней умъ, достойный прекраснаго чела, какимъ природа ее надѣлила. Сегодня новое впечатлѣніе оживило въ моей душѣ вчерашнее, а къ тому прибавилось еще одно обстоятельство: она обыкновенно ведетъ себя по-дѣтски".—„Сегодня"—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 3 января 1846 года, „сидя насупротивъ меня за столомъ, Ольга была такъ тиха и задумчива, что я назвалъ ее героиней баллады. Она мнѣ нравилась, и я почувствовалъ, что могу къ ней пристраститься. Надо вести себя какъ можно благоразумнѣе. Не смѣшно ли увѣрять себя и другихъ, что безъ той-то жить

---

[1]) „Кіевская Старина", 1899, 11, 201 стр.

не могу! Время ото всего насъ излѣчиваетъ. Теперь Саша [1]) дорога моему сердцу, какъ сестра, но и безъ нея еще возможно для меня семейное счастье. Впрочемъ, да будетъ воля Божья"! Тѣмъ не менѣе Кулишъ, полюбивъ Плетнева, какъ отца, такъ привязался къ его дочери, что неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы однажды, когда онъ, разговорившись съ ней объ украинскихъ думахъ, сказалъ между прочимъ: „вотъ и вы выучитесь со временемъ по-украински", она не отвѣтила ему: „никогда". Это слово отворожило отъ нея Кулиша.

X.

Между тѣмъ Кулишъ получилъ уроки въ только-что основанной петербургской пятой гимназіи, гдѣ пока были открыты лишь младшіе классы,—обстоятельство весьма благопріятное для молодого ученаго, нуждавшагося въ свободномъ времени для своихъ литературныхъ занятій [2]). Тогда же Кулишъ сдѣлался лекторомъ русскаго языка въ петербургскомъ университетѣ и надѣялся получить заграничную командировку. Такимъ образомъ карьера его подвигалась съ необычной быстротою. Однажды Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „То, что обыкновенно называютъ счастьемъ, льется на меня рѣкой. Я счастливъ, но счастье мое было бы самое бѣдное, если-бы основывалось только на возвышеніи, съ котораго такъ легко низпасть. На возвышеніе свое я смотрю, какъ на средство распространять больше добра между людьми". Удачно устроивъ собственныя дѣла, онъ не переставалъ заботиться и о своихъ друзьяхъ и, пользуясь своей близостью къ Юзефовичу, энергично ходатайствовалъ за нихъ. Почти въ каждомъ письмѣ онъ напоминаетъ Юзефовичу о Чуйкевичѣ, Красковскомъ, Хильчев-

---

[1]) Александра Михайловна Бѣлозерская, впослѣдствіи жена Кулиша.

[2]) „Кіевская Старина", 1899, II, 204.

скомъ. „Михаилъ Владиміровичъ, столь добрый для меня и столь равнодушный къ участи моихъ друзей"! писалъ Кулишъ Юзефовичу: „Услышьте мою покорнѣйшую просьбу: сдѣлайте Хильчевскаго штатнымъ смотрителемъ въ Малороссіи, а Красковскому тоже какъ-нибудь поблагодѣтельствуйте" [1]). И наконецъ, даже такъ: „О Чуйкевичѣ, о Хильчевскомъ и о Красковскомъ до тѣхъ поръ не перестану васъ просить, пока у меня будетъ перо или голосъ. Въ Кіевѣ я стану повторять вамъ каждыя пять минутъ свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: „Хильчевскій, Чуйкевичъ, Красковскій"! и подарю его вамъ" [2]). Просьбы Кулиша дѣйствительно имѣли поразительный успѣхъ. О Костомаровѣ онъ пишетъ: „Я очень радъ, что Костомаровъ будетъ въ числѣ вашихъ университетскихъ оракуловъ. По крайней мѣрѣ, теперь вы будете имѣть въ словесномъ отдѣленіи хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднѣйшая, руководимая чистѣйшими побужденіями, и если только хотя нѣсколько студентовъ уразумѣютъ его и пойдутъ его дорогою, благо имъ будетъ!.. Онъ много сдѣлаетъ для вашего университета [3])". На мѣсто же Костомарова Кулишъ уже прочитъ въ первую кіевскую гимназію В. М. Бѣлозерскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „между тѣмъ вы можете сдѣлать министру представленіе объ отправленіи его за границу для изученія славянскихъ языковъ. Теперь это самое горячее желаніе моего сердца. Прошу васъ, и да будетъ моя просьба стоить тысячи" [4]). А между тѣмъ въ то же время и съ той же просьбой Кулишъ обращался и къ Плетневу. Здѣсь, однако, надо замѣтить, что сначала, еще не будучи увѣренъ въ успѣхѣ своей просьбы за Бѣлозерскаго, Кулишъ намѣтилъ было себѣ въ спутники заграничной поѣздки Чуйкевича, который—говорилъ онъ—„будетъ весьма полезенъ, какъ

---

[1]) „Кіевская Старина", 1899, Ш, 304.
[2]) Тамъ же, стр. 310.
[3]) Тамъ же, стр. 309.
[4]) „Кіевская Старина", 1899, Ш, стр. 306.

переписчикъ и исполнитель всякихъ надобностей, на что онъ охотно соглашается“ [1]). Кулишъ просилъ даже исходатайствовать ему безплатный выѣздъ за границу, а когда Чуйкевичъ былъ въ проектѣ замѣненъ Бѣлозерскимъ, то Кулишъ просилъ перевести его учителемъ въ Бѣлую Церковь [2]).

Въ это время уже образовалось въ Кіевѣ „Кирилло-Меѳодіевское братство принимавшее въ число членовъ людей безукоризненной репутаціи и отнюдь не допускавшее извѣстнаго іезуитскаго девиза. Завѣтная мечта братства заключалась въ объединеніи славянъ въ свободномъ союзѣ подъ протекторатомъ русскаго императора и въ улучшеніи быта и заботы о просвѣщеніи крестьянъ. Эмблемой общества служилъ чугунный перстень съ вырѣзанными на немъ именами святыхъ первоучителей славянства. (Кулишъ былъ противъ этого внѣшняго знака, но другіе члены сильно стояли за него). Дѣйствовать рѣшено было словомъ изустнымъ и печатнымъ.

XI.

24 января 1847 года совершилось знаменательное событіе въ жизни Кулиша: онъ женился на сестрѣ Василія Бѣлозерскаго, Александрѣ Михайловнѣ, получившей впослѣдствіи въ украинской литературѣ почетную извѣстность подъ именемъ Ганны Барвинокъ. Это была тогда еще совершенно юная дѣвушка, первоначально обратившая на себя вниманіе своего будущаго мужа вовсе не тѣми качествами, которыя онъ такъ высоко цѣнилъ въ ней впослѣдствіи. Молодой литераторъ, въ воображеніи котораго рисовалась блестящая ученая карьера, для чего при его богатыхъ дарованіяхъ у него были несомнѣн-

[1]) Тамъ же, стр. 305.

[2]) Вслѣдъ за этими лицами предполагалось выписать Шевченка для усовершенствованія его таланта въ живописи, и друзья просили его только хлопотать о паспортѣ, а о деньгахъ не заботиться.

ныя данныя, встрѣчаясь съ молодой дѣвушкой, чувствовалъ живое обаяніе отъ ея восторженной и чистои натуры; но, отдавая себѣ наединѣ отчетъ въ зарождавшейся въ его душѣ нѣжной симпатіи, онъ сначала старался всѣми силами противостоять своему влеченію въ виду недостаточности средствъ и страха за осуществленіе своихъ завѣтныхъ научныхъ стремленій, которымъ онъ рѣшился посвятить всю свою жизнь. Въ то время его петербургскіе друзья, корифеи учено-литературнаго міра, возлагали уже на него широкія надежды и побуждали его къ усиленной научной дѣятельности, а самъ онъ былъ, въ свою очередь, воодушевленъ свойственнымъ его страстной натурѣ пламеннымъ желаніемъ работать надъ усовершенствованіемъ своихъ познаній и, вообще, своей внутренней личности. Учено-литературные труды увлекали его, и въ головѣ его создавались все новые планы. Онъ работалъ тогда надъ „Черной Радой“ и отдавалъ этой работѣ значительную часть времени, а примѣръ его друга Шевченка окрылялъ его надеждой осуществить свою завѣтную мечту—создать самостоятельную украинскую литературу и высоко поднять національное знамя, и украинскій языкъ возвести на степень литературнаго. Кулишъ съ жаромъ отдавался избранному призванію и неусыпно стремился дѣйствовать на одномъ поприщѣ съ своими друзьями, въ числѣ которыхъ, кромѣ названнаго украинскаго поэта и Костомарова, наиболѣе видное мѣсто занимали Бодянскій, Метлинскій и другіе. Можно сказать, что онъ совершенно жилъ тогда своими малороссійскими симпатіями, и насколько горячо любилъ, напримѣръ, Костомарова, на столько же относился отрицательно къ Срезневскому и Юзефовичу [1]), несмотря на чувство благодарности къ послѣднему и на хорошія личныя отношенія. „Лѣтопись Самовидца“, имъ найденная и напечатанная, „Исторія Священника“, Плиска, лѣтопись Грабянки, „Исторія Руссовъ“—вотъ что привлекало тогда къ себѣ всѣ его инте-

---

[1]) Впрочемъ отношенія Кулиша къ Юзефовичу всегда были довольно загадочныя.

ресы, да къ тому же онъ задумалъ еще изданіе собственнаго украинскаго альманаха и мечталъ даже о романѣ на малороссійскомъ нарѣчіи. „Странно думать", говорилъ онъ, „что народъ, такъ дѣятельно участвовавшій въ событіяхъ рода человѣческаго, не въ состояніи былъ бы разсказать о своей жизни въ историческомъ романѣ" [1]. И вотъ у него въ портфелѣ имѣющей возникнуть редакціи находились уже новыя стихотворенія и статьи Шевченка, Могилы (Метлинскаго), Іереміи Галки (Костомарова). Эта дружная горсть людей, вся исполненная надеждъ, воодушевленная сознаніемъ разумности и высокой справедливости своихъ чистыхъ и благородныхъ стремленій, вся такъ и кипѣла жаждой завѣтной дѣятельности. Единодушіе этихъ людей было замѣчательное: передъ нами не случайный подборъ случайныхъ сотрудниковъ, но тѣсная корпорація, проникнутая одной общей и всѣмъ имъ дорогой идеей. Русская жизнь не много представляетъ примѣровъ такого идейнаго союза, гдѣ бы каждый членъ вполнѣ подчинялъ соображенія личнаго успѣха интересамъ общаго дѣла, какъ это выразилось во многихъ мѣстахъ переписки Кулиша, между прочимъ хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ писемъ его къ Бодянскому: „Шевченко теперь въ Кіевѣ. Служитъ при архивной комиссіи; получаетъ 1000 р. жалованья. Этому нужно радоваться, потому что Комиссія посылаетъ его безпрестанно въ разныя мѣста Южной Россіи для снятія старинныхъ памятниковъ, а это должно современемъ доставить ему Шекспировское знаніе людей и обычаевъ" [2]. Какъ здѣсь каждое слово дышитъ любовью, горячимъ сочувствіемъ и радостной надеждой на личные успѣхи пріятеля и на успѣхи общаго дорогого дѣла! Самъ Кулишъ, только-что успѣвъ приготовить къ печати „Лѣтопись Самовидца", уже посылаетъ Бодянскому составленную для дѣтей исторію Малороссіи, предпринятую въ сущности съ

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, IX, стр. 399 и «Русскій Архивъ» 1892, XI, стр. 293.

[2]) Тамъ же.

тайной мыслью въ краткомъ и наименѣе отвѣтственномъ изложеніи затронуть интересующіе его вопросы, чтобы „предложить знатокамъ нашей исторіи нѣсколько мыслей, извлеченныхъ изъ изученія источниковъ историческихъ и самого украинскаго народа, чтобы окончательно рѣшить нѣкоторые вопросы, опредѣляющіе значеніе украинцевъ въ нравственной дѣятельности славянскаго міра". Ему хочется, чтобы его трудъ „имѣлъ дѣйствіе камня, брошеннаго на неподвижную поверхность воды" [1]).

Между тѣмъ по рекомендаціи Плетнева, С.-Петербургскій университетъ, нуждавшійся, послѣ смерти Прейса, въ ученомъ славистѣ, и Академія наукъ успѣли уже оцѣнить этого украинскаго Инсарова, а послѣдняя рѣшила послать его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ языкахъ [2]). Въ ожиданіи почетной командировки, Кулишъ, съ упоеніемъ энтузіаста, утопаетъ въ архивахъ, но онъ менѣе всего могъ бы напомнить всей своей, тогдашней и послѣдующей, исполненной кипучей страсти, дѣятельностью сухого кабинетнаго отшельника. Письма Кулиша этого времени живо показываютъ, какъ его мысли и чувства были поглощены всѣмъ, касающимся Украины, и какъ его занимали украинскіе сборники, альманахи и другія изданія, не говоря уже о лѣтописяхъ; какъ, наконецъ, его интересовали большіе и малые дѣятели на поприщѣ изученія Украины: Максимовичъ, Бантышъ-Каменскій, Шевченко, Квитка, Стороженко, Срезневскій. Однимъ словомъ, украинскія увлеченія Кулиша были въ полномъ ходу и энтузіазмъ его достигалъ самаго высокаго градуса.

Въ это-то время, какъ мы знаемъ, въ семействѣ, относившемся съ такимъ же пыломъ къ прошлому и настоящему Украины, сочувственное вниманіе Кулиша обращаютъ на себя пре-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1892, XI, 294 и „Кіевская Старина", 1897, IX, 400.

[2]) „Русскій Архивъ", 1892, XI, стр. 293. „Кіевская Старина" 1897, IX, 401. См. также въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ", II, 813 и проч. особенно 949.

имущественно Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, получившій отъ него символическое прозваніе Ивана Коповченка и „ангелоподобнаго Васи“, и его сестра, будущая невѣста нашего украинскаго патріота. Въ душѣ послѣдней, въ свою очередь, зрѣла и крѣпла симпатія къ нему, но, замѣтивъ въ ней жилку домоводства, онъ даетъ ей шутливое прозвище „Хозяйственныя способности“. Въ своемъ дневникѣ отъ 20 августа 1847 г. онъ пишетъ: „кто узналъ любовь болѣе достойную человѣка, тотъ уже не придаетъ столько цѣны любви женской“, и „я не смѣю рѣшиться на бракъ, который, поглотивъ всѣ мои доходы, лишитъ меня возможности располагать ими для цѣлей благороднѣйшихъ“. Но не такова была дѣятельность и жизнерадостная натура Кулиша, чтобы остановиться передъ призракомъ препятствій, хотя его отчасти, можетъ быть, и пугало, что для женитьбы онъ долженъ будетъ отказаться отъ литературныхъ замысловъ и предпріятій, которые составляли отраду всей его жизни. „Вмѣсто изданія народныхъ пѣсенъ, лѣтописей, антиковъ, буду“, продолжалъ онъ, „заботиться о домашнихъ потребностяхъ“. Въ то же самое время ему „пріятно было жить въ пріязни между людьми въ хуторскомъ затишьѣ, и сколько было въ сердцѣ отмѣрено чувства для любви къ матери, которой цѣну онъ узналъ только по ея смерти, сколько дано ему было отъ природы способности любить сестру, которой у него не было, столько онъ принесъ въ жертву этимъ двумъ женщинамъ, т. е. Хозяйственнымъ Способностямъ и ея матери“. Чтобы оцѣнить вполнѣ колебанія Кулиша, укажемъ также выраженіе, встрѣтившееся въ одномъ изъ его писемъ къ Бодянскому: „Вступивъ въ храмъ исторической правды, я чувствую въ душѣ такое благоговѣніе, что совершенно забываю о своей личности“ [1]). Посылая Бодянскому рукопись „Черной Рады“, онъ писалъ: „ввѣряю вамъ мое сокровище съ такимъ чувствомъ, съ какимъ мать передаетъ свое дитя мужу. Знаю, что оцѣните его

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1897, IX, 400; „Русскій Архивъ“, 1892, XI, стр. 295.

по достоинству, сбережете и въ дѣло употребите какъ нельзя лучше“ [1]). Но страсть къ наукѣ и страсть къ женщинѣ не всегда исключаютъ другъ друга, и наконецъ Кулишъ однажды сообщилъ тому же Бодянскому: „люблю вже я давно одну гарну дивчыну на Вкраини. Знаю добре, що никого, опричь ии, не визьму за себе, вернувшысь изъ нѣмещыни. Дакъ щобъ ій не було у столыци якось моторошно, що, бачыте, не зна языкивъ, беру зъ собою за гряныцю. А въ ии и грошенята йе,— буде за що жыты у Нѣмещыни. И братъ ии йиде зъ намы. Не судите жъ мене и не корите за се. Безъ серця я бъ ничого въ свити не врадывъ: така моя натура“ [2]). Такъ разрѣшились мучительныя колебанія, но ни передъ свадьбой, ни въ такъ называемый медовый мѣсяцъ, Кулишъ не разставался съ своими обычными занятіями, а равно и съ своими украинскими друзьями, какъ живыми, такъ и мертвыми, но неотлучно жившими въ его воображеніи; переписываясь съ Костомаровымъ, онъ, напр., горячо убѣждалъ его въ тождественности „Исторіи презѣльной брани“ съ лѣтописью Грабянки; въ письмахъ къ Бодянскому убѣдительно умоляетъ „освободить изъ подъ ланы“ цензора Никитенка вычеркнутыя имъ мѣста и возстановить ихъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“, „пользующагося благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры“ (причемъ, между прочимъ, „страха ради цензорска“ въ рукописи, предъявленной Никитенку, въ одномъ разсказѣ имя Потемкина вездѣ было замѣнено вымышленнымъ „Верходумовъ“ [3]); наконецъ рекомендуетъ Бодянскому Сердюкова, „человѣка неизвѣстнаго, но великаго знатока украинской исторіи и заохотившаго его къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными“ [4]). Словомъ, на каждомъ письмѣ его попрежнему

---

[1]) Тамъ же, стр. 405.

[2]) „Кіевская Старина“, 1897, X, 35.

[3]) „Кіевская Старина“, 1897, X, 27 и „Русскій Архивъ“, 1892, XI, 297.

[4]) „Кіевская Старина“, 1892, XI, 32.

лежитъ печать полнѣйшаго погруженія въ интересы украинской исторіи, для которыхъ предпринималась поѣздка въ Москву и предполагались сношенія съ харьковскими учеными по вопросу о народныхъ пѣсняхъ, и все это почти наканунѣ свадьбы. „Если харьковцы такъ малодушны, что не рѣшаются передавать вамъ своихъ рукописей“—пишетъ онъ Бодянскому, „то не думаю, чтобы они были такъ низки, что не позволятъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему“ [1]), и особенно волнуетъ Кулиша, что „послѣ повѣстей Основьяненка, малороссіяне совсѣмъ уснули со своею литературою“ [2]).

XII.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда заграницу. По свойственной ему живости, Кулишъ не можетъ переносить оффиціальныхъ проволочекъ. Онъ жалуется Бодянскому: „я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно“. [3]) Надо было пройти рядъ формальностей. Предстоящее бракосочетаніе также не могло не вызвать нѣкоторыхъ пертурбацій въ обычномъ теченіи жизни. Прежде всего произошла важная перемѣна въ самомъ главномъ и коренномъ рѣшеніи, именно въ вопросѣ о времени свадьбы. Заграничная жизнь грозила продолжительной отстрочкой супружества, чего не хотѣла ни та ни другая сторона, во избѣжаніе всякихъ превратностей, что и оправдалось на судьбѣ Костомарова и его невѣсты. Рѣшено было отпраздновать свадьбу передъ отъѣздомъ, но относительно подробностей дѣла возникли несогласія, по поводу которыхъ невѣста потребовала было даже возвращенія обручальнаго кольца. Дѣло было такъ: Кулишъ настаивалъ однажды, чтобы невѣста прочла ему одно стихотвореніе Пушкина, но она не рѣшалась

[1]) Тамъ же стр. 28.
[2]) Тамъ же стр. 29.
[3]) Тамъ же, стр. 28.

читать при немъ и настойчиво отказывалась. Подъ вліяніемъ мысли о предполагаемомъ неимовѣрномъ упорствѣ ея характера, Кулишъ воскликнулъ: „Ахъ, я несчастный!“ Въ отвѣтъ на это невѣста сняла обручальное кольцо и, войдя въ комнату жениха въ его отсутствіе, положила на письменномъ столѣ при запискѣ: „Я никакъ не желала быть несчастьемъ другого, а тѣмъ болѣе вашимъ, и потому возвращаю кольцо, пока есть время“. Но это была минутная вспышка, на которую Кулишъ отвѣчалъ такъ: „несмотря на то, что для васъ такъ легко потребовать отъ меня кольца, я не возвращу его вамъ никогда. При всѣхъ вашихъ недостаткахъ, я васъ люблю, какъ родное дитя, и не только не отрекусь отъ васъ добровольно, но буду противостоять до послѣдней возможности всѣмъ тѣмъ, которые окружаютъ васъ туманомъ. Мнѣ жаль васъ. Вы дитя моего сердца, и я испытываю отъ васъ такія противорѣчія. Впрочемъ, не вы виноваты. Да не смущается сердце ваше. То, что я прочелъ, написала не будущая супруга Кулиша, а разсерженная дѣвочка. На дѣтей сердиться не могу, а только жалѣю о нихъ. Впрочемъ утѣшаюсь надеждой, что дѣти въ свое время будутъ взрослыми“. Но недоразумѣніе было непродолжительно и скоро улеглось. 18 января было написано названное письмо, а черезъ нѣсколько дней молодая чета стояла уже подъ вѣнцомъ.

Объ этомъ знаменательномъ событіи въ жизни Кулиша сообщимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Передъ самой свадьбой сгорѣла кухня, и мать, выйдя во время пожара на крыльцо, простудилась и потомъ не выходила къ гостямъ, что имѣло свои неудобства и нѣкоторыми было принято, какъ несчастливое предзнаменованіе.

Незадолго до вѣнчанія пріѣхалъ Шевченко, принимавшій участіе въ церемоніи въ качествѣ шафера, и здѣсь произошло приключеніе, сначала смутившее и разстроившее многихъ, а потомъ обрадовавшее. „О пріѣздѣ Тараса Григорьевича“—разсказываетъ Александра Михайловна Кулишъ—„непремѣнно хотѣлъ знать Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, и мы поспѣшили его извѣстить. Онъ пріѣхалъ вечеромъ. Зная, что Шевченко не бла-

говолитъ къ панамъ, но издавна восхищаясь его поэтическими произведеніями, онъ вошелъ въ залъ молча и молча же подалъ руку Шевченку, который только-что передъ тѣмъ пѣлъ. Николай Даниловичъ сѣлъ, а мы, желая занять гостя, приступили къ Шевченку съ просьбой что-нибудь спѣть; но Шевченко неожиданно уперся и на нѣсколько разъ повторенныя просьбы пѣть отказался. Пантелеймонъ Александровичъ въ смущеніи оставилъ его и обратился съ бесѣдой къ Николаю Даниловичу. Шевченко продолжалъ мѣрными шагами ходить изъ угла въ уголъ по залѣ, и когда мы уже совсѣмъ перестали ждать, вдругъ запѣлъ козацкую пѣсню: „Ой морозе, морозенку! Ой ты славный козаче! За тобою, Морозенку, вся Украина плаче". Казалось, онъ никогда не пѣлъ съ такимъ совершенствомъ. Пѣсня его раздавалась по залѣ, какъ, бывало, по степи. Онъ кончилъ, и тутъ произошло нѣчто невиданное и неслыханное: Николай Даниловичъ быстро сошелъ съ мѣста, бросился къ Шевченку, обнялъ его и зарыдалъ на груди. Шевченко едва могъ его успокоить; все, что было въ душѣ обоихъ, родное, завѣтное, поднялось и обнаружилось въ этихъ слезахъ, въ этихъ объятіяхъ и рыданіяхъ. Съ этой минуты Николай Даниловичъ никогда не забывалъ его и потомъ посылалъ ему въ ссылку деньги". О Шевченкѣ, какъ превосходномъ исполнителѣ украинскихъ пѣсенъ, восторженно вспоминалъ потомъ Кулишъ, называя его въ одномъ письмѣ къ В. В. Тарновскому сыну [1]) тройнымъ поэтомъ: слова, кисти и пѣнія, причемъ, по его мнѣнію, скорѣе можно было найти въ немъ недостатки въ двухъ первыхъ отношеніяхъ, но какъ пѣвецъ, „онъ былъ совершенствомъ, и судьей надъ нимъ было само сердце" „Ничего лучшаго"—говоритъ Кулишъ въ подтвержденіе—„мы не слыхали—такое покрайней мѣрѣ у насъ осталось воспоминаніе хотя бы о томъ, какъ онъ пѣлъ на нашей свадьбѣ".

---

[1]) «Кіевская Старина», I, 1899 (январь), стр. 87.—В. В. Тарновскій отецъ, школьный товарищъ Гоголя, очень любилъ Кулиша, а также и сынъ его, скончавшійся лѣтомъ 1899 года.

Во время свадебнаго бала съѣхалось много гостей; было весело, играла музыка. Шевченко былъ въ ударѣ, шутилъ, вызывалъ изъ кадрили старшихъ сестеръ молодой и экзаменовалъ ихъ въ малороссійскомъ языкѣ. Онѣ сначала церемонились, но потомъ стали отвѣчать на вопросы бойко и удовлетворительно. Присутствующіе, удивленные тѣмъ, что, муштруя другихъ сестеръ, Шевченко все время оставлялъ въ покоѣ молодую, стали въ шутку упрекать его въ пристрастіи, на что Шевченко отвѣтилъ: „Я не экзаменую ее потому, что она будущая жена Кулиша, а онъ иначе и не женился бы, еслибы она была неспособна выдержать экзаменъ въ родномъ словѣ“. Въ тотъ же вечеръ еще до пріѣзда гостей Шевченко превосходно пѣлъ „Зирочку вечирнюю“ и нарисовалъ портретъ молодой и написалъ въ альбомъ ея стихи (онъ былъ въ сѣромъ пальто и красномъ шерстяномъ шарфѣ). Отзывъ Шевченко о Ганнѣ Барвинокъ подтверждается и слѣдующими словами о ней Кулиша къ Бодянскому: „ Оженывсь я 24 числа. Гарна и розумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу исторію, а писни такъ спивае (та все наськи), що ажъ серце радуется“. [1]) Дѣйствительно, будучи самъ горячимъ малороссійскимъ патріотомъ, Кулишъ, конечно, только и могъ полюбить такую же восторженную любительницу всего относящагося къ Украинѣ. [2]) Она знала даже всѣ народныя малороссій-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, X, 36.

[2]) Это обстоятельство и было главной причиной, вслѣдствіе которой любовь къ Ганнѣ Барвинокъ вытѣснила изъ сердца Кулиша зарождавшуюся было въ его душѣ страсть къ дочери Плетнева, что мы можемъ ясно видѣть на основаніи дневника Кулиша. Однако, нѣкоторое время въ его душѣ происходила борьба, и любопытно, что уже почти передъ свадьбой, сравнивая обѣихъ дѣвушекъ, онъ объяснялъ свое предпочтеніе невѣстѣ именно ея кореннымъ малороссійскимъ происхожденіемъ: „О. П. не малороссіянка, иначе, можетъ быть, она возпреобладала бы надъ моимъ сердцемъ. Я ее нѣжно люблю; но Саша, воспитанная матерью, будетъ лучшею женою“. Душевное настроеніе Кулиша передъ свадьбой было крайне неспокойно отъ множества разнообразныхъ хлопотъ и отъ столкновенія въ его душѣ раз-

скія повѣрья, и между прочимъ во время бракосочетанія очень радовалась, что восковыя свѣчи, перевязанныя пышнымъ бантомъ, горѣли ровно; свѣчи были, по народному обычаю, вложены въ стаканы, насыпанные рожью, и были поставлены передъ молодыми. По примѣтѣ выходило, что оба супруга умрутъ въ одно время. По указанной же причинѣ, т. е. въ силу пламеннаго согласія въ любви къ родинѣ, Кулишъ любилъ и мать и тетку своей невѣсты, родную сестру ея отца.

XIII.

Послѣ свадьбы молодые вскорѣ двинулись заграницу. Еще 26 ноября 1846 г. была получена Кулишомъ бумага о выѣздѣ заграницу для путешествія по славянскимъ землямъ. Отмѣчая этотъ фактъ въ своемъ дневникѣ, Кулишъ восклицаетъ: „одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни“. Это была уже вторая бумага; первая, о назначеніи заграничной поѣздки, пришла мѣсяцемъ раньше. Кулишъ поспѣшилъ подѣлиться своей радостью съ лучшимъ другомъ и патрономъ, П. А. Плетневымъ, который былъ, въ свою очередь, очень обрадованъ и при этомъ сказалъ

народныхъ влеченій. Ему снились тревожные сны: то та, то другая интересующая его дѣвушка, т. е. то его невѣста, то Плетнева оказывались въ сновидѣніяхъ выходящими замужъ за кого-то другого. Бѣлозерская должна была ѣхать вѣнчаться съ его пріятелемъ Чуйкевичемъ, который, подобно самому Кулишу, собирался ѣхать заграницу, Плетнева же выходила замужъ неудачно и совершенно несогласно съ желаніями и принципами отца—за знатнаго и богатаго человѣка, безъ всякихъ личныхъ достоинствъ. Въ другой разъ Кулишъ видѣлъ во снѣ, напротивъ, Бѣлозерскую выходящею за глупаго, но богатаго человѣка, но онъ убѣдилъ ее отказать недостойному жениху и, заступивъ его мѣсто, рѣшилъ ѣхать съ нею заграницу. Все это показываетъ, что рѣшеніе такого великаго шага, какъ бракъ, далось Кулишу не легко, и что сердечныя влеченія въ немъ сильно боролись. Отсюда происходила какая-то временная нервная надломленность, напугавшая его невѣсту.

слѣдующее небольшое напутствіе: „Помните только, что въ счастіи гораздо труднѣе сохранить благоразуміе, нежели въ несчастіи; отъ несчастья рѣдко сходятъ съ ума, а отъ счастья весьма часто. Это запишите въ своемъ дневникѣ". Спустя нѣсколько дней Кулишъ встрѣтилъ у Плетнева молодого ученаго Вернадскаго, [1]) „представившаго ему путешествіе въ самомъ привлекательномъ видѣ". Эта встрѣча произвела на него самое отрадное впечатлѣніе; довольство его случайнаго собесѣдника своей долей не могло не сообщиться такому воспріимчивому человѣку, какъ Кулишъ, притомъ уже приготовленному къ восторгамъ. „Онъ уѣхалъ худымъ и измученнымъ"—пишетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„а возвратился полнымъ силъ и свѣжести. Отъ него такъ и вѣетъ жизнью. Онъ такъ наэлектризировалъ меня радостью, что восторгъ могъ показаться даже страннымъ. Правда, я былъ расположенъ радоваться: въ немъ я видѣлъ себя черезъ три года".

Съ этихъ поръ для Кулиша наступаетъ непродолжительный переходный фазисъ его жизни: онъ находится въ самомъ напряженномъ оживленіи; не оставляя своихъ обычныхъ интересовъ и занятій, онъ волнуется восторженнымъ ожиданіемъ идеальной новой жизни за границей, переносится въ разговорахъ съ Вернадскимъ въ ласково манящее близкое будущее, хотя его вскорѣ же нѣсколько охлаждаетъ недостатокъ въ его новомъ пріятелѣ эстетическаго вкуса: „онъ романы Евгенія Сю"—съ досадой отмѣчаетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„ставитъ во всѣхъ почти отношеніяхъ выше романовъ Вальтеръ Скотта. Вообще онъ, кажется, вездѣ хромаетъ, гдѣ дѣло касается эстетическихъ вопросовъ. Въ немъ преобладаетъ направленіе раціональное. Художественная сторона въ немъ очень слаба."

Передъ отъѣздомъ заграницу Кулишъ рѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и родными и предпринялъ цѣлый

[1]) О Вернадскомъ см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ," т. II, 851—859. Кулишъ такъ быстро сошелся съ Вернадскимъ, что, говоря о послѣднемъ въ письмахъ къ Гроту, онъ уже называетъ его пріятелемъ Кулиша. См. также «Кіевск. Стар.», 1898, II, 187.

рядъ поѣздокъ, начиная съ Москвы, куда, какъ мы знаемъ, онъ уже раньше собирался къ Бодянскому, знакомому съ нимъ впрочемъ пока лишь заочно. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга случился забавный анекдотъ. „Все благопріятствовало“—разсказываетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„моему отъѣзду изъ Петербурга. Зная, что на почтовой станціи въ большихъ городахъ трудно сразу достать лошадей, я велѣлъ гимназическому солдату нанять вольныхъ. Но онъ привелъ мнѣ почтовыхъ. Онъ наговорилъ смотрителю, что я важный человѣкъ, что я ѣду заграницу по Высочайшему повелѣнію и проч.—„Да зачѣмъ онъ ѣдетъ“? спрашивали его. „Онѣ ѣдутъ“—отвѣчалъ солдатъ—„для малороссійскаго языка... отыскать отъ начала вѣковъ. Они издатели малороссійскаго языка“.—„Да гдѣ жъ онъ тамъ его отыщетъ“?—„Да ужъ онѣ знаютъ—гдѣ. Велѣно отыскать отъ начала вѣковъ“.—«Послѣ этого»—добавляетъ Кулишъ—«всякій согласится, что не дать лошадей было невозможно». Дорбгой одинъ старикъ, узналъ, что Кулишъ ѣдетъ въ разныя государства, перепугался за него и сказалъ: „что нашъ братъ говоритъ, что господамъ легко: черезъ такіе народы надо проѣхать! Вотъ и теперь поѣдете на Кіевъ, а вѣдь тамъ народъ—хохолъ“![1])

Явившись къ Бодянскому, Кулишъ „вознамѣрился привѣтствовать его по-малороссійски, какъ человѣкъ ѣдущій заграницу для отысканія малороссійскаго языка „отъ начала вѣковъ“. Находясь все еще въ самомъ отрадномъ настроеніи и подъ впечатлѣніемъ недавней забавной рекомендаціи его, какъ „издателя малороссійскаго языка“, Кулишъ въ шутливомъ тонѣ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ московскимъ ученымъ, котораго онъ засталъ больнымъ, съ піявками на рукѣ. „Я воображалъ его очень худощавымъ и притомъ безобразнымъ“—писалъ Кулишъ въ дневникѣ: „такое понятіе о его на-

[1]) Въ послѣднее время жизни въ Петербургѣ Кулишъ, кромѣ научнаго приготовленія къ предстоящей командировкѣ, особенно усердно занимался рисованіемъ (см. напр. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 823, 825 и проч.)

ружности составилъ я по разсказамъ знакомыхъ. Но не нашелъ ни того, ни другого. Блѣдное и довольно полное лицо его не лишено пріятнаго выраженія; даже одинъ Кутузовскій его глазъ, который при томъ смотритъ въ сторону, не безобразитъ великаго славянофила, напротивъ придаетъ его физіономіи какое-то поэтическое выраженіе, такъ что, когда съ нимъ бесѣдуешь, то кажется, будто лѣвый его глазъ вникаетъ въ современность, а правый устремленъ въ начало тѣхъ вѣковъ, въ которыхъ я долженъ отыскать малороссійскій языкъ". Съ Бодянскимъ Кулишъ въ два своихъ посѣщенія все время говорилъ по-малороссійски и о малороссійской исторіи.

Изъ Москвы Кулишъ поѣхалъ на свою родину въ мѣстечко Воронежъ (черниговской губерніи), но отъ свиданія съ больнымъ и окруженнымъ сомнительнымъ обществомъ отцомъ вынесъ тяжелое впечатлѣніе. Оттуда онъ проѣхалъ къ роднымъ молодой въ Мотроновку.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ. Въ 1895 г. была издана въ Кіевѣ брошюра умершаго въ 1889 г. М. В. Юзефовича.— *Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи.* Говоря въ этой брошюрѣ о томъ, что императоръ Николай I не разъ затрагивалъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, но лишь конфиденціально, Юзефовичъ продолжаетъ: «объ одной послѣдней его такой попыткѣ я знаю положительно изъ сообщенія Государственнаго Совѣта члену своему Д. Г. Бибикову, въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, точно не помню»..... И тутъ же въ подстрочномъ примѣчаніи приводитъ любопытное извѣстіе для исторіи освобожденія крестьянъ. Извѣстіе это, по малоизвѣстности брошюры Юзефовича, мы перепечатываемъ здѣсь полностью.

«Д. Г. Бибиковъ, получивъ отъ государственнаго совѣта конфиденціальное сообщеніе съ требованіемъ его мнѣнія по предложеннымъ вопросамъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ, по его словамъ, не былъ вовсе знакомъ практически съ этимъ дѣломъ. Поэтому онъ, между прочимъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не знаю ли я кого нибудь, съ кѣмъ бы я могъ посовѣтоваться. Я указалъ на бывшаго въ то время полтавскимъ предводителемъ (впослѣдствіи московскаго губернатора) Ивана Васильевича Капниста, стараго моего пріятеля, всю жизнь мечтавшаго и думавшаго объ освобожденіи крестьянъ. Бибиковъ слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но затруднился, какимъ образомъ вызвать его къ себѣ. Тогда я предложилъ съѣздить

къ нему въ Полтаву и привезти оттуда письменные его отвѣты на предложенные государственнымъ совѣтомъ вопросы. Предложеніе мое охотно было принято, и я съ подлинной бумагой поѣхалъ въ Полтаву. Кавнистъ принялъ порученіе не только съ готовностью, но съ радостью, такъ какъ ему представлялся неожиданный случай провести свои любимыя идеи чрезъ такое авторитетное лицо, какимъ былъ Бибиковъ. Онъ тотчасъ принялся за дѣло и на другой же день сообщилъ мнѣ написанное введеніе, гдѣ объяснялась въ общихъ чертахъ исторія крестьянскаго закрѣпощенія у насъ вообще и въ Малороссіи въ частности. Потомъ мы бесѣдовали ежедневно о томъ, какъ рѣшить задачу. Я оставался въ Полтавѣ чуть не мѣсяцъ, но Кавнистъ не прибавилъ къ своему введенію ни строчки. Его идеализмъ встрѣтился на практической почвѣ съ такими затрудненіями, которыя поставили его втупикъ: оказались необходимы разныя подготовительныя мѣры,—и школы, и новыя формы суда, и предварительное развитіе у народа понятія о правахъ и налагаемыхъ ими обязанностяхъ, и еще многое такое, безъ чего опасна была бы воля. Однимъ словомъ, я привезъ обратно отрицательный отвѣтъ, съ полнымъ убѣжденіемъ поборника, въ принципѣ, этой реформы, что приступать къ ней еще несвоевременно, такъ какъ она въ своихъ послѣдствіяхъ, при настоящемъ положеніи народа, могла бы принести ему болѣе вреда, нежели пользы. Освобожденіе должно было быть концомъ, а не началомъ этого великаго дѣла. И такъ думали у насъ въ то время всѣ положительные практическіе умы. Но исторія распорядилась по своему, и дѣло, начатое съ конца, благодаря духовному народному складу, разрѣшилось благополучно, лишь доказавъ еще разъ, что у насъ даже умные люди, смотря въ западно-европейскіе очки, видѣли свою жизнь и свой народъ только снаружи».

Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 года. Всѣмъ извѣстны тѣ опасенія, которыми сопровождалась въ правящихъ сферахъ подготовка, а затѣмъ и объявленіе крестьянской реформы. Ожидали чуть-ли не поголовнаго возстанія крестьянъ, чуть-ли не всенароднаго бунта. [1]) Ничего подобнаго, конечно, не случилось.

---

[1]) *Г. А. Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ, 5-е изд., стр. 48 и слѣд.

Два документа, печатаемые ниже, относятся къ этому тревожному времени и находятся между собой въ тѣсной связи, хотя одинъ изъ нихъ предшествовалъ манифесту 19 февраля, другой представляетъ собой распоряженіе мѣстной власти послѣ обнародованія освободительнаго манифеста.

17 февраля 1861 года, когда, значитъ, крестьянская реформа приходила уже къ концу, разсмотрѣніе ея было почти закончено въ государственномъ совѣтѣ, былъ уже написанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и проектъ манифеста, подписаннаго затѣмъ императомъ Александромъ II 19 февраля,—канцелярія оберъ-прокурора св. Синода обратилась съ циркулярнымъ письмомъ къ епархіальнымъ архіереямъ, и въ томъ числѣ къ митрополиту кіевскому Арсенію, о принятіи мѣръ съ ихъ стороны, чрезъ священниковъ, противъ неправильныхъ толкованій «мысли объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ». «На духовенствѣ, говорится въ этомъ письмѣ, лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована».

Священники должны были дѣйствовать путемъ увѣщаній, разъясненій, совѣтовъ, не давая своимъ дѣйствіямъ такого вида, какъ будто-бы они особенно назначены были отъ правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ». Причетникамъ было запрещено высказывать свои мнѣнія относительно новыхъ постановленій для крестьянъ. Если-бъ они услышали «между крестьянами толки, неблагопріятные дѣлу и общему спокойствію», то должны объ этомъ доводить до свѣдѣнія священника. «Все указанное здѣсь (т. е. въ циркулярномъ письмѣ) дѣйствованіе приходского духовенства—говорится въ заключеніе—должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію».

Циркулярное письмо это было разослано всѣмъ приходскимъ священникамъ кіевской епархіи.

Второй изъ печатаемыхъ документовъ—циркуляръ управленія кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи.

Манифестъ 19 февраля былъ уже обнародованъ, но Положенія какъ общія, такъ и для отдѣльныхъ мѣстностей, не были еще присланы въ достаточномъ количествѣ въ юго-западный край. Циркуляръ

вкратцѣ излагаетъ основы Положеній 19 февраля съ тѣмъ, чтобы чины земской полиціи могли распространять ихъ въ народѣ и разъяснять могущія встрѣтиться до разсылки Положеній недоумѣнія. «При всѣхъ объясненіяхъ вашихъ (т. е. чиновъ полиціи) съ крестьянами, говорилось въ циркулярѣ, вы будете внушать имъ, что они должны непремѣнно молить Бога за государя, даровавшаго имъ права состоянія, но что только честною трудовою жизнію, уваженіемъ и повиновеніемъ установленнымъ властямъ они содѣлаются достойными оказанной имъ государемъ императоромъ милости».

Циркуляръ этотъ былъ разосланъ также всѣмъ священникамъ кіевской епархіи, при чемъ, по резолюціи митрополита, имъ рекомендовалось «по возможности строго держаться смысла вышепомянутаго циркуляра, но, для собственной безопасности, выражаться самыми терминами онаго, дабы не подать повода къ превратнымъ толкованіямъ ихъ словъ и намѣреній, и чрезъ то избѣжать непріятныхъ для себя послѣдствій».

1. Циркулярное письмо Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода епархіальнымъ архіереямъ. Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! Ваше Высокопреосвященство изволило уже знать, что Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о благѣ своихъ подданныхъ, въ скоромъ времени намѣренъ привести въ исполненіе мысль объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, занимавшую предшествующихъ Императоровъ, но которую, по благимъ судьбамъ Божіимъ, назначено довершить Ему. При этомъ случаѣ на духовенствѣ лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована.

1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ Государствѣ, не рѣдко случается, что оныя не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиною могутъ быть иногда недоразумѣніе, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами, иногда нѣкоторыя дѣйствительныя затрудненія, соединенныя съ новостію дѣла, прежде нежели къ нему приспособились. Подобные случаи могутъ встрѣтиться и при введеніи новаго постановленія объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ. Каждый вѣрноподданый, особенно достигшій

нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ, по мѣрѣ возможности, споспѣшествовать прекращенію недоразумѣнія, ослабленію неправильнаго внушенія, уменьшенію и преодолѣнію затрудненій. Въ исполненіи сей общей обязанности, безъ сомнѣнія, должны принять, по мѣрѣ возможности, участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность къ Государю и повиновеніе начальствамъ, отъ Него постановленнымъ, чтобы неуклонно и добросовѣстно исполняли законныя повинности и платили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки; чтобы, если находятъ себя неправильно отягощенными кѣмъ-либо, или чѣмъ либо, искали защиты и облегченія, каждый по своей нуждѣ, законнымъ путемъ, не распространяя безпокойства въ обществѣ, и съ терпѣніемъ ожидали отъ начальства подлежащихъ распоряженій и дѣйствій правосудія. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ бесѣдахъ, при открывающихся къ тому случаяхъ.

3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой видъ, какъ бы священники особенно назначены были отъ Правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи; но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ.

4) Должно изъяснить крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ Отеческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и Его довѣрія къ ихъ благоразумію, что они трудъ, который отнынѣ болѣе прежняго будетъ зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли, разсудительно и нелѣностно употребятъ для своей и общей пользы. Посему они должны войти въ свое новое положеніе съ благодарностью и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя.

5) Худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенныя надежды могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые

крестьяне найдутъ свое новое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали. Таковымъ надлежитъ изъяснить, что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы поступать по неограниченному произволу, при чемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ. Когда Государь восхотѣлъ даровать новыя права и льготы, тогда Онъ, внимая закону справедливости и Своей Отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не могъ не позаботиться о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помѣщиковъ.

6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать прихожанамъ, какъ размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе о ихъ благѣ и спокойствіи.

7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя изъявленіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ по недостаточному пониманію дѣла, они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отчего могутъ произойти дурныя послѣдствія; во-вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, не благопріятные дѣлу и общему спокойствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія Священника.

8) Все указанное здѣсь дѣйствованіе приходского духовенства должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію.

Испрашивая святыхъ молитвъ Вашихъ, съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства милостиваго государя и архипастыря покорнѣйшій слуга Г. А. Толстой.

---

2. *Циркуляръ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи, разосланный съ резолюціей митрополита духовенству кіевской епархіи.* Высочайшій манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей уже обнародованъ.—Между тѣмъ слѣдующія къ нему

положенія, какъ общія, такъ и отдѣльныхъ мѣстностей, хотя уже Высочайше утверждены, но не могли быть присланы въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для того, чтобы можно было, теперь же, передать ихъ для руководства и исполненія во всѣ помѣщичьи имѣнія, что впрочемъ будетъ сдѣлано въ самомъ непродолжительномъ времени, и положенія будутъ доставлены въ двухъ экземплярахъ, одинъ для помѣщиковъ, а другой для крестьянъ.

Поэтому, и имѣя въ виду, что крестьяне нѣкоторыхъ имѣній, по прочтеніи имъ Высочайшаго манифеста, пожелаютъ имѣть болѣе подробное разъясненіе будущихъ отношеній ихъ къ владѣльцамъ имѣній, въ коихъ они водворены, и станутъ обращаться къ вамъ съ вопросами, или, не понявъ хорошо содержанія манифеста, будутъ превратно толковать опредѣляемыя положеніями права ихъ и обязанности, я считаю нужнымъ изложить въ настоящемъ предписаніи, въ главныхъ чертахъ, опредѣленныя положеніями права и обязанности крестьянъ и дворовыхъ людей, поручая вамъ, впредь до разсылки Высочайше утвержденныхъ положеній, руководствоваться настоящимъ предписаніемъ въ объясненіяхъ вашихъ съ крестьянами, въ случаѣ вопросовъ съ ихъ стороны, или въ случаѣ превратныхъ толковъ о содержаніи манифеста.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ положеній, помѣщики обязаны предоставить водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе усадебную осѣдлость и настоящія нынѣ въ ихъ пользованіи полевыя земли. За пользованіе ихъ усадьбами и землями, крестьяне обязаны отбывать въ пользу помѣщика повинности въ размѣрѣ, подробно опредѣленномъ въ положеніи сообразно качеству и количеству состоящей у каждаго хозяйства земли. Повинности будутъ платиться деньгами (оброкъ), или отбываться работою (барщина); въ послѣднемъ случаѣ отъ крестьянъ будутъ требоваться только пѣшіе мужскіе дни и они не будутъ обязаны отбывать:

1) Женскихъ рабочихъ дней;

2) Мужскихъ тяглыхъ дней (съ рабочимъ скотомъ), въ томъ числѣ и подводъ;

3) Сгонныхъ дней;

4) Строительныхъ дней;

5) Ночнаго караула.

Усадебную осѣдлость крестьяне имѣютъ полное право выкупать въ собственность по цѣнѣ, опредѣленной въ положеніи. По добро-

вольному условію съ помѣщикомъ и съ его согласія, они могутъ по переходѣ на оброкъ выкупить и полевыя земли и въ семъ послѣднемъ случаѣ, по Высочайше утвержденному положенію о выкупѣ, Правительство облегчитъ имъ пріобрѣтеніе земель.

Но даруемыми новыми положеніями, льготами крестьяне не могутъ пользоваться теперь же, ибо для введенія новаго положенія необходимо опредѣлить съ точностью качество и количество находящейся въ пользованіи крестьянъ земли и потомъ съ точностью исчислить причитающіяся за эту землю повинности, для чего каждымъ помѣщикомъ будетъ составлена для его имѣнія уставная грамота, съ подробнымъ въ ней опредѣленіемъ всѣхъ будущихъ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ. Грамота эта будетъ повѣрена на мѣстѣ, съ предъявленіемъ крестьянамъ, утверждена и затѣмъ приведена въ дѣйствіе; со введеніемъ въ дѣйствіе уставной грамоты въ каждомъ имѣніи начнется и отбываніе повинностей по новому порядку. Но какъ для исполненія всего этого потребуется время, то на окончательное введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ назначенъ послѣдній срокъ—двухлѣтній; до введенія уставной грамоты крестьяне должны пользоваться тѣми угодьями, какими пользуются теперь, и отработывать ту же барщину, какую работаютъ теперь, съ тѣмъ однако-жъ облегченіемъ, что, вмѣсто 12 сгонныхъ дней съ каждаго способнаго работника, будутъ работать по 8 сгонныхъ дней, съ платою не менѣе 20 коп. въ день.

Въ положеніяхъ крестьянъ даруются права свободныхъ сельскихъ обывателей личныя и по имуществу; они будутъ имѣть свой собственный судъ и расправу; но какъ для того необходимо прежде образовать волости, избрать сельскихъ должностныхъ лицъ и судей, то, до исполненія сего, дабы не могъ нарушиться порядокъ въ отчинахъ, право суда и расправы сохраняетъ помѣщикъ.—Вмѣстѣ съ обнародованіемъ положенія, крестьянамъ дается право вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія помѣщика, и пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества.

Для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникать изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и, водворенными на ихъ земляхъ, крестьянами—будутъ избраны и утверждены Правительствующимъ Сенатомъ мировые посредники, къ которымъ крестьяне и должны обращаться съ своими претензіями. Для разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія мировыхъ посредниковъ учреждаются въ

каждомъ уѣздѣ уѣздные мировые съѣзды и, наконецъ, Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора.

Дворовые люди, со дня изданія положенія, въ теченіи двухъ лѣтъ должны: тѣ, которые служили у помѣщика, служить ему по прежнему, за что помѣщикъ обязанъ одѣвать, кормить, платить за нихъ подати и выдавать жалованье, не ниже положеннаго по инвентарнымъ правиламъ; тѣ же, которые были на оброкѣ, платить помѣщику въ теченіи двухъ лѣтъ оброкъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы оброкъ этотъ не превышалъ 30 руб. для мужчины и 10 руб. для женщины: но тѣ дворовые, которые платятъ теперь меньше, должны платить теперешній меньшій оброкъ и таковой не можетъ быть увеличенъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ дворовые люди должны оставаться въ полномъ повиновеніи помѣщику, съ тѣмъ однакожъ ограниченіемъ, что они могутъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, и помѣщикъ въ случаѣ проступковъ, для наказанія будетъ отсылать ихъ въ Полицію и не можетъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учрежденія, отдавать ихъ въ исправительныя заведенія и въ распоряженіе Правительства.

По истеченіи двухъ лѣтъ дворовые люди получатъ полное освобожденіе.

Изъ вышеизложеннаго ясно выказывается Всемилостивѣйшая заботливость о сохраненіи, при введеніи реформы, пользъ помѣщиковъ и крестьянъ. Для помѣщиковъ установленіемъ двухлѣтней обязательной службы дворовыхъ людей и опредѣленіемъ срока для постепеннаго введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній устраняется опасеніе разстройства ихъ хозяйствъ; крестьянамъ даруются теперь же нѣкоторыя льготы и личныя права и тѣмъ облегчается имъ ожиданіе болѣе существенныхъ льготъ, которыми начнутъ пользоваться: крестьяне по введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, а дворовые люди черезъ два года со дня изданія положенія. Наконецъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о выкупѣ. помѣщикамъ и крестьянамъ облегчается возможность достигнуть прекращенія обязательныхъ отношеній и крестьянамъ сдѣлаться собственниками земель.

При всѣхъ объясненіяхъ вашихъ съ крестьянами вы будете внушать имъ, что они должны непрестанно молить Бога за Государя, даровавшаго имъ права состоянія, но что только честною трудовою

жизнію, уваженіемъ и повиновеніемъ установленнымъ властямъ они содѣлаются достойными оказанной имъ Государемъ Императоромъ милости.

На отношеніи Г. Генералъ-Губернатора, при коемъ препровождено было сіе циркулярное предписаніе Земскимъ Чиновникамъ, резолюція Его Высокопреосвященства состоялась слѣдующая: приложенный при семъ циркуляръ въ точныхъ копіяхъ разослать немедля къ Благочиннымъ, для раздачи подвѣдомымъ имъ Священникамъ, съ оставленіемъ по одному экземпляру у себя, съ тѣмъ, чтобы они какъ сами, такъ и состоящіе въ ихъ вѣдомствѣ Священники, приняв оный къ своему свѣдѣнію и соображенію, и въ частныхъ разговорахъ съ своими прихожанами и даже посторонними лицами, и еще болѣе въ своихъ наставленіяхъ, увѣщаніяхъ и объясненіяхъ прихожанамъ, по дѣлу Высочайше дарованныхъ имъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, старались, по возможности, не только строго держаться смысла вышеупомянутаго циркуляра, но для своей безопасности, и выражаться самыми терминами онаго, дабы не подать повода къ превратнымъ толкованіямъ ихъ словъ и намѣреній, и чрезъ то избѣжать непріятныхъ для себя послѣдствій.

Подольская пѣсня о панщинѣ. Лѣтъ десять тому назадъ прислалъ намъ, въ даръ, недавно умершій М. Т. Симоновъ (да будемъ ему земля перомъ) связку разной бумажной старины. Въ этой связкѣ, между прочимъ, находилась тетрадь въ листъ, наполненная разнаго рода произведеніями искусственной и народной малорусской литературы. Тутъ есть: колядки, переводъ комедіи Мольера *Le medecin malgré lui*, „Палій, драматичні сцены“ (неизвѣстнаго автора), переводъ «Вія», Гоголя, „Характерникъ“, сцены для театра, переводъ „Генриха IV, часть II‘ и разная мелочь. На тетради рукою Матвѣя Терентьевича надписано: „Все это труды Вита Андреевича К—ва, помѣщика с. Гуляй-Поля, на р. Гайчурѣ, Александровскаго уѣзда. Я получилъ рукопись отъ самаго К—ва, въ 1865 году“. Въ числѣ мелочей, въ этой тетради записаны и двѣ „пѣсни“ о панщинѣ. Поминая нынѣ сорокалѣтіе освобожденія крестьянъ отъ этой „панщины“, вспомнились и эти пѣсни. Одна изъ нихъ начинается такъ:

Не дывуйте, добри люде, що мужыкъ гуляе,
Винъ господарь зъ ласки Бога и панъ его знае.
Маю плуга, маю рало и все що потрибно.
Заграйте жъ мени зъ горя шумкы, тилько дуже дрибно.
Натягнувся жъ я косою, намахався ципомъ,
Прыгнавъ же я зъ лиса волы, якъ ще передъ свитомъ.
Теперъ мене запросылы кумъ на честь до себе,
Грай же мени хорошенько, колы прошу тебе!
Теперъ же я не боюся ни пана, ни війта,
Оддавъ свою рокивщыну, ще й одробывъ квита [1])
Въ мене жинка господыня и дитки хороши.
Заказнище встаетъ рано, ходитъ пидъ виконцемъ,
Загадуе на панщиву передъ сходомъ сонця,
А полевій не вважаетъ на снасть, на худобу,
Беруть хлопа зъ окономомъ, сыплють ему бобу.
Хочъ насъ паны бьють у-шкуру, то не справедливо:
Якъ бы жъ мужыкивъ не було, щобъ паны робылы?—
И т. д.

Далѣе не продолжаемъ, находя, что это не пѣсня народная, а сочиненіе какого нибудь книжника, близко стоявшаго къ Подольскому крестьянину.—Другую пѣсню помѣщаемъ вполнѣ; повидимому, это произведеніе народа. Подобнаго склада пѣсни извѣстны были и въ лѣвобережной Малороссіи [2]).

Ой, судома, пане-брате,
Судома, судома!
Нема въ мене снопка жыта
Ни въ поли, ни дома.

—

Було въ мене, пане-брате,
Жыто, да й зелене,
Найихалы вражы паны
Забралы у мене.

—

[1]) Мае квитокъ, що й на будущи дня одробывъ панщину. *Примѣч. записывавшаго.*

[2]) См. Кіевск Стар. 1899 г., апрѣль, стр. 6.

Якъ пишовъ же я до пана
Поминатысь платы,
То винъ мене набывъ добре,
Да ще й выпхавъ зъ хаты.

—

А якъ сталы полискіи
Панкы заиздыты,
Такъ же сталы нашы люде
Панщыну робыты.

—

Ходывъ же я въ понедилокъ,
Ходывъ у вивторокъ:
А вже жъ мени показалось,
Що вже недиль сорокъ.

—

А въ недилю пораненько
У вси дзвоны дзвонять,—
Отаманы зъ козакамы
На панщыну гонять.

—

„Зъ ципомъ, зъ ципомъ, вражый сыну,
Зъ ципомъ—молотыты,—
Бо якъ прыйдешъ до выпысу,
То ще будешъ бытый.

—

„Сыны зъ ципомъ, сыны зъ ципомъ,
А батько зъ косою,
Стара маты жъ—на ланъ жаты
Рано и зъ дочкою.

—

„Ярыны по пивторы [1])
А озими—копу".
Треба добре увыхатысь
Хочъ якому хлопу.

—

[1]) Пивторы копы.

Паровіи [1]), поедынкы [2])
Высоко ся носять:
Якъ свято, або недиля,
То сыровець возять [3]).

—

А пишіи неборакы
Хаты замиталы;
Якъ свято або недили,
Зъ хативъ повтикалы [4])

—

А ти же то отаманы
Мають въ пана ласку:
Зъ чоловика беруть штаны,
А зъ жинкы запаску.

—

А якъ би жъ ти пиши люде
Горилкы не пылы,
То бъ идучы зъ винокурни
По лисахъ ходылы.

—

По всихъ горахъ витеръ вые,
А въ долыни тыхо,
По всихъ селахъ нема добра,
И въ насъ таке жъ лыхо.

—

Ой у насъ же лыхо, лыхо,
Да ще й трохы гáраздъ:
Якъ не выйдешъ на панщыну
Протягають заразъ.

—

---

[1]) Що мають 6 паръ воливъ

[2]) Одну пару воливъ мають.

[3]) У виннецю, щобъ маты будень для себе, одробывшы панщыну въ свято або въ недилю.

[4]) Щобъ на панщину не з'їхали. (Такъ пивець додавъ, чого я не тямивъ).

Еденъ бере за головку,
А другый за нижкы,
Третій же то стоить зъ боку
Да маеть три ризкы.

—

Въ концѣ пѣсенъ имѣется такое примѣчаніе: «Плавни. 1862 року, липець. Си дви письни про панщину занесены у Плавни зъ подольской губерніи. Записалъ С. Козубенька» [1]).

Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. Огромное и глубокое озеро Свитязь [2]) находится въ сѣверо-западномъ углу Владиміръ-Волынскаго уѣзда, близъ границы губерній Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Волынской. Длина его достигаетъ $8^1/_2$ верстъ, ширина—до 6-ти верстъ. Вокругъ него, довольно въ далекомъ разстояніи, находится цѣлая группа другихъ озеръ, меньшихъ размѣровъ: на сѣверо-западѣ озера—Пулемецкое, Островское, Климовское и Черное; на сѣверѣ: озера—Луки (Перемутъ) и Песочно; на сѣверо-востокѣ: озера—Крымно, Сменецъ, Карасинецъ, Плотичье; на востокѣ: озера—Накрапье, Пьявочное, Долгое, Круглое, Черное, Люцемѣръ; на югѣ—озеро Линовецъ. Многія изъ перечисленныхъ озеръ связаны съ болотами; глубина ихъ б. ч. незначительная. Среди этой группы озеръ Свитязь отличается какъ своими размѣрами и глубиною, такъ и особенными свойствами своей воды. На юго-западѣ Свитязь образуетъ довольно мелкій заливъ Бужно, на юго-востокѣ—извилистый и глубокій заливъ Лука. На сѣверо-западномъ берегу Свитязя расположено довольно значительное селенье Пульмо (въ немъ въ 1898 году по «Списку насел. пунктовъ» Волын. статист. комитета числилось 205 дворовъ и 1703 чел. жителей,—795 мужч. и 908 женщ.), гдѣ находится волостное правленіе; на южномъ берегу—еще бо́льшее село Свитязь (400 дворовъ и 2041 чел. жителей,—889 мужч. и 1152 женщ.). Берега озера Свитязя б. ч. невысоки; только

---

[1]) Что такое *Плавни* (днѣпровскія) см. въ журн. «Русское Судоходство» 1887 г. №№ 13—19

[2]) Въ настоящее время принадлежитъ М. И. Драгомирову.

на западномъ берегу, сѣвернѣе залива Бужно, находится песчаная «Татарская гора» (абсол. высота 78,9 саж., относит. высота надъ уровнемъ озера около 4 саж.), а на восточномъ берегу, саженяхъ въ 200 отъ озера, безъимянная песчаная гора съ абсол. высотой 81,8 саж. (относит. высота надъ уровнемъ озера около 7 саж.).

Въ 1900 г. мною произведено подробное лимнологическое изслѣдованіе озера Свитязя. Изслѣдованіе это показало, что озеро Свитязь, импонирующее своей огромной величиной и мощной массой своей воды, замѣчательно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Берега его и дно сложены изъ бѣлаго мѣла, прикрытаго песчаными ледниковыми отложеніями. На югѣ и западѣ отъ озера пески слоистые, безвалунные; на сѣверѣ и востокѣ они содержатъ валуны (частью—пирамидальные валуны), иногда огромныхъ размѣровъ; громадные валуны лежатъ также полосою на днѣ Свитязя, у восточнаго его берега, достигая болѣе сажени въ діаметрѣ. Лѣса вокругъ Свитязя вырублены; они сохранились болѣе или менѣе лишь на сѣверо-восточной и юго-западной его сторонахъ. «Татарская» гора представляетъ обнаженный холмъ, интенсивно развѣваемый вѣтромъ; по преданію, она была въ старину гораздо выше; при преобладающихъ здѣсь западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ цѣлыя тучи песку съ этой горы несутся въ озеро, особенно въ заливъ Бужно, сильно засоренный пескомъ и потому мелководный. Вода въ Свитязѣ замѣчательно чистая, свѣтлая и прозрачная, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ воды всѣхъ остальныхъ сосѣднихъ озеръ, что замѣчено и мѣстными жителями. Въ тихую погоду озеро имѣетъ интенсивно-синій цвѣтъ; въ бурю оно дѣлается чернымъ, а мелководныя прибрежныя полосы—грязнозелеными отъ взмучиваемаго песка. Въ мелкихъ мѣстахъ на днѣ озера растетъ много водяныхъ растеній («зелья») и камыша. Изслѣдованіе воды по способу Секки показало, что она обладаетъ значительной степенью прозрачности, которая, по словамъ мѣстныхъ рыбаковъ, еще увеличивается зимою, такъ что можно видѣть мелкіе предметы на глубинѣ 5 и болѣе саженъ. Волненіе на озерѣ Свитязѣ представляетъ величественную картину: волны въ видѣ валовъ, съ пѣнистыми бѣлыми гребнями («зайчиками»), достигаютъ вышины $1^1/_2$ и болѣе аршина и съ ревомъ обрушиваются на берегъ, напоминая бурю на морѣ. Волненіе чаще всего бываетъ при западномъ вѣтрѣ (съ Татарской горы) и длится не менѣе недѣли; мѣстные жители говорятъ, что предъ волненіемъ «Татарська гора гуде». Въ озерѣ ловится огромное

количество рыбы; невода достигаютъ въ длину до 1000 саженъ и вѣсятъ (въ намокшемъ состояніи) до 400 пудовъ; большія лодки рыбаковъ имѣютъ въ длину 14 аршинъ, въ ширину $3^1/_4$ аршина (по срединѣ) и подымаютъ до 600 пудовъ; всѣ лодки плоскодонныя. Слѣдовъ усыханія на озерѣ незамѣтно,—даже напротивъ, оно становится все многоводнѣе и начало недавно затоплять свои берега (въ селѣ Свитязѣ дошло уже до фундамента церкви), такъ что въ 1887 году мѣстными крестьянами, по собственной ихъ иниціативѣ (съ разрѣшенія администраціи), прорытъ былъ каналъ, сообщающій оз. Свитязь (на сѣверѣ) съ оз. Перемутъ. На работу вышли *поголовно* всѣ крестьяне 3 селеній и прокопали каналъ (длиною около 3 верстъ, шириною внизу $4^1/_2$ арш., глубиною болѣе $1^3/_4$ сажени) *въ одну ночь*; такая торопливость вызвана была опасеніемъ сопротивленія со стороны крестьянъ сосѣдней волости, по землямъ которыхъ частью прошелъ каналъ, и со стороны арендатора озера, боявшагося ухода рыбы изъ Свитязя въ Перемутъ. Послѣ открытія канала вода съ ревомъ устремилась въ оз. Перемутъ и уровень ея въ Свитязѣ понизился болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ сажени (что хорошо замѣтно нынѣ въ селѣ Свитязѣ, у церкви). Каналъ существуетъ и въ настоящее время; по моимъ измѣреніямъ, черезъ него уходитъ изъ озера Свитязя 923 тысяча ведеръ воды въ сутки. Этотъ каналъ—единственный истокъ озера; притоковъ у него нѣтъ и тѣмъ не менѣе уровень его не понижается, даже и въ засушливые годы. Глубина озера весьма неравномѣрна; на днѣ его есть «горы» и «ущелья»; болѣе замѣчательныя „горы“ носятъ названія «Скитская гора» (наименьшая глубина $2^1/_2$ метра=3,6 арш.), „Куцкая“ (глуб. 7 м.=10 арш.), «Тучная» (глуб. 2 м.=2,8 арш.), «Жищеная» (глуб. 3 м.=$4^1/_3$), «средняя» (глуб. 1,3 м.=1,8 арш.), «Герешева» (глуб. 2,55 м.=3,37 арш.), «Грищеня» (глуб. 3 м.=$4^1/_3$ арш.) и «Черевицкая» (глуб. 3 м.=$4^1/_3$ арш.). Изъ «ущелій» или впадинъ съ очень крутыми склонами (понижающимися «залпомъ», по выраженію рыбаковъ) самая замѣчательная воронкообразная впадина находится къ с.-с.-з. отъ острова; по моему измѣренію глубина здѣсь достигаетъ *27 саженъ* или *$56^1/_4$ метровъ*, но нѣтъ сомнѣнія, что глубина этой воронки больше (вслѣдствіе сильнаго волненія я не могъ стать на якорѣ и разыскать точки наибольшей глубины, которая, по согласному показанію мѣстныхъ рыбаковъ, значительно превосходитъ 30 саженъ). Температура воды на этой глубинѣ 9° Ц. (на поверхности озера въ моментъ измѣренія 22° Ц.).

Посреди озера Свитязя находится небольшой песчаный островокъ, поросшій деревьями; на немъ—развалины какой-то хаты, разрушившейся въ незапамятныя (но во всякомъ случаѣ—историческія) времена; вокругъ островка—мель, густо заросшая высокимъ камышомъ. Никакихъ остатковъ доисторическаго человѣка ни на островкѣ, ни на мелях вокругъ него (подробно мною обслѣдованныхъ), на на выше «горахъ» (гдѣ могли существовать свайныя постройки), ни на берегахъ озера Свитязя—нѣтъ; [1]) по разсросамъ, здѣсь нигдѣ не находили каменныхъ орудій; однажды лишь вытащили неводомъ рога оленя (болѣе сажени въ поперечникѣ) и огромный черепъ неизвѣстнаго звѣря (судя по разсказамъ,—мамонта), но эти находки, какъ ненужныя, брошены въ озеро.

Подробное изслѣдованіе озера Свитязя (которое будетъ опубликовано съ батиметрической картой въ журналѣ «Землевѣдѣніе», издаваемомъ Москов. Обществомъ Любит. Естествознанія, Антроп. и Этногр.) привело меня къ убѣжденію, что озеро это по своему происхожденію—очень оригинальное; оно образовано не ледниковой эрозіей и не эворзіей (какъ это принимаютъ для большинства озеръ сѣверо-германской озерной полосы), оно не принадлежитъ ни къ „Stauseen", ни къ «Rinnensеen» германскихъ геологовъ, хотя и находится у конечной морены великаго ледника. Въ образованіи его принималъ участіе и ледникъ (I-ой ледниковой эпохи), но первоначально и на первомъ планѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ могучимъ ключамъ подмѣловой артезіанской воды, прорывающимся и нынѣ въ двухъ воронкообразныхъ впадинахъ на днѣ озера и въ одномъ мѣстѣ на зап. берегу залива Бужно. Эти могучіе ключи (самобытные артезіанскіе ключи) питаютъ озеро, покрываютъ расходъ воды въ вышеупомянутомъ каналѣ (923 тысячи ведеръ воды въ сутки или коло 337 милліоновъ ведеръ въ годъ) и тождественны съ описанными мною въ 1899 году „Полѣсскими окнами" Луцкаго уѣзда; [2]) подобно послѣднимъ, образованіе ихъ находится въ связи съ крупными тектоническими перемѣщеніями въ земной корѣ (съ такъ наз. Мани-

[1]) На Татарской горѣ и на высокой горѣ восточнаго берега Свитязя мною собрано въ пескѣ значительное количество черепковъ глиняной посуды, повидимому, очень древней.

[2]) *И. Тутковскій.* Полѣсскія «окна», —Землевѣденіе 1899 г., кн. IV, стр. 29—82.

шлакско-Сандомирской дислокаціей). Подобные ключи, какъ оказывается, играютъ значительную роль въ гидрологіи Полѣсья, еще очень мало изученной, несмотря на пресловутыя обширныя работы экспедиціи ген. Жилинскаго.

Во время моихъ изслѣдованій на озерѣ Свитязѣ я собралъ нѣсколько народныхъ преданій, относящихся къ озеру; преданія эти приводятся здѣсь въ томъ видѣ, какъ они записаны мною со словъ мѣстныхъ крестьянъ [1]) (здѣшніе крестьяне говорятъ на довольно чесвомъ малорусскомъ языкѣ и по одеждѣ непохожи на полѣщуковъ-бѣлоруссовъ).

П. Т.

1. *Преданіе и происхожденіи озера Свитязя.*

Паслы пастухы быдло на лузи. Йшовъ цидъ (а це бувъ Богъ), и на ёго почавъ собака брехаты. Меньшы пастушкы почалы нацюкуваты, а бильшіи почалы одганяты. Винъ на тіи меньши каже: вы йдить за мною. И завивъ ихъ до камеця велыкого и каже: пидіймайте того камеця. Воны почалы пидійматы,—кажуть, що не можна. А винъ каже: а я пидійму. Взявъ—кіемъ заважывъ, и почала вода йты зъ пидъ того камеця и стало озеро (Свитязь),—тіи малыи потонылыся. А на бильшыхъ хлопця та дивчыну каже: и вы йдить за мною, тилько не оглядайтесь. Воны йшлы, шлы, та не втерпилы—оглянулысь,—на тимъ мисти взявся островъ, а воны сталы яворъ та лыпа на острови. Того явора якъ зарижуть, то кровъ йде; и лыпа такъ само.

2. *Преданіе о кладѣ водяного.*

Поставывъ мужыкъ нову хату въ Пульми. И полягають спаты у хати, а попробуджуются на двори: хтось ихъ выносыть зъ хаты. Оце разъ прыйшовъ до ныхъ поводырь зъ вецмедемъ, ставъ просыться на ничъ. Хазяинъ каже: у насъ не можна ночуваты, бо у насъ неспокій такъ, каже, якъ мы полягаемо спаты въ хати, я попробуджуемося на двори. Тоди винъ каже: йды до коваля, зробы скобля и прывъя-

---

[1]) Еще въ 1899 году, во время перваго посѣщенія Свитязя, ямщикъ (изъ с. Шацка) разсказалъ мнѣ преданіе о происхожденіи озера Свитязя, вполнѣ сходное съ легендой, положенной въ основу извѣстной поэмы Мицкевича «Switez»; къ сожалѣнію, тогда это преданіе не было мною записано.

жемо ведмедя коло дверы. Того ведмедя прывъязалы до двери и полягты спаты. Ажъ въ ночи той, що ихъ выносывъ зъ хаты, прыйшовъ—тай похотывсь на того ведмеди; воны почалы боротыся. А поводырь каже до хазяина: чы ты чуешъ, що тамъ робытся? Той каже: чую. Боролыся воны довго. Ажъ заспивалы пивни—и винъ зибрався, пишовъ. Писля зайихавъ мужыкъ на озеро, на Свитязь по рыбу. Хтось ёму зъ воды каже: Грыцю, а злапавъ добру кыцю? (намекъ на медвѣдя).—Злапавъ, каже, але отъ рыбъ наловлю и другую таку куплю. Винъ каже: буде зъ тебе и теп. Не жалуй, каже, що ты хату новую поставывъ; розверны хату и розберы пичъ; тамъ пидъ пичью е така, каже, сума (сумма), що буде и тоби и дитямъ твоимъ. (А це богатый чоловикъ утопывся въ Свитязи и ходывъ довидуваться до своихъ грошей, ёму жалько було сумы). Мужыкъ розвернувъ хату и взявъ грошы.

3. *Преданіе о заколдованныхъ деньгахъ.*

На Татарській гори йшло тры мужыкы зъ лыкамы и дывлются—щось таке блыщыть. Йиденъ забрався—побигъ, а тіи забачылы—и соби. Колы-бъ бувъ йиденъ бигъ, то може-бъ воны булы на мисци лежалы (а то грошы зъ-пидъ земли выйшлы пересушуваться). Воны якъ зачалы вси бигты—и тіи грошы поховалыся. И якъ зачалы гребты писокъ, выгреблы 6 рублей.

4. *Еще преданіе о заколдованныхъ деньгахъ.*

Мужыкъ зайихавъ жыто жаты и коло ёго дывчина мала ходыла. Вона зайде надъ озеромъ, набере грошей-червонцивъ, та й каже: тату, у мене е хороши черепкы. А винъ каже: ну тебе, ъ твоимы черепкамы! Вона ще другый разъ каже: тату, у мене е хороши черепкы. Винъ каже до неи: но, покажы. Вона показала—а то грошы. Ну, каже, заведы мене, де воны. Дывчына ёго завела до озера. Дывыся винъ—плавае на Свытязи скрынька, повна червонцивъ. Якъ хтивъ винъ протягты руку, набраты тыхъ грошей,—скрынька сама зачынылася та й поплыла на озеро.

5. *Варіантъ предыдущаго преданія.*

Разъ коло Лукы (заливъ) хлопци пàслы гусы, але бачуть—щось плыве, кишъ не кишъ (корзина для перевозки живой рыбы), скрыня—

не скрыня. Ажъ пидплывае блыжче—а то зализный котелъ а въ нёму сяють червонци. Хлопци пидійшлы, нагорнулы въ запилъ и пійшлы до-дому. Якъ побачылы батько и маты, що це гроши, такъ и побиглы до озера зъ цихою (большой мѣшокъ). Але якъ протяглы рукы, щобъ нагорнуты гроши,—якъ хлясне вичко, такъ и поотбывало рукы. А котелъ заразъ пурнувъ у воду. Тыхъ грошей нихто не посонкае (не воспользуется).

6. *Преданіе о холерѣ.*

Колысь бувъ страшный помóрокъ на людей и на скотыну. Але разъ до йидного мужыка приходыть въ вечери нибы пани и просыться на ничъ. Мужыкъ довго не змагався—и позволылъ переночуваты. На другій день пани просыть, щобъ перевизъ ій черезъ озеро. И якъ йихалы, зирвалась шура, побыло човна, и цяя пани насылу вхопылась на плечы парубкови. А винъ бувъ здоровый и доплывъ до другого берега. Вона тоди каже: вже до страшного суду я не буду въ Свитязи. Якъ сказала—мыгнула якъ блыскавка—и не стало. (У жителей села Свитязи есть повѣрье, что холеры у нихъ никогда не будетъ).

7. *Преданіе о колоколѣ.*

Ловылы два мужыкы неводомъ рыбу коло острова. И выдобулы неводомъ щось важкè. Дывлются—а то дзвинъ велыкый. Давай, каже йиденъ, отдамо до церквы. Ни, каже другый, мерщій занеземъ до кóрчмы та проньемо. Якъ сказавъ винъ про корчму, дзвинъ забрався и пишовъ самъ назадъ въ озеро. Тилько ёго и бачылы.

8. *Варіантъ того же преданія.*

А ще за старо вытяглы неводомъ дзвона и постановылы ёго на леду и сталы радытысь, що зъ нымъ зробыты. Рыбакы поралылы раду и кажуть: подаруймо ёго до церквы. А жыдъ—рендаторъ не хтивъ даромъ виддаты до церквы, а хтивъ продаты. И якъ мицно засварылысь—якъ лясне лидъ! И дзвинъ пишовъ на дно. Съ теи поры ни разу вже не бачылы, тилько чуты бувае, якъ щось гудé пидъ водою.

9. *Преданіе о сомѣ.*

Сомы́ бувають въ Свытязи безъ кинця, безъ миры. Разъ якъ поивъ мужыкъ волы на шнурци, сомъ схопывъ ёго за ногу; але волы якъ рванулысь до берега—и вытяглы мужыка и зъ сомомъ.

Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. *(Архивная справка)* [1]). Въ м. Златополѣ Кіевской губ. уже въ 30-тыхъ годахъ истекающаго столѣтія обстоятельства благопріятствовали открытію средняго учебнаго заведенія, какъ мужскаго, такъ и женскаго.

Въ 1830 г. учрежденъ былъ иностранцемъ людвигомъ Вильетти частный мужскій пансіонъ, состоявшій изъ пяти классовъ и подготовлявшій учениковъ къ поступленію не только въ Гимназіи, но и въ высшія учебныя заведенія. Въ 1836 г., благодаря щедрому пожертвованію владѣльцевъ м. Златополя Лопухиныхъ, Петра и Адріана Федоровичей, было учреждено тамъ Уѣздное Дворянское училище, и всѣ воспитанники пансіона Вильетти составили приготовительный и три основные класса этого училища, продолжая жить въ Вильетти, который назначенъ былъ учителемъ французскаго яз. у училищѣ.

Въ архивѣ Златопольской гимназіи сохранились кое-какіе слѣды существованія въ м. Златополѣ и женскихъ пансіоновъ. Такъ, въ самый годъ открытія Уѣзд. Двор. училища штатному смотрителю его пришлось исполнять распоряженіе Попечителя Округа о закрытіи женскаго пансіона маіорши Данилевской, которая, задолжавши 396 р. помѣщику Нечаю, представившему при жалобѣ своей росписку маіорши на эту сумму, не могли, очевидно, справиться съ матеріальными затрудненіями.

Въ то же самое время французская подданная Елисавета Перримондъ ходатайствовала о дозволеніи ей открыть женскій пансіонъ въ м. Златополѣ, но представленный ею планъ, какъ не соотвѣтствую-

---

[1]) Назначенный въ 1886 г. инспекторомъ Златопольской Гимназіи наканунѣ празднованія ею 50-тилѣтія своего существованія—сначала въ видѣ уѣзднаго Дворянскаго училища, и затѣмъ Прогимназіи,—я съ особымъ удовольствіемъ занялся, согласно порученію Педагогическаго Совѣта, составленіемъ Исторической записки, при чемъ использовалъ весь имѣвшійся въ архивѣ матеріалъ. А матеріалъ этотъ представлялъ значительный интересъ для мѣстной исторіи. Къ сожалѣнію, при напечатанной въ іюлѣ 1887 г. моей «Исторической запискѣ», по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, не было напечатано самое цѣнное и обширное приложеніе къ ней—свѣдѣнія о служившихъ въ заведеніи лицахъ, свѣдѣнія, тщательно мною собранныя главнымъ образомъ изъ архивныхъ данныхъ, частію же по воспоминаніямъ мѣстныхъ старожиловъ. Надо думать, что современемъ Гимназія найдетъ средства для напечатанія и этого приложенія

Въ училищномъ архивѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія и о женскихъ пансіонахъ, которые были подчинены училищному начальству. Эти-то свѣдѣнія я и сообщаю въ настоящей «справкѣ».

щій § 309 Устава 1828 г., не былъ утвержденъ. Только въ декабрѣ 1837 г. г-жа Перримондъ, принявъ русскоа подданство, получила свидѣтельство на право обученія въ частныхъ домахъ чтенію и письму на французскомъ яз., а къ тому времени послѣдовало и разрѣшеніе г. Министра Нар. Пр. открыть ей въ м. Златополѣ женскій пансіонъ на степени Гимназіи. Пансіонъ, по плану, состоялъ изъ трехъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ, и съ преподаваніемъ, кромѣ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, еще и языка польскаго. Плата отъ полныхъ пансіонерокъ предположена въ 600 р. (безъ танцевъ и музыки) и отъ полупансіонерокъ 300 р.

Одновременно съ г-жей Перримондъ хлопотала о разрѣшеніи открыть въ м. Златополѣ «училище для дѣвицъ средняго состоянія» и капитанша Настасія Никифоровна Протокинская. При прошеніи своемъ къ директору училищъ кіевской губ. она приложила свидѣтельство предводителя дворянства Чигиринскаго уѣзда о знаніи ею русскаго яз. и рукодѣлья и способности ея обучать имъ дѣтей. Но директоръ увѣдомилъ просительницу, что представленная ею программа училища «не сообразна съ законными требованіями относительно частныхъ учебныхъ заведеній»,—а свидѣтельство предводителя дворянства не даетъ ей права на преподаваніе.

Тогда она подала прошеніе штатному смотрителю училища о допущеніи ея къ испытанію, которому и подвергалась въ училищѣ и получила свидѣтельство о достаточныхъ показаніяхъ въ русскомъ яз. и ариѳметикѣ. Свидѣтельство это признано было однако не достаточнымъ и за выдачу его сдѣлано было смотрителю замѣчаніе съ предписаніемъ выслать о произведенномъ испытаніи условленный протоколъ, подписанный всѣми членами Педагогическаго Совѣта. Смотритель оправдывался тѣмъ, что при училищѣ нѣтъ «Положенія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ», Высочайше утвержденнаго 1 іюля 1834 г., и просилъ присылки такового. Одинъ экземпляръ этого «Положенія» и былъ присланъ изъ дирекціи, но—на французскомъ яз. Видно, что Протокинской такъ и не удалось открыть «училища для дѣвицъ средняго состоянія». Пансіонъ же г-жи Перемондъ уже въ первый годъ своего существованія имѣлъ 32 учащихся, въ томъ числѣ 27 дворянокъ и 5 дѣвицъ купеческаго званія. Кромѣ учителей Уѣзд. Дворян. училища, въ пансіонѣ преподавали: сама содержательница—французскій яз., а иностранецъ Маркъ Бенистъ—нѣмецкій яз.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1838 г. учащихся въ пансіонѣ было 39. Но въ слѣдующемъ 1839 г. г-жа Перримондъ умерла, и пансіонъ былъ закрытъ. Только въ іюлѣ 1850 г. возникаетъ новый женскій пансіонъ уже на степени уѣзднаго училища. Открыла его жена коллежскаго ассесора Анна Велькоборская съ платою по 172 р. въ годъ. Въ первый годъ существованія этого пансіона учащихся въ немъ было 37, но затѣмъ въ 1852 г. ихъ было уже 60, въ томъ числѣ православныхъ 39, католиковъ 17 и лютерановъ 4, а въ 1855 г. учащихся 64. Но и этотъ пансіонъ просуществовалъ не долго: 29 октября 1856 г. Велькоборская умерла, надзоръ за воспитанницами и содержаніе ихъ до времени отъѣзда ихъ въ дома родителей поручено было классной дамѣ Александрѣ Константиновнѣ Тархановой, и затѣмъ пансіонъ былъ оффиціально закрытъ въ декабрѣ. Пыталась затѣмъ учредить въ м. Златополѣ женскій пансіонъ, но неудачно, нѣкая Александра Онисимовна (фонъ) Парфиновичъ, née Кадушкина, дочь отставного подпоручика, жена австрійско-подданного. Начала она свою педагогическую дѣятельность съ доноса, подавши 7-го октября 1858 г. штатному Смотрителю училища жалобу, что-де «она съ разрѣшенія г. Министра Нар. Просв. прибыла въ м. Златополь для открытія пансіона, и на проѣздъ и усмиреніе понесла большіе расходы», а ученицъ нѣтъ «по тому случаю, какъ я нынѣ узнала, что въ с. Водяной Звенигородскаго уѣзда открытъ помѣщицей Каминскою пансіонъ, на что она не имѣетъ вовсе права». Возникла переписка, становой приставъ производилъ дознаніе, по которому оказалось, что у помѣщицы Каминской имѣется пять дочерей и двѣ племянницы, которыя и учатся вмѣстѣ дома. Тѣмъ не менѣе 23 августа 1859 г. назначено было открытіе пансіона г-жи Парфиновичъ (née Кадушкиной) изъ трехъ классовъ, но, видно, учениць этотъ пансіонъ на привлекъ: въ декабрѣ 1861 г. въ немъ было 13 полныхъ и 3 полупансіонерки, а больше свѣдѣній о немъ въ «дѣлахъ» и не имѣется.

А. А.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *1) Вертопрахъ въ костелѣ.* Въ 1837 году, въ день празднованія Божьяго тѣла, въ Голованевскѣ, какъ донесъ засѣдатель Балтскому Земскому суду, въ костелѣ «среди литургіи и пѣнія священства явился помѣщичій сынъ

селенія Катеринки, Владиміръ Д., съ усами, подбородкомъ подшею и бородою шпанкою, который въ странномъ костюмѣ семъ во мѣсто колѣнопреклоненія и благовѣнія при поднесеніи священникомъ чаши, въ видѣ вертопраха обращался какъ на коловраткѣ, и, измѣняя съ минуты на минуту позыцію свою, наконецъ раздѣлся и шинель свою, сшитую заграничною модою, бросилъ съ небрежностію на лавки».

По свѣдѣніямъ, имѣющимся у засѣдателя, Д. и съ родителями обращается неблагопристойно, а потому Земскій Судъ полагаетъ произвести слѣдствіе, при депутатѣ со стороны р.-к. духовенства, съ повальнымъ обыскомъ.

Но графъ Гурьевъ предписалъ разысканіе прекратить, уволивъ засѣдателя отъ должности за явное пристрастіе.

—

2) Бердичевскій полиціймейстеръ о помѣщикахъ, прибывшихъ на ярмарку. Въ іюнѣ 1838 года Бердичевскій полиціймейстеръ рапортовалъ Генералъ-Губернатору о томъ, что во время бывшей ярмарки, «нѣкоторые изъ пріѣзжихъ помѣщиковъ были замѣчены въ неприличныхъ ихъ званію поступкахъ».

Изъ нихъ четверо «собираясь толпами, одинъ у другого, въ неблагопристойномъ и полураздѣтомъ видѣ выходили на улицу и шумѣли, произнося что-то похоже на ура, или вообще на какой-то торжествующій голосъ»...

Помѣщикъ *Я.*, «будучи въ театрѣ, во время представленія, въ виду всѣхъ зрителей, до такой дошелъ неблагопристойности, что надѣвъ на голову шляпу, показывая какое-то презрѣніе цѣлой публикѣ, старался тѣмъ обижать самую полицію... Не смотря на сдѣланныя ему мною по выходѣ изъ театра замѣчанія, оставался упорнымъ, грубымъ и до такой степени дерзкимъ, что требовалъ отъ меня объясненій на польскомъ языкѣ, говоря, что русскаго языка не понимаетъ».

Въ присутствіи Губернскаго предводителя, не придавшаго дѣлу значенія, *Я.* хвалился, что, будучи капитаномъ польскихъ войскъ, носилъ лучшій султанъ, нежели Бердичевскій полиціймейстеръ...

Наконецъ, помѣщикъ *О.* намѣревался ввести въ театръ мороженщика, изъ-за чего въ буфетѣ поднялся шумъ. Публика, вообразивъ, что въ театрѣ начинается пожаръ, въ страхѣ и смятеніи бѣжала...

—

3) Бѣлая горячка. Въ 1836 году Кіевскій Губернаторъ доносилъ Генералъ-Губернатору, что Совѣтникъ Губернскаго Правленія Д., по удостовѣренію пользующихъ его врачей, одержимъ бѣлою горячкою, происшедшею частію отъ геммороидальныхъ припадковъ, частью же отъ огорчительныхъ размышленій...

—

4) Кирпичныя шоссе. Въ 1844 года Главное Управленіе Путей Сообщенія предписало X округу произвести въ Кіевѣ опыты устройства «шоссе искусственнаго изъ обожженной глины», въ виду недостатка во многихъ мѣстахъ пригоднаго для дорожныхъ работъ камня.

Пробное шоссе устроено отъ Съѣзжаго дома Дворцовой части до квартиры начальника губерніи, но на первыхъ же порахъ устроители въ немъ разочаровались. 8 Мая 1845 г. Кіевская Губернская строительная коммиссія доноситъ Генералъ-Губернатору, что «отъ безпрестанной по оному шоссе ѣзды экипажами, а при сухой погодѣ отъ настланнаго кирпича происходитъ несносная пыль», покрывающая толстымъ слоемъ стѣны и крыши домовъ.

Предстоявшее квартированіе на семъ участкѣ улицы Великаго князя Константина Николаевича побудило губернскую администрацію къ замѣнѣ сего шоссе попрежнему мостовой.

Изъ сообщенія Главноуправляющаго узнаемъ, что подобный же опытъ въ Екатеринославѣ, въ противность Кіевскому, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, почему Генер. Адъют. Графъ-Клейнмихель просилъ вторично испытать новый типъ шоссе.

Округъ распорядился замощеніемъ участка на Лютеранской (нынѣ Анненковской), отъ Шелковичной (нынѣ Левашевской) до Университетскаго спуска и по спуску, но въ октябрѣ 1860 года кирпичныя шоссе признаны негодными, и отъ дальнѣйшихъ съ ними опытовъ окончательно отказались.

—

5) Кіевскія магистратскія пушки. Осенью 1836 г. Кіевскій 2-й гильдіи купецъ Сергій Тереховъ обратился къ Графу Чернышеву съ просьбою исходатайствовать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе всеподданнѣйше подносимыхъ двухъ однокалиберныхъ чугунныхъ орудій, отлитыхъ, якобы, въ 1371 году, принадлежавшихъ Кіевской Думѣ и ею только что проданныхъ съ публичнаго торга.

Государю Императору угодно было повелѣть мѣстному начальству выяснить, насколько въ дѣйствительности древни орудія, о коихъ идетъ рѣчь, почему принадлежали они Думѣ, и не имѣется ли въ распоряженіи городскаго управленія какихъ либо другихъ рѣдкостей, которыя бы также предназначались къ продажѣ.

Генералъ-Губернаторъ Графъ Гурьевъ потребовалъ свѣдѣній отъ Губернатора, изъ донесенія коего явствуетъ, что, когда въ 1811 году, стоявшій на Подолѣ общественный домъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ сгорѣлъ, то на пепелищѣ, среди желѣзнаго лома, отысканы двѣ пушки, одинъ необыкновенной длины ружейный стволъ и 600 старыхъ, къ употребленію негодныхъ, пикъ: послѣднія изготовлены въ 1806 году для милиціонеровъ. Сверхъ того, въ домѣ бывшаго войта Киселевскаго, хранятся кованные и чеканные:

1) Фигура Архистратига Михаила съ копьемъ въ десницѣ, которымъ, сообразно числу часовъ, онъ ударялъ въ пасть простертаго у его ногъ дракона; на лѣвой рукѣ щитъ съ надписью «кто яко Богъ». (красной мѣди 2 пуда 10 фунтовъ).

2) Статуя Богини Правосудія—(желтой мѣди 1 пудъ 28 фунтовъ).

3) Двуглавый орелъ; на груди, въ кругломъ щитѣ, изображеніе Императора Петра Великаго на конѣ, съ надписью: «Царь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ (красной мѣди 4 пуда).

Такъ какъ архивъ магистрата истребленъ пожаромъ, то никакихъ точныхъ свѣдѣній о сихъ городскихъ реликвіяхъ на лицо не имѣется.

Въ 1836 году представителями города постановлено: гербъ города съ вѣсами правосудія и «ружейный» стволъ, по очевидной древности оныхъ *«оставить безъ продажи»*, а пушки и пики продать (первыя пошли за 14 рублей; вторыя куплены евреемъ Гребенемъ за 12). Почему оружіе своевременно не сдано въ Арсеналъ—ни Дума, ни магистратъ объяснить не могли.

Гражданскій Губернаторъ представилъ Главному начальнику края о передачѣ пушекъ и пищали въ Арсеналъ, съ уплатою Терехову израсходованныхъ имъ денегъ; пики предположено оставить у покупщика на рукахъ; гербъ и вѣсы правосудія сохранить.

14 апрѣля 1837 года изъ столицы повелѣно объявить Терехову монаршее благоволеніе; орудія принять и сдать въ Кіевскій Арсе-

налъ. Всѣ прочіе предметы, о коихъ рапортовано Графомъ Гурьевымъ, Городскому Управленію хранить.

Выдержка изъ описанія орудій и ствола, которыхъ чертежи хранятся при дѣлѣ № 444. Полицейской части Канцеляріи Генералъ-Губернатора за 1836 годъ.

1) Пушки калибра 1 дюйма; каналъ и камера цилиндрическіе. Стѣнки ствола въ дульной части 1 дюймъ 1 линія, въ торели 5 дюймовъ 8 линій. Длина, безъ винграда, 2 фута $4^1/_2$ дюйма.

На казенной части одной, ниже фризовъ, отдѣляющихъ затравку—число 1371; цифры выпуклыя, величиною 7 линій *«но оное не должно означать года вылитія орудія»*, ибо въ XIV столѣтіи, по введеніи въ употребленіе пороха [1]), не могли отливать подобныхъ хорошо отдѣланныхъ орудій съ дельфинами, цапфами и соблюденными во всѣхъ частяхъ размѣрами.

2) Желѣзный восьмигранный стволъ, съ «хвостовикомъ», длиною 7 футъ $10^1/_2$ д.; калибръ 1 дюймъ; стѣнки въ казенной части 2 д. $7^1/_2$ лин., въ дулѣ $5^1/_2$ линій.

При затравкѣ, на боковой части, имѣется полка съ выемкою для насыпки пороха. По длинѣ ствола на трехъ верхнихъ граняхъ въ трехъ мѣстахъ нарѣзки для укрѣпленія ствола—въ станкѣ на нижней грани 3 скобы со сквозными дырами. Цапфы отъ дула въ 3 ф. 6 д. На верхней грани въ разстояніи 1 дюйма отъ «хвостовика», клеймо, сходное со встрѣчающимися на турецкомъ оружіи.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ.**

Поправка. Въ № 2-мъ текущаго года, въ статьѣ «Письма М. М. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку», на стр. 286-й ошибочно дана справка, что упоминаемый въ письмѣ *Семенъ* есть *братъ Матв. Лазаревскаго*. Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о ближайшемъ другѣ Шевченка еще до ссылки его—*Артемовскомъ*. За эту поправку приносимъ благодарность А. М. Лазаревскому, который сообщилъ намъ, что у отца его, Матвѣя Лазаревскаго, братьевъ не было.

---

[1]) Въ Россію огнестрѣльное оружіе введено нѣмцами въ 1389 году при Димитріѣ Донскомъ.

Текущія извѣстія.

Юбилейный спектакль въ Херсонѣ въ память сороковой годовщины со дня кончины Тар. Гр. Шевченка. *(Корреспонденція).* Среди мѣстной малорусской интеллигенціи возникла мысль достойнымъ образомъ почтить память Шевченка, по случаю сороковой годовщины со дня его смерти.—Въ виду этого рѣшено было обратиться къ содѣйствію гостившей въ Херсонѣ малорусской труппы Разсудова-Ратмировой. Артисты ухватились за эту мысль, т. к. она обѣщала имъ хорошій сборъ. Но вмѣсто того, чтобы посовѣтоваться съ иниціаторами, хорошенько обдумать программу вечера и подготовиться какъ слѣдуетъ къ нему, т. е. разучить стихотворенія и музыкальныя произведенія Шевченка, товарищество сейчасъ же раскленло широковѣщательный анонсъ: „Въ субботу 27 января, по случаю сороковой годовщины со дня кончины Т. Гр. Шевченка, имѣетъ быть юбилейный спектакль съ апоѳеозомъ и живымъ бюстомъ при роскошной обстановкѣ".—Публика заинтересовалась и повалила въ театръ, но тутъ ее ждало полное разочарованіе. До самаго конца спектакля ничто не напоминало, что присутствуешь на чествованіи національнаго поэта: ни декорированнаго зеленью бюста его на виду у публики, ни чтенія произведеній поэта, ни украинской музыки—ничего... Даже въ антрактахъ, вмѣсто обѣщанныхъ украинскихъ пѣсенъ, оркестръ все время наигривалъ польки, вальсики, попурри изъ давно заѣзженныхъ романсовъ и даже «Эй, ухнемъ!..» Можетъ быть такая *интернаціональная* музыка гдѣ-нибудь и умѣстна, но только не во время чествованія *національнаго* поэта.—Объ исполненіи самой пьесы („Назаръ Стодоля") говорить много не приходится: всѣ артисты, за исключеніемъ г-жи Россиной (Стеха) и г. Чубатаго (Хома Кычатый), были не на своихъ мѣстахъ.—За то апоѳеозъ, надо отдать справедливость труппѣ, удался прекрасно. Задній занавѣсъ изображалъ прекрасно написанную могилу Шевченка на берегу Днѣпра. По срединѣ сцены возвышался хорошо загриммированный живой бюстъ поэта въ кожухѣ и смушковой шапкѣ; изображалъ его г. Чубатый. По обѣ стороны авансцены расположился мужской и женскій хоръ, который очень стройно пропѣлъ дважды „Заповіт". Затѣмъ было поставлено 5 живыхъ картинъ изъ «Невольника» и «Катерины». За-

кончился апоѳеозъ картиной изъ «Невольника» — возвращеніе Степана подъ родную „стриху“ и пѣніемъ «Боже, вси мы твои диты».

Казалось бы, что хотя часть сбора будетъ удѣлена трупной на какое-нибудь дѣло, достойное памяти поэта, напримѣръ на Петерб. Общество имени Шевченка, Львовское Наукове Товариство ім. Шевченка, на основаніе украинскаго университета во Львовѣ или, наконецъ, на Петер. Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Но эти «украинскіе» артисты, вѣроятно, и не подозрѣвали существованія названныхъ обществъ, какъ не знали и того, что Шевченко умеръ 26 *февраля*, а не 26 января... Впрочемъ, отъ людей, преданныхъ всецѣло наживѣ, смѣшно и ожидать какихъ-то идейныхъ стремленій, какого-то служенія національнымъ идеаламъ и пр.,—не будемъ поэтому и требовать отъ нихъ того, что имъ чуждо, чего они и дать-то не могутъ. Но чего ужъ и людямъ, поклоняющимся золотому тельцу, не слѣдовало дѣлать, такъ это трепать дорогое всѣмъ имя поэта.

Дѣло въ томъ, что на слѣдующій же день шла такая пустая и глупая вещь, какъ „Запорожскій кладъ“; и вотъ къ подобной то пьесѣ снова примостили «апоѳеозъ при полной обстановкѣ». Очевидно, тутъ спекулировали Шевченковымъ именемъ, иначе никакъ нельзя объяснить себѣ такой безтактности, такого явнаго неуваженія къ памяти поэта и къ иниціаторамъ чествованія. Что обвиненіе это справедливо, видно изъ того, что на слѣдующій же день (29 янв.) была поставлена опера „Катерина“ *уже* безъ апоѳеоза, т. к. она и сама по себѣ обѣщала хорошій сборъ.

Владиміръ Яблоновскій.

—

Панихида по Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. По случаю сороковой годовщины смерти Т. Г. Шевченка, въ Кіевѣ 5 февраля отслужена была въ Софійскомъ соборѣ панихида каѳедральнымъ протоіереемъ о. Александромъ Брянловскимъ, въ сослуженіи Ключаря Собора о. Петра Орловскаго и свящ. Н. Стеллецкаго. На панихидѣ пѣлъ прекрасно организованный обширный хоръ любителей. Храмъ былъ переполненъ молящимися.

—

Чествованіе 40-вой годовщины смерти Т. Г. Шевченка въ Галичинѣ. 1) Во *Львовѣ* 3 февраля «Товариство рускихъ ремісників

«Зоря» въ огромной залѣ «Народного дома» устроили литерат.-музыкально-вокальный концертъ при участіи извѣстнаго артиста—Мышуги, хора товарищества «Зоря» и военнаго оркестра. Концертъ сошелъ въ высшей степени удачно, при громадномъ стеченіи публики, преимущественно изъ средняго класса и крестьянъ. (Дѣло № 17).

2) Во *Львовѣ* 17 и 18 февраля въ залѣ Реальнаго училища учениками II, III, IV и V классовъ гимназіи и реальнаго училища устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе только учащіеся. Вечеръ прошелъ съ необычайнымъ оживленіемъ (Дѣло, ч. 39).

3) *Читальня с. Медина возлѣ Подволочиска* устроила литературно-вокальный вечеръ въ домѣ мѣстнаго священника. Вступительную рѣчь сказалъ о. Андрей Качала, въ которой выяснилъ значеніе и цѣль чествованій; затѣмъ о. Герасимовичъ изъ с. Терпиловки произнесъ рѣчь о жизни и произведеніяхъ Шевченка, продолжавшуюся цѣлый часъ; потомъ хоръ исполнилъ „Заповитъ“, «Ще не вмерла Украіна» и др. соотвѣтствующія данному случаю пѣсни. Номера хора чередовались съ номерами декламацій. (Дѣло, № 32).

—

Чествованіе памяти Маркіана Шашкевича. Въ 58 годовщину смерти Маркіана Шашкевича, 30 января въ Снятинѣ, въ залѣ магистрата устроенъ былъ «Рускою міщанською читальнею въ Снятині», музыкально-вокальный вечеръ по слѣдующей программѣ: 1) вступительное слово, 2) «Не згасайте ясні зорі»—хоръ, 3) декламація—„Причинна», 4) Ой чого ти почорніло—хоръ, 5) «Збудись, народе»—декламація, 6) «Нове життя»—декламація, 7) „Не пора»—хоръ, 8) Славянскіе гимны—хоръ; 9) «Чомъ, річенько домашняя» и друг. Вечеръ удался вполнѣ. Публики явилось значительное количество. (Дѣло, ч. 33).

—

Родственники Т. Г. Шевченко. Въ газетахъ былъ помѣщенъ печальный фактъ изъ жизни родственниковъ Т. Г. Шевченко. Въ 1898 году Андрей (родной племянникъ Т. Г. Шевченко) нанялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сынишку своего, Митрофана, отдалъ въ ученье въ слесарную мастерскую въ имѣніи «Преображенка» владѣлицы г-жи Фальцъ-Фейнъ. Митрофану оторвало лѣвую руку, впослѣдствіи ампутированную до плеча. Андрей съ тѣхъ поръ со-

вершенно выбитъ изъ колеи и въ настоящее время въ чужомъ городѣ вынужденъ вмѣстѣ съ калѣкой Митрофаномъ терпѣть холодъ, голодъ и всѣ лишенія заброшенной сиротской жизни. Теперь Андрей Шевченко, какъ пишетъ «Рос.» М. Борковка, предъявляетъ къ владѣлицѣ имѣнія «Преображенка» искъ, но дѣло отложено, и Андрей Ш., вмѣстѣ съ сыномъ, принужденъ влачить вышеупомянутую жизнь. Не говоря уже о томъ, что на обязанности общества лежало дать образованіе внуку пѣвца Украины, оно теперь даже не откликается, видя безвыходность его положенія. А, кажется, чего проще—собрать небольшую сумму денегъ и выслать по назначенію, чтобы ни время, до суда, сдѣлать жизнь этихъ людей мало-мальски сносной. Неужели даже этимъ мы не можемъ поблагодарить Т. Г. Шевченка за дарованныя имъ талантливыя „Думы“? (Одесск. Листокъ).

—

Юбилей 25 лѣтней литературной дѣятельности О. П. Косачъ. 3 февраля, въ залѣ литературно-артистическаго общества съ особенной торжественностью былъ отпразднованъ юбилей малорусской писательницы Олены Пчилки (Ольги Петровны Косачъ). Изъ прочитаннаго реферата, присутствовавшая въ залѣ многочисленная публика познакомилась со всей разносторонней литературной и общественной дѣятельностью уважаемой малорусской писательницы, имя которой, по словамъ референта, должно быть дорого не только своему народу, но и всѣмъ людямъ, способнымъ жить жизнью человѣческаго духа, способнымъ понимать силу волшебныхъ словъ: родина и свобода. Послѣ прочтенія реферата на эстраду, при шумныхъ, несмолкаемыхъ аплодисментахъ, была вызвана сама почтенная юбиляршa, и вслѣдъ за этимъ началось чтеніе адресовъ, телеграмъ и привѣтствій, полученныхъ г-жей Косачъ со всѣхъ концовъ Россіи и Галиціи. Привѣтствій этихъ было такъ много, что ихъ пришлось читать тремъ лицамъ; было получено болѣе десяти адресовъ, тридцать телеграммъ и множество писемъ отъ украинскихъ писателей изъ Россіи, Галиціи и Буковины. Членъ правленія литературно-артистическаго общества М. П. Старицкій поднесъ г-жѣ Косачъ отъ лит.-арт. общества золотой жетонъ и прочелъ адресъ, въ которомъ правленіе лит.-арт. общества, отзываясь съ глубокимъ уваженіемъ о дѣятельности уважаемой писательницы на пользу роднаго народа, съ особой благодарностью вспомнило ея заслуги передъ лит.-арт. обществомъ, къ развитію котораго уважаемая юбиляршa относилась всегда съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

Затѣмъ были прочтены остальные] адреса, телеграммы и привѣтствія. Во всѣхъ адресахъ было отмѣчено высокое значеніе г-жи Косачъ, какъ украинскаго писателя, а также какъ гражданина, четверть вѣка неустанно трудящагося на пользу родного народа. По окончаніи чтенія телеграммъ и привѣтствій, въ залѣ долго не смолкали шумные аплодисменты. Когда, наконецъ, публика успокоилась, г-жа Косачъ произнесла горячую рѣчь, въ которой выразила искренюю вѣру въ будущее литературно-артистическаго общества, ставшаго центромъ, вокругъ котораго группируются представители интеллигенціи всѣхъ народностей, живущихъ въ Кіевѣ, имѣющіе одну общую, дорогую всѣмъ цѣль—распространеніе гуманныхъ просвѣтительныхъ идей среди возможно большихъ массъ общества. Далѣе, уважаемая писательница изъявила благодарность всѣмъ присутствующимъ и отсутствующимъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ ей свое вниманіе, а также высказала горячую вѣру и надежду въ дальнѣйшее преуспѣяніе и развитіе того чистаго и святого дѣла, которому служила она и ея соратники по перу. Послѣ этого началась программа литературно-музыкальнаго отдѣленія вечера. Залы литературно-артистическаго общества были переполнены публикой. Вечеръ прошелъ съ рѣдкимъ одушевленіемъ. (Кіев. Сл., № 4704).

Въ газетѣ «Волынь» (№ 19) также помѣщена статья «Къ 30-тилѣтнему юбилею Ольги Косачъ», въ которой приведена привѣтственная телеграмма юбиляршѣ отъ житомірской украинской интеллигенціи и дана оцѣнка литературной дѣятельности О. П. Косачъ.

Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ школахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ членъ черниговской земской управы, И. Шрагъ, возбудилъ вопросъ о допущеніи малорусскаго языка и книгъ въ народныя школы. Комиссія по дѣламъ народнаго просвѣщенія постановила просить о допущеніи малорусскаго языка и малорусскихъ книгъ въ народныя школы съ цѣлью объясненія учащимся русскихъ непонятныхъ словъ и выраженій. Гласный Максимовичъ выступилъ по поводу этого представленія съ рѣчью, въ которой возражалъ противъ допущенія малорусскаго языка въ народной школѣ опасаясь, чтобы это обстоятельство не оказало вліянія на ослабленіе чувства политическаго и національнаго единства двухъ братнихъ племенъ. Противъ его доводовъ возражали г. г. Хижняковъ и Шрагъ, до-

казывая, что введеніе малорусскаго языка въ народныя школы необходимо для поднятія уровня народнаго образованія. Земское собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ постановило просить о допущеніи и малорусскаго языка, и малорусскихъ книгъ въ народныя школы, въ цѣляхъ объясненія малорусскимъ дѣтямъ непонятныхъ для нихъ русскихъ словъ и выраженій. («Gazeta Lwowska»).

—

Малорусскіе переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Въ «Восточномъ Обозрѣніи» г. Лаврецкій дѣлится впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ знакомства съ жизнью новоселовъ Южно-Уссурійскаго края. Ближайшимъ объектомъ наблюденія автора было село Вознесенка, расположенное въ самомъ центрѣ края, вблизи г. Никольско-Уссурійскаго.

«Жители Вознесенска,—пишетъ онъ,—малороссы, переселившіеся сюда лѣтъ шестнадцать тому назадъ изъ Полтавской, Черниговской и Могилевской губерній, разселились по землячествамъ—въ одномъ концѣ полтавцы, въ другомъ черниговцы и т. д. Характерная особенность: эти концы живутъ почти каждый своей особой самостоятельной жизнью и вовсе не питаютъ другъ къ другу дружелюбія. Такъ, назвать у насъ полтавца черниговцемъ или наоборотъ—считается большой безтактностью. Когда хлопцы и парни одного конца приходятъ въ другой—межъ ними непремѣнно завязывается драка и т. п.

По первому впечатлѣнію, производимому селомъ, переселенцы здѣсь устроились хорошо: много хлѣба, скота, водятся деньжонки, чтобы заплатить даже такія большія суммы, какія платятся здѣсь за воловъ и лошадей; наконецъ,—пишетъ г. Лаврецкій,—свидѣтельствуетъ о томъ же владѣніе нѣкоторыми изъ хозяевъ хорошими заимками, мельницами и земледѣльческими орудіями. Но если вы войдете въ жилище переселенца даже зажиточнаго—васъ поразитъ убогость, тѣснота его, грязь и скудость во всемъ; я тщетно отыскивалъ и не нашелъ себѣ въ этомъ большомъ селѣ какой-нибудь комнаты или отдѣльной избы подъ квартиру—у всѣхъ одна темная, неприглядная и подчасъ страшно холодная хата служитъ жильемъ для многочисленной иногда семьи. Одежда на вознесенцахъ—этихъ малороссахъ, любящихъ тамъ, у себя въ Малороссіи, щегольнуть и «світкой», и хорошимъ кожухомъ, и красивой пестротой на женщинахъ и на дѣву-

шкахъ,—поражаетъ бѣдностью и нерѣдко несоотвѣтствіемъ по времени года. Церковь въ селѣ небольшая и холодная до того, что у священника руки чуть не примерзаютъ къ утвари. Школы нѣтъ. Дѣтей (челов. 10), учитъ какой-то несчастный старикъ изъ ссыльно-поселенцевъ, едва получая за это пропитаніе. Питаются вознесенскіе обыватели очень незатѣйливо; овощей нѣтъ, такъ какъ онѣ, будто бы, погибаютъ отъ сырости и раннихъ заморозковъ, а мясо очень дорого. Яйца и молоко очень дороги, и потому отправляются на продажу въ Никольскъ. Остается: хлѣбъ и просяная каша. Изъ хлѣбовъ болѣе нѣжные (пшеница и т. п.), по разсказамъ сельчанъ, здѣсь вовсе не сѣются или сѣются кое-гдѣ и весьма рѣдко, такъ какъ «пропадаютъ»...

Вмѣсто школы, здѣсь процвѣтаетъ кабакъ и всевозможныя суевѣрія и предразсудки, а огромное большинство крестьянъ не только не грамотно, но и молитвъ-то путемъ не знаетъ». (С.-Петерб. Вѣд. № 31).

Насколько переселенцы сознаютъ свое бѣдственное положеніе въ далекихъ отъ родины мѣстахъ, изобилующихъ, повидимому, всякими благами—яркой иллюстраціей можетъ служить слѣдующее четверостишье въ письмѣ одного богатаго крестьянина с. Таращи, Каневскаго у., переселившагося въ Южно-Усурійскій край и извѣщающаго оттуда земляковъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Тутъ,—пишетъ онъ:

Земли—хочъ удавыся,
Воды—хочъ утопыся,
Лиса—хочъ повисся,
А хлиба—хочъ сказыся!»

Лекція г-жи Ефименко. Третьяго февраля въ залѣ губернской земской управы въ пользу Полтавской общественной библіотеки А. Я. Ефименко (членъ Императорскаго географическаго и археологическаго Общества) прочла публичную лекцію на тему «Украинскій философъ и учитель народа Г. С. Сковорода». Программа лекціи слѣдующая: Сковорода какъ «сверхчеловѣкъ». Его біографія. Философема Сковороды, какъ ученіе раціоналистическаго монизма. Субъективизмъ—отличительная черта его философскаго настроенія. Опредѣленіе его взглядовъ съ точки зрѣнія современной философіи. Итоги его жизни и дѣятельности.

Лекція привлекла много слушателей, выразившихъ по окончаніи чтенія свое одобреніе почтенной лекторшѣ дружными аплодисментами. (Полт. Губ. Вѣд. 6 февр.).

—

Художественная выставка. Галицкій художникъ Иванъ Трушъ въ концѣ марта устраиваетъ во Львовѣ выставку своихъ картинъ. Помимо нѣсколькихъ миніатюрныхъ эскизовъ, на выставкѣ будутъ находиться: «Могила Шевченка подъ Каневомъ», «Надднѣпрянскій видъ съ могилой Шевченка», «Мѣсто Крещенія Руси въ Кіевѣ», «Вечеръ надъ Днѣпромъ», «Андреевская церковь въ Кіевѣ», «Видъ съ Псла подъ Гадячемъ». Изъ значительнаго числа портретовъ, нарисованныхъ имъ въ послѣднее время, будутъ выставлены: Н. В. Лысенка, проф. Антоновича, проф. Грушевскаго, г-жи Грушевской, Леси Украинки, г-жи Драгомановой (дочери), Вяч. Будзиновскаго. (Дѣло, ч. 28).

—

Къ дѣятельности Товарищества „Просьвіта“. Въ январѣ мѣсяцѣ 1901 г. числилось всѣхъ читаленъ товарищества „Просьвіта“ 946; въ настоящее время «Товарищество» вошло съ ходатайствомъ въ Намѣстничество объ открытіи новыхъ 22 читаленъ. Новыхъ членовъ въ теченіе января мѣсяца поступило 90; всѣхъ же членовъ, со времени основанія общества, числится 13288. (Дѣло, ч. 36).

Библіографія.

Украинскія изданія 1900 года.

I.

Послѣднему году XIX столѣтія въ отношеніи украинской литературы можно отвести не послѣднее мѣсто въ ряду нѣсколькихъ лѣтъ конца вѣка, ознаменовавшихся появленіемъ въ украинской литературѣ значительнаго количества крупныхъ и мелкихъ изданій, составляющихъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма желательное явленіе. Къ числу наиболѣе выдающихся и по величинѣ, и по значенію изданій у насъ въ Россіи, прежде всего, естественно, должны быть отнесены—изданные въ Кіевѣ: II-ой т. «Повистей и оповидань» И. С. Левицкаго—«*Старосвитськи батюшкы та матушкы*», произведеніе слишкомъ хорошо извѣстное въ украинской литературѣ, чтобы о немъ распространяться, [1]) а также сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи за сто лѣтъ существованія художественной украинской литературы (1798—1898) подъ заглавіемъ «*Викъ*». [2]) Останавливаться на немъ въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ новостей украинской литературы также не будемъ, отсылая интересующихся къ тѣмъ изданіямъ, въ

---

[1]) Рец. см. Кіевск. Стар., кн. 7—8 за 1900 г., стр. 40—47; Літерат.-Науковий Вістник, кн. XI, за 1900 г., стр. 115—120; Русская Мысль, VII, стр. 409—410; Русское Богатство, № 8; въ газетѣ „Приднѣпровскій край“ № 864.

[2]) Настоящее изданіе является I томомъ предположеннаго солиднаго изданія—дать лучшіе образцы во всѣхъ областяхъ украинской литературы; 2 и 3 т. (проза)—находятся въ цензурѣ; приготовляется также и 4 томъ (драматическ. произведенія).

которыхъ даны были отзывы объ этомъ художественномъ изданіи; [1]) скажемъ лишь въ двухъ словахъ, что болѣе изящныхъ изданій съ внѣшней стороны, при сравнительно дешевой стоимости (первое—1 р. 50 к., второе—2 р.), врядъ ли много можно указать понынѣ въ украинской литературѣ.

Переходя затѣмъ къ другимъ болѣе крупнымъ явленіямъ, на первомъ мѣстѣ должны будемъ отмѣтить изданный авторомъ въ Ялтѣ 3-ій томъ: *«Творы Конисского-Перебенди»*. [2]) Въ этотъ томъ вошло 19 болѣе мелкихъ произведеній недавно умершаго талантливаго писателя, а именно: Гришныкъ, Спокуслыва ныва, Сестра жалибныця, Прыгоды въ дорози, Смерть предателя, Ранкомъ на Алупци, Радощи и скорботы велыкого скрыпныка, Пытання, Зъ ранку до ночы, Поэтка, Стари люде, Протестантъ, Иванъ непомнящій родства, Наймычка, То йому за чужи груши, Хоча бъ була постати дожала, Въ сели, Пимста, Спафаріева Рудка.—Помимо художественнаго интереса, какой представляютъ перечисленныя произведенія, настоящее изданіе должно привлекать и своей крайней дешевизной (1 рубль при объемѣ въ 421 стр.).

Изъ другихъ болѣе крупныхъ изданій наиболѣе вниманія заслуживаютъ изданныя въ Бахмутѣ *«Оповидання П. О. Кулиша, зъ переднимъ словомъ В. Чернявського»*. Въ настоящій томъ вошли всѣ мелкія украинскія произведенія П. О. Кулиша: Орыся, Сичови гости, Гордовыта пара, Дивоче серце, Спра кобыла, Пивпивныка, Цыганъ, Лысты съ хутора (I—V), печатавшіяся въ началѣ 60-хъ г. г. въ «Основѣ», а затѣмъ неоднократно издававшіяся отдѣльными брошюрами («метелыкамы»). Сочиненіямъ предпослана краткая критическая статья на данныя произведенія, составленная М. Чернявскимъ весьма симпатично и серьезно.—Въ Харьковѣ одновременно появилось другое крупное изданіе (486 стр., in 8⁰) произведеній П. О. Кулиша: *«Драмована* (!) *трылогія»*, въ составъ которой вошли драмы: «Байда, князь Дм. Вышневецькый; Гетьманъ Петро Сагайдачный и Наказный геть-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. I кн. за 1901 г., стр. 37—40; Русское Богатство, № 8; Русская Мысль, № 11, стр. 408—409; газеты: «Кіевское Слово» (№ 4467), Русскія Вѣдомости, Полтавск. Губ. Вѣдом. (№ 176), Южный край (№ 6766), Приднѣпров. Край (№ 957), Сѣверный Кавказъ (№№ 1676 и 1677), галицкое «Дѣло» (№ 4 за 1901 г.)

[2]) 4 и 5 томы въ непродолжительномъ времени будутъ представлены въ цензуру.

манъ Северынъ Наливайко». Написанныя въ семидесятые годы, когда П. О. Кулишъ открыто выступилъ отрицателемъ прежнихъ своихъ идеаловъ, и являясь лишь яркой иллюстраціей къ новымъ взглядамъ на значеніе историческаго процесса и историческихъ дѣятелей эпохи козачества, драмы эти, слабыя также и по развитію драматической акціи, тѣмъ не менѣе должны быть поставлены высоко, какъ и всѣ произведенія Кулиша, со стороны внѣшней: онѣ написаны звучнымъ, плавнымъ стихомъ, нерѣдко достигающимъ высшей степени художественности.

Обращаясь къ другимъ болѣе крупнымъ художественнымъ произведеніямъ минувшаго года, съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ указать на солидный, весьма содержительный сборникъ, изданный въ Черниговѣ, подъ заглавіемъ «*Хвыля за хвылею*». Сюда вошли произведенія:—Бордулякъ (Першый разъ. Оповидання), Гринченка (нѣсколько стихотвореній и драма «Середъ бури», впервые напечатанная въ 1899 г. въ «Літерат.-Наук. Вістнику»), Днипровой Чайки (Морськи малюнки,—весьма художественныя произведенія въ прозѣ), Зинькивського (Кудою йты?—Риздвяна повистка), Коцюбинського (За-для загального добра. Оповидання—изъ бессарабскихъ нравовъ: картинка борьбы съ филоксерою), Крымського (Самотою на чужыни Вирши), Маковея (Вуйко Дорко. Оповидання), Самійленка (нѣсколько стихотвореній и «Драма безъ горилки». Жартъ—остроумная, ѣдкая, но мѣстами нѣсколько утрированная сатира на украинскую пишущую братію), Франка (Зъ поэзій и «Лесышына челядь. Оповидання» изъ сборника «В поті чола»). Прекрасный подборъ произведеній выдающихся украинскихъ писателей, безукоризненно добросовѣстное и изящное изданіе, какъ и всѣ вообще изданія Б. Д. Гринченка, недорогая цѣна (1 рубль) при сравнительно солидномъ (434 in 16⁰) объемѣ, заслуживаютъ вполнѣ самаго широкаго распространенія въ публикѣ.

Нельзя также не порадоваться новому изданію (въ Одессѣ) исторической хроники П. О. Кулиша «Чорна Рада», ставшей за 40 лѣтъ, со времени ея перваго изданія, библіографической рѣдкостью. Изданіе это, прекрасно исполненное съ внѣшней стороны (часть его въ скоромъ времени появится въ продажѣ съ иллюстраціями художника Жданки), весьма недорогое (50 к.), безъ сомнѣнія встрѣтитъ самый радушный пріемъ со стороны уже давно жаждущей имѣть его публики.

Область драматической литературы въ минувшемъ году представлена была довольно слабо. Если исключить стоящія въ сторонѣ: комедію Л. Яновской «*На зеленый клынъ*», отличающуюся жизненностью и правдивостью изображенія, а также драму М. Л. Кропивницкаго «*Передъ волею*», дающую довольно яркіе типы крѣпостнаго быта «передъ волею» (обѣ помѣщены были на стр. «Кіевской Стар.» въ минувшемъ году, а также вышли отдѣльными оттисками); [1]) если не считать дешеваго и чистенькаго изданія для народа двухъ пьесъ И. К. Тобилевича (Карпенка-Карато): «*По-надъ Днипромъ*» (въ Черкассахъ) и «Бурлака (въ Кіевѣ),—нашимъ взорамъ предстанетъ цѣлая серія «перловъ» украинской драматической музы: «*Тывуртіевы выпадкы*» — жартъ въ 1 дію А. Т. Грабины, [2]) «*Панъ Халявскій*» — комедія-фарсъ, его же (обѣ книжки изданы въ Кіевѣ); послѣднее,—впрочемъ, нѣсколько серьезнѣе перваго, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ, желая «перемудрить» Квитку-Основъяненка, дѣлаетъ вставки отъ себя, портящія лишь дѣло; «*Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не бувало*». Сельськи сцены въ 2-хъ діяхъ и 4-хъ одминахъ» Зиневича (въ Каменецъ-Подольскѣ)—безсмысленный плодъ досужей фантазіи автора, свидѣтельствующій о низкой степени вкусовъ автора; „*Коханци-Шкодныки*", жартъ-водевиль въ 1 дію—С. Ф. Воронки (въ Сумахъ)—не только безсмысленная, но и безнравственная композиція, вызывающая при чтеніи одно отвращеніе; «*Не до пары побралысь.*» —Малороссійская драма въ 5 д. и 7 карт.»—Кобищановой Марѳы Яковлевны, въ Курскѣ. [3])

Но если драматическая литература въ изданіяхъ минувшаго года была представлена слабо, за то изящная и повѣствовательная (книжки популярно-научныя) литература нашла выраженіе въ значительномъ количествѣ болѣе или менѣе крупныхъ брошюръ, но большей части достойныхъ полнаго вниманія и уваженія. На первомъ мѣстѣ поставимъ изданія *Кіевскія*: *Л. Яновская. Смерть Макарыхы* (повисть) и ея же «*Идеальный батько*» (обѣ печатались въ

---

[1]) Кромѣ того, въ «Кіевск. Старинѣ» и въ отдѣльныхъ оттискахъ были помѣщены еще «*Любка, или сватанье въ с. Рихмахъ*. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ», относящаяся къ 30—40 г. г., а также Б. Грозданьского „*Картынкы сучасного селянського побыту* (не за-для кону").

[2]) Рец. см. въ „Кіевской Старинѣ," кн. XII за 1900 г., стр. 171—172.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ не пришлось видѣть этого изданія.

«Кіевской Старинѣ», а также вышли и отдѣльными оттисками). Это художественныя картинки, съ тонко развитой психологіей главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ярко рисующія до мельчайшихъ подробностей духовный міръ: въ первомъ случаѣ, умирающей съ удивительнымъ стоицизмомъ «бабы Макарыхи», а въ послѣднемъ—духовный разладъ помѣщика, готоваго всѣмъ пожертвовать для сохраненія жизни своего единственнаго законнаго сына въ то время, какъ своего незаконнаго сына, парубка Ивана, страдающаго полученной въ наслѣдство отъ отца эпилепсіей, онъ довелъ до того, что Иванъ преждевременно умираетъ у него же на работѣ. Какъ то, такъ и другое произведенія талантливой писательницы по справедливости должны занять почетное мѣсто въ ряду выдающихся произведеній украинской литературы.

Въ томъ же журналѣ помѣщены были, и затѣмъ вышли отдѣльными изданіями, еще три беллетристическихъ произведенія: *А. Хатежкина. Земськый гласный* (разсказъ), *Б. Познанскаго. Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ* (разсказъ). и *В. Левенка. Старе и нове* (Оповиданія). Въ первомъ изъ нихъ авторъ даетъ фигуру земскаго гласнаго, менѣе всего пригоднаго для несенія, хотя бы даже удовлетворительно, обязанностей, лежащихъ на этомъ послѣднемъ; во второмъ—авторъ приводитъ изъ своей юридической практики случай своеобразнаго толкованія 701 и 702 статьи X тома св. законовъ, и наконецъ, въ третьемъ, затрагивающемъ весьма любопытные вопросы общественной жизни, изображается постепенная замѣна въ глухомъ городишкѣ, въ рабочей средѣ, прежняго консервативнаго направленія новымъ, идущимъ по слѣдамъ прогресса. Помимо интереснаго сюжета, разсказъ этотъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность, благодаря особенностямъ его изложенія: въ данномъ разсказѣ авторъ выражаетъ на прекрасномъ литературномъ украинскомъ языкѣ самыя отвлеченныя философскія понятія, давая лишній разъ наглядный образецъ полнѣйшей пригодности и умѣстности этого языка и въ областяхъ, выходящихъ за предѣлы, положенные «этнографическими нуждами».

Изъ другихъ изданій, вышедшихъ въ Кіевѣ, слѣдуетъ указать на двѣ брошюры, изданныя Кіевскимъ Обществомъ Грамотности,—обѣ заключающія произведенія *Марка Вовчка*: 1) *Максымъ Грымачъ, Выкупъ, Даныло Гурчъ* и 2) *Свекруха и отець Андрій*,—*оба изданія* исполнены чистенько, аккуратно и сравнительно недорого (4 и 2 к.); на популярно-научную (медицинскую) брошюру *М. Левицького* «Ко-

роста (чухачка). Читанка для селянъ», — написанную простымъ хорошимъ языкомъ и въ то же время весьма содержательную, изданную «Врачебнымъ Отдѣленіемъ Кіевскаго Губернскаго Правленія» въ значительномъ количествѣ экземпляровъ (10,000) по очень дешевой цѣнѣ (1 коп.), а также изданіе «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго (изданіе въ количествѣ 8.000 экз. принадлежитъ извѣстному Т. Губанову.[1])

Кстати будетъ сказать, что та же „Наталка-Полтавка" была издана въ колич. 12.000 экз. также и въ Москвѣ—Сытинымъ. Очевидно, спросъ на эту пьесу побуждаетъ г. г. книгопродавцевъ къ столь частымъ и численнымъ изданіямъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ минувшемъ году въ Москвѣ т—омъ Вл. Чичерина издано было въ количествѣ 3.000 экз. также и „Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ: 1) Москаль Чарівнykъ, 2) Наталка Полтавка и 3) Энеида".

Въ Черниговѣ Б. Д. Гринченкомъ, кромѣ упомянутаго выше сборника «Хвыля за хвылею», была издана всего лишь одна брошюра: № 46. *Наталя або дви долі разомъ. Поэма Михайла Макаровського.* (Третье изданіе: первое въ „Южн. Русск. Сборникѣ" (1848 г.), 2—въ Харьковѣ 1890 г.) Поэмѣ предпосланы краткія біографическія свѣдѣнія объ М. М. Макаровскомъ.

Въ *Петербургѣ* «Благотворительнымъ обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» изданы три брошюры: *№ 4.* Орыся *П. А. Кулиша*, съ портретомъ Кулиша и съ иллюстраціями, нѣсколько въ ложно-классическомъ стилѣ; *№ 5.* Вирна пара. Въ-осены лито.— Спасенна пара—*Ганны Барвинокъ* (съ портретомъ автора), и *№ 6. Ф. И. Немоловскаго.* Бжильництво. Доглядъ за свычайною и рамковою пасикою».—Упомянутыя изданія отличаются изящной внѣшностью и дешевизной (первая 2 коп., вторая 3, послѣдняя въ 105 стр— 8 коп.), что можетъ служить лучшей гарантіей для ихъ самаго широкаго распространенія въ народѣ.

Кромѣ изданій «Благотворительнаго Общества» тамъ же появился „Збирнычокъ творивъ" *А. Я. Шабленка* подъ заглавіемъ «Нова Хатына», состоящій изъ 8 стихотворныхъ произведеній и одного раз-

---

[1]) Этотъ же Губановъ издалъ въ Кіевѣ сборникъ: „Украинскій кобзарь". Малороссійскія пѣсни знаменитыхъ писателей—Шевченка, Котляревскаго и друг. Скомпанувавъ *Н. И. Сучиленко.*— Сборникъ, какъ и слѣдовало ожидать, представляетъ винигретъ изъ трудноузнаваемыхъ произведеній народныхъ и книжныхъ.

сказа («Доля наплювала»). Не отличаясь художественностью и изяществомъ, произведенія эти, въ особенности стихотворныя, свидѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе о томъ, что автору не чужды лучшія общечеловѣческія и гражданскія чувства, что не «плодъ недолгой науки» понудилъ къ перу его «праздны руки».

Въ *Харьковѣ* минувшій годъ далъ 5 брошюръ, а именно: 1) *Олександеръ Конисьскый*. Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Выдання трете (четвертое ?)—изданіе «Издательскаго комитета Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ Грамотности» (въ 20.000 экземпляровъ); 2) *Пейверинъ*. Морозъ, переклавъ Гнатъ Галайда,—художественный небольшой разсказъ финскаго писателя, удачно выбранный переводчикомъ въ виду его занимательности и соотвѣтствія темы разсказа съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни; 3) «*Уладько*»—т. е. украинскій «Соломонъ», по которому желающій можетъ узнать свою судьбу. Для этой цѣли на первой страницѣ сдѣланъ кругъ, на сѣтку котораго нанесено 287 дѣленій, сотвѣтственно числу отвѣтовъ въ «Видповидныку». Это оригинальное изданіе, потребность въ которомъ у народа существуетъ въ сильной мѣрѣ, все же будетъ полезно хоть тѣмъ, что ознакомитъ каждаго обращающагося къ нему со многими перлами народной мудрости, изъ которыхъ составленъ «Видповидныкъ», 4) *М. Л. Кропивницкій*. По ревизіи. Этюдъ въ 1 дѣйствіи. Видане 6, выправлене авторомъ».—Къ сожалѣнію, исправленія, незначительныя въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ лишь ухудшаютъ первоначальную редакцію. Тѣмъ не менѣе, нельзя не привѣтствовать это новое изданіе, значительно болѣе дешевое, чѣмъ предшествующія (5 коп.), вышедшее въ солидномъ количествѣ (10.000) экземпляровъ; наконецъ, 5) *Жерновъ Матвій Семеновычъ*. Збирныкокъ творивъ. Т. I. Цѣна 20 коп.,—сборникъ довольно слабыхъ покушеній на поэзію, преимущественно подражаній Шевченку; нѣкоторыя вещи являются почти пересказомъ произведеній Шевченка.

Въ *Черкассахъ*, кромѣ упомянутой выше брошюры: «*№ 14 По надъ Днипромъ*» *И. Тобилевича* (Карпенка-Карого), были изданы «*№ 13. О. Я. Конысьскый*. Грошолюбка. Выданне трете»,—прекрасный очеркъ, рисующій типъ жадной „грошолюбки" бабы Явлохы, съ виду «тыхои та божои», а на самомъ дѣлѣ злобной и деспотической натуры, и «№ 15. *Т. Г. Шевченка* Малый Кобзарь.» (Съ портретомъ Шевченка на обложкѣ). Сюда вошло 63 болѣе мелкихъ, преимущественно

лирическихъ произведеній Шевченка. Оба изданія, какъ и раньше упомянутое «По-надъ Днипромъ», отличаются привлекательной внѣшностью, изданы добросовѣстно и въ то же время недорого (5 коп. 70—80 стр.). [1])

Нельзя не отмѣтить съ особымъ удовольствіемъ любопытныхъ и въ то же время въ высшей степени полезныхъ изданій, вышедшихъ въ г. *Ананьевѣ*, Херс. г. Это медицинскіе совѣты: «Якъ оберегты себе видъ висны», [2]) «Про скарлатыну», «Про сифилисъ (пранци), «Короста (чухачка)», [3]) заимствованные изъ изданія „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова»; изданы они не въ формѣ брошюръ, а на отдѣльныхъ полулистахъ, какъ стѣнные календари. Лицу, принявшему на себя трудъ изданія этихъ крайне важныхъ медицинскихъ совѣтовъ, должна быть отдана огромная дань уваженія. [4])

Одесса дала два весьма цѣнныя изданія. Это—1) «*Е. Чикаленко.* Розмова про сельске хозяйство. 3-тя книжка. Сіяни травы, кукуруза, та бурякы. Зъ малюнкамы»,—прекрасное изданіе со стороны содержанія и съ внѣшней стороны, снабженное нѣсколькими рисунками земледѣльческихъ орудій и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ полеваго хозяйства. Какъ и первыя двѣ брошюры, эта послѣдняя по справедливости должна занять выдающееся положеніе въ общерусской популярной литературѣ по сельскому хозяйству; [5]) 2) *А. Конощенко.* Украинськи писни зъ нотамы»,—сборникъ изъ 100 украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Конощенкомъ преимущественно въ Херсонской, а также Кіевской, Полтавской и Подольской губерніяхъ. Каждой пѣснѣ въ книжкѣ предпосланъ мотивъ, положенный на ноты. Мотивы и текстъ пѣсенъ оригинальные, сравнительно простые; очень немногіе находятъ соотвѣтствіе въ сборникахъ Н. В. Лисенка. Книжка

---

[1]) Довольно обстоятельная рецензія на „Малый кобзарь“ дана въ XII кн. «Літературно-Наукового Вістника», стр. 186—187.

[2]) Издано въ количествѣ 12.000 экз.

[3]) Издано въ количествѣ 20 000 экз.

[4]) Уже во время печатанія нашего обзора мы узнали, что всѣ четыре медицинскіе листки вышли въ Харьковѣ въ видѣ отдѣльной брошюры: „№ 7. Якъ оберегаты себе видъ висны. Про скарлатыну. Про сифилисъ. Про коросту. Выдано Вс. И. Гуріомъ. Харьковъ, 1900“.

[5]) Книжка «*Чорный паръ, плодозминъ*»—въ настоящее время въ исправленномъ и дополненномъ видѣ вышла въ Одессѣ вторымъ изданіемъ въ количествѣ 50.000 экз.

издана изящно, чистенько и при значительномъ объемѣ (136 стр. словъ съ нотами) сравнительно очень дешево (30 коп.).

Кстати, заговоривъ о музыкальномъ изданіи, нельзя не отмѣтить двухъ крупныхъ явленій въ этой области:—«*М. В. Лисенко.* Утоплена (Майська ничъ). Лирычно-фантастычна опера у 3-хъ дiяхъ, 4-хъ одминахъ», изданная въ Лейпцигѣ и «*Н. Аркасъ.* Катерына. Опера у 3-хъ дiяхъ. Либретто по Т. Г. Шевченко», изданная въ Николаевѣ (первая 4 р.. вторая —3 р.). Не будучи компетентными въ музыкѣ—не беремся высказывать свое сужденіе о нихъ.

Въ *Бахмутѣ* издана М. Чернявскимъ брошюра: «*Щыри слезы надъ могылою П. О. Кулиша*» съ предисловіемъ [1]) М. Чернявскаго къ тѣмъ выраженіямъ горя по утратѣ великаго писателя и сочувствія осиротѣлой вдовѣ его, которыя и составляютъ содержаніе данной книжки [2]). Въ виду того, что выраженія сочувствія и дани уваженія почившему послѣдовали со стороны лицъ различныхъ классовъ, сословій и степеней образованія, то и содержаніе данной брошюры въ отношеніи художественности является довольно разнообразнымъ; наиболѣе выдающимися произведеніями можно считать стихотворенія М. Чернявскаго: «П. О. Кулишъ» и «На могыли П. О. Кулиша», запечатлѣнныя несомнѣннымъ талантомъ художника-поэта.

Остается теперь упомянуть еще о нѣсколькихъ изданіяхъ, присутствіе которыхъ въ украинской литературѣ минувшаго года является, по меньшей мѣрѣ, нежелательнымъ и излишнимъ. Это, во первыхъ, двѣ маленькія вещицы *Г. Ясковича*, изданныя имъ въ *Полтавѣ*: «Псалма (изъ псалма) (въ 4 страницы) и „Швець (Изъ казкы) (115 стр.),—Какъ та, такъ и другая свидѣтельствуютъ лишь о безнадежности поэтическаго дара у автора; во-вторыхъ, „*Кулида В. Д.* Слипець“ и „Стихотворенія 1887—1899“,—въ *Кременчугѣ* (первое—въ количествѣ 400, а второе—500 экз.). Хотя, къ нашему огорченію, намъ и не удалось достать этихъ изданій, но предыдущія творенія этого автора, оцѣненныя по достоинству и на страницахъ «Кіевской Старины», и «Літературно-Наукового Вістника», внушаютъ намъ сильныя подозрѣнія на счетъ ихъ доброкачественности. Наконецъ,

---

[1]) Это предисловіе было также издано и отдѣльной брошюрой (въ 8 страницъ). Бахмутъ, 1900.

[2]) Собственно, данное изданіе является перепечаткой съ Женевскаго изданія 1897 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ.

въ *Екатеринославѣ* издана брошюра (всего лишь въ 100 экз.)—«*Дубравскій Матвій*. Вирши. Перши юношни творы та переклады» (22 стр.) Къ сожалѣнію, и этой брошюры намъ не удалось видѣть. [1])

Таковъ итогъ литературной продукціи на нивѣ украинской литературы въ Россіи за минувшій годъ. Безъ сомнѣнія, не мало среди указаннаго нами матеріала можно найти излишняго балласта, но въ общемъ, если захотимъ сравнить въ качественномъ отношеніи (да и въ количественномъ!) изданія 1900 и 1899 гг. съ изданіями каждаго изъ предшествующихъ годовъ послѣдней четверти столѣтія,—несомнѣнное преимущество останется на сторонѣ этихъ двухъ послѣднихъ; который же изъ нихъ былъ болѣе продуктивенъ,—трудно сказать. Да и это не важно: дай Богъ, чтобы послѣдующіе годы новаго столѣтія давали не меньше.

Прим. Въ обзорѣ украинско-русской литературы за 1899 г. (Кіевск. Стар. 1900, кн. II) нами по различнымъ причинамъ не были отмѣчены нѣкоторыя изданія 1899 года, о которыхъ мы сейчасъ и скажемъ нѣсколько словъ.

На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить два изданія «Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ—«№ 2. *О. Степовыкъ*. Про городыну» и «*№ 3. Г. Барвинокъ*. Молодыча боротьба», -отзывъ о которыхъ былъ данъ въ свое время на стр. журнала „Кіевская Старина“ [2]); затѣмъ, въ *Луцкѣ*—нѣкто *Евгеній Ясинскій* издалъ разсказъ «*Кара Божа*», являющійся для читателя несомнѣнной «карой Божьей»: разсказъ такъ наивенъ, ненатуралень и неинтересенъ, что остается лишь предупредить читателя держаться подальше отъ подобныхъ сплошь тенденціозныхъ произведеній; въ

---

[1]) Въ заключеніе надо упомянуть о цѣлой серіи драматическихъ произведеній нѣкоего *И. М. Качинскаго*, изданныхъ авторомъ въ Москвѣ (Литограф. Московск. театр. библіот. С. Разсохина) въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ (110), именно: 1) Въ мори безъ кормыла (драма), 2) Дивчына—атаманъ банды розбійныкивъ (драма), 3) Дочка запорожця XVII вику (мелодрама), 4) За сыротою—Боцъ зъ калытою (мелодрама), 5) Палке серце—загублена доля (драма). 6) Промежъ молотомъ та наковдломъ (!) (комедія).—И этихъ изданій не пришлось намъ видѣть. Наконецъ, нѣсколько украинскихъ стихотвореній, относящихся къ 30 гг. XIX ст., можно найти въ брошюрѣ „Воспоминанія и стихотворенія Н. Шрамченка“, изданной „pro domo sua“. Шрамченко, умершій въ 90 гг.—уроженецъ м. Воронежа, Глуховск. у.

[2]) См. кн. IV, за 1900 г. стр. 29—30.

Кіевъ также не отмѣчены были два изданія фирмы Т. А. Губанова: 1) Дывный сонъ сыротыны (поэма) и Розмова про гроши, або сыротына—*Максыма Цымбаленка*—два произведенія, добросовѣстно написанныя шестистопнымъ ямбомъ, не имѣющія опредѣленнаго смысла и 2) Колядники *Собралъ Кириллъ Ивановичъ Самойленко*, и *Максымъ Цымбаленко*. Семенъ у пекли. Поэма»—первая изъ нихъ, паче чаянія, имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ является записью колядокъ и щедривокъ, существующихъ въ настоящее время въ Кіевскомъ уѣздѣ, а вторымъ—очень оригинальнымъ по замыслу—авторъ, очевидно вознамѣрился затмить славу И. П. Котляревскаго, и потому собственной персоной отправился въ пекло, чтобы провѣрить автора «Энеиды». Результаты поѣздки оказались довольно утѣшительные: отчетъ занялъ около 75 страницъ, загроможденныхъ такой «чертовщиной», что даже у человѣка привычнаго ко всякимъ ужасамъ „чубъ свердломъ стане".

Не уступающій Т. Губанову, собратъ его по ремеслу,—Сытинъ, издалъ въ *Москвѣ*: «*Грицько-Кобзарь*. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, въ двухъ частяхъ» —здѣсь можно найти и щедривки, и колядки, и колыбельныя, и обрядовыя пѣсни, и произведенія Шевченка и Котляревскаго (которыя можно пѣть), и, вообще, что хотите. Тѣмъ не менѣе, изданіе это нельзя ставить на одинъ уровень съ какимъ-нибудь «Семеномъ у пекли», —оно, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ одобренія.

Кромѣ того, тамъ же вышелъ другой сборникъ, подъ заглавіемъ „Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ—*Грицька Остапенка*, въ количествѣ 6.000;[1]) наконецъ, въ *Николаевѣ* вышла брошюра «*Безшляхъ Г.* (Пущанський-Крывый). Не любо—не слухай, брехать не мишай. Фантазія югового(!) руського народу. Выдане 2, выправлене и доповнене».[2])

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ добавить, что отмѣченныя нами въ прошлогоднемъ обзорѣ одесскія изданія *Ц. . . . батька О.* Стародавня Украина въ драматичныхъ соравахъ. І. Чорный шлахъ. П.

---

[1]) Къ сожалѣнію, намъ не приходилось его видѣть.

[2]) Тоже.

Козакъ Байда. III. За віру и правду. IV. Тарасъ Бульба; V. Левенци. VI. Пушкарівна. VII. Злыгодни. VIII. За Булаву,—оказываются не мелкими брошюрами, а огромныхъ размѣровъ (in 4°) тетрадями по 100 и болѣе стр. каждая, литографированными въ незначительномъ (100 шт.) количествѣ экземпляровъ.

В. Доманицкій.

Древности. Труды Импер. Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Томъ XVII. *Москва. 1900.* 4°.

Означенный томъ заключаетъ, главнымъ образомъ, протоколы засѣданій Общества и Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за 1893—96 г.г. Въ видѣ приложеній къ протоколамъ помѣщены различнаго рода сообщенія, замѣтки и отчеты. Изъ послѣднихъ мы отмѣтимъ имѣющіе отношеніе къ южной Россіи.

Отвѣтъ г. кіевскаго губернатора Л. Томары на запросъ Общества о нѣкоемъ Теленковѣ. Дѣло относится еще къ 1893 году, по поводу газетной замѣтки, въ которой сообщается, что какой-то Теленковъ разъѣзжаетъ по Кіевской губ. и занимается скупкою старинныхъ церковныхъ вещей и книгъ или обмѣномъ ихъ на новыя. Разслѣдованіе подтвердило это сообщеніе. Теленковъ оказался крестьяниномъ Путивльскаго у., проживалъ съ 1880 г. въ Кіевѣ, занимался шитьемъ ризъ для магазиновъ и разъѣзжалъ по приходамъ Кіевск. губ. съ вышеуказанной цѣлью. По его словамъ, имъ пріобрѣтено: въ Таращанской соборной церкви 50 полотенецъ, 2 подризника и нѣсколько старыхъ ризъ, въ с. Ставкахъ, Радомысльск. у.,—2 старыхъ евангелія (за 7 руб.!): одно печатное, а другое писанное на пергаментѣ, послѣднее продано г.Хойновскому; въ г. Каневѣ, въ соборной церкви—нѣсколько ризъ и подризниковъ; въ уманскомъ соборѣ—облаченія и другія парчевыя принадлежности. Кромѣ того, Теленковъ сознался, что обмѣнивалъ и покупалъ старинныя церковныя вещи во многихъ другихъ приходахъ, но гдѣ и когда—не помнитъ. По собраннымъ, затѣмъ, свѣдѣніямъ черезъ исправниковъ, указанъ еще цѣлый рядъ приходовъ, гдѣ Теленковъ пріобрѣлъ различные церковные предметы. Разслѣдованіе открыло въ Кіевѣ еще одного скупщика

подобнаго рода—козака Описима Шведова. Приведенные факты говорятъ сами за себя, прибавлять къ нимъ нечего, можно только представить себѣ, сколько предметовъ было взято изъ церквей этими господами за время ихъ многолѣтней практики! Неудивительно послѣ этого, что церкви Кіевской епархіи, какъ это показала, между прочимъ, и наша послѣдняя экскурсія для описанія памятниковъ старины, оказались почти совершенно очищенными отъ всего стараго. Но гг. Теленковы тутъ не виноваты,—это мелкіе, необразованные торгаши, преслѣдующіе лишь цѣли наживы,—виноваты тѣ, кто можетъ и долженъ заботиться о церковной старинѣ и, вмѣсто этого, допускаетъ ихъ сплошное уничтоженіе....

Въ замѣткѣ *С. Е. Звѣрева—Археологическія находки въ Воронежской губ. въ 1892—93 г.*, приводятся свѣдѣнія о находкахъ, главнымъ образомъ, монетъ, не представляющихъ особаго интереса.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ представилъ *Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Юго-Западный край и Крымъ*, гдѣ описываетъ встрѣченные имъ памятники армянской старины. Имъ посѣщены: г. Могилевъ на Днѣстрѣ, г. Каменецъ-Подольскъ (армянскій Николаевскій костелъ, построенный въ 1398 г. съ иконой Божіей Матери X в., ризница, портреты, надписи), с. Жванецъ, Кишиневъ, Григоріополь, мѣстности по Дунаю, Одесса, Аккерманъ (43 надписи, изъ нихъ одна X в.), Ѳеодосія (въ церквяхъ 53 надписи, одна XI в. и въ музеѣ—10 надписей, одна XI в.), Старый Крымъ, Симферополь. Поѣздка г. Кучукъ Іоаннесова показала, что югъ Россіи и въ частности Юго-Западный край могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для изслѣдователя армянской старины, и намъ кажется, что болѣе тщательные розыски дадутъ матеріала еще больше.

В.

Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi. *(III Zjazd historykow polskich w Krakowie).*

Небольшая брошюрка, въ 10 страницъ, занята, главнымъ образомъ, описаніемъ рисунковъ, помѣщенныхъ на приложенной таблицѣ. Сначала трактуется о пути отъ Черного моря къ Балтикѣ и главное вниманіе обращается на Припять («Припуть» по терминологіи автора, что означаетъ «при-пути»!), а дѣлается это съ той цѣлью, что въ

бассейнѣ Приняти, у нѣкоторыхъ селъ Овручскаго уѣзда, на песчаныхъ буграхъ, наряду съ цѣлой массой другихъ предметовъ, начиная отъ каменнаго вѣка и кончая XIX ст., были найдены, между прочимъ, и предметы, обратившіе серьезное вниманіе автора, послужившіе основаніемъ настоящаго реферата и признаваемые авторомъ за древнѣйшіе памятники христіанства на Руси.

Это, прежде всего, бронзовая привѣска въ видѣ рыбки, а рыба—символъ Спасителя, и потому наша «рыбка» должна относиться къ V-му вѣку и служитъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія христіанства въ этомъ вѣкѣ въ глубинѣ Полѣсья... Затѣмъ идутъ: привѣска въ формѣ схематическаго изображенія человѣческой фигуры—авторъ «вѣритъ», что это прототипъ пятиконечнаго креста, употреблявшагося въ первыя времена христіанства, два крестика—обычный типъ тѣльниковъ XI—XIII ст., но, по мнѣнію автора,—IX вѣка, каменный крестъ—очень и очень сомнительный въ отношеніи подлинности, бронзовый медальонъ въ формѣ сердечка—XVII или, что вѣрнѣе, XVIII в.,—по мнѣнію-же автора—XIV в., набивная бляшка въ формѣ сердечка, XI—XII ст., въ массѣ находимая на княжескихъ городищахъ, и еще нѣсколько крестиковъ, очень обычныхъ типовъ XI—XIII ст.—и все это памятники первыхъ временъ христіанства на Руси, отодвигаемаго авторомъ къ V-му вѣку, главнымъ образомъ, благодаря «рыбкѣ»! Конецъ реферата посвященъ рѣшенію еще одного капитальнаго вопроса: чѣмъ объяснить нахожденіе въ южной Россіи такой массы римскихъ монетъ I—III вв.? Дѣло обстоитъ очень просто: послѣ второго возстанія евреевъ, въ 135 году они были окончательно разсѣяны, забрели и на Русь и принесли съ собой римскія монеты...

М. К.

Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники Сѣвернаго Кавказа. *Москва. 1900. 4°. 381 стр. + карта + 134 табл.*

Настоящій трудъ гр. Уваровой займетъ выдающееся мѣсто въ археологической литературѣ, къ слову сказать, въ послѣднее время сильно оскудѣвшей. Какъ результатъ личныхъ раскопокъ и наблюденій, внимательнаго изученія и сравненія всего, имѣющагося въ

русскихъ и заграничныхъ музеяхъ, этотъ капитальный сводъ матеріала, касающагося могильниковъ Сѣвернаго Кавказа, долженъ послужить настольной книгой для всякаго, кто штудируетъ древности Россіи и особенно древности южно-русскія. Знакомство съ древностями Кавказа началось для графини Уваровой съ 1879 г. и съ того времени не прекращался интересъ къ нимъ. Будучи участницей многочисленныхъ раскопокъ покойнаго гр. Уварова и его сотрудниковъ (В. Б. Антоновича, В. Л. Береиштама, г. Полякова, А. А. Руссова и др.), продолжая, затѣмъ, раскопки самостоятельно, гр. Уварова накопила громадный запасъ свѣдѣній. «Я весьма долго не воображала, говоритъ гр. Уварова въ предисловіи, возможнымъ лично для себя обработку и изданіе собираемаго матеріала, не воображала потому, что не считала себя довольно подготовленною для столь трудной задачи и ожидала случая передать кому-либо, болѣе достойному, собранный матеріалъ, дневники и личныя наблюденія. Но годы идутъ; времени прошло не мало, не только со времени первыхъ систематическихъ раскопокъ на Кавказѣ, но даже и съ кончины графа; надвигается старость, и меня начинаетъ разбирать страхъ—унести съ собой въ могилу все, что пришлось видѣть и слышать о могилахъ Кавказа, и оставить снова весь собранный драгоцѣнный матеріалъ безъ описанія и обработки. Думаю, что издавъ его, какъ умѣю, со многими таблицами и цинкографіями, я, несмотря на всѣ недочеты своихъ познаній, все-таки послужу дѣлу и дамъ возможность русскимъ ученымъ, во-первыхъ, оправдаться предъ Европой изданіемъ научнаго матеріала, всецѣло принадлежащаго Россіи, но до сихъ поръ обработаннаго преимущественно иностранными учеными, и во-вторыхъ—воспользоваться имъ для дальнѣйшихъ трудовъ и научныхъ выводовъ, которые станутъ возможнѣе и доступнѣе при матеріалѣ, собранномъ въ одно цѣлое и болѣе или менѣе систематизированномъ»... Данный томъ составляетъ лишь начало цѣлаго ряда такого рода сводовъ по древностямъ Кавказа, по немъ можно судить о грандіозности предпринятой работы. Здѣсь, одно за другимъ, слѣдуетъ цѣлая масса описаній изслѣдованныхъ могильниковъ, представляющихъ огромное разнообразіе въ отношеніи времени происхожденія, погребальныхъ обрядовъ, типовъ найденныхъ предметовъ. Изложеніе состоитъ изъ характеристики мѣстности, описанія хода раскопокъ, перечисленія и детальнаго описанія добытаго инвентаря и въ концѣ—выводовъ. Если прибавить, что все это иллюстрируется, дополняется и объясняется

массой таблицъ, превосходно исполненныхъ фототипіей и хромолитографіей, а также рисунками въ текстѣ, то станетъ очевиднымъ то серьезное, *научное* значеніе, какое представляетъ настоящій трудъ. Опубликованіе массы неизвѣстнаго или мало доступнаго матеріала открываетъ новыя перспективы въ объясненіи многихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурными взаимоотношеніями древности, взаимоотношеніями, затронувшими отчасти и нашъ югъ, такъ что, несмотря на ту скромность, съ какой говоритъ о своемъ трудѣ гр. Уварова, его нужно поставить на ряду съ замѣчательными научными открытіями, сильно измѣняющими движеніе и направленіе научной работы.

В.

Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów, Kultura przeddziejowa.
(*Biblioteka Warszawska*, *ноябрь и декабрь 1900 г.*).

Ксаверій Хамецъ время отъ времени помѣщаетъ въ названномъ журналѣ небольшіе очерки, посвященные первобытной культурѣ Кіевщины. Авторъ хорошо знакомъ съ мѣстными памятниками древности, хорошо знаетъ также и западно-европейскую археологическую литературу. Сближеніе и освѣщеніе нашихъ древностей съ данными западно-европейскими и составляетъ главную цѣнность этихъ очерковъ. До сихъ поръ авторъ трактуетъ пока еще древности каменнаго вѣка.

Въ первой статьѣ, послѣ небольшого вступленія, гдѣ говорится о находкахъ т. н. «площадокъ» съ культурой восточнаго происхожденія, и амфоръ, также чужеземнаго происхожденія (хотя нужно замѣтить, что для отнесенія послѣднихъ къ каменному вѣку пока еще нѣтъ данныхъ), авторъ все вниманіе сосредоточиваетъ на погребеніяхъ въ каменныхъ гробахъ или кистахъ. Такого рода памятники встрѣчены въ сѣверной, лѣсистой части Кіевщины, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы имѣемъ лишь очень немного свѣдѣній объ этихъ находкахъ. Объясняется это тѣмъ, что надъ кистами, на поверхности земли, нѣтъ никакихъ насыпей или другихъ признаковъ, указывающихъ на ихъ существованіе,—находятъ ихъ лишь случайно.

Благодаря скудости матеріала, погребеніямъ этого рода Кіевщины авторъ удѣляетъ здѣсь немного мѣста, распространяется-же главнымъ образомъ о вопросахъ болѣе общаго характера, однако имѣющихъ отношеніе и къ настоящему. Здѣсь говорится о дольменахъ, объ ихъ происхожденіи, назначеніи, о связи дольменовъ съ кистами, причемъ доказывается, что кисты могли возникнуть и самостоятельно; поднимается затѣмъ вопросъ о томъ, одному-ли народу принадлежали дольмены и кисты, или разнымъ,—все это съ массой ссылокъ на факты.

Погребенія въ каменныхъ гробахъ относятся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка, къ бронзовому вѣку и даже захватываютъ желѣзный. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о первыхъ. Среди другихъ видовъ погребальнаго обряда этой эпохи, встрѣчающихся въ Кіевщинѣ, этотъ типъ относится къ позднѣйшему времени. Именно, самымъ древнимъ авторъ считаетъ погребеніе въ землѣ трупа, завернутаго въ кору или шкуру—типъ, общій и для сѣверной и для южной части Кіевщины. Затѣмъ, въ южной, степной, части края господствующимъ является совмѣстное погребеніе нѣсколькихъ труповъ въ курганахъ, въ сѣверной-же, лѣсной —погребеніе въ кистахъ. Этотъ послѣдній типъ, по мнѣнію автора, возникъ здѣсь не самостоятельно, а былъ занесенъ съ юго-запада, изъ покутско-подлясскаго Подкарпатья. Въ заключеніе авторъ касается географическаго распространенія всѣхъ каменныхъ гробовъ, къ какой-бы эпохѣ они ни относились (конечно, рѣчь идетъ лишь о доисторическомъ времени). Въ этомъ отношеніи авторъ дѣлитъ Европу на двѣ части: восточную и западную, и принимаетъ за раздѣляющую линію теченіе Западной Двины и Днѣпра, хотя добавляетъ, что отъ этой главной линіи шли и отклоненія. Такъ, на югѣ, отъ средняго теченія Днѣпра до Чернаго моря, распространеніе каменныхъ гробовъ скорѣе можно констатировать въ бассейнахъ Буга и Днѣстра, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра.

Начало второй части посвящено обширному обзору и характеристикѣ погребеній въ каменныхъ гробахъ на всемъ обширномъ пространствѣ Западной Европы. Разбивъ, затѣмъ, всѣ эти данныя на группы по мѣсгонахожденію, авторъ постепенно приближается къ востоку, къ каменнымъ гробамъ, обнаруженнымъ въ южной Россіи. Они образуютъ здѣсь обособленную группу, названную авторомъ подольско-волынско-полѣсской и составляютъ какъ-бы самостоятельное

гнѣздо. Авторъ даетъ перечисленіе находокъ въ данной области, попутно отмѣчаетъ сходство въ археологическомъ отношеніи Подоліи русской и галицкой и послѣ этого «длиннаго путешествія», какъ онъ говоритъ, возвращается къ Кіевщинѣ, но не надолго, такъ какъ матеріалъ, какъ указано выше, здѣсь очень ограниченъ. Въ концѣ статьи вниманіе автора снова привлекаетъ культура съ расписными сосудами, составляющая, какъ извѣстно, уже переходъ къ металлу. Что касается происхожденія этой культуры, то авторъ присоединяется къ общепризнанному мнѣнію именно слѣдующему: новый типъ расписанной посуды, по всей вѣроятности черезъ Венгрію и Подолію, вмѣстѣ съ южной культурой, достигъ Кіевщины; здѣсь онъ засталъ мѣстную культуру и, наряду съ ней, другую, пришедшую съ сѣверо-запада (тутъ авторъ отчасти противорѣчитъ раньше высказанному положенію), быть можетъ отъ оз. Гопла или изъ теперешнихъ Кунъ, представителями которой являются каменные гробы.

Вопросъ о погребеніяхъ въ кистахъ почти не былъ затронутъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ, уже и теперь имѣющіяся данныя говорятъ за распространеніе этого типа на югѣ Россіи, но нужны еще факты, а для этого нужны и спеціальныя изслѣдованія,—статьи К. Хамца очень кстати ставятъ на очередь этотъ вопросъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать автору,—это черезчуръ ужъ растянутое изложеніе, снабженное массой подробностей, мало интересныхъ для читателя-неспеціалиста, для котораго и предназначена статья.

В

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 2; 2) Русская Старина, № 2; 3) Историческій Вѣстникъ, № 2; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 2; 5) Вѣстникъ Европы, № 2; 6) Русская Мысль, № 2; 7) Научное Обозрѣніе, № 2; 8) Книжки Восхода, № 1; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 2; 10) Ateneum, № 2; 11) Biblioteka Warszawska, № 2; 12) Slovanský Přehled, № 6 (3); 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 2; 14) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 12 1900 г. и 1 за 1901 г.; 15) Варшавскія Университет-

скія Извѣстія, 1900 г. № 9; 16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 1; 17) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 1; 18) Міръ Божій, № 2; 19) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 1.

Русскій Архивъ, № 2.

П. А. Матвѣевъ.. Москва и Малороссія въ управленіе Ордина-Нащокина Малороссійскимъ Приказомъ.

Послѣ краткаго обзора событій, предшествовавшихъ непосредственно смерти Хмельницкаго, авторъ переходитъ къ опредѣленію отношеній Ордина-Нащокина къ Малорусскому вопросу и степени его участія въ немъ. Какъ извѣстно, Ординъ-Нащокинъ не видѣлъ пользы въ присоединеніи «Черкасскихъ городовъ» къ Московскому государству и въ этомъ направленіи старался повліять и на Алексѣя Михайловича. Однако политическія соображенія Московскаго правительства шли въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Нащокина.—Послѣ избранія гетманомъ восточной Украйны Брюховецкаго—начинается сближеніе съ Москвою, такъ какъ Брюхов. искалъ «Московской протекціи», и дѣйствительно, до 1667 г. вѣрно и усердно служилъ Москвѣ. Но Андрусовскій договоръ и слухи, что Нащокинъ заключилъ съ польскими панами союзъ противъ козаковъ—побудили Брюховецкаго къ «измѣнѣ» и къ сношеніямъ съ Дорошенкомъ. Въ Москвѣ, въ Приказѣ Малой Россіи, всполошились и занялись принятіемъ мѣръ къ успокоенію умовъ; но начальникъ Приказа Малой Россіи обнаружилъ при этомъ свое явное незнаніе людей и отношеній въ Малороссіи. Въ 1668 г. произошло извѣстное изгнаніе русскихъ воеводъ. Когда позже произведено было разслѣдованіе о причинѣ вспыхнувшаго въ Малороссіи возстанія, оказалось, что одной изъ причинъ было сомнѣніе, вызванное словами Ордина-Нащокина, который гетманскимъ посланцамъ говаривалъ, что царскому величеству Малороссія будто бы ненадобна, и Кіевъ будетъ вскорѣ отданъ Польскому королю.

Могила Гоголя (стр. 338). Сообщается о печальномъ состояніи могилы Гоголя въ Москвѣ.

—

Историческій Вѣстникъ № 2.

В. О. Михневичъ. Исторія карточной игры на Руси (главы V—VII) (стр. 559—587). Упоминается о «Банкахъ» гр. А. Г. Разумов-

скаго, большого любителя карточной игры, о карточной игрѣ въ Малороссіи и Запорожьи вообще (ссылка на «Энеиду» Котляревскаго и завѣщаніе прилуцкаго есаула М. Ѳ. Мовчана, писанное въ 1742 году—см. Русск. Архивъ, 1875, кн. I, стр. 320).

Нельзя не отмѣтить курьеза въ данной статьѣ. Говоря о Разумовскихъ, въ особенности о гетманѣ Кириллѣ Григорьевичѣ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и большой популярностью въ Малороссіи, и вообще о поднятіи, благодаря ихъ возвышенію, кредита всѣхъ вообще малороссовъ въ Петербургѣ, преимущественно богатыхъ представителей знатныхъ шляхетныхъ фамилій, авторъ добавляетъ: «*Потомъ* кредитъ этотъ, какъ извѣстно, былъ сильно уроненъ измѣной... *Мазепы*» (!)

Мелетій Васильевъ. Изъ прошлаго. Разсказы о Митрополитѣ Филаретѣ (стр. 816—818). Четыре небольшихъ разсказа о митрополитѣ Филаретѣ, записанные въ с. Выдыборѣ, Радомысльскаго у.,—о его щедрости, любви къ дѣтямъ, тактичномъ пресѣченіи въ консисторіи взяточничества, объ отказѣ отдать приходъ за дочерью матушки вдовы, вслѣдствіе крайне безобразной наружности невѣсты.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 831—834) помѣщенъ отчетъ о дѣятельности «Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ».

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 2.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія». *Ю. А. Кулаковскій*. Ѳ. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: Готы на Вислѣ СПБ. 1899». (стр. 500—526).

Рецензентъ указываетъ крупные недочеты въ трудѣ Ѳ. Брауна, какъ-то: неточное опредѣленіе родины готовъ, смѣлое установленіе термина a quo для исторіи славянскаго міра, погрѣшности въ толкованіи исторіи скифовъ.

—

Русская Мысль № 2.

Въ статьѣ *Н. Тулупова*: «*Книжные склады въ Россіи*» (стр. 15—43) приводятся нѣкоторыя данныя о книжной торговлѣ въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣкоторыми губернскими и уѣздными земствами устроены книжные склады (херсонск. и харьковское губернск. земства, кременчугск., александрійское, александровское, елисавет-

градское уѣздныя земства). Изъ неземскихъ губерній встрѣчаемъ краткія указанія на книжный складъ Кіевскаго Общества Грамотности. Изъ данныхъ о томъ, какія книги пользуются наибольшимъ спросомъ, отмѣчено, что «Наймычка» Шевченка пользуется особой популярностью среди крестьянокъ южныхъ губерній, а также довольно распространены «Сестрыця Галя» Гринченка й «Павло Чернокрылъ» Марко-Вовчка.

Д. И. Эварницкій. «Гайдамацкое движеніе и уманская рѣзня 1768 года». (стр. 44—71). Это есть публичная лекція, читанная авторомъ въ Петербургѣ въ мартѣ прошлаго года для усиленія средствъ Общества имени Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ.

Літературно-Науковий Вістник, № 2.

Маруся Богуславка, І. Куліша. Друга половина (конець буде) (стр. 117—139).

З військового шпиталю, оповідане М. Яцкова (140—150). Картинка госпитальныхъ нравовъ.

Над морем, оповідане Лесі Українки (конецъ, стр. 151—168). Изъ ялтинскихъ встрѣчъ; изображается типъ скучающей, пустой русской интеллигентной дѣвушки, ничѣмъ не занимающейся, кромѣ флирта и нарядовъ.

Так краще, оповідане Гр. Григоренка. (стр. 169—185). Изображается яркій типъ крестьянина (незаконнаго сына помѣщика), дармоѣда, отвыкшаго отъ какого-либо труда и потому живущаго на счетъ чужихъ силъ и средствъ. Оканчивается тѣмъ, что герой разсказа поджегъ скирды помѣщика и угодилъ на каторгу.

Разсказъ написанъ художественно и производитъ на читателя сильное впечатлѣніе.

Мінятюри: VI. Гармонія—Дніпрової Чайки. VII. Спокій духа—Гната Хоткевича, VIII. Гимн щастя, IX. На руінах—Ярос. Веселовського (стр. 186—193).

Із буддийської книги «Сутта-Ніпата», пер. Івана Франка (стр. 194—196).

Маруся, оповідане В. Г. Короленка (кон. буде) (стр. 197—230) Переводъ.

Із «Фантазіи реалиста». Лінкея (проф. Й. Поппера) (стр. 231—238). Въ высшей степени жизненныя сцены и картинки общественной жизни.

На порозі століття, М. Грушевського (стр. 77—87). Итоги культурнаго развитія украинской народности и надежды на будущее.

Споминки про Федьковича, Р. Зяклинського (далі) (стр. 88—104). Исторія букваря и «співанника», составленныхъ Федьковичемъ, и переписка по этому поводу Федьковича съ Вучинскимъ.—Воспоминанія о Федьковичѣ Семанюка (студента Вѣнскаго университета).

З російської України, Spectator'a (стр. 105—112).

Обзоръ украинской жизни за минувшій годъ: некрологи, юбилеи, общественная жизнь, національные споры, литература).

З подорожі по Европі, Андрія К—ського (стр. 113—120). З передмовою І. Франка.

Впечатлѣнія автора отъ посѣщенія имъ Швейцаріи.

Наукові листки I—VI. (стр. 121—131). 1) Кріза в біольогії,—І. Ф.; 2) Міжнародній звязок Академій Наук,—В.; 3) До характеристики М. С. Щепкина,—А. Я. (изъ «Вѣстника всемірной исторіи») 4) «Гумористичний орган» —по поводу «Славянского Вѣка»—С. Е.; 5) «Говорила баба до самої смерти» —по поводу послѣднихъ статей проф. Флоринскаго въ «Кіевлянинѣ», С. Е.; 6) Македонське питанне і сучачні фарисеі»—С. Е.

Хроніка и бібліографія (стр. 132—152). По обыкновенію, множество цѣннаго матеріала для текущей культурной жизни Галицкой Руси-Украины.

—

Slovanský Přehled, № 6 (3).

Ruźena Jesenská. Z poesie maloruske. Ivan Franko: Rozvejte se vetrem («Розвійтеся з вітром, листочки зівялі»), V Peremyśli, kde San zeleny plynè («В Перемишлі, де Сян зелений плине»), Ach, to je ta cesticka («Чи сеж тая стежечка»), Odevzdàni vire («Дожиданія»), Zivot a utrpeni, zajeti a smrt, muka i proslaveni svatého Seledia («Жите, страждання, мука і смерть, прославленне святого Селедія»), Kràcí vitr po žite («Гуля по ниві вітер»), Rozkaz proti hladu («Наказ проти голоду»), Na udolim viska lezi («При долині сельце стоіть»).

Переводъ 8 стихотвореній извѣстнаго талантливаго писателя, исполненный Р. Ясенской довольно удачно, съ сохраненіемъ размѣра подлинника.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 2.

Fr. Rawita-Gawroński. Wycieczki historyczno-archeologiczne po Ukrainie (стр. 131—148). Авторъ дѣлится впечатлѣніями отъ посѣщенія съ археологическими цѣлями Чигирина и Субботова. Между прочимъ онъ высказываетъ гипотезу, на основаніи нѣкоторыхъ личныхъ соображеній, что «Метрополь» Птоломея—долженъ быть вовсе не Кіевъ, а Чигиринъ. Заговоривъ о Субботовѣ, авторъ не удержался, чтобы не разразиться филиппикой по адресу Хмельницкаго («zbyt często pijanego Chmiela») и его «вредной» дѣятельности; останковъ же Хмельницкаго «поляки несомнѣнно не выбрасывали; довольно посмотрѣть на толщину стѣны, чтобы убѣдиться, что гробъ (Хмельницкаго) почиваетъ, если не въ церковномъ подвалѣ, то въ боковой стѣнѣ—только никто до сихъ поръ не искалъ его»!

Dr. Eugeniusz Romer. Rola rzek w historyi i geografi i narodów (стр. 149—161). (Окончаніе). Подтверждается примѣрами та мысль, что коммуникаціонное и торговое движеніе производится во всемъ мірѣ въ двухъ направленіяхъ: въ вертикальномъ, въ которомъ происходитъ постепенное водоизмѣненіе продуктовъ земли, вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій, и горизонтальномъ—въ которомъ измѣняются культуры.

Fr. Bujak. Długosz jako geograf (стр. 171—184). Указываются ошибки въ его географическихъ трудахъ; неправильное пріуроченіе названій, напр., къ рѣкамъ въ Польшѣ и въ нынѣшней Малороссіи.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 12-й 1900 г. и № 1-й 1901 г.

№ 12. Въ отдѣлѣ «*Земское и городское хозяйство*» (стр. 34) сообщается о конкурсѣ для составленія учебниковъ русскаго языка и ариѳметики, приноровленныхъ къ особенностямъ народнаго языка и быта Полтавской губерніи.

Въ отдѣлѣ «Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія»: *Б. Гринченко.* А. М. Кулишъ (Ганна Барвинокъ). (По поводу сорокалѣтія ея литературной дѣятельности) (стр. 42—61).

Біографическій очеркъ и оцѣнка литературной дѣятельности писательницы, празднующей въ настоящемъ году сорокалѣтній юбилей своей литературной дѣятельности.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника» (стр. 61—63): *Александръ Яковлевичъ Конисскій.* Некрологъ, заимствованный изъ газеты «Кіевлянинъ».

Въ «*Приложеніяхъ*»:

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ нѣжинскаго полка, (стр. 353—417) (Окончаніе).

Здѣсь же приложено и предисловіе къ „Генеральному слѣдствію" (стр. I—IX).

Б. Д. Гринченко. Изъ усть народа. Этнографическіе матеріалы. (Отдѣльное приложеніе).

Очень цѣнный матеріалъ—малорусскіе разсказы, сказки и проч., составляющіе IV томъ въ высшей степени цѣнной серіи „Этнографическіе матеріалы".

№ 1. *О. Бѣлозерскій.* Родина. Сестра. Люблянка (стр. 66—74). Не большіе экскурсы въ область народнаго творчества—лирическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ явствуетъ, насколько малороссъ всегда тяготѣлъ къ культу кровной связи, а въ частности,—къ члену ея—сестрѣ, а также явствуетъ разница во взглядѣ на любовь великоросса и малоросса, разница въ степени женственности и домовитости украинской женщины въ сравненіи съ великорусской.

Экскурсы въ область пѣсеннаго творчества заставили автора прійти къ тому заключенію, что нашъ народъ „закристализовался въ формахъ родоваго быта", и къ первобытнымъ, еще отъ поры земледѣльческаго и номаднаго общеарійскаго быта, названіямъ, какъ то: folk—полкъ, полчище, gram—громада, ничего не прибавлялъ къ номенклатурѣ болѣе обширнаго общественнаго порядка. Поэтому становятся понятными тѣ неурядицы, которыми сопровождался каждый подъемъ народнаго духа въ нашей исторіи: не было понятія, а слѣдовательно и слова, которое бы всѣхъ соединяло.

О. Ильичевскій. Земледѣльческіе кружки въ Галиціи (стр. 116—121). Свѣдѣнія о достойной подражанія дѣятельности Львовскаго „Общества Земледѣльческихъ Кружковъ", достигшаго въ теченіе 15 лѣтъ того, что въ настоящее время въ Галиціи нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было организовано земледѣльческаго кружка.

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 1.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. (Продолженіе) (стр. 1—34). Перечисляются переводные труды А. Курбскаго, а также отмѣчается благотворная дѣятельность К. К. Острожскаго въ дѣлѣ просвѣщенія (типографіи, изданія по его мысли и порученію: Апокризисъ и др.)

Труды Кіевской Духовной Академіи № 1.

Н. И. Петровъ. Историко-археологическій очеркъ г. Брянска, Орловской губерніи, и его отношеній къ Кіеву (стр. 3—33). Историческія свѣдѣнія о г. Брянскѣ Орловской губ. съ XII в. и по настоящее время. Зависимость г. Брянска отъ Кіево-Печерской Лавры въ XVII и XVIII вв. Археологическій интересъ къ г. Брянску (Церковныя древности).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 2 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ, на 1-ой страницѣ, прекрасный портретъ Т. Г. Шевченка и такая же статья А. Ефименко «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка», въ которой авторъ отмѣчаетъ особенное значеніе Шевченка для Украины, не какъ поэта лишь, а какъ и дѣятеля историческаго, способствовавшаго возникновенію національнаго самосознанія у цѣлой народности. Тамъ же помѣщенъ переводъ стихотв. А. Я. Конисскаго «На смерть Т. Г. Шевченка» (пер. принадлежитъ Ив. Бѣлоусову).

Въ № 1 журн. «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

Въ № 40 газеты «Новости и Биржевая газета» помѣщена интересная статья А. Лотоцкаго *«Украинскій театръ»*, представляющая обстоятельный историческій очеркъ развитія театральнаго искусства въ Украинѣ въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ. Очеркъ содержитъ много новыхъ данныхъ для исторіи украинскаго театра во второй половинѣ минувшаго столѣтія, когда театральное искусство достигло наибольшаго развитія и стало на твердую почву. Статья эта, несомнѣнно,

займетъ почетное мѣсто въ небогатой понынѣ литературѣ украинскаго драматическаго искусства.

—

Исполнившееся въ 1898 г. столѣтіе малорусской литературы составило предметъ статьи Г. Адама въ послѣднемъ выпускѣ Magazin für Literatur. Сообщивъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ этой литературы и объ ихъ произведеніяхъ, авторъ заключаетъ, что не смотря на непрерывную борьбу съ различными препятствіями, малорусская литература продолжала развиваться и можетъ уже выставить рядъ именъ, которыя сдѣлали бы честь любой литературѣ. (Русск. Вѣд. № 24).

—

Въ 1894 г. изъ-подъ пера нѣкоего А. Тодароделла Галіа вышла на итальянскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ „Положенія русскаго гражданскаго права“ (Istituzioni di diciitto civile russo «per A. Todaro della Galia. Torino-Roma. L. Roux e C. librai—editori. 1893, 8°, XXVIII+498). Сочиненіе посвящено императору Александру III, написано на основаніи свода законовъ Рос. Имперіи (т. X, ч. I) и другихъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ и раздѣляется на 3 части, изъ которыхъ одна носитъ названіе: «Disposizioni specialitei governi di Tchernigof e Poltava» (стр. 237—251) и трактуетъ о семейныхъ, имущественныхъ и наслѣдственныхъ отношеніяхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Цѣль автора, очевидно, знакомаго съ русскимъ языкомъ,—содѣйствовать своимъ трудомъ расширенію данныхъ для сравнительнаго изученія права въ разныхъ странахъ.

—

Въ № 16 газ. «Кубанск. Областн. Вѣдомост.» помѣщено письмо въ редакцію М. О. Поночовнаго «Къ вопросу объ основателяхъ гор. Темрюка», въ которомъ сообщаются данныя о началѣ заселенія мѣстности г. Темрюка прапрадѣдомъ автора корреспонденціи—Демьяномъ Поночовнымъ.

—

Въ № 41 газ. «Дѣло» помѣщена статья «Справа народнихъ шкилъ на Украини», въ которой отмѣчены ходатайства земствъ въ послѣдніе годы о допущеніи въ народныя школы украинскаго языка и книгъ.

—

Въ послѣднемъ, XXVIII выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» помѣщено обширное изслѣ-

дованіе Е. С. Токайшвили «Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида». Въ этомъ послѣднемъ приводятся (стр. 158—159, прим.) интересныя данныя армянскаго писателя XI в. Асохика объ участіи русскихъ войскъ въ военныхъ дѣйствіяхъ царя Василія (греческаго) въ концѣ X столѣтія противъ Грузіи: «ихъ было 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя рузовъ (русскаго) въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ то же самое время рузы увѣровали во Христа".

—

Въ № 15 (1) издаваемаго въ Вѣнѣ «Славянскаго Вѣка» помѣщена любопытная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья К—сы, „Проф. Карѣевъ во Львовѣ". Указавъ на то, что молодежь, собравшаяся въ „Академічній Громадѣ" слушала лекцію на „общерусскомъ языкѣ", и, значитъ, она понимаетъ этотъ языкъ, и онъ не такъ далекъ отъ малорусскаго—авторъ даетъ отъ себя въ высшей степени интересное объясненіе, которое считаемъ не лишнимъ заимствовать оттуда. „Знаніе русскаго языка молодежью русской Галиціи - результатъ дѣятельности проф. Грушевскаго, какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ для нѣкоторыхъ. Воспитанныхъ русской школы, человѣкъ русской культуры, онъ выгодно отличается отъ своеобразной человѣческой (!) породы рутенцевъ Галиціи, или отъ исключительныхъ этнографическихъ малоросовъ, и будучи малоросомъ, проф. Грушевскій не перестаетъ быть русскимъ вообще. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность г. Грушевскаго и ея результаты возбужаютъ недовольство и разочарованіе гг. Бобжинскихъ и Барвинскихъ, которые ждали нѣчто другое (!) отъ «выписаннаго» профессора. *Что касается «украинства» въ дѣятельности г. Грушевскаго, то оно не оказываетъ вреднаго вліянія на Россію*, и *всей своей остротой направлено противъ полонизма, отъ котораго спасаетъ галицкое русское населеніе.* Слѣдовало бы понять это и многимъ другимъ людямъ въ Россіи: *безъ галицкаго украинства русское населеніе, можетъ быть, совсѣмъ пропало бы, не находя никакой поддержки изъ Россіи*».

Въ томъ же номерѣ (стр. 25), говоря о юбилеѣ А. С. Петрушевича по случаю 80-лѣтія со дня его рожденія, редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ „странную, чтобы не употреблять болѣе рѣзкаго

выраженія, выходку предсѣдательницы Рус. Археолог. Общества, гр. Уваровой, вздумавшей привѣтствовать *русскихъ* на *русскомъ* (курсивъ подлинника) торжествѣ не *по-русски*, какъ это дѣлали даже многіе славяне (проф. Кадлецъ изъ Праги), а по-французски". „*Ужъ лучше было бы по-малорусски, чѣмъ по-французски*"—прибавляетъ отъ себя, должно быть имѣя въ виду остроту, редакція, „Славянскаго вѣка".

—

Въ вѣнскомъ еженедѣльномъ журналѣ „Arbeiter-Zeitung" въ № 42 отъ 4 февраля (с. г.), начата печатаніемъ повѣсть Ивана Франка «Boa Constrictor», въ переводѣ Карла Гельбиха.

—

Съ начала настоящаго года во Львовѣ начало выходить новое изданіе «*Газета господарска*», издаваемая Василемъ Королемъ. Выходитъ она дважды въ мѣсяцъ. (Дѣло, г. 27).

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію драматическою цензурою.

По 1 декабря 1900 г.

1) Гайдамака. Драма у 4 діяхъ. Сочиненіе А. В. Гродзенка.

2) За кровъ (?), добро и крывду людську,—драма въ 5 актахъ С. Е. Зиневича.

3) Панъ Халявскій. Комедія-фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ А. Т. Грабины (по печатному изданію).

4) Шыто-крыто, або и козы сыти и сало цило,—комедія въ 5 дѣйств., 7 карт. Соч. А. А. Лемешко.

По 1 января 1901 г.

1) Бидолашна, або зруйноване щастя. Драма въ 3 дѣйствіяхъ П. В. Цыганенка.

2) Коханци-школныкы Комед. въ 2 дѣйств. Съ пѣніемъ (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе С. Ф. Воронки.

3) Несподивана халепа. Драма въ 2 дѣйств. В. Русинова.

(Правит. Вѣстн.).

—

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Александръ Яковлевичъ Конисскій. Некрологъ. Отт. изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1901, 1—27.

Бочкаревъ, К. П. Очерки Лубенской старины. Лубенскій музей Е. И. Скаржинской. Историческій отдѣлъ. Вып. I. Со старинными планомъ и видами г. Лубенъ. Москва, 1901, in 4°, 39 стр.

Былое. 1) Дѣдъ Евменъ. 2) Не молотъ лѣнь учитъ, а голодъ. Переводъ съ малороссійскаго. Съ рис. П. Е. Литвинскаго. Ц. 30 коп.

Веретельникъ Андрей. Два брата. Оповідане. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича. Ст. 64 мал. 8°. Ціна 32 сот.— «Бібліотека для русской молодежи», т. XLIV.

Гринченко Б. Д. Изъ устъ народа. Малорусскіе народные разсказы, сказки и проч. («Приложеніе къ XII кн. «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» за 1900 г.), Черниговъ, 1900, стр. I—VIII, 1—488.

Драгоманов М. Микола Іванович Костомарів. (Біографическій очеркъ Костомарова, напечатанный въ 1—2 № «Світа» за 1881 г; письмо Костомарова къ Драгоманову, напечатанное въ январѣ 1877; двѣ шутки Костомарова). Видане «Літерат.-Наукової Бібліотеки», 7—9. У Львові, 1901. Ціна 16 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1901, кн. 1. Т. XXXIX. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор Зміст: 1) Памяти Олександра Кониського,—написав Михайло Грушевський, 2) Недруковані поезиі Т. Г. Шевченка, подав Олександер Кониський, 3) Варіянти на де-котрі Шевченкові твори, подав Олександер Кониський (кінець), 4) Поглядъ на сучасный стан історичних розслідів українсько-руської літератури. Найдавнійший період. Кілька проблем і дезидератів, написав Др. Олександер Колесса, 5) Латинські інфінітіви на ier, написав Іван Копач, 6) Miscellanea: а) Вірша епископа И. Шумлянського про події 1683—6 рр., подав. Ів. Франко; б) Сотворене жінки (пародия), з народних уст, подав др. Олексій Маркевич. Наукова хроніка.

Збірник математично-лікарської секциі Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VII, вип. I. Часть математично-природописна під редакциею Івана Верхратского і Володимира Левицкого. У Львові 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім.

Шевченка. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Володимир Левицкий. До теорії рядів степенних. 2) Софрон Матвіяс. Де-що про лучі Бакереля. 3) Володимир Левицкий. Короткий начерк теорії функций автоморфних. 4) Стефан Рудницкий. Про плями сонічні (часть перша). 5) бібліографія і хроніка математично-фізична.

Каммереръ Вильгельмъ. Звонокъ. Переклавъ Якôвъ Зробекъ. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича. Ст. 44, мал. 8°. Ціна 20 сот.— «Бібліотека для рускои молодежи», т. XLV.

Колесса Ол. Погляд на сучасний стан історичних розслідів українсько-руськоі літератури. Найдавнійший период. Кілька проблем і дезідератів. У Львові, 1901, Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 40, вел. 8°. (Відбитка із XXXIX т. Записок).

Марта Борецка. Історичне оповідане. Друге видане. Вид. «Руского Товариства Педагогічного» у Львові (ч. 82), 1901, стр. 72. Ціна 64 сот.

Мосора Михаиль. Народни казки. Часть І. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича, Ст. 32, мал. 8°. Ціна 20 сот.— «Бібліотека для рускои молодежи», т. XLVI.

Народні оповіданя Марка Вовчка. І. Козачка. Чары. Видане „Руского Товар. Педагогічного“ у Львові (ч. 81), 1901, стр. 32. Ціна 30 сот.

Пачовский М. Народні думи. Частина І. Видане «Руского Товариства педагогічного» (ч. 84). Львів, 1901. Зміст: «Думи про сестру та брата», «Про вдову і трьох синів», „Про невольницкий плач“, «Про Марусю Богуславку», «Про трьох братів Озовских», «Про Самійла Кішку».

Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1861 года по 1 іюня 1900 года. Выпускъ 1-й. Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Составлено по порученію Полтавской губернской земской Управы. Полтава, 1900, 1—402+119.

Пулюй Іван Др. Нові і перемінні звізди. Видане «Літерат.-Науково бібліотеки», ч. II. У Львові, 1901, Ціна 15 стр.

Пятка Стефан. На прічках. Видане «Руского Товариства Педагогічнооого» у Львові (ч. 80), 1901, стр. 34. Ціна 30 сот.

Раковський Іван. Вік нашоі землі (Передрук з 1 кн. «Літ.-Наук. Вістника за р. 1901). Видане «Літерат.-Наукової Бібліотеки», ч. 7. у Львовъ, 1901. Ц. 10 сот.

Руска читанка для першої кляси шкіл середних. Уложив Сергій Шпойнаровский, ц. к. професор гімназияльний. Чернівці, 1900. Накладом Енгля і Суханки. З друкарні товариства «Руської Ради». Ст. 248 in 8°.

Самостоятельная Украина. Рѣчь, произнесенная в 39-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка. Перевод с украинскаго. Изданіе А. Б. Ворога. № 1. 1900 год. Ст. XVIII+46, in 4°. Ціна 60 коп.

Теодоровичъ Н. И. Волынская духовная семинарія. Исторія первоначальнаго ея устройства и списки учащихся за столѣтній періодъ существованія семинаріи. Житомиръ, 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Чехов А. Каштанка. Оповідане. Переклала М. Грушевська. Вид «Літерат.-Наукової Бібліотеки», ч. 8. У Львові, 1901. Ціна 15 сот.

Якъ оберегатыся себе видъ виспы. Про скарлатыну (краснуха). Про сифилисъ (пранци). Про коросту (чухачка). Выдано Вс. И. Гуртомъ. № 7. Харьковъ, 1900, стр. 1—32 in 32°. Тино-литогр. „Печатное Дѣло", кн. К. Н. Гагарина. Ц. 3 коп.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

15 января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ просьбу П. П. Короленко о сообщеніи ему черезъ посредство комитета изъ московскихъ архивовъ матеріала о вещахъ, неизвѣстно куда поступившихъ изъ церкви Чартомлынской сѣчи (послѣ разоренія ея въ 1709 г.) изъ церкви Подпольской сѣчи (послѣ разоренія въ 1755 г.), а равно описей войсковыхъ клейнодовъ, указанныхъ сѣчей. Въ виду того, что этотъ матеріалъ необходимъ г. Короленкѣ для подготовляемой имъ къ харьковскому археологическому съѣзду статьи о церковныхъ древностяхъ кубанскихъ козаковъ, постановлено обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ московскому предварительному комитету.

Прочтено сообщеніе А. Яковлева о случайно произведенной имъ раскопкѣ могилъ доисторическаго вѣка въ холмахъ у рѣки Чиръ, въ Донской области, о нахожденіи имъ въ одной могилѣ пяти скелетовъ, а въ другой—трехъ, причемъ кости всѣхъ скелетовъ были красноватаго цвѣта; при нихъ найдено нѣсколько штукъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кремневыхъ ножей.—Постановлено г. Яковлева благодарить за сообщеніе и просить о высылкѣ кремневыхъ предметовъ для выставки съѣзда.

Прочтено сообщеніе С. Л. Ивановича о произведенной имъ раскопкѣ кургана, находящагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Пет-

ровской волости, зъ 3-хъ верстахъ отъ слободы Валвенкиной, на правой сторонѣ р. Донца. Въ могилѣ, на глубинѣ 1¼ аршина, найдены обожженные угли, горшокъ, деревянный ящикъ съ человѣческими костями, разбитыми, съ черепомъ, сверху приплюснутымъ, безъ челюсти; около черепа горшокъ; между костями—металлическія украшенія въ видѣ серегъ. Постановлено благодарить г. Ивановича за сообщеніе и за доставленныя вещи.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ, что комитетомъ получены отъ секретаря харьковскаго губернскаго статистическаго комитета свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, имѣющихся въ различныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи. Постановлено: мѣсто нахожденій бабъ помѣстить на археологической картѣ Харьковской губерніи, составляемой проф. Д. И. Багалѣемъ, сдѣлать фотографическія снимки съ каменныхъ бабъ и произвести раскопки тѣхъ кургановъ, на которыхъ эти бабы находятся.

Согласно предложенію московскаго предварительнаго комитета, рѣшено собрать свѣдѣнія о различнаго рода археологическихъ коллекціяхъ, собраніяхъ, имѣющихся у помѣщиковъ, купцовъ, и вообще, частныхъ лицъ Харьковской губерніи, путемъ обращенія въ газетахъ, и, кромѣ того, рѣшено просить о содѣйствіи и помощи въ этомъ отношеніи губернатора, земскую управу и земскихъ начальниковъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: а) о поступленіи свѣдѣній по программамъ комитета отъ народныхъ учителей Волчанскаго уѣзда, причемъ прочиталъ сообщенія учителя Верхне-Салтовскаго народнаго училища В. Бабенко, приславшаго цѣлую коллекцію предметовъ древности и этнографическихъ; б) о просьбѣ, обращенной отъ имени комитета къ духовной консисторіи и г. попечителю округа, указать священникамъ и народнымъ учителямъ, недоставившимъ свѣдѣній—срокомъ доставки таковыхъ—15-го марта сего года, по этому же поводу рѣшено: въ виду малоостающагося времени до съѣзда и необходимости произвести подготовительныя работы (составленіе каталоговъ, фотографированія и проч.)—просить всѣхъ, кто имѣетъ что доставить для выставокъ при съѣздѣ—присылать теперь же комитету.

Проф. М. Г. Халанскій познакомилъ съ продолженіемъ описи коллекціи г-жи Томилиной и нѣкоторыми рукописными книгами (соборное уложеніе Алексѣя Михайловича; сборникъ

XVIII в.: Александрія, Русская лѣтопись до 1706 г., Бесѣды о трехъ святителяхъ и др.) и старопечатными (Ифигенія въ Тавридѣ, драма на музыкѣ (1768) и драма „Сократъ"), полученными имъ изъ Бѣлгорода (отъ г. Мичурина); далѣе прочелъ собщенную г. Лернеромъ народную свадебную пѣсню.

Постановлено выразить благодарность инспектору народныхъ училищъ Волчанскаго уѣзда; народнымъ учителямъ этого уѣзда, Н. С. Пономарову (приславшему рукопись XVIII в.— Акафистъ покрову Пресвятой Богородицѣ) и всѣмъ лицамъ, сообщившимъ свѣдѣнія и предметы; также напечатать приготовленныя проф. Ю. И. Морозовымъ карты подземныхъ ходовъ въ г. Харьковѣ.

Е. Р.

Ученыя общества.

Въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Археологическаго Института, 12-го января, въ 23-ю годовщину основанія Института, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей, въ которомъ сдѣланы сообщенія: 1) гр. А. А. Бобринскимъ—„Археологическія изысканія въ Приднѣпровьи. Результаты, добытые раскопками послѣднихъ 20-ти лѣтъ. Задачи будущаго" и 2) Н. В. Покровскимъ—„Отчетъ о состояніи губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій въ 1899 г."

Въ началѣ своего реферата гр. Бобринскій указалъ на общее положеніе дѣла изслѣдованія древностей Приднѣпровья, 20 лѣтъ назадъ, когда серьезная научная работа едва лишь начиналась, и на современное состояніе, обладающее уже многочисленными, цѣнными трудами и открытіями, далеко подвинувшими впередъ разработку различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ той или другой эпохой доисторическаго прошлаго Южной Россіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи референтъ, опираясь на факты, представилъ классификацію и характеристику разныхъ памятниковъ старины, въ такомъ изобиліи встрѣчающихся на среднемъ Приднѣпровьи. Подраздѣленія эти слѣдующія: 1) древне-каменная эпоха (палеолитъ), 2) енеолитическая (неолитъ, до-микенская культура, бронза), 3) скифо-сарматская, 4) переселенія народовъ

5) славянская и 6) велико-княжеская. Давъ, затѣмъ, приблизительную датировку каждой изъ эпохъ, гр. Бобринскій намѣтилъ въ концѣ, по отношенію къ каждому изъ періодовъ, тѣ вопросы, которые надлежитъ рѣшить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Рефератъ гр. Бобринскаго составляетъ вступленіе къ III-му тому его капитального труда „Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы",—по выходѣ послѣдняго въ свѣтъ, мы остановимся на немъ подробнѣе.

Н. В. Покровскій, очертивъ вкратцѣ положеніе архивныхъ комиссій, положеніе не всегда блестящее, главнымъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи, доложилъ отчеты нѣкоторыхъ комиссій.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Г. Л. Скадовскаго на о. Березани. Раскопки эти (лѣтомъ прошлаго года), давшія очень цѣнные результаты, продолжались полтора мѣсяца. Ихъ предполагалось закончить въ болѣе короткій срокъ, но осмотромъ на мѣстѣ констатировано варварское опустошеніе съ хищническими цѣлями громадной площади, заслуживающей точныхъ изслѣдованій, такъ, что раскопки пришлось расширить. Результатомъ изслѣдованій явился объемистый дневникъ, обработкой котораго занятъ теперь г. Скадовскій и болѣе 300-тъ всевозможныхъ предметовъ (глиняная и терракотовая посуда, м. п. и чернофигурная, бронзовыя стрѣлы, зеркала, кольца, браслеты; затѣмъ бусы, предметы изъ египетской пасты, 2 монеты—ассъ и одна серебр., еще пока неопредѣленная), кромѣ того, 4 ящика черепковъ, собранныхъ въ кострищахъ, въ погребальныхъ сооруженіяхъ и въ кладоискательныхъ ямахъ. Черепки эти принадлежатъ посудѣ, которую можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: а) аттическая чернолаковая и чернофигурная, VI в. до Р. Х., б) микенскаго типа и островной культуры, VII и VI в. до Р. Х., в) древне-милетская, г) іоническая, V в. до Р. Х. и д) посуда съ бѣлой накладной краской и краснымъ орнаментомъ.

Раскопками прошлаго лѣта программа изслѣдованія острова далеко неисчерпана и г. Скадовскій намѣренъ продолжать раскопки и въ настоящемъ году.

—

Раскопки проф. Н. И. Веселовскаго въ Кубанской и Донской областяхъ. Прошлымъ лѣтомъ, проф. Веселовскимъ были произведены раскопки въ слѣдующихъ мѣстностяхъ.

Въ Кубанской области. Въ Майкопскомъ отдѣлѣ: 1) большой курганъ на землѣ генер. Дукмасова, курганъ высотой болѣе 3 саж., 2) въ Курджинской станицѣ 3 кургана, изъ которыхъ одинъ большой, сложенный изъ камней, 3) въ казенномъ лѣсу подъ Майкопомъ 2 кургана и курганъ возлѣ сторожевой караулки тамъ же, 4) въ Тульской станицѣ 11 кургановъ, изъ которыхъ вещи оказались только въ 6-ти. Въ Кавказскомъ отдѣлѣ: 1) въ Зубовскомъ хуторѣ одинъ курганъ, высотой до 4-хъ саж., 2) въ участкѣ г. Зиссермана 4 кургана, изъ которыхъ одинъ высотой до 4 саж., 3) въ хуторѣ Ипмановскомъ 2 кургана, 4) въ поселкѣ Ванновскомъ 1 кург., высотой до 5 саж., 5) въ Александровскомъ поселкѣ 1 кург., 6) въ Казанской станицѣ 1 кург., высотой до 5 саж.

Въ Донской области. Произведены изысканія близъ Таганрога, на мѣстѣ Чуленскаго клада, и раскопаны 3 кургана, изъ которыхъ одинъ высотой до 3 саж.

—

Раскопки городища Шаргородъ. Въ „Лѣтописи“ еще не было помѣщено свѣдѣній объ этихъ раскопкахъ, произведенныхъ г. Хвойко въ послѣдніе годы,—настоящей замѣткой пополняемъ пробѣлъ. Городище находится въ 2-хъ верст. отъ с. Шарки, Васильковскаго у., Кіевск. г., состоитъ изъ 3-хъ частей, раздѣленныхъ валами и занимаетъ площадь до 11 десятинъ. При раскопкахъ были найдены комки обожженной глины, потрескавшіеся отъ огня камни, желѣзные ножи, стрѣлы, серпъ, бронзовыя пряжки и колечки, костяные наконечники стрѣлъ, стекляные браслеты и бусы. Былъ изслѣдованъ также холмикъ, эллипсовидной формы, поднимавшійся между первой и второй частью городища и имѣвшій 50 метр. длины и 20 м. ширины. Здѣсь открыто до 50-ти погребеній, въ томъ числѣ около 20-ти сожженій. Покойники лежали или въ рядъ, или рядами другъ надъ

другомъ, направленіемъ на югъ, юго-зап. и западъ. При нѣкоторыхъ покойникахъ найдены остатки обожженнаго дерева. На черепѣ одного скелета найдена парчевая повязка, шитая золотомъ и серебромъ, у реберъ—парчевый поясъ съ серебряными бляшками, на ногахъ—башмаки изъ краснаго сафьяна. На другомъ скелетѣ—то-же, кромѣ пояса. У нѣкоторыхъ скелетовъ встрѣчались также колечки изъ серебряной или бронзовой проволоки. При сожженіяхъ обнаружено большое количество угля и золы, перемѣшанныхъ съ костями, а также куски расплавленнаго стекла и поврежденныя огнемъ бляшки, желѣзныя пряжки и половина серпа. Въ юго-западномъ концѣ третьей части городища находится довольно много невысокихъ кургановъ, повидимому раскопанныхъ кладоискателями.

Случайныя находки.

Въ нижеслѣдующей замѣткѣ мы помѣщаемъ перечень находокъ послѣдняго времени, главнымъ образомъ прошлаго года, свѣдѣнія о которыхъ поступили въ Императ. Археологическую Комиссію.

Кіевская губ. 1. Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ мѣщанина Романцова, найдено до 15-ти фунтовъ серебряныхъ западно-европейскихъ монетъ XVI—XVII ст.; переданы въ Одесск. Общ. Ист. и Древн.—2. Въ с. Великой-Снѣтинкѣ, Васильк. у., крестьянинъ, при вкапываніи столба на огородѣ, нашелъ 4 цѣлыхъ шестиугольныхъ гривны, вѣсомъ 47 зол. 51 дол., 46 з. 24 д., 47 з. 10 д., 39 з. 80 д. и одну съ отрубленнымъ краемъ, вѣс. 29 з. 9 д.—3. Въ с. Степанцахъ, Каневск. у., на огородѣ найдено 12 зап.-евр. сереб. монетъ XVII ст.—4. Въ с. Великой-Березянкѣ, Таращ. у.,—также зап.-евр. монеты XVII ст.

Волынская губ. 1. У с. Жабче, Заслав. у., около 100 польскихъ и шведскихъ сереб. монетъ XVII ст.—2. Въ с. Башукахъ, Кремен. у.,—6 ф., 31 зол. польскихъ монетъ XVII ст.—3. У с. Поповцы, Кремен. у., 115 сереб. монетъ Сигизмунда III.

Подольская губ. 1. Въ м. Жванцѣ, К.-Под. у.,—852 польскихъ и эльбингскихъ солида XVII ст.—2. У с. Ярова, Брацл.

у.,—146 сереб. пражскихъ грошей Карла I и Венцеслава III; переданы въ Музей унив. св. Владиміра.

Полтавская г. 1. У с. Керасирщины, Переяесл. у., на берегу Альты, найдена 81 монета XVI ст., польскія и зап.-евр.; переданы въ Музей Полт. Губ. Земства.—2. Въ д. Софіевкѣ, того-же у.,—407 польск. и зап.-евр. монетъ XVII ст.—3. Въ с. Рудницкомъ, того-же у.,—29 такихъ-же монетъ.—4. На дачѣ д. Клепачи, Лубенск. у.,—6 золот. и 1519 сереб. зап.-евр. монетъ XVII ст.; часть поступила въ Эрмитажъ.

Екатериносл. губ. 1. Крестьянинъ д. Варваровки, Павлоградск. у., Д. Кришталь выоралъ очень интересный каменный топоръ—молотъ и представилъ *собственноручное* описаніе его въ Комиссію, снабдивъ даже рисункомъ.—2. Въ Бахмутскомъ у., въ курганѣ, на землѣ гг. Беклемишевыхъ, найдены 2 золотыя продолговатыя дутыя привѣски въ формѣ луницъ и 4 золот. цилиндрическія бусы; поступили въ Эрмитажъ.—3. Въ $2^1/_2$ верет. отъ д. Ново-Ивановки, Екатериносл. у., подъ кучей камней, на глубинѣ 1 арш., найдено каменное надгробіе въ формѣ саркофага съ полукруглымъ верхомъ, на бокахъ высѣчены арабскія надписи (изреченіе изъ корана, стихъ 265), надгробіе относится къ XIV или началу XV в.—4. При ломкѣ камня у с. Бородаевки, Верхнеднѣпровск. у., найдены 22 сереб. зап.-евр. монеты XVII ст.; переданы въ Одесск. Общ. Ист. и Древн.

Харьковская губ. На выгонѣ с. Колонтаева, Богодуховск. у., найдены 152 сереб. польскія монеты XVII ст.; переданы въ Музей Харьковск. университета.

Кубанская область. 1. Въ Ахтанизовской станицѣ, Темрюкскаго отдѣла, на ровной мѣстности, на глубинѣ 2 арш., найдена гробница, составленная изъ 5-ти каменныхъ плитъ; въ гробницѣ не оказалось ничего, но за одной изъ плитъ гробницы находился кладъ, заключавшій слѣд. предметы: желѣзный шлемъ, 2 сереб. сломанныя тарелки, сереб. бляхи отъ конскаго убора, стеклянную вазу съ ручками, металлич. зеркало, золотой вѣнецъ съ листьями, 2 золотыхъ обруча съ головками на концахъ, серебр. бляху съ штампованной головой, такую-же бляху поменьше, 2 золот. бляхи съ изображеніемъ птицъ, золот. бусинки, бляшки и пластинки, свернутыя въ трубочки.—2. На рѣкѣ Селенчугѣ, Тифлиск. почт

отд., въ курганѣ, найдены золотыя украшенія, горшки и желѣзные предметы.

Разныя извѣстія.

По слухамъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагаетъ объединить ученыя общества, желая придать имъ какую-нибудь опредѣленую организацію. На первой очереди стоятъ историческія общества, во главѣ которыхъ предполагается поставить Археографическую Комиссію.

—

Въ теченіи января и февраля въ Кіевскомъ Музеѣ Древностей и Искусствъ была открыта историко-археологическая выставка. Составъ ея приблизительно тотъ-же, что и въ 1899 году, когда такая-же выставка была устроена по поводу археологич. съѣзда. Дополненіе представляетъ коллекція Зноско-Боровскаго. Главную массу выставленныхъ предметовъ составляютъ коллекціи Б. И. и В. Н. Ханенко и В. В. Хвойки,— здѣсь есть довольно много новинокъ—результатовъ раскопокъ и пріобрѣтеній послѣдняго времени.

—

Крестьяне с. Ильинскаго (Парутина), Одесск. у., въ теченіи 1900 года усиленно занимались хищническими раскопками на мѣстѣ древній Ольвіи; добытыя древности сбывались евреямъ; при этихъ раскопкахъ былъ найденъ м. п. склепъ, въ которомъ находились расписныя вазы; причина раскопокъ—неурожай 1899 г.

—

Въ ночь на 8 февраля музей І. А. Хойновскаго (въ Кіевѣ) подвергся ограбленію; было украдено различныхъ цѣнныхъ предметовъ (табакерки, ордена и т. п.) на сумму до 30-ти тысячъ руб.; вещи разысканы.

—

Въ журналѣ „Отдыхъ“ за 1899—1900 г. находимъ одну замѣтку, касающуюся нашей области— „Старая Анастасіевская церковь въ г. Глуховѣ, Черниг. г.“, П. Райляна (№ 5, мартъ).

Замѣтка, передающая исторію церкви, снабжена двумя рисунками, изображающими видъ церкви со времени перестройки 1816 г. и часть церкви, предназначенную къ реставраціи и составляющую первоначальную церковь, построенную гетманшей Скоропадской.

—

Въ журналѣ „Искусство и художественная промышленность“ за 1899—1900 г. южно-русской старинѣ посвящены слѣд. двѣ статьи Е. М. Кузьмина: „XI Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ“, съ 13 снимками (№ 14, ноябрь) и „Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печерской лаврѣ“, съ 12 снимками (№ 17, февраль). Съ настоящаго года журналъ, бывшій органомъ Спб. Общ. Поощренія Художествъ, перешелъ въ собственность редактора Н. П. Собко. Не мотря на нѣкоторые промахи, за журналомъ нужно признать большую заслугу—онъ являлся единственнымъ періодическимъ изданіемъ, отражавшимъ художественную жизнь не только столицъ, но и провинціи, что, въ свою очередь, отзывалось на послѣдней въ смыслѣ возбужденія интереса въ вопросамъ искусства какъ стараго такъ и новаго. Желаемъ журналу дальнѣйшаго успѣха.

кую полковую и городовую старшину, при чемъ каждому была отведена особая „дѣляница". Былъ назначенъ участокъ и для Г—на, но не тотъ, который онъ занялъ на Гнилицѣ, а другой; устроенный имъ хуторъ на Гнилицѣ, по рѣшенію гетмана, долженъ былъ быть снесенъ, какъ записано Лизогубомъ въ его слѣдственномъ актѣ: „п. полковникъ, по именному рейментарскому указу, мѣетъ хуторъ тамъ стоячій—перенести на Свидовецъ, на тое мѣстце, гдѣ былъ хуторъ п. Дм. Горленка, подъ виною тысячи талярей на особу рейментарскую належную." Но „именной указъ рейментарскій" оказался безсильнымъ, такъ какъ Г—нъ своего Гнилицкаго хутора не снесъ. Изъ этого хутора къ концу XVIII в. образовалось с. Гнилица [1]).

С. Рудовка, руда Росоша. О началѣ этого села мѣстные старожилы, при генер. слѣдствіи, показали: „когда орды по Украину выходили, того часу Рудовка тѣми ордами опустошена, а потомъ, когда поселилось тамъ малое число людей, то Д. Горленко отдалъ людей (Рудовскихъ) Демьяну Якубовичу, у котораго Рудовка была отобрана полковникомъ Носомъ и отдана сыну его пасынка Петру Носенку". При этомъ Носъ выдалъ послѣднему слѣдующій любопытный „листъ": „Респектуючи на давніе заслуги небожчика блаж. памяти Ивана Носенка [2]) въ Войску Запор. роненіе одъ килка лѣтъ, а теперъ также взираючи на уставичные сына его п. Петра Носенка, значного полку нашго товариша, прислуги, и до далшихъ оного заохочуючи, надаемъ ему, п. П. Н—ку, на вспарте господарства его, въ подданство селце Рудовку зо всѣми тамошними посполитими людми. Прето, жебы оному п. П. Н—ку въ обладаню въ той помененной маетности его не смѣлъ нѣкто чинити перепоны,

---

[1]) Населеніе этого хутора по вѣдом. XVIII в. не показывается, если только одинъ изъ показанныхъ по вѣд. 1753 г.—Рудовскихъ хуторовъ, хуторъ «полковника Галагана» (6 д. 6 х.) не есть Гнилицкій. Въ 1861 г. въ с. Гнилицѣ было крестьянъ 786 м. п.; всѣ они принадлежали Галагану.

[2]) Это былъ Сребрянскій сотникъ Иванъ Бѣлецкій, пасынокъ Носа. См. стр. 127.

пилно мѣти хочемъ. Войтъ зась Рудовскій, жебы зо всѣми тамошними посполитими людми, *такъ цѣлими господарами, яко тежъ и подсусѣдками*, не чепаючи толко хуторовъ значныхъ пановъ особъ, вшелякое свое належитое послушенство безъ отмови до двора п. П. Н—ка отдавали, о тое пилно и срокго властію нашего полковницкою приказуемъ". (Прилука, 14 февр. 1709 г.) Этотъ „листъ" только что поставленнаго полковника, и выданный при томъ близкому своему свойственнику, по своей категоричности [1]) и включенію въ подданство подсосѣдковъ, указываетъ, что Носъ, получивъ полковничество по указу царя, очень высоко мнилъ о своей власти... По смерти П. Н—ка, Р—ка была утверждена въ 1734 г. за его сыновьями, по универсалу кн. Шаховскаго. **Кр. А.** 16 д. **В.** 10 д. **В.** 19 д. и въ хуторахъ Мих. Огроновича и Фед. Марковича 22 д. **Г.** 14 д. 14 х. Пс. 2 бд. х. **Д** 72 д. 77 х. Пс. 102 д. 113 х. 62 бд. х. **Кв. В.** нѣтъ **Г.** 5 д. 7 х. Пс. 4 бд. х. **Д.** 3 д. 15 х. Крестьяне по вѣд. 1780 г.—показаны во владѣніи: майоровъ Коцары и Ханенка и кол. ассес. Тарновскаго.

Рудовскіе хутора. Уже изъ Носоваго „листа" 1709 г.—видно, что ок. Рудовки и тогда были хутора „значныхъ пановъ особъ", возникновеніе которыхъ связывалось конечно съ обширностью Гнилицкой степи. Затѣмъ количество этихъ хуторовъ должно было увеличиться, когда Прилуцкая старшина въ 1719 г. получила назначенныя тамъ для нея „дѣляницы" (с. 193). По ревизіи 1740 г. показано 11 такихъ хуторовъ, съ населеніемъ въ 93 хатъ. Хутора эти показаны въ числѣ козачьяго, а не посполитаго населенія, но значитъ ли это, что населеніе хуторовъ состояло изъ козаковъ, обратившихся въ подсосѣдковъ?—Едва ли, такъ какъ по вѣд. 1718 г. въ Рудовкѣ козаковъ вовсе не значится. Быть можетъ, впрочемъ, что Рудовскіе хутора заселены подсосѣдками изъ козаковъ сосѣднихъ селъ... Въ вѣдом. 1740 года здѣсь показаны слѣдующ. хутора: 1) Полков. судьи М. Ягельницкаго—4 д. 4 х. 2) Капитана Параскевы (Нѣжинск.

[1]) Нѣтъ ссылки на «зверхнѣйшую» власть гетмана, который долженъ подтвердить «наданье» полковника.

грека)— 20 д. 20 х. 3) Зн. тов. Нестора Федорова—6 д. 6 х. 4) Полк. хор. Ив. Маценка—4 д. 4 х. 5) Якова (Михайловича) Огроновича—13 д. 13 х. 6) Полк. ес. Мих. Мовчана—2 д. 2 х. 7) Бунч. тов. Дм. Марковича—7 д. 7 х. 8) Марьи Носенковой (вдовы Петра Носенка?)— 1 д. 1 х. 10) Зн. тов. Ив. Сеня— 5 д. 5 х. 11) Капитана Тихонова [1])—16 д. 16 х. По вѣдом. 1753 г. количество Рудовскихъ хуторовъ удвоивается (23), при чемъ значительнѣйшими хуторами указаны: Дм. Маркевича (3 д. 10 х. и 15 бд. х.), б. тов. Ник. Троцкаго (10 д. 10 х.),

---

[1]) Тихоновъ былъ женатъ на вдовѣ Степ. Тарновскаго, владѣльца д. Манджосовки (с. 164) и с. Бѣлоцерковки. Отношеніе его къ мѣстнымъ людямъ видно изъ жалобы священника сосѣдняго с. Каплинецъ, который жаловался въ 1739 г. своему Пирятинскому протопопу, что въ 1721 г. онъ получилъ отъ одного изъ своихъ прихожанъ («на поминовеніе за преставлшіяся души») участокъ поля въ въ с. Бѣлоцерковцахъ, но такъ какъ этимъ полемъ завладѣлъ тамошній державца Тарновскій (Степанъ), то не имѣя возможности получить поле, онъ подарилъ его полковнику Галагану. Это было уже по смерти Степ. Тарновскаго. Засимъ, поле нужно было указать повѣренному Галагана, для чего священникъ и поѣхалъ въ Бѣлоцерковку, но когда онъ, тамъ, пришелъ во дворъ Тарновской, то послѣдняя «стала заразъ безчестить мене словами», пишетъ жалобщикъ, «а потомъ мужъ ея, капитанъ Михайло Тихоновъ велѣлъ мене перве, роздегать и бить плетмы, а когда же обнажили мене, то жена его упросила отъ плетей, и онъ вхопивши за волосы мене, билъ палкою нещадно, которому капитану сказовалъ я, что ручу тисячу рублей на ея в. величество, буди ти станешъ безъ права бить мене, и онъ не смотрячи тоей моей заруки, билъ и велѣлъ бить мене служителямъ своимъ, якіи служителѣ били мене догоняючи, покудова збили зъ ногъ, а якъ збили зъ ногъ въ гризь, били чуть не до смерти, чтъ уже я и не помню того, якъ мене остановили. И отдохнувши, я пошовъ и сховався въ горо́дахъ, ибо объявилъ нѣякійсь человѣкъ мнѣ, что берутъ конѣ—шукать и убить тебе, которіе и шукали въ разныхъ мѣстахъ, а именно: въ попадѣ, въ жида и въ царинного дѣда... А я сховавшись, лежалъ въ соломѣ, гдѣ уже пшла кровь носомъ и ротомъ»... (Арх. Кіевск. дух. консист.) Поданная обиженнымъ жалоба могла только установить, что побившій его капитанъ Михайло Тихоновъ служилъ въ Смоленскомъ пѣх. полку...

б. тов. Як. Тарновскаго (2 д. 9 х., 10 бд. х. [1]), морского флота отст. капитана Параскевы (5 д. 12 х. и 17 бд. х.).

С. Заиздъ, Удай, по универсалу 1716 г., Скоропадскимъ отданъ зн. в. тов. Якиму Горленку (внуку Лазаря Г—ка), передавшему это село своимъ потомкамъ. **Кр. П.** 12 д. **А.** 38 д. **В.** 38 д. **В.** 78 д. Пс. 1 д. **Г.** 44 д. 48 х. **Д.** 33 д. 54 х. 6 бд. х. Пс. 8 д. 17 х. **Кв. В.** 6 д. **Г.** 6 д. 9 х. Пс. 7 бд. х. **Д.** 6 д. 14 х. Умаленіе населенія въ З—дѣ за 10 лѣтъ (1729—740) почти вдвое—происходило, кажется, въ связи съ общимъ движеніемъ въ это время народа на правый берегъ Днѣпра. Въ 1780 г. З. принадлежалъ полковнику Петру Якимовичу Горленку, у котораго въ это время было около 500 д. крестьянъ м. п., въ томъ числѣ: въ Прилукѣ—44, Заиздѣ—212, Яблуновкѣ—112, Толкачовкѣ—14, разн. хуторахъ—43, при греблѣ Переводской—36, слободкѣ Обичевской—5, д. Будахъ—4, Калишовкѣ—11, Дѣдовцахъ—6, Краслянахъ—5 и Подищахъ—3. Все это было нажито главнымъ образомъ Якимомъ Горленкомъ, который былъ сначала генер. хоружимъ (1736—741), а потомъ генер. судьею.

С. Толкачовка, сліяніе Галки съ Удаемъ [2]), поселена въ по пол. XVI в. однимъ изъ Остерскихъ „бояръ", Романомъ Толкачомъ, какъ видно изъ слѣд.: при описаніи польскими люстраторами Остерскаго староства въ 1628 г., Остерскіе бояре показывали имъ листъ старосты Ратомскаго, писанный въ Острѣ 4 марта 1550 г., которымъ—одному изъ этихъ бояръ—Роману Толкачу, отдана Дѣвица („którym listem dawa Dziewiece Romanu Tołkaczowi") [3]). Здѣсь говорится о рѣчкѣ Дѣвицѣ, названіе которой осталось въ Нѣжинскомъ мѣстечкѣ Володьковой Дѣвицѣ и двухъ Прилуцкихъ селахъ—В. и М. Дѣвицахъ. Въ настоящее время рѣчка, при которой расположена Вол. Дѣвица, вливается въ Остеръ и назыв. Нов. Потокомъ (по картѣ Шуберта),

---

[1]) Вѣроятно это бывшій хуторъ Тихонова, такъ какъ Яковъ Тарновскій былъ его пасынкомъ.

[2]) По вѣд. 1740 г.—«воды чистой подъ тѣмъ селомъ не имѣется, а идетъ подъ тѣмъ селомъ рудка Дѣвица».

[3]) «Остерск. уѣздъ», Митр. Александровича (Кіевъ. 1881), 92.

рѣчка (нынѣ—Галка), при которой расположены оба села Дѣвицы—впадается въ Удай; водораздѣлъ ихъ находится у м. Лосиновки, въ Нѣжинскомъ уѣздѣ. Очень вѣроятно, что въ XVI в. рѣчка Дѣвица текла непрерывно отъ Остра до Удая, при чемъ берега ея и представляли ту мѣстность, которая отдана была Толкачу. Конечно, этимъ Толкачемъ и поселена Толкачовка—на предѣльномъ пунктѣ его владѣній. О дальнѣйшей судьбѣ Т—ки свѣдѣній не имѣется до XVIII в., когда она принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, при чемъ при Апостолѣ Т. была отдана на рангъ ген. хоружему Як. Горленку. **Кр. П.** 29 д. **А.** 102 д. **В.** 131 д. **В.** 213 д. Пс. 6 д. **Г.** 103 д. 112 х. **Д.** 98 д. 130 х. 3 бд. х. Пс. 13 д. 19 х. 2 бд. х. **Кз. В.** 16 д. **Г.** 28 д. 32 х. Пс. 10 бд. х. **Д.** 17 д. 36 х. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Т—ки ушло 16 крест. домохоз.; вѣроятно, что до 1735 г.,—со времени отдачи Т—ки Горленку,—крестьянъ изъ Т. ушло еще больше, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить столь значительноо умаленіе населенія за время 1729—740 г.г. Въ 70-хъ г.г. Т. была пожалована П. В. Завадовскому.

С. Мал. Дѣвица, Галка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1709 г., отдана его тестю Марку Аврамову, а по смерти послѣдняго—отдана Гамалѣевскому м—рю въ составѣ Дубогаевскаго староства (с. 184). **Кр. А.** 45 д. **В.** ? **В.** 69 д. Пс. 16 д. **Г.** 46 д. 71 х. **Д.** 82 д. 133 х. 11 бд. х. Пс. 13 д. 16 х. 5 бд. х. **Кз. В** ? **Г.** 29 д. 37 х. Пс. 20 бд. х. **Д.** 22 д. 42 х. Рядомъ съ М. Д., въ пол. XVIII в. была поселена **слободка Малодѣвицкая**, принадлежавшая сначала О. Л. Закревскому, а потомъ Прилуцк. полковн. Якубовичу. Въ ней въ 1753 г. значилось **Кр.** 31 дв. и 23 бд. х. и Пс. 1 х., а въ 1780 г.—18 д. 23 х. и **Кз.** 3 д. 6 х.

С. Велик. Дѣвица, Галка, извѣстна съ пол. XVII в., когда она была центромъ особой сотни, („Реестра В. З.“, 300) [1]; въ

[1]) Но уже въ 1654 г. этой сотни не было. Акты Ю. З. Р., X, 294.

1714 г. отдана (вѣроятно, изъ числа ратушныхъ селъ) Гамалѣевскому м—рю, въ составѣ Дубогаевскаго староства. **Кр. А.** 61, д. **В.** ? **В.** 46 д. **Г.** 21 д. 25 х. **Д.** 46 д. 82 х. 18 бд. х. Пс. 4 бд. х. **Кз. Г.** 20 д. 24 х. Пс. 9 бд. х. **Д.** 22 д. 33 х. 5 бд. х.

С. Обичевъ, Удай, по универсалу 1691 г., отданъ Мазепою полк. есаулу Семену Федорову, на рангъ, а по смерти его, въ 1718 г., Скоропадскимъ оставленъ во владѣніи вдовы его и зятя Захара Прокоповича. Засимъ, въ 1721 г. половина Об—ва отдана полк. обозн. Мих. Огроновичу, а другая половина, вмѣстѣ со **слободкою Обичевскою**, которую поселилъ тутъ Сем. Федоровъ вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, утверждена за послѣднимъ. **Кр. П.** 17 д. **А.** 95 д. **В.** 40 д. **В.** 55 д. Пс. 8 д. **Г.** 13 д. 13 х., изъ нихъ 8 д.—Як. Огроновича, а 5 д. Степана Прокоповича. **Д.** 7 д. 7 х. Пс. 1 х. (ранговыхъ Прилуцк. обознаго) Пс. 17 д. 22 х. 17 бд. х. **Кз. В.** 35 д. **Г.** 51 д. 58 х. Пс. 10 бд. х. **Д.** 71 д. 108 х. 5 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что крестьянское населеніе въ О—вѣ почти уничтожилось, а козачье значительно возросло. Часть крестьянъ вѣроятно переселилась въ **слободку Обичевскую**, которая значится уже по вѣд. 1718 г. (*„Слободка до Обычева прилеглая“*), при чемъ въ ней значится **Кр.** 7 дв., а **Кз.** 3 дв.; но еще бо́льшая часть, слѣдуетъ думать, переписалась въ козаки, когда владѣльцами здѣсь были: Як. Огроновичъ (по рангу) и маловліятельный Степанъ Прокоповичъ. О послѣднемъ извѣстно, что въ 1775 г. онъ былъ „выбранъ обществомъ полку Прилуцкого въ почтмейстеры“, изъ чего видно, что эта должность тогда была выборною.

Кромѣ перечисленныхъ поселеній, входившихъ въ составъ полковой сотни, въ ней по вѣдом. 1753 г. показана—**слободка Лукомка** (3 д. 7 бд. х.), а по вѣд. 1780 г.—**дер. Пелюховка** (зн. тов. Кир. Тодорскаго, 4 д. 15 х.)[1]. Кромѣ того, по обѣимъ

[1]) У этого Тодорскаго по вѣдом. 1772 г. было 106 душъ крест. (въ Рудовкѣ, Обичевѣ, Грабовѣ), откуда видно, что самые незначительные люди, при умѣніи, могли тогда садить на своихъ земляхъ сотни подсосѣдковъ...

этимъ вѣдомостямъ, въ предѣлахъ полковой сотни, показано значительное количество *хуторовъ*, обозначенныхъ только именами ихъ владѣльцевъ [1]).

Монастырищенская сотня существовала уже въ 1649 г., какъ видно изъ „Реестровъ В. З."; она занимала оба бѣрега Удая (въ его верховьяхъ) и берега двухъ его притоковъ, Иченки и Галки (Дѣвицы). Характеръ этой мѣстности рѣзко дѣлился Удаемъ; лѣвый берегъ его представлялъ мѣстность низменную и лѣсную, а правый—чистую степь. Поселенія лѣваго берега явились только во втор. пол. XVII в., а правобережныя—въ перв. половинѣ.

Монастырищенскіе сотники. Левко Карасенко, 1672 [2]). Павелъ Соханскій, 1721—722. Иванъ Романовичъ, 1728—753. Петръ Ивановичъ Романовичъ, 1772. Михаилъ Петровичъ Романовичъ, 1772—781.

Соханскіе были старинные Монастырищенскіе священники, получившіе еще при Мазепѣ личныя льготы и, кромѣ того, выхлопотавшіе у него же для своихъ церквей право пользованія тѣми доходами, которые обыкновенно шли на ратушу. Изъ нихъ первыхъ мы знаемъ—Демьяна и Мойсея Соханскихъ [3]); по-

---

[1]) Подсчетъ хуторскаго населенія сдѣланъ ниже, при указаніи общаго количества населенія въ полку по сотнямъ.

[2]) См. Собр. госуд. грам. и договор., IV, 270; у Величка (II, 316) по ошибкѣ—Тарасенко.

[3]) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1709 г. читаемъ: «велебный отецъ Демянъ Соханский и отецъ Мойсей Соханский, парахиалние священники Монастирские, презентовали намъ бившого гетмана писмо и подлугъ оного просили, абы по прежнему ваговое, скатное и вѣдерковое, въ мѣстечку Монастырищахъ, было отбирано ку употребленію церковному, и ихъ священнические фолварки въ тихже Монастырищахъ булучие, волни зоставили отъ посполитой тяглости. Мы теди, стосуючися до листу антецессора нашого, яко фолварки честного отца Демяна Соханского и Мойсея Соханского, священниковъ Монастирскихъ, отъ посполитихъ повинностей и всякихъ податей уволняемъ, такъ ствержаемъ, абы ваговое, скатное и вѣдерковое въ м. Монастырищахъ вибиралося и употреблено било на потребу церквей тамошнихъ Монастирскихъ; зособна зъ млина власного, на греблѣ Пчолковской стоячого, обѣлвѣ части войсковіе честному отцу Соханскому во владѣніе подтвердилисмо». («Данъ» въ Прилукѣ, 3 марта).

видимому, это были отецъ и сынъ. Сыномъ Демьяна могъ быть и Павелъ Соханскій, такъ какъ въ гетманщинѣ нерѣдко бывало, что сыновья вліятельныхъ священниковъ добивались сотничьихъ урядовъ. О дѣятельности Павла С—го свѣдѣній нѣтъ. Извѣстно, что сынъ свящ. Мойсея—Максимъ Соханскій былъ впослѣдствіи сотниковъ Шаповаловскимъ (Опис. Стар. Малор., II, 158). Вѣроятно это былъ племянникъ Павла, если послѣдній, вмѣстѣ съ Мойсеемъ—были сыновьями Демьяна.

На мѣсто Павла С—аго былъ поставленъ, почему то, только наказный сотникъ, Григорій Забарный, при чемъ, когда онъ началъ обижать сотнялъ, то, по ихъ жалобѣ, З—ный, приказомъ гетмана, былъ отставленъ, [1]) и тогда же сотнянами былъ выбранъ

---

[1]) Во время наказничества Забарнаго, въ М—щѣ произошелъ слѣд. любопытный случай. Во время проѣзда чрезъ это мѣстечко митрополита Ванатовича, ему подана была на город. атамана Донца—жалоба, вслѣдствіе которой Ванатовичъ присудилъ послѣдняго къ заключенію въ м—рѣ (Густынскомъ). Намъ неизвѣстно преступленіе, въ которомъ обвинялся Донецъ, но несомнѣнно, что тутъ имѣлъ мѣсто 7-я заповѣдь, судъ за преступленіе которой духовенство считало принадлежащимъ ему (с. 115). Донецъ пробылъ въ м—рѣ, повидимому, нѣсколько мѣсяцевъ. Объ освобожденіи его—Носенко писалъ Галагану, въ Москву, слѣд.— «Андруша» («уличное» прозвище Донца) по прошенію п. п. старшины полк. и моемъ до преосв—го архіеп. Кіевскаго за нимъ внесенномъ, зосталъ разрѣшенъ и попрежнему зъ монастира въ домъ отпущенъ, и поставленъ атаманомъ; толко скаржится, что одъ *чести пекарней, же заставляютъ было его въ пекарнѣ часто дѣжу мѣсити*, незовсѣмъ гараздъ дочуває..." Какъ видно, монахи не потакали своимъ „эпитемщикамъ"... По освобожденіи Донца, для возвращенія его на прежній урядъ, потребовалось слѣд. распоряженіе наказн. полковника: «Вѣстно тое есть самому в—мти, яко и товариству сотнѣ М—ой, что въ Андрѣя Донца имѣется пок. ясн—го п. гетм. Скоропадского унѣверсалъ на урядъ атаманства М—го, ему Андрѣю данній, по которому онъ, Донецъ, до битности въ полку нашемъ сего 1728 г. преосв. архіеп. Кіевск. куръ Варлаама Ванатовича, былъ на томъ урядѣ атаманскомъ, а когда его пр—во на помянутого Андрѣя *положилъ былъ неблагословеніе за его проступокъ, велѣлъ въ м—ру Густ—мъ жити*, по якомъ архіер—мъ веленію (когда) сталъ онъ въ м—рѣ, то писалъ я до в—мти, абы по согласію товариства на мѣсце его Андрѣя иного поставили атаманомъ, що такъ

„цѣлый“ сотникъ, какъ это видно изъ слѣд. донесенія наказн. полковника Носенка гетману.—„Прошлого ноября 25, 1728 р., данъ мнѣ высоцеповажный ясн—ти в. листъ съ тимъ предложеннемъ, абымъ Григорія Забарного отъ правленія сотенного Монастирискаго отставилъ, а поручилъ бы оное въ вѣдомство справному и доброму якому человѣку съ тамошнихъ же сотянъ, покамисть волними, змижъ себе голосами, кого на тотъ М—го сотничествачинъ изберутъ угодного. И я.... помянутого Забарного отъ правленія сотенного М—го одставилъ, а по одставленію, предложилъ имъ, абы наказного себѣ обобрали, нѣмъ (пока) волними своими голосами до состоянія цѣлого сотника (sic); и они обобрали себѣ наказн. сотникомъ тамошного М—го обывателя значк. тов. Павла Карасенка. А сего декаврія 9, такъ отъ духовенства, яко отъ атаманнѣ и товариства, такожъ и войта съ посполствомъ, подали мнѣ суплѣку, что не имѣючи они въ сотнѣ своей М—ой такого человѣка, который до правленія сотенного былъ бы способенъ и за ними могль обстоювати, а присланного отъ ясн—ти в. въ полкъ П—кій, въ нѣкоторихъ дѣлахъ на розискъ, войск. канцеляристу п. Ивана Романовича, усмотрѣвши добродѣтелного къ правленію сотенному способного и того уряду сотнического за свои услуги достойного, изобрали его волними голосами въ сотню свою М—ую цѣлимъ сотникомъ, и за нимъ всѣ обще на оной суплѣцѣ подписались и обявили, что въ томъ своемъ общемъ и согласномъ намѣренію и до ясн—ти в. написали суплѣку, просячи рейментарской милости, чтобъ ему, п. Р—чу, въ сотнѣ ихъ М—ой быть цѣлимъ сотникомъ, и отправили зъ межъ себе до ясн—ти в. зъ оною суплѣкою товариство и посполство, доношу ясн—ти в.“ (10 дек., 1728 г.) [1]).

вы и учинили; а понеже теперъ его пр—во, по прошенію п. п. старшины и моемъ, мененного Андрѣя приказалъ отпустить зъ м—ра въ домъ его и *позволилъ ему домъ свой правити благочинно*, того ради предлагаю вити, абы вы., по тому нѣверсалу, вишписанному Андрѣю попрежнему атаманство М—ое велѣлъ содержати и онимъ якъ надлежитъ правити, а Петро Коваленко до того уряду атаманского интересоватись не повиненъ, приказую».

[1]) Книга распоряженій и приказовъ наказн. полковн. Носенка за 1728 г. (с. 132).

Изъ этого любопытнаго донесенія видно, что „цѣлымъ“ сотникомъ былъ избранъ чужой человѣкъ, потому будто бы, что М—іе сотняне у себя „способнаго“ не нашли. Вѣроятнѣе, что „способные“ были и изъ „своихъ“, но пока они между собою интриговали, ловкій Глуховской канцелярист съумѣлъ привлечь къ себѣ (разными обѣщаніями и угощеніями) большинство выборщиковъ и—былъ выбранъ.—Глуховскіе канцеляристы нерѣдко такъ попадали въ сотники.—Иванъ Романовичъ былъ гетманомъ утвержденъ и затѣмъ, пробывъ на сотничествѣ не менѣе 25-ти лѣтъ, умѣлъ передать этотъ урядъ своему сыну Петру, а когда послѣдній въ 1772 г. былъ за старостью уволенъ, то на мѣсто его тогда же былъ назначенъ сынъ Петра—Михайло, остававшійся сотникомъ до 1781 г. Такимъ образомъ три Романовича—отецъ, сынъ и внукъ—занимали М-ій сотничій урядъ непрерывно болѣе пятидесяти лѣтъ... Слѣдовательно, Р—чи съумѣли въ нужныхъ случаяхъ ладить съ вліятельными людьми въ своей сотнѣ, причемъ, кромѣ того, у нихъ не было и серьезныхъ соперниковъ, такъ какъ единственными замѣтными людьми въ сотнѣ были Раковичи, но послѣдніе, повидимому, считали себя слишкомъ большими „панами“ для сотничьяго уряда въ такой незначительной сотнѣ.

Заправляя сотнею болѣе полувѣка, Романовичи, конечно, успѣли нажить себѣ значительное количество земель и посадить на нихъ возможное количество подсосѣдковъ, хотя и не успѣли захватить въ свое владѣніе Монастырищенскихъ крестьянъ, которые („сотничьи ранговые посполитые дворы и другіе свободные, сколько осталось за роздачею грузинамъ“), по универсалу 1763 г. были отданы *въ потомственное владѣніе* б. тов. Максиму Соханскому, т. е. бывшему Шаповаловскому сотнику. Видимо, что у послѣдняго нашлась сильная протекція у Разумовскаго.

Села Монастырищенской сотни.

М. Монастырище „положеніе имѣетъ на возвышенномъ мѣстѣ, на прав. бер. р. Удая, которой подъ симъ мѣст., раздѣлясь на двѣ части, противъ оного составилъ *островъ*, гдѣ въ прежнія времена находился замокъ, но нынѣ остатки только развалившагося валу видны“. Изъ этого описанія, принадлежащаго Пащенку (1780 г.),

видно, что Удайскій островъ (называемый у того же Пащенка и *городкомъ*) представлялъ собою защитное мѣсто, которое должно было *издревле* привлечь къ себѣ населеніе. Нѣтъ сомнѣнія по этому, что М—ще должно было возникнуть одновременно съ Прилукою и Переволочною. Никакихъ однако жъ упоминаній о немъ въ лѣтописи нѣтъ; лишь, по названію этого поселенія, можно заключить, что тутъ нѣкогда былъ монастырь и что послѣ запустѣнія поселенія, память о немъ сохранилась только по существовавшему тутъ монастырю. Отновлено было здѣшнее населеніе въ нач. XVII в.; въ 1628 г. мы видимъ здѣсь только 4 „дыма“ и 1 „млинъ“ (Źr. Dziej., XX, I, 85), а по документу Шпездѣцкаго, въ М—щѣ значится 939 господ. и 12 вод. мельницъ. По „реестрамъ“ 1649 г. М. показано сотеннымъ городкомъ. Изъ событій втор. полов. XVII в., извѣстно взятіе Монастырища поляками въ 1664 г.,[1]) при чемъ оно было разорено и многіе его жители были плѣнены татарами (Самов., 42). **Кр. П.** 45 д. **А.** 80 д. и 15 д. „зимовчиковъ“.[2]) **В.** 69 д. свободныхъ 44 д. разн. владѣній[3]) и 14 „коломійцовъ“[4]) **В.** 173 д. **Пс.** 130

---

[1]) Въ Опис. Черниг. епарх. (VII, 401) разсказано еще разореніе М—ща, поляками, въ 1653 г., но это событіе относится къ М—щу не Черниговскому, а Кіевскому, Липовецк. уѣзда.

[2]) Такіе же «зимовчики» показаны и въ м. Ичнѣ, причемъ замѣчено, «явіе зимовчики тяглостей жадныхъ съ посполитыми людми не отбуваютъ, а мѣсячное вистачаютъ на компанѣйца.» Это замѣчаніе однако жъ не вполнѣ разъясняетъ значеніе „зимовчиковъ“.

[3]) Несвободные показаны слѣд.—3 дв. „чиншовыхъ п. полковника Прилуцкого“ (с. 46), 8 д. „людей о. Даміана“ и 8 д. „людей о. Мойсея“, т. е. Соханскихъ, 10 д. „сотника Монастырійскаго“ (Павла Соханскаго?), 7 д. „Андруши, нового отамана“, (т. е. Донца, с. 200) и 8 д. „старой Карасихи“.

[4]) „Коломійцами“ назывались, повидимому, возчики соли изъ Коломіи, изъ которой „ступочная“ соль вывозилась въ Малороссію издавна, какъ можно заключить изъ слѣд. мѣста *Журн. генер. к—ріи* за 1727 г.—„Противъ Малорос. коллегіи запросу, посланъ отвѣтъ, что о продажи въ Малороссіи, кромѣ Бахмуцкой и Турской соли, посторонной Крымской и *Полской ступковой* соли, запретительныхъ указовъ въ Мал. Россіи не было; только въ 1719 г., когда на томъ боку Днѣпра моровая язва была проявилася, въ тое время не только

д. [1]) Въ 1731 г.—138 д. Пс. 26 д. Г. 39 д. 43 х. Пс. 3 х. Д. 138 д. 179 х. 4 бд. х. Пс. 71 д. 144 д. Кв. В. 60 д. Г. 52 д. 61 х. Пс. 78 бд. х. Д. 59 д. 123 х. 1 бд. х. Умаленіе крест. населенія въ 30-хъ годахъ произошло главнымъ образомъ отъ ухода крестьянъ изъ мѣстечка; по ревизіи 1740 г. значится, что съ 1736 по 1730 г. ихъ ушло 20 семей. Любопытно, что большинство при этомъ ушло за Днѣпръ, какъ это видно изъ свѣдѣній, собранныхъ генер. канцеляріей въ 1765 г. Такимъ образомъ лѣвобережные крестьяне въ это время уже мало находили у себя мѣстъ для выгоднаго пріюта, и пытались найти лучшія условія жизни за Днѣпромъ.—Засимъ слѣдуетъ добавить, что въ 1745 г. въ М—щѣ, изъ числа ратушныхъ, крестьянъ отдано 30 дв. грузинскому князю Саакадзеву. Переселеніе въ Малороссію, по распоряженію правительства, нѣсколькихъ десятковъ семействъ грузинскихъ дворянъ (въ 40-хъ г. г.) и надѣленіе ихъ здѣсь крестьянами представляетъ собою любопытный въ исторіи гетманщины фактъ, до сихъ поръ еще мало разработный.[3]) Несомнѣнно, что это распоряженіе тяжело отразилось въ въ жизни отданныхъ грузинамъ крестьянъ, такъ какъ новыми державцами въ этомъ случаѣ явились люди, которые у себя на родинѣ знали полное рабство крестьянъ... Грузинъ

зъ соллю, но и никого ни зъ чимъ—учрежденіе на граници заставине пропускали; а 1720 году, генв. отъ 19 д., гетманъ писалъ въ госуд. ин. д. коллегію о свободномъ, зъ заграницы, соли ступочной *изъ Коломіи* пропуску—попрежнему", что и было разрѣшено.

[1]) Подсосѣдки числились слѣд. лицъ: а) сотничіе, которыми владѣетъ по универсалу гетманскому,—16 д., б) „хуторнихъ сотничихъ"—5 д., в) атаманскихъ—8 д., г) „хоружого сотенного"—8 д., д) б. т. Федора Марковича—6 д., е) значк. коз. Павла Карася—13 д., ж) Суханской (вдовы Павла Соханскаго?)—6 д. з) „радовыхъ козаковъ"—40 д. и) „посполитыхъ людей"—19 д., і) „поповъ Монастырскихъ"—27 д. и к) „маіора Шнака"—4 д. (Сотнику Романовичу отдана была часть крест. на рангъ, въ 1728 г.).

[3]) См. „Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в." М. Плохинскаго, въ Сборн. Харьковск. Инстит. Фил. Общества, т. V.

получившій въ М—щѣ крестьянъ былъ кн. Алексѣй Саакадзевъ; явился онъ сюда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ (р. 1720 г.), женился тутъ, на дочери б. тов. Дм. Марковича, и старательно повелъ хозяйство: въ 1780 г. у С—ва въ М—щѣ было 50 д. съ 70-ю х. крестьянъ [1]).

По описанію Пащенка, въ 1780 г., въ М—щѣ было слѣдующее населеніе: „партикулярные" дома: б. тов. Петра Романовича, о 8-ми пок., сек.-майора Саакадзева, о 8-ми пок., сек.-м. Степана Романовича, о 6-ти пок., прим.-майора Кобеляцкаго, о 5 пок., б. тов. Соханскаго, о 12-ти п., отст. полк. комп. ес. Ивана Карасевича, свящ.—2, причетн.—2, шляхетства—8, разноч.—12 дом.—Козаковъ—59 дв., 123 х., посполит.—владѣн. б. т. Петра и Федора и сек.-м. Степ. Романовичей—42 д. 52 х., отст. сек.-м. Саакадзева—50 д. 70 х., б. т. Соханскаго—20 д. 25 х., друг. влад.—21 д. 33 х., разноч. подсос.—56 д. 125 х. „Да въ *городкѣ*, составленномъ рѣкою Удаемъ": церковь дерев.—1, свящ.—2, причетн.—2, разноч.—3, подпом.—1 бд. х., б. т. Петра и Федора Романовичей—2 д. 2 х., кн. Саакадзева—1 д. 1 х., подсосѣдк.—15 д. 19 х.—„Для строенія жители лѣсъ покупаютъ въ Грабовѣ и Хаенкахъ, а за плитовымъ (плотовымъ) отъѣжаютъ къ р. Деснѣ, въ с. Кладьковку, гдѣ изъ Брянска сплавливаемому р. Десною лѣсу—находится пристань. Жители болѣе упражняются въ хлѣбопашествѣ, на принадлежащей на прав. берегу, *въ великомъ пространствѣ*, пашенной землѣ. Нѣкоторые отъѣзжаютъ въ Донскія станицы за рыбою и въ Крымъ за солью, и продаютъ какъ здѣсь, равно отвозятъ въ Прилуку и Ичню".

С. Галица, Галка, **поселена въ** перв. пол. XVII в., когда южная часть рч. Дѣвицы (отъ Лосиновки до Удая) стала называться уже Галкою (см. *с. Толкачовка*), по имени которой, вѣроятно, и поселеніе названо Галицею. Въ полов. XVIII в. мѣстные старожилы разсказывали, что „Г—ца была давнихъ

---

[1]) Умеръ С—въ въ 1785 г. секундъ-майоромъ, не оставивъ потомства. Опис. Черниг. епарх. VII, 402 и Списки Прилуцк. старшины. (*Ркпсь*). Позже С—въ пріобрѣлъ часть крестьянъ и въ Ичнѣ. См. м. Ичню.

временъ—сотеннымъ лядскимъ городкомъ и въ немъ было многолюдственно". Лядскимъ городкомъ старожилы называли Галицу за время до 1648 г., когда и по „Реестрамъ" 1649 г., въ составѣ Прилуцкаго полка, значится *Галицкая сотня* [1]). Но въ 60-хъ годахъ XVII в. Г—ца, по разсказу тѣхъ же старожиловъ, была разорена и запустѣла: „а когда изъ Галицы орда людей въ полонъ забрала и около Галицы—степá и поля рабочія запустѣли". Поблизу Г—цы находилось село Петровка, владѣя которымъ Лазарь Горленко вновь заселилъ Г—цу, и затѣмъ обѣ эти маетности—отдалъ Семену Раковичу, своему полк. писарю и зятю [2]). Послѣ смерти Р—ча, Петровка и Галица были подтверждены Мазепою его вдовѣ, „на вдовиное сиротство". Владѣя этими маетностями, Раковичи захватили окружныя земли и образовали громадное земельное богатство. По смерти Семена Р—ча, этимъ богатствомъ заправляли—его вдова съ единственнымъ своимъ Павломъ [3]). О послѣднемъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери охочекомоннаго полковника

---

[1]) Сохранилось завѣщаніе одного Галицкаго *мѣщанина*, написанное въ 1653 г., въ которомъ читаемъ: «я, рабъ Божій Леско Снитивский, мещанинъ Галицкий... маетность мою убогую так. спос. распоражаю: напродъ, на церковь св. прор. Илии Галицкую золотыхъ сто отдаю, и заразъ отдалемъ до рукъ ктиторовъ фулварокъ, въ которомъ мешкалемъ» и т. д. Въ концѣ: «Дѣялося року 1653, мѣс. августа 5 дня. Матфей, дякъ Галицкий. Василий Дмитровичъ, священникъ Галицкий».

[2]) Въ полов. XVIII в. одинъ изъ старожиловъ Галицы показывалъ, что „памятенъ онъ того добре, же покойный полковникъ Прилуцкій Лазаръ Горленко владѣлъ селами Петровкою и Галицею; *еда же зять его Семенъ Раковичъ*, не вѣдаетъ зачимъ, *былъ посланъ въ Турецкую область* и оттудова повернувшись, принялъ во владѣніе свое помянутіе села Петрувку и Галицю"...

[3]) Въ полов. XVIII в. записано слѣд. показаніе Петровскаго священника: „Антоній Сугаковскій, попъ Петровскій, сказалъ, что за молодихъ своихъ лѣтъ былъ онъ, о Антоній, въ покойной старой Раковички Агафіи и сина ея покойного Павла Р—ча—старостою, чему будетъ дѣятись годовъ съ 50, и подъ часъ того званія, по своей должности, въ лѣтномъ времени, объѣздитъ было поля пахатніе и сѣнокосніе, къ селамъ Петровцѣ и Галицѣ принадлежащіе"

Пашковскаго (Опис. Ст. Макор., I, 232) и служилъ бунчук. товарищемъ. Въ этомъ чинѣ онъ ходилъ, въ 1725 г., въ Гилянскій походъ вмѣстѣ съ своими сыновьями Андреемъ и Федоромъ. (Зап. Марк., I, 193, 209 и 210). Послѣдній сынъ умеръ раньше отца и Раковичевское наслѣдство перешло къ одному Андрею, за исключеніемъ той части земель, которую Павелъ Р—чъ отдѣлилъ своей дочери, бывшей замужемъ за капитаномъ великорусскаго полка нѣмцемъ Шнакомъ. **Кр.** А. 101 д. **В.** 100 д. **В.** 45 д. **Г.** 58 д. 65 х. Пс. 3 бд. х. **Д.** 88 д. 144 х. 44 бд. х. **Кз. В.** 19 д. **Г.** 6 д. 6 х. Пс. 1 бд. х. **Д.** 1 д. 1 х.

Умаленіе населенія въ Г—цѣ уже послѣ 1718 г.—слѣдуетъ объяснить, кромѣ ухода крестьянъ въ другія мѣста, еще и выселеніемъ части ихъ въ двѣ слободы, которыя поселилъ Павелъ Р—чъ не далеко отъ Г—цы, въ урочищѣ **Салная Дуброва** (Обозр. Рум. Оп., 187). Впослѣдствіи были поселены около Г—цы и другія слободы; ихъ селилъ уже сынъ Павла—Андрей. Послѣдній былъ женатъ на дочери Вас. Оболонскаго (Оп. Ст. Малор., I, 232) и оставилъ дочь Евдокію и шесть сыновей: Захара, Лаврентія, Степана, Ивана, Петра и Павла. Изъ нихъ первые два имѣли чины бунч. товарищей, Степанъ и Иванъ были, послѣдовательно, хоружими генер. артиллеріи, а Петръ и Павелъ служили въ сербскомъ гусарск. полку. Между этими сыновьями было раздѣлено наслѣдство Андрея Р—ча, при чемъ Г—ца досталась Захару и Лаврентію, Петровка—Петру, Сальное—Павлу, Татаровка и Степановка—Степану и Шнаковка—Ивану [1]).

---

[1]) Въ 1767 г. раздѣлъ этотъ былъ измѣненъ вслѣдствіе предъявленнаго къ сыновьямъ Андрея спора сестрою ихъ Евдокіей, по мужу Стаховичъ, съ требованіемъ выдѣла ей четвертой части отцовскаго наслѣдства, въ приданное. Требованіе это было удовлетворено, при чемъ Р—чи отдали сестрѣ Петровку. При этомъ, для опредѣленія четвертой части наслѣдства Андрея Р—ча, всѣ имѣнія послѣдняго были подробно оцѣнены и такимъ образомъ явились любопытныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на земли. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній приводимъ здѣсь.

Въ дачѣ с. Сорочинецъ показаны между прочимъ слѣдующія цѣны на пахатныя земли: Поле дней на 4—4 р.—Нива дней на 3—

Лаврентій Р—чъ поселился въ Галицѣ, на старой усадьбѣ, при чемъ послѣдняя въ 1767 г. описана такъ: „дворъ жилой б. т. Лаврентія Р., въ немъ будинокъ, о 9-ти покояхъ, нововыстроенный, зъ сосновой деревнѣ, внутри всѣ комнаты выбиты столярными панелями, безъ печей, подъ кришкою деревяною. Свѣтлицъ двѣ, безъ комнатъ, полотняными шпалерами вибитіе, въ нихъ печи зеленіе, между ними (свѣтлицами) сѣни и комора рубленіе... Изба одна съ коморкою—рубленіе, въ коей и ледникъ имѣется, подъ дранію. Кухня плетеная, напротивъ хата рубленая; конюшня и амбаръ рубленіе, между ними возовня; два погреба рубленніе входніе; садъ изъ разнимъ родючимъ

---

3 р.—Нива на 8 дней—4 р.—Нива дней на 7—3 р. 50 к.—Нива дней на 4—2 р.—Лань дней на 10—5 р.

Въ Журавкѣ—мельница о двухъ волахъ, одномъ мучномъ, а другомъ ступномъ, валушномъ и просяномъ, на р. Удаи,—500 рублей.

Въ слоб. Обичевской, между прочимъ, показаны на усадьбы и полевыя земли такія цѣны: «грунтъ, въ ономъ хатъ 3 и подсусѣдковъ три—15 р.—Грунтъ, въ ономъ хата мазка зъ подсусѣлкомъ—4 р. Плецъ пустый—3 р.—Нива дней на 3—1 р. 50 к.—Сѣножать на 10 косарей—10 р.—Нива на 2 упруга—30 к.

С. Петровка. Панскій дворъ со всѣми постройками—280 р. На рч. Галицѣ гребля и мельница о 2-хъ колахъ—200 р.—Ставъ рыболовній посрединѣ села—10 р.—Посполитскіе дворы съ ихъ хатами, коихъ числомъ 136, съ грунтами, садами, пасѣками, лѣсами, левадами, вѣтряными мельницами, пахотными и сѣнокосными землями—6288 рублей. Лѣса владѣльческіе—7000 р.

С. Галица. Панскій дворъ со всѣми строеніями и около двора 14 хатъ для подсосѣдковъ,—1700 р.—Дворы посполитыхъ (168) со всѣми угодьями—9815 р. Лѣса владѣльческіе—735 р.

С. Сальное. Панскій дворъ со всѣми постройками и 106 двор. посполитыхъ, со всѣми угодьями—7000 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Д. Татаровка. Господскій дворъ и 62 посп. дворовъ, со всѣми угодьями—4500 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Сл. Степановка. Посполит. дворы (35) со всѣми угодьями—2500 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Сл. Шнаковка. Панскій дворъ и 42 посп. дворовъ, со всѣми угодьями—1700 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Приведенная оцѣнка сдѣлана Прилуцкимъ подкоморіемъ Андр. Маркевичемъ и двумя значк. товарищами.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе

и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ, 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. Б. В. Барятинскій. К. И. Арабажинъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. *Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства".* V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ.

XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта.* XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Сторонніе сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край“ печатается НА РОТАЦІОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ III-мъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая—августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvo *F. Šimáček*, Praha, Jerusalemksù ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ*. Редакторъ *А. Черны*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

1901 НОВЫЙ МІРЪ 1901

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

безъ всякой доплаты за пересылку премій, **подписчики „НОВАГО МІРА“ получатъ въ теченіи 1901 года,** съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія **пять** изданій:

1) ЖУРНАЛЪ **„НОВЫЙ МІРЪ“** съ **«Всемірной Лѣтописью»** **24 выпуска** въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстриров. журналъ прикладныхъ знаній **„МОЗАИКА НОВАГО МІРА“** (24 выпуска) вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) ЖУРНААЪ Литературные ВЕЧЕРА новаго міра **12 ежемѣсячныхъ** иллюстриров. книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала

„БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“

въ составъ котораго войдетъ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Н. ЗАГОСКИНА** въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

или

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ** въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

Каждому подписчику предоставлено выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя.

5) **НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ**

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ ОТЧИЗНОВѢДѢНІЯ, ИСТОРІИ, КУЛЬТУРЫ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ, ИЗДАВАЕМЫЙ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. М. ОЛЬХИНА.

Первый русскій журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей, **52 №№ въ годъ**.

Въ составъ журнала будутъ входить—въ *первомъ его отдѣлѣ*: статьи и изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во *второмъ-же отдѣлѣ*: полная лѣтопись всего, что творится изо-дня-въ-день на Руси во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, корреспонденціи, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими автотипіями съ натуры—какъ наиболѣе точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми преміями и приложеніями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи на годъ . . . . . **14 р.**

Роскошное изданіе—**18** руб. За границу – **24** руб., роскошное изданіе—**28** руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2 руб.**, остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ **14 руб.** При подпискѣ въ разсрочку первая безплатная премія (12 перепл. книгъ «Библіотека русск. и иностр. писателей» высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „НОВЫЙ МІРЪ“ и «МОЗАИКА НОВАГО МІРА»,—принимаются съ платою: сзади текста по **40** коп. за строку нонпареля въ $^1/_5$ ширины страницы «Новаго Міра» или $^1/_3$ ширины «Мозаики Новаго Міра»; передъ текстомъ плата двойная.

Подписка на Новый Міръ» и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ № 12, а также въ редакціи «Новаго Міра», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собст. домъ, №№ 5—7.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-ЫЙ.

1901 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля ЗОЛЯ

„ТРУДЪ".

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе": Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе", при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракуевъ. Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія" имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ"

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ" принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. Ѳ. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шапиръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревицкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на «Женскій Альманахъ» не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, городск. и сельского хозяйствъ СБОРНИКЪ

подъ редакціей инженеровъ Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева,

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ" не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ВОСХОДЪ"

выходящую *два раза въ недѣлю*

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА"

Восходъ посвященъ интересамъ еврейскаго народа. Онъ стремится къ укрѣпленію внутреннихъ силъ еврейства, подъему культурнаго уровня массы и объясненію силъ интеллигенціи на дружной работѣ на народной еврейской нивѣ; его задача—служить дѣлу національнаго возрожденія, гражданской и общественной эмансипаціи евреевъ среди другихъ народовъ.—Газета выходитъ **два раза въ недѣлю**, разм. въ 2 печ. листа, и имѣетъ слѣд. содержаніе: **руководящія статьи** по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, **хроника** всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, **корресп.** изъ провинціи и загран., **сенатская** и судебная **практика** по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. **безплатная** консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), **обзоры** евр., русской и польск. **печати**, **фельетонъ** (разск. и проч.), **обзоры общей политич. жизни** Россіи и иностр. государствъ, критика и библіографія.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ—**7 руб.** въ годъ (допуск. разсрочка: при подпискѣ — 3 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1 іюля—2 р.).

КНИЖКИ ВОСХОДА—выходятъ **ежежѣсячно** въ разм. до 10 печ. лист. **Повѣсти** и **разсказы** изъ евр. жизни, стихотв. и популярн. **научныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, вопр. обществ. жизни. Книжки восхода**—**единственный** журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ, на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому, распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за **крайне доступную** цѣну:

12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Главная Контора «Восхода» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра, д. 2.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1901 г. всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки безплатно.

Годовые подписчики на оба изданія получатъ въ 1901 годъ **безплатное приложеніе: Сборникъ повѣстей и разсказовъ** одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ беллетристовъ **И. Зангвилля**, въ изящно изданномъ томѣ, разм. до 20 печ. листовъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ *(12 годъ изданія)*

На общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1900 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были между прочимъ, слѣд статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громека-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Куклина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) Вспомогательныя школы для отсталыхъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ Д-ра Щеглова; 5) Положеніе естествовѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія, Проф. И. Сикорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьные вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоюнина; 12) Школьныя противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Пансіоны и общежитія А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Маркова; 18) Къ вопросу о пересмот-

программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго: 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его-же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ

2—3

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 72-го:

январь, февраль, мартъ, 1901 г.

Книга первая—январь.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. **О. Л.** . . . . . 3—36

II. ДОЛЯ. (Раздвяне оповидання). **Л. Яновской** . . . . . 37—56

III. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. (Историческая справка). **Ир. Житецкаго** . . . . . 57—80

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (Повисть) **Д. Яворницкаго** 81—114

V. ДОГОВОРЫ ПРИХОЖАНЪ СЪ СВЯЩЕННИКАМИ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (По поводу договорнаго акта 1789 года). Съ пред. **И. Л.** Сообщ. **Сергѣй Рклицкій** . . 115—124

VI. А. Я. КОНИССКІЙ (Некрологъ). . . . . 125—151

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Конотопская старина по устному преданію. Сообщ. **А. Л.**; б) Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. **А. Л.**; в) Пасѣка Богдана Хмельницкаго; г) Происхожденіе слова «Мацапура»; д) О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь, въ 1770 г.; е) О зачисленіи «черногорскаго шляхетства молодыхъ людей» въ студенты Кіевской академіи въ 1770 г.; ж) Письмо въ редакцію (По вопросу объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества). **Личкова.** . . 1—14

Текущія извѣстія . . . . . 15—22

II. БИБЛІОГРАФІЯ: a) Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisyi

Antropologicznej Akademii Umiętności w Krakowie. T. VI. **Н. В.**; б) Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества Т. 12. **И. Каманина**; в) Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ: ихъ возникновеніе и средства содержанія **В. Д.**; г) А. П. Добрынъ. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. **В. Д.**; д) Викъ (1798—1898). **В. Н.**; е) Обзоръ журналовъ конца 1900 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 22—52

Археологическая лѣтопись. . . . . 53—64

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 11-й. . . 161—176

Книга вторая—февраль.

I. П. А. КУЛИШЪ. Біограф. очеркъ. Гл. I—V. **В. Шенрока**. 153—179

II. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго**. . . . . 180—216

III. УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА. (Очеркъ). **В. Милорадовича**. 217—233

IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. Повисть. *(Продолженіе)*. **Д. Яворницкаго**. . . . . 234—282

V. ПИСЬМА М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО КЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ (1857—1859 г.г.). **В. Н.** . . . . . 283—300

VI. ПАМЯТИ В. С. ГНИЛОСЫРОВА. **В. Науменка**. . . . 301—307

VII. М. Т. СИМОНОВЪ (НОМИСЪ). Некрологъ. **В. Н.** . 308—311

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. **В. Д.**; б) Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ; в) Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку; г) Вѣнчаніе вокругъ «дожи». Сообщ. **В. Доманицкій**; д) Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей; е) Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII в.; ж) Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ; з) Походное вооруженіе гетманскаго козака; и) Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи; і) Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г.;

к) Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича; л) Могила подъ Любаромъ; м) Справка **В. Срезневскаго.** 65—84
Текущія извѣстія . . . . . 84—91
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. **В. Д.**; б) А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. **В. Д.**; в) Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ «Трудахъ этнограф.-статистической экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. въ загадно-русскій край». **Кіяніна**; г) Свящ. о. Игнатій Лотоцкій. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. **В. Д**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 92—120
Археологическая лѣтопись . . . . . 121—130
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 12-ый. . . . . 177—192

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. **И. Лучицкаго** . . . . . 313—351
II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). **А. Л.** . . . . . 352—367
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . . 368—395
IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ник. Василенка** . . . 396—423
V. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. *(Продолженіе).* **Д. Яворницкаго** . . . . . 424—460
VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока** . . . . . 461—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ б) Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 г.; в) Подольская пѣсня о панщинѣ; г) Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. **П. Т.**; д) Къ исторіи

женскаго образованія въ Кіевской губ. (Архивная справка); е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ** ж) Поправка. . . . . 131—157
Текущія извѣстія . . . . . 158—165
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Доманицкаго**; б) Древности. Труды Имп. Моск. Археолог. Общ. изд. подъ ред. В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Т. XVII. Б.; в) Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrzestianstwa na Rusi **М. К.**; г) Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники сѣвернаго Кавказа. **В.**; д) Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa. **В.**; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—196
Археологическая лѣтопись. . . . . 197—205
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 13-й . 193—208
2) Портретъ М. Т. Симонова (Номиса).